А. Новиков-Прибой

А. С. НОВИКОВ-ПРИБОЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ПЯТИ ТОМАХ

ТОМ 3

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» • МОСКВА • 1963

Цусима

Текст печатается по изданию:
А. С. Новиков-Прибой «Цусима», книга первая, Гослитиздат,
М., 1955.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В истории человечества, с тех пор как стали появляться на свете военные корабли, немало было морских сражений. Но только три из них могут быть по своим грандиозным размерам и результатам сравнимы с Цусимским. Первое, так называемое Саламинское сражение относится к далекой древности, к 480 году до нашей эры. Противники встретились в Саламинской бухте, около Пирея и Афин. Небольшой греческий флот под руководством Фемистокла уничтожил громадный персидский флот царя Ксеркса. Вторая морская битва произошла в средних веках, в 1571 году, при Лепанто, в Адриатическом море. Соединенный флот христианских государств под начальством дон Жуана Австрийского вдребезги разбил корабли сарацин и египтян. Третье подобное событие разразилось в более позднюю эпоху, в 1805 году, около Гибралтарского пролива, у мыса Трафальгар. Здесь знаменитый адмирал Нельсон, оставшийся от предыдущих боев с одним глазом и одной рукой, командуя английским флотом, одержал блестящую победу над соединенным франко-испанским флотом, находившимся под начальством адмиралов Вильнева и Гравина. Нельсон погиб, но союзники потеряли при этом адмирала Гравина, девятнадцать кораблей и почти весь личный состав.

Четвертое сражение имело место в дальневосточных водах, при острове Цусима, во время русско-японской войны, а именно 14/27 мая 1905 года. Оно также принад-

лежит к величайшим мировым событиям. Но об этом будет речь впереди, а пока я расскажу, на основании какого материала построено это произведение и почему возникло оно спустя двадцать пять лет после сражения.

В этом бою, исключительном по своей драматической насыщенности, я сам принимал участие, находясь в качестве матроса на броненосце «Орел». Неприятельские снаряды пощадили меня, и я попал в плен. Несколько дней мы пробыли в бараках одного японского порта, потом нас перевезли на южный остров Киу-Сиу, в город Кумамота.

Здесь в лагерь, расположенный на окраине города, мы были водворены на долгое время — до возвращения в Россию.

Я хорошо понимал всю важность события, происшедшего при Цусиме, и немедленно принялся заносить свои личные впечатления о своем корабле на бумагу. Потом начал собирать материал о всей нашей эскадре. Но одному человеку справиться с такой огромной задачей было немыслимо. Я организовал вокруг себя человек пятнадцать наиболее развитых матросов, близких своих товарищей. Они с увлечением начали помогать мне. Большим удобством для нас являлось то, что в этом лагере были сосредоточены команды почти со всех судов, принимавших участие в Цусимском бою. Приступая к описанию какого-нибудь корабля, мы прежде всего интересовались, как была организована служба на нем, какие взаимоотношения сложились между офицерами и нижними чинами, а потом уже собирали сведения о роли этого корабля в бою. Уже тогда многие боевые суда настолько были сложны и громадны, что люди одного отделения не всегда могли знать, что творится в другом. Поэтому нам пришлось, задавая участникам боя вопросы, расследовать каждую часть корабля отдельно. Что, например, происходило, начиная с утра 14 мая и до окончательной развязки, в боевой рубке, в башне такой-то, в каземате таком-то, в батарейной палубе, в минном отделении, в машине, кочегарке, в операционном пункте? Кто и что при этом говорил? Какие распоряжения исходили от начальства и как они исполнялись? Какова наружность отдельных личностей, их привычки и харак-

тер? Как некоторым представлялся бой, наблюдаемый с описываемого нами корабля? И так далее, вплоть до незначительных мелочей.

Матросы охотно и откровенно рассказывали нам обо всем, ибо перед ними были такие же товарищи, как и они, а не официальная комиссия, составленная, как это было впоследствии, из адмиралов и офицеров при Главном морском штабе. Если кто-либо из допрашиваемых говорил неверно, то сейчас же другие участники боя вносили поправки. А потом некоторые матросы начали сами приносить мне свои тетради с описанием какого-нибудь отдельного эпизода. Таким образом через несколько месяцев у меня набрался целый чемодан рукописей о Цусиме. Этот материал представлял собою чрезвычайную ценность. Можно смело утверждать, что ни об одном морском сражении не было собрано столько сведений, сколько у нас о Цусиме. Изучая подобный материал, я имел такое ясное представление о каждом корабле, как будто лично присутствовал на нем во время схватки с японцами. Нужно ли добавлять, что наши записи не были похожи на официальные описания этого знаменитого сражения.

Но случилось так, что наша работа погибла, погибла самым нелепым образом.

Об этом, несколько торжествуя, повествует артиллерийский офицер с броненосца «Ушаков», лейтенант Н. Дмитриев, в своих воспоминаниях «В плену у японцев», помещенных в журнале «Море» за 1908 год, № 2. Правда, сам он находился в городе Сендае и поэтому не мог знать, что у нас случилось, но он приводит письма, полученные от своих нижних чинов из Кумамота. В одном из таких писем унтер-офицер Филиппов говорит:

«...Люди из числа команды «Орла», «Бедового» и других сдавшихся кораблей стараются здесь возмутить пленных и нашли себе ярых сообщников и при помощи их стали распространять книги политического содержания и газеты с ложными слухами о России, а всего более стараются посеять вражду у команды к своим офицерам. К счастью, из числа пленных нашлись люди более благоразумные и предупредили их вовремя, не дав распространиться этому злу.

9/22 ноября команда, выведенная из терпения их поступками, избила их агитаторов. Двое из них едва ли останутся живы, остальных же забрали японцы. Все их книги и записки предали огню, а также и машинку печатную обратили в лом» (стр. 72—73).

Другой матрос начинает свое письмо со слов: «Всемилостивейшему государю моего благородию», а потом рассказывает о разных делах революционеров.

«...Хотя они и делали это тайно,— пишет дальше матрос,— но скоро это стало явным.

8 ноября приходил к нам армейский офицер известить, что начали отправлять пленных во Владивосток и что там сделали бунт.

Он просил нас, чтобы мы, когда будем отправляться, вели себя степенно и не бунтовали.

В это время эти же самые политические развратители кричали: «Бей его, бей!» Тогда офицер видит, что делают беспорядки, и ушел, но в это время, когда они кричали, то некоторые матросы записали этих бунтовщиков.

А на другой день, 9 ноября, вся команда, которая не желает, чтобы враги нашего дорогого отечества срамили его, то команда подняла на них бунт, чтобы истребить всех людей, которые против государя и правительства среди нас, пленных, собрались.

Мы сошлись возле канцелярии и возле барака, где находились эти развратные люди, и когда мы стали просить у них разные политические книги и списки, то они вооружились ножами и дерзко поступали с командой» (стр. 74).

Дальше и в этом льстивом письме упоминается, как пленные сожгли мои «книги и записки».

А теперь я от себя расскажу, как было дело.

В Японию, когда там скопилось много наших пленных, прибыл президент Гавайских островов, доктор Руссель, а в прошлом — давнишний русский политический эмигрант. Он начал издавать для пленных журнал «Япония и Россия», на страницах которого я тоже иногда печатал маленькие заметки. С первых номеров, по тактическим соображениям, журнал был весьма умеренным, но потом постепенно становился все революционнее. Помимо того, доктор Руссель занялся распространением среди

пленных нелегальной литературы. В Кумамота литература эта получалась на мое имя. Ко мне приходили люди со всех бараков, брали брошюры и газеты. Сухопутные части читали их с оглядкой, все еще побаиваясь будущей кары, матросы были смелее.

Это проникновение революционных идей в широкие военные массы встревожило некоторых офицеров, проживавших в другом кумамотском лагере. Они начали распространять разные слухи среди пленных нижних чинов, говоря: все, кто читает нецензурные газеты и книжки, переписаны; по возвращении в Россию их будут вешать.

Наступила осень. В августе Россия заключила мир с Японией, но нас на родину не отправляли. Это обстоятельство очень волновало пленных.

Однажды вечером, 8/21 ноября, к нам в лагерь пришли два офицера: армейский штабс-капитан и казачий есаул. Они завели беседу с нижними чинами. Вокруг канцелярии собралось сотни две солдат и несколько десятков матросов. Оба офицера стояли на крыльце, настороженно оглядывая публику. Больше разговаривал казачий есаул, пожилой человек с проседью в густой бороде. Он расспрашивал, как у нас проходит жизнь. Кто-то, обращаясь к нему, осведомился:

— А правда, ваше высокоблагородие, что в России теперь свобода объявлена?

Есаул насильно улыбнулся и сказал:

— А для чего вам свобода нужна? Матерно вы всегда могли свободно ругаться.

Тут же другой солдат, сорокалетний усатый мужчина из запасных, задал давно наболевший вопрос:

— Ваше высокоблагородие, почему нас на родину не отправляют? Мир давно заключен, а мы все здесь прозябаем.

В ожидании ответа все притихли.

Есаул, продолжая улыбаться, промолвил:

— Вот вам чего захотелось — на родину попасть. Не увидите вы ее больше совсем!

— То есть как это понять? — недоумевая, снова спросил усатый солдат и, придвинувшись к крыльцу ближе, испуганно раскрыл рот.

Тень тревоги пробежала по лицам остальных пленных, все вытянули шеи и в напряженном молчании уставились в лицо есаула.

Он сделался вдруг серьезным и продолжал:

— Я вам, братцы, сейчас поясню, в чем тут дело. Среди вас, пленных, завелись политиканы. Несомненно, они подкуплены японцами. Эти политиканы распространяют разные вредные книжки, которые издаются на средства наших врагов и внушают вам пакостные мысли, что не надо царя, правительства, религии. Для чего это делается? Чтобы посеять среди православного народа смуту, всеобщую резню, анархию. А в России, как вам уже известно, и без вас творится бог знает что — всюду идут беспорядки, бунты. Кто из вас поумнее, тот сразу сообразит, что из этого должно получиться. Разве царю не известно, что политиканы, эти продажные твари, развратили вас совсем? А раз так, то неужели он, по вашему мнению, настолько глуп, чтобы заплатить японцам деньги и вывезти вас на свою голову? Ведь никто не стал бы выручать своих врагов из бедственного положения, зная заранее, что, кроме вреда, от них ничего не получишь. Нет, не бывать вам на родине! Вы пропадете здесь.

Казачий офицер попал в точку. Его доказательства показались настолько убедительными, что большинство не сомневалось в их правдивости. И на самом деле, ведь есть же какая-нибудь причина, что после заключения мира так долго не отправляют пленных в Россию.

Кто-то из матросов крикнул:

— Нашли, дурачье, кого слушать! Брешет он!

Пленные, волнуясь, загалдели.

Есаул, выждав момент, возвысил голос:

— Это я-то, казачий офицер, верный слуга отечества, и вдруг—брешу? Если хотите знать, я три раза был ранен на фронте.

Ему, вероятно, впервые пришлось услышать от нижнего чина дерзкие слова обиды. Потрясенный, он как-то странно задергал головой. Неожиданно для всех он заплакал, а потом снял свою фуражку и, показывая на седеющие волосы, начал выкрикивать с какой-то внутренней болью:

— Если вы мне не верите, то поверьте моим седым волосам, что я правду вам говорю. У каждого из вас есть мать. Что может быть дороже имени матери? Я клянусь именем матери своей, что ваши кости будут зарыты в японской земле. Я говорю это только потому, что мне искренне жаль вас.

Казалось, охваченный предательским вдохновением, он сам верил в то, что говорил. Это произвело на солдат потрясающее впечатление. В особенности встревожились запасные. У каждого из них постоянные думы о далеком доме и о покинутой семье давно изглодали сердце. Послышались возгласы, раздраженные и тоскливые:

— Ах, мерзавцы! Ах, политиканы! Что они с нами сделали!..

— А у меня дома дети остались...

— Пропала для нас родина...

Момент для возражения офицеру был пропущен. Каждое слово с нашей стороны могло бы вызвать у солдат взрывы негодования. Растравленные и на время ослепленные, они готовы были сейчас же обрушить свою месть на кого угодно — и за пережитую боль разлуки с родными, и за все невзгоды, и за тяготы удлинившегося плена.

Кто-то из пленных в отчаянии завопил:

— Ваше высокоблагородие, что же теперь нам делать?

На это немедленно последовал ответ, холодный и суровый, как металлический лязг ружейного затвора:

— Надо хорошенько проучить этих политиканов. А потом царю-батюшке прошение напишите. Может быть, он смилуется над вами и простит вас.

Офицеры исчезли, но мысль, брошенная ими, как ночная зловещая птица, перелетала из одного барака в другой, внося брожение в среду пленных.

На следующий день, после завтрака, к бараку № 2, в котором я жил, начали подходить солдаты. Когда их собралось несколько десятков, они потребовали на расправу меня и ближайшего моего помощника, минера ослябской команды Константина Степановича Болтышева. В бараке жило сто пятьдесят матросов, и мы легко от-

били нападающих. Но вообще в лагере сухопутных пленных было в два раза больше, чем моряков. Толпа быстро росла, увеличивалась, окружая наш барак со всех сторон. Некоторые солдаты вооружились топорами, взятыми из кухонь, другие — дрекольями и камнями. Раздавались выкрики:

— Новикова давай сюда!

— А еще Болтышева!

— Обоих этих злодеев на суд народный!

Перед этой грозной силой в нашем бараке один по одному начали исчезать матросы, пока не осталось двенадцать человек верных товарищей. Они сами себя обрекли на гибель. Что мы могли поделать против трехтысячной толпы! Я несколько раз пытался уговорить ее, но это было так же бесполезно, как бесполезно кричать в бурю на морские волны, лезущие на борт судна. Здесь была та же стихия. У дверей и у всех окон сгрудился народ, горланя на все лады. И чем дальше, тем сильнее бесновались эти люди, хмелея от своей собственной ярости. Мысли стыли от ужаса, когда я смотрел на их напряженно вздувшиеся лица, съехавшие набок рты, вывернутые глаза. Никаких сомнений не оставалось, что меня и моих товарищей не только убьют, но будут еще и издеваться над нашими трупами. Случайно выйти живым из цусимского ада и через несколько месяцев на далекой чужбине погибнуть от рук своих соотечественников,—.что еще может быть несуразнее этого? Я понял тогда, быть может, в первый раз, что такое толпа. Совсем еще недавно я был для нее до некоторой степени вождем, она всячески приветствовала меня, а теперь она готовилась с неумолимой жестокостью меня растерзать, в надежде, что этим она облегчит свою судьбу.

Через барак начали проходить солдаты, но никто из них не решился первым броситься на нас. Дело в том, что среди пленных распространились слухи, будто бы у нас имеются револьверы, бомбы, адские машины. Это на время нас спасло. На самом же деле мы были вооружены только японскими ножами, похожими на кинжалы. Каждый из нас под полой шинели, накинутой на плечи, держал наготове такой нож.

Один солдат, проходя мимо, держал в правой руке бутылку с песком. По-видимому, он намеревался ударить

ею меня по лбу, чтобы раскроить мне голову и сразу ослепить песком. Его расчеты были построены на том, что я с запорошенными глазами не сумею попасть в него из несуществующего револьвера. Но в последний момент он не решился на это и запустил бутылку издалека. Она попала в моего товарища Голубева и рассекла ему скулу.

Приближался конец.

Старшина барака, боцман гвардейского экипажа Василий Червоненко, с любезной таинственностью предупредил нас:

— Сейчас подожгут барак. Уже за жердью побежали. Вы все сгорите живьем.

Барак был сделан из теса и покрыт сухой рисовой соломой. Он вспыхнет весь в несколько минут. Нам придется корчиться в огне.

От слов Червоненко на меня дохнуло средневековьем. Я вздрогнул, словно меня коснулось уже пламя костра. За пределами нашего жилья буйствовал неукротимый гомон трех тысяч человек, а в моем потрясенном сознании, в сокровенных тайниках его, словно комариная песня, жалко звучала фраза, слышанная мною сотни раз: «Глас народа — глас божий». Я переглянулся с Болтышевым. Это был здоровенный парень, широкоплечий, грудастый, черноголовый, с крепкими, как манильский трос, мускулами. Немного согнувшись, он принял напряженную позу и дышал тяжело и зло, а карие глаза его ушли под лоб и остро следили за всем из-под нахмуренных бровей, как из-под забора. Какое-то движение произошло в моих мозговых клетках, толкая меня на отчаянный шаг, и я сказал, обращаясь к Болтышеву:

— Костя, нам самим следует напасть на них.

Он как будто ждал моего предложения и с решимостью ответил:

— Да, я первый пойду.

С этим согласились остальные.

Болтышев двинулся к выходу. Мы последовали за ним. Пока мы шли к двери, мне казалось, что во всей вселенной ничего больше не осталось, кроме этой оравы людей, жаждавшей превратить нас в кровавое мясо. Что-то зоологическое проснулось и во мне, как будто я никогда не читал прекраснейших книг, гениальных творений, призывавших к человеколюбию. Каждый мускул мой на-

прягся. Единственная мысль, холодная и ясная, как луч в морозное утро, пронизывала мозг — не промахнуться бы и ловчее нанести удар врагам. Как только Болтышев показался на крыльце, еще сильнее заколотились стадные выкрики, и сотни рук протянулись к нему, словно за драгоценной добычей. И в этот решительный миг я отчетливо услышал, как чей-то голос необыкновенно высокой ноты, выделяясь из общего клокочущего рева толпы, взвился над человеческими головами и будто повис в воздухе:

— Зарезали! За-ре-за-ли!..

Передние ряды солдат дрогнули, на секунду смолкли. Я увидел искаженное лицо раненого, широко раскрытый рот, мелкие зубы и выпученные большие глаза, повисшие над щеками, как две мутные электрические лампочки. А затем запечатлелся Болтышев. Исступленный, с лицом безумца, он высоко поднимал нож, обагренный кровью. Мы тоже, сбросив с плеч шинели, подняли ножи. И тут случилось то, чего мы не ожидали: трехтысячная толпа метнулась от нас в разные стороны. Охваченные паникой, солдаты бежали вдаль, по широкой улице, сшибая друг друга, кувыркаясь, бежали так, как будто они никогда не бывали на фронте... Некоторые, гонимые слепым страхом, полезли под крыльцо. Мы преследовали их недолго, а потом, опомнившись, увидели, что вокруг нас никого нет. Тогда и мы, в свою очередь, все двенадцать человек, бросились из лагеря в город и бежали, путаясь по улицам, до тех пор, пока не арестовала нас полиция.

Мы были посажены в японскую тюрьму.

А через два дня я от японского переводчика узнал, что солдаты, озлобленные на меня, собрали все мои вещи, книги и чемодан с рукописями, все это вынесли из барака наружу и сожгли на костре.

Переводчик, рассказавший мне об этом, добавил, хитровато щуря черные глаза:

— Настоящая война была. С одной стороны — несколько раненных ножами, с другой — после вашего бегства двоих так изувечили, что едва ли будут живы.

Так погиб весь мой материал о Цусиме.

Я был настолько потрясен, что не спал целую неделю. Со мной начались припадки. Я с благодарностью вспо-

минаю доктора, который избавил меня от сумасшедшего дома.

Японцы, произведя дознание по нашему делу, пришли к заключению, что наше бегство было вынужденным, и хотели вернуть нас в лагерь. Но мы сами просили их задержать нас в тюрьме подольше. Недели две спустя они перевели нас в помещение, находившееся при одном госпитале. Здесь мы жили свободно, без караула, могли ходить по городу. Из лагеря к нам приходили матросы. От них мы узнали, что после погрома многие солдаты раскаиваются в своих поступках. Кстати сказать, что такие погромы с жертвами, иногда большими, прокатились по всем городам Японии, где только находились русские пленные.

Произошел раскол и в среде пленных офицеров: еще до объявления в России свобод, непосредственно после Цусимы, показавшей всю отсталость нашего флота и уродливость самодержавного строя, некоторые из них стали революционерами. К данному времени, когда среди нас произошло описываемое событие, число их значительно возросло. И вот в Кумамота приехали из другого города такие именно офицеры, главным образом флотские, с броненосца «Орел». Они устроили в нашем лагере митинг и объяснили пленным смысл царского манифеста о свободах.

— Вся Сибирская железная дорога находится в руках революционеров! — смело выкрикивал флотский офицер, окруженный слушателями в две тысячи человек.— Если только они узнают, что вы восстаете против свободы, то как они отнесутся к вам? Неужели вы думаете, что таких мракобесов, какими вы проявили себя, они повезут в Россию? Вам придется шагать через всю Сибирь пешком. Скажу больше, что еще до того, как вы тронетесь из Японии и будете переезжать во Владивосток на пароходах через море, революционные матросы выкинут вас за борт.

Теперь никто из пленных уже не сомневался, что в России действительно объявлена свобода. Иначе офицеры не стали бы так открыто выступать. Опять заахали солдаты. На этот раз начали избивать тех главарей, которые устроили погром против нас. А насчет нас из каждого барака поступило в японскую канцелярию проше-

ние за подписью старшин. В них, в этих прошениях, говорилось, что мы первые люди на свете и что мы пострадали невинно, а потому мы немедленно должны быть возвращены в лагери, за нашу неприкосновенность все ручаются.

Целый месяц мы прожили вне лагеря. Возвращаясь с товарищами в свой барак № 2, я не переставал испытывать страх перед толпой, изменчивой и капризной, как морской ветер. Пленные встретили нас очень торжественно — с красным флагом, с революционными песнями. Меня качали, выкрикивая «ура». Но, подбрасываемый вверх десятком здоровых рук, я покрывался холодной испариной и чувствовал себя так же, как, вероятно, чувствовал бы себя котенок в лапах забавляющегося с ним тигра.

Будучи еще в японской тюрьме, я начал восстанавливать погибший материал о Цусиме по памяти. В лагере эта работа продолжалась. Опять мне помогали товарищи, опять мы допрашивали матросов. Мы торопились, однако собрать сведения обо всей эскадре уже было нельзя: кончился наш плен. Гибель многих кораблей осталась необследованной.

Наш поезд, наполненный одними матросами, давно оставил Владивосток и, громыхая сцепами и буферами, неторопливо катился по длинному одноколейному пути железной дороги. Иногда эшелон отстаивался на закупоренных станциях по два-три дня, ожидая своей очереди отправиться дальше. Как велика показалась нам Сибирь с ее таежной глухоманью, с горными хребтами, со степными просторами, с редким населением! Трудное это было путешествие. Длилось оно шесть недель. В каждой теплушке было по сорок человек, одетых в дубленые полушубки с деревянными застежками, в лохматые папахи, в пимы и потому потерявших всякий облик военных матросов. Февральские морозы сменялись завывающей пургой. Беспрерывно топилась печка, но она согревала теплушку неравномерно: на нарах нельзя было спать от жары, а под нарами даже в шубе пробирал холод. Мы ни разу не мылись в бане, покрылись слоем грязи и совсем обовшивели. На питательных пунктах кормили отвратительной бурдой, а хлеб получали мерзлый и настолько жесткий, что его распиливали на порции пилой или рубили топором. Матросы,

раздраженные всем этим, буйствовали и громили станции. А в это время в Сибири свирепствовали карательные отряды генералов Ренненкампфа и Меллер-Закомельского. Некоторые из нашего эшелона попались им и сложили свои головушки, будучи уже на пути к родине.

Я больше всего беспокоился о своем цусимском материале. Вдруг генералы вздумают произвести обыск в наших вагонах! Что тогда со мной будет? Но все обошлось благополучно: в марте я добрался до своего села Матвеевского, Тамбовской губернии. Здесь меня ожидал новый удар — умерла моя любимая мать всего лишь за две недели до моего приезда домой.

На родине я неожиданно получил номер газеты «Новое время» (от 1 апреля 1906 года, № 10793), где был напечатан мой очерк. Очерк напомнил мне матроса Ющина, с которым я познакомился в плену у японцев. Он плавал марсовым на эскадренном броненосце «Бородино». Во время боя при Цусиме это судно погибло. Ющин спасся; могила возвратила его к жизни.

Я расспросил его о пережитой им катастрофе и с его слов написал «Гибель броненосца «Бородино». Мне нетрудно было восстановить картину гибели судна,— я сам плавал на однотипном корабле и сам участвовал в сражении. Поэтому, когда я прочитал свой очерк Ющину, он одобрительно заявил:

— Все правильно. Выходит так, словно ты сам был у нас на судне. Перепиши, браток, мне на память.

Я исполнил его просьбу.

Увидав напечатанное свое произведение, значительно исправленное редакцией в смысле идеологии, я испытал нехорошее чувство: обидно было, что я, революционно настроенный, впервые напечатался в таком консервативном органе.

Кто же, однако, подсунул меня в «Новое время»?

Революционные шквалы, возникая в столицах, неслись дальше, к глухим провинциальным городам и деревням, потрясая ветхозаветный быт российской жизни. Это была пора, когда никто из сознательных людей не мог оставаться безучастным зрителем. В конце лета, преследуемый царской полицией, я скрылся из своего села и попал в Петербург. Соплаватели мои, участники Цу-

симского боя, устроили меня письмоводителем у Топорова, помощника присяжного поверенного. Это был прекрасный человек. Он разрешил мне пользоваться своей библиотекой.

В Петербурге выяснилось, каким образом очерк без моего ведома попал в печать. Это сделала жена погибшего командира броненосца «Бородино», вдова Серебренникова. В столице с нею встретился марсовой Ющин и показал ей мою тетрадь. Серебренниковой мой очерк понравился, и она сейчас же отправила его в «Новое время».

Изредка я встречался со своими прежними сослуживцами, с товарищами матросами. Почти все они, захваченные общим революционным подъемом еще в японском плену, участвовали в революционных организациях.

Как-то собрались мы на квартире одного товарища. Вспоминали о Цусиме, а потом захотелось гульнуть, но денег ни у кого не было. Один из товарищей обратился ко мне:

— Ты с «Нового времени» за свое сочинение ничего не получил?

— Нет.

— Так что же ты смотришь, голова?

Я тоже слышал, что редакции платят за статьи какой-то гонорар, но было стыдно идти, и я отнекивался:

— А вдруг откажут? Да еще дураком назовут...

— Не имеют права, раз твое сочинение напечатали. А смотришь — трешница или вся пятерка перепадет тебе. Вспрыснем тогда твою первую литературную работу.

Идея была дана, ее подхватили другие и начали уговаривать меня:

— Разве можно упускать такие деньги? Мы тоже с тобой пойдем.

В конце концов я согласился с ними, и мы, восемь человек, отправились получать гонорар.

У подъезда «Нового времени» пятеро остались на улице, а я и еще двое матросов пошли в редакцию. Ноги мои плохо слушались, лицо горело, как будто я собирался совершить какое-то преступление, но меня подбадривали мои товарищи:

— Страшнее Цусимы не будет. Чудак!

В редакции, показывая свои документы, я заплетающимся языком объяснил о цели своего прихода. Пожилой человек с раздвоенной бородкой, слушая меня, снисходительно улыбался. А потом навел справки и объявил мне:

— Гонорар вы можете получить. Но предварительно вы должны достать согласие на это Серебренниковой, жены покойного командира. Через нее ваш материал поступил в редакцию. Адрес ее у нас имеется.

Мы гурьбой отправились разыскивать нужный нам дом. На этот раз все мои товарищи остались у ворот, а я один через черный ход добрался до кухни.

Вдова Серебренникова, когда узнала, что я автор очерка, пригласила меня в роскошный зал. Она благодарила меня, что я дал о ее муже хороший отзыв. Я на это ответил:

— Ваш покойный муж был знающий командир и прекрасный человек. Команда очень любила его.

Говоря так, я нисколько не льстил ей. Он действительно был таков. В молодости он сочувствовал народникам, и это не прошло бесследно.

— В вашем изображении получилась страшная картина гибели корабля. Какой ужас пережил мой покойный муж! До сих пор я хожу, словно в кошмаре...

Она заплакала.

Через полчаса, с письмом в кармане, мы уже мчались в редакцию. Опять двое сопровождали меня наверх. После каких-то формальностей мы втроем двинулись к кассе. Мне сказали:

— Распишитесь и получите пятьдесят два рубля.

Я остолбенел от названной суммы. Она мне казалась невероятной.

Я робко переспросил:

— А вы не ошиблись?

В этот момент с одной стороны товарищ дернул меня за полу пиджака, а с другой — я получил в бок толчок, означавший, что я круглый дурак. Кассир тоже обиделся на меня и строго заговорил:

— Какая же здесь может быть ошибка? Пятьсот двадцать строчек. По десять копеек за строчку. Итого пятьдесят два рубля.

Мучительно долго я расписывался, выводя дрожащим пером буквы, но вниз мы сбежали с такой быстротой, как будто спустились на крыльях.

Я с гордостью заявил остальным товарищам, потрясая деньгами:

— Вот они — пятьдесят два целковых!

— Пятьдесят два? — словно вздох вырвалось у них.

— Да.

Возвращались мы домой бодрым шагом. У каждого из нас был какой-нибудь кулек. Мы несли водку, вина и массу разных закусок. Почти на все деньги закупили.

В полуподвальном помещении на большом столе разложили закуски, поставили выпивку.

— Ну, друг Алеша, за твой литературный успех!

Чокались, выпивали, закусывали. В комнате становилось все шумнее. Товарищи возбужденно говорили мне:

— Ведь матросом был! Любой начальник мог тебе всю физию расквасить. А теперь стал литератором. Каково, а? Вон куда махнул!

Революционные бури 1905 года, грозно вздыбившие Россию, шли на убыль, истощались. Барометр буржуазно-помещичьего быта показывал, что наступает передышка от социальных потрясений. Но мы были молоды и буйны сердцем. Казалось, что никакие темные силы не заглушат нашего пламенного порыва в грядущее. И мы давали друг другу клятву, что будем бороться за свободу до конца.

Друзья, обращаясь ко мне, наказывали:

— Друг наш Алеша! Больше пиши! Опиши всю нашу жизнь, все наши страдания. Пусть все знают, как моряки умирали при Цусиме. Вот!

Другие добродушно смеялись:

— А насчет гонорара не сомневайся. Тут мы всегда будем с тобою. В любую редакцию пойдем.

Это был самый веселый праздник в моей литературной жизни.

Где вы находитесь теперь, мои милые друзья? Я знаю, что двоим из вас не удалось подышать воздухом свободы, за которую вы так страстно и беззаветно боро-

лись: Гальванер Голубев вскоре был арестован и повешен в Кронштадте. Гальванер Феодосий Яковлевич Алференко, как видно из письма его племянника, замученный царскими опричниками, умер в Нежинской тюрьме в 1910 году. А где остальные товарищи, сражавшиеся в первых рядах против оплота самодержавия? Ваш наказ и свою мечту мне пришлось осуществить только после Октябрьской революции — я написал «Цусиму».

Несколько месяцев я обретался в Петербурге, в Финляндии, а потом, когда наступила жесточайшая реакция, уехал за границу.

Только в 1913 году я опять вернулся, уже по чужому паспорту, домой, где прожил несколько дней, никому не показываясь.

Родной брат мой Сильвестр, который был на шестнадцать лет старше меня, любитель чтения, пробудивший и во мне жажду знания, когда я был еще юношей, встретившись после долгой разлуки со мной, рассказывал:

— Что тут было без тебя! Одолели совсем — пристав, урядники и стражники. То обыски производят, то с дознаниями пристают. Все допытывались, куда ты скрылся. И литературу твою им вынь да положь. Года два так мытарили. А я с твоим добром метался, как чумной. Сжечь все это — жалко. Спрячу в сарай — нет, думаю, найдут. Несу в ригу, из риги в одонье. Потом сложил все твои книжки, газеты, письма в жестяные банки, запаял их и зарыл в землю.

Брат все разыскал мне, кроме самого главного — материала о Цусиме. Это повергло меня в такое отчаяние, как будто я потерял родное детище. Ошеломленный, я с минуту смотрел молча в лицо брата, круглое, лобастое, обросшее до висков черной кудрявой бородкой. А потом, заметив в его серых глазах недоумение, рассказал, как сожгли мои рукописи в плену, как я снова частично восстановил их и с каким трудом мне удалось все это вывезти из Японии.

— Теперь понимаешь, что случилось? — стоном вырвалось у меня.

Он схватился за голову.

— Хоть убей — забыл, куда спрятал все твои бумаги. Знаю, что целы. Некуда им пропасть.— И начал оправдываться: — Да ведь они, богомерзкие хамы, полицейские эти самые, отобьют память у кого угодно. Попадись им твоя литература или записка — не миновать бы мне прогуляться в самую Сибирь.

Брат обшарил все свое хозяйство, но так и не мог утешить меня. Я махнул на все рукой. Племянник мой Георгий, устроив сделку со старшим волостным писарем, выправил мне бессрочный паспорт. Я уехал сначала в Петербург, а потом переселился в Москву, где проживал на полулегальном положении.

Прошло еще несколько лет. Брат мой умер. Вместо него, вернувшись из Красной Армии, в доме остался хозяйничать его сын, а мой племянник, Иван Сильвестрович.

Царская цензура пропускала мои произведения с трудом. Поэтому, несмотря на обилие имевшегося у меня литературного материала, я писал мало и печатался редко. И только после революции наступила возможность заняться исключительно литературной работой.

С родными местами у меня осталась связь лишь та, что я почти каждый охотничий сезон бываю там на охоте. Это заменяет мне санаторий, укрепляет здоровье, освежает голову и дает много новых наблюдений. Так было и в 1928 году. Вместе со мной поехали на весеннюю охоту писатели: Павел Низовой, Александр Перегудов, Петр Ширяев и Леонид Завадовский. Недели две мы прожили в лесу, среди болот, а затем, перед возвращением в Москву, заехали в село Матвеевское, к моему племяннику. И вот в то время, когда мы только что кончили чай, Иван Сильвестрович положил передо мной на столе несуразно продолговатую связку бумаг, перехваченных крест-накрест мочалкой.

— Кажется, пригодятся тебе,— сказал племянник, улыбаясь и глядя на меня светло-серыми глазами, и сам стал поодаль от стола, небольшой, крутоплечий, в поношенном коричневом френче.

Я сразу узнал знакомые бумаги и вскрикнул:

— Откуда ты это достал?

Усевшись за стол, он начал объяснять:

— Знаешь колодные ульи под сараем около бани? Они, вероятно, были сложены там, когда ты еще не уходил на военную службу. Так вот, сарай этот стал заваливаться. Как тебе известно, я на своей пасеке перешел на рамчатую систему. Значит, сложенные под сараем колодные ульи мне стали не нужны. Решил я их перебрать: годные, думаю, продам, а сгнившие выкину совсем. Открываю в каждом колодезню, заглядываю во внутренность. Смотрю — в одном из них связка бумаг. Стой, думаю, находка! А я еще от покойного отца слышал, что он затерял какие-то важные твои бумаги, и это его мучило много лет.

Возбужденный, я дрожащими руками распустил на связке мочалку и, бросая ликующий взгляд на своих приятелей, сказал:

— Нашлись все мои записки о Цусиме! Двадцать два года пропадали! И снова очутились в моих руках. Только бы в целости довезти их до Москвы.

Я еще не читал найденного материала, но достаточно было только взглянуть на эти тетради, блокноты и листы бумаги с поблекшими чернилами, чтобы все то, что в них записано, начало воскресать в таинственных извилинах моего мозга. Прежним заглохшим впечатлениям был дан толчок, и они, всплывая из глубины памяти, немедленно пришли в движение, как на экране. Перед внутренним взором души с поразительной ясностью возникли жуткие картины Цусимского боя с такими деталями, о которых я давно забыл.

Вернувшись в Москву, я немедленно принялся за новую работу. Конечно, пришлось пользоваться при этом не только своими записями, но и официальными документами архивов, до революции находившимися под запретом. О Цусимском бое я перечитал все, что только было написано русскими и иностранными авторами, изучил показания, данные перед следственной комиссией адмиралами, офицерами и матросами, освоился с судебными процессами о сдаче некоторых кораблй в плен, познакомился и с японскими источниками. Нужно было разобраться во всем этом ворохе книг, документов и частных записей, сличить один материал с другим, чтобы вы-

брать зерно правды и отбросить всякую шелуху и выдумки, скопившиеся вокруг всего дела.

Кроме того, я мобилизовал себе на помощь участников Цусимского боя. С одними я вел переписку, с другими неоднократно беседовал лично, вспоминая давно минувшие переживания и обсуждая каждую мелочь со всех сторон. Таким образом собранный мною цусимский материал постепенно обогащался все новыми данными. В этом отношении особенно большую пользу оказали мне следующие лица: корабельный инженер В. П. Костенко *, Л. В. Ларионов, боцман М. И. Воеводин, старший сигнальщик В. П. Зефиров и другие. Ни одной главы я не пускал в печать, предварительно не прочитавши ее своим живым героям. И все же, несмотря на такой обильный материал, книга была бы написана по-другому, если бы я сам не пережил Цусимы и не испытал ужасов этой беспримерной трагедии.

ПОХОД

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОД АНДРЕЕВСКИМ ФЛАГОМ

...Погибель верна впереди,
И тот, кто послал нас на подвиг ужасный,—
Без сердца в железной груди.
Мы — жертвы!.. Мы гневным отмечены роком...
Но бьет искупления час —
И рушатся своды отжившего мира,
Опорой избравшего нас.
О день лучезарный свободы родимой,
Не мы твой увидим восход!
Но если так нужно — возьми наши жизни...
Вперед, на погибель! Вперед!

П. Я.

1. Я ПОЛУЧАЮ НАЗНАЧЕНИЕ

Сентябрь укорачивал дни и удлинял ночи. По утрам чувствовалась приятная прохлада. Прозрачнее становились дали, яснее вырисовывались берега, омываемые водами Финского залива.

Вчера учебно-артиллерийский отряд вернулся из плавания в Кронштадт и, отсалютовав семью выстрелами крепости, бросил якорь на большом рейде. Отряд возглавлял флагманский крейсер 1-го ранга «Минин», на котором я проплавал в качестве баталера летнюю кампанию 1904 года. Кончалась наша кампания. Ожидали приказа главного командира Балтийского флота втянуться в гавань и разоружиться. И наши корабли останутся там на всю зиму, скованные льдами до следующей весны. А мы переселимся во флотский экипаж, в огромнейший трехэтажный кирпичный корпус, что стоит на Павловской улице.

Был полный штиль. Безоблачная высь по-летнему обдавала теплом. На востоке смутно обозначался Петербург, подернутый сизой дымкой. А если посмотреть в об-

ратную сторону, то перед взором, постепенно расширяясь, все просторнее развертывался водный путь. Он вел к Балтийскому морю, исчезая в безбрежности и отливая свинцовым блеском. Там, в солнечных лучах, мерещился Толбухин маяк, как одинокий перст, показывающий курс морякам.

Из Кронштадта, из Петровского парка, оттуда, где стоит памятник первому создателю русского флота, докатился до нас выстрел пушки, возвестивший полдень. На кораблях, отбивая склянки, зазвонили в колокола. Вместо послеобеденного отдыха я ушел на бак, уселся на палубу и, привалившись к чугунному кнехту, занялся чтением газет. Вокруг меня, слушая чтение, расположилось десятка три матросов, все в парусиновой одежде, все босые. Одни сидели в различных позах, другие лежали, подложив кулаки под голову. Война с Японией возбудила особый интерес к газетам.

Несмотря на строгость цензуры, мы хорошо знали, что дела наши на Дальнем Востоке идут плохо. Наши руководители, ослепленные прежней славой, думали, победоносно сокрушив врага, подписать мир не иначе как в японской столице Токио. Но вышло по-иному. Русские сухопутные войска, не выдерживая натиска противника, отступали из Кореи в Маньчжурию. Порт-Артур был осажден. 1-я Тихоокеанская эскадра, заблокированная в этом порту неприятельским флотом, бездействовала.

А сегодня с большим опозданием напечатана статья, в которой более или менее подробно сообщалось о двух сражениях на море. Сущность статьи была такова:

28 июля 1-я Тихоокеанская эскадра сделала попытку прорваться во Владивосток, но кончилось это полной неудачей. С рассветом наша эскадра стала вытягиваться на рейд, а к двенадцати часам в сорока милях от Артура она встретилась с японцами. Произошла первая перестрелка на дальней дистанции. С нашей стороны участвовали в бою шесть броненосцев, которые вел «Цесаревич» под флагом адмирала Витгефта. Против них адмирал Того, держа свой флаг на броненосце «Микаса», выставил четыре броненосца и три броненосных крейсера. Мелкие суда с той и другой стороны на ход событий почти не влияли. Вскоре обе эскадры разошлись контргалсами, не причинив друг другу существенных поврежде-

ний. И только в четыре часа снова возобновился бой, уже на параллельных курсах. Сражение продолжалось до самой ночи. Ни та, ни другая сторона не уступали. Но в шесть часов вечера японский снаряд большого калибра разорвался на «Цесаревиче» около боевой рубки. Адмирал Витгефт был убит, штабные чины и командир судна оказались тяжело ранеными. Броненосец с поврежденным рулевым приводом выкатился из строя и стал описывать циркуляцию. Тогда броненосец «Ретвизан», намереваясь прикрыть собою флагманский корабль, бросился вперед, в сторону неприятеля. Японцы, испугавшись решительных действий «Ретвизана», отступили. Надвигалась ночь. Перед нашей эскадрой уже открылся свободный путь на Владивосток. Но в ней самой произошло замешательство. Часть судов направилась в нейтральные порты, а остальные, избитые, руководимые нерешительным адмиралом Ухтомским, вернулись обратно в Порт-Артур. Не лучше обстояло дело и с владивостокским отрядом, состоявшим из трех крейсеров: «Россия», «Громобой» и «Рюрик». Они вышли было на соединение с артурской эскадрой, но 1 августа встретились с кораблями адмирала Камимура. Произошел бой. В результате «Рюрик» погиб на месте, а два других крейсера вынуждены были отступить в свой прежний порт.

— Теперь могила им,— вздохнув, сказал машинист самостоятельного управления Сычев.

К нему повернулось несколько голов.

— Кому могила?

Сычев лежал навзничь, прикрыв ресницами глаза от солнца. Лицо у него было бледное. Выдержав короткую паузу, он утомленно ответил:

— Кораблям первой эскадры. Не вырваться больше им из Порт-Артура. Наши морские силы там убавились, а японцы ничего не потеряли. Впрочем, большим воротилам нашим это будет наука. Только людей жалко.

Артиллерийский унтер-офицер Бобков, резвый краснощекий парень, слабо возразил:

— Скоро отправится вторая тихоокеанская эскадра. Она выручит их.

Сычев приподнялся на локоть и, открыв черные проницательные глаза, посмотрел на артиллериста в упор.

— Голова у тебя, как у вола, а соображения на грош. Пойми: пока твоя вторая эскадра собирается, пока тронется в путь да пока доползет туда, Порт-Артур к тому времени, как спелое яблочко, попадет в руки японцев, а все тамошние суда будут лежать на дне морском.

Раньше, когда 2-я Тихоокеанская эскадра только спешно вооружалась, многие еще не верили, будет ли на самом деле послана она на Дальний Восток. Но теперь никаких сомнений не было. Дней девять тому назад большая часть судов этой эскадры пришла из Кронштадта в Ревель. Мы видели их собственными глазами. На рейде были построены в ряды броненосцы: «Князь Суворов», «Император Александр III», «Бородино», «Ослябя», «Сисой Великий» и «Наварин»; крейсеры 1-го ранга: «Аврора», «Адмирал Нахимов», «Дмитрий Донской» и «Светлана»; крейсер 2-го ранга «Алмаз»; миноносцы: «Бедовый», «Безупречный», «Блестящий», «Бодрый», «Буйный», «Быстрый» и «Бравый». Командовал эскадрой адмирал Рожественский, держа свой флаг на «Суворове». Позднее должны были присоединиться к эскадре броненосец «Орел» и два крейсера — «Олег» и «Изумруд». Эти корабли пока достраивались в Кронштадте.

В газетах я прочел вслух бодрую статью. Автор, размышляя о 2-й Тихоокеанской эскадре, возлагал теперь на нее все надежды. Она, соединившись с остатками 1-й Тихоокеанской эскадры, разобьет японский флот и завладеет морем. А тогда и сухопутные неприятельские войска, отрезанные водным пространством от родины, вынуждены будут сдаться. Словом, победа за нами обеспечена.

Кто-то из матросов промолвил:

— Говорят, наш флот в три раза сильнее японского. А вот, поди ж ты, колошматят нас.

— Дураков и в алтаре бьют,— вставил опять Сычев. Он закурил папиросу и снова заговорил: — Ни черта из этой затеи не выйдет. Первая эскадра была сильнее второй, имела боевой опыт, была знакома с местными условиями плавания. И что же получилось? Запертая оказалась в Порт-Артуре, как в западне. А с этой — куда уж лезть нам?!

С ним согласились другие:

— Да, снарядили корабли на скорую руку, кое-как. Посадили на них запасных. Какой может быть дух у людей?

— Хоть было бы за что воевать, а то за дрова.

В разговорах, вопреки официальным сообщениям, все чаще и чаще указывали как на причину войны на лесные концессии в Корее, на реке Ялу, где были замешаны адмиралы Абаза, Безобразов и высочайшие особы. Слух об этом давно уже начал проникать и на корабли. Даже среди отсталых матросов заколебался престиж власти, а война все больше и больше теряла свою популярность.

На палубе просвистала дудка, а вслед за ней раздался голос:

— Баталера Новикова — к командиру!

Что-нибудь важное случилось, раз требует к себе сам глава судна. Бросив газеты, я помчался в знакомую каюту, на бегу одергивая фланелевую рубаху. Перешагнул через порог раскрытой двери и, сдернув с головы свою бескозырку, заявил:

— Имею честь явиться, ваше высокоблагородие.

Капитан 1-го ранга, типичный немец, законник, рылся в это время в книжном шкафу. Услышав мой голос, он повернулся ко мне, высокий и широкоплечий. Я беспокойно уставился на него, стараясь догадаться, зачем он вызвал меня. Но ни в чертах его крупного лица, грубоватого, с короткой ежистой бородкой, ни в строгих серых глазах не было никаких признаков раздражения. Он мирно поздоровался со мной, а потом, подойдя к письменному столу, взял бумажку и хриповато заговорил:

— Вот здесь пришло предписание штаба порта. Мне очень не хотелось бы тебя как опытного баталера отпускать с своего судна, но ничего не могу поделать. Ты переводишься на другое. Сейчас же сдай свои дела ревизору, и отправишься по назначению.

Я широко раскрыл глаза.

— Осмелюсь спросить, ваше высокоблагородие, куда?

— На броненосец «Орел».

Он произнес эту фразу тихо, но у меня от нее зазвенело в ушах. У меня не было никакого желания воевать. Другие идеи бродили в моей голове. Я был весь в ожидании больших политических перемен внутри стра-

ны. Я готовился к работе, усиленно занимался самообразованием. Наметил себе программу для зимних занятий в неслужебные часы, собирался прикупить на берегу много новых книг. Но кто-то решил мою судьбу по-иному.

— Путешествие тебе предстоит весьма интересное. Многое увидишь. С японцами повоюешь. А главное, есть возможность искупить то преступление, в которое, как я полагаю, ты запутался по своей темноте.

Это был намек на то, что я находился под следствием как политический преступник.

Командир, выждав момент, добавил:

— Я полагаю, что ты должен быть доволен своим новым назначением.

В мозгу моем крутилась мысль, что я так же этим доволен, как бывает, вероятно, доволен бык, которого ведут на бойню, но вслух я сказал по-казенному:

— Очень рад, ваше высокоблагородие.

Я покрылся пòтом, губы подергивались, а командир все еще не отпускал меня.

— Я так и знал. В таком случае поздравляю тебя.

О, если бы можно было перемениться ролями! Как бы я мог великолепно поздравить его, сколько хороших слов наговорить! Казалось, что командир издевается надо мной, но он был серьезен и смотрел на меня строго, ожидая ответа. И я, еле ворочая языком, пробормотал заученные слова:

— Покорнейше благодарю, ваше высокоблагородие.

Я вышел из каюты, словно отравленный мутью. Оглядываясь, постоял немного на верхней палубе. Ничего не изменилось. Около нас жидко дымили в небо другие суда: «Европа», «Абрек», «Посадник», «Воевода». Вдали туманилась гавань с многочисленными кораблями. За ней, на острове Котлин, разбросался Кронштадт с его громадными военными складами, доками, каналами и корабельными мастерскими, с учебными заведениями и публичными домами. Пять лет я прослужил в этом городе, но теперь он стал для меня чужим и холодным. На блестящей поверхности Финского залива там и здесь, как бугристые зеленые заплаты, виднелись клочья земли,— то были грозные форты, защищающие подступы к столице с моря. Сияло солнце, плывя в небесной лазури золотым

альбатросом, а мой мозг кипел безнадежными мыслями. Итак, отныне я буду непосредственным участником военных действий. Через несколько часов мне предстоит отправиться на новое место своего жительства — на броненосец «Орел». И я не могу поступить иначе, ибо моя воля захлестнута крепким арканом военной дисциплины.

2. НА НОВОМ КОРАБЛЕ

Броненосец «Орел» стоял в гавани, пришвартованный к внутренней ее стенке. С первого же взгляда, когда я только приблизился к нему, он поразил меня своими размерами. В сравнении с прежним старым моим крейсером этот казался великаном, мрачным красавцем. Весь он был черный, закован в броню крупповской стали, с массой надстроек. На баке укрепилась грузно вращающаяся башня, из амбразур которой выглядывали два длинных дула двенадцатидюймовых орудий, другая такая же башня угрожала с кормы. Кроме того, еще шесть башен расположились по бортам, с парой шестидюймовых орудий каждая. Главная разрушительная мощь заключалась именно в этой артиллерии. Двумя этажами ниже находилась батарейная палуба с 75-миллиметровыми скорострельными пушками, назначение которых было защищать броненосец от нападения миноносцев. Над палубой громоздились мостики: передний — в три яруса, с боевой рубкой, и задний — в два яруса. На них тоже были пушки, но уже совсем мелкие — 47-миллиметровые. Для того чтобы можно было в темноте разыскивать противника, мостики были вооружены ночными глазами электрических прожекторов. На середине судна возвышались две большие трубы, окрашенные в желтый цвет, с траурной каймой наверху. Между ними, на рострах, в специальных гнездах находились минные и паровые катеры, баркасы, шлюпки. Фок-мачта и грот-мачта соединялись антенной радиоаппарата. На каждой мачте виднелся марс — круглая площадка, обнесенная железными листами, откуда хорошо наблюдать за приближением неприятельских судов.

С «Орла» доносился грохот. Это мастеровые достраивали отдельные его части. С баржей, причаленных к

борту броненосца, матросы перегружали на него снаряды, какие-то ящики, бочки. Слышались выкрики людей, свистки капральских дудок, звон железа, лязг подъемных лебедок.

Я сначала взошел на верхнюю палубу, в шум и человеческую суету, а потом спустился в канцелярию. Там застал старшего писаря Солнышкова. Это был разбитной, веселый парень. От него я впервые узнал, кто мои непосредственные начальники: старший баталер, сверхсрочник, кондуктор Пятовский и ревизор лейтенант Бурнашев. Давая характеристику им, писарь сказал о первом:

— Человечишка так себе — ни богу свечка, ни черту кочерга. Лапоть, начищенный ваксой. Жадный, любит копейку нажить, но умом слабоват. Этот не может на дамских шпильках щук ловить.

— А ревизор как? — спросил я.

— Распух от лени. Ни во что не вникает. Бумажки подписывает, не читая их. Служит на корабле больше для фасона, как в горнице мебель, на которую не садятся.

Рассказывая, писарь играл бровями и беспечно посмеивался. Он оказался очень словоохотливым. На всякий случай нужно было узнать от него и о других лицах: каков старший офицер, каковы боцманы. На любом судне эти персоны играют для команды самую важную роль.

— Старший офицер у нас капитан второго ранга Сидоров. Он из Питера. Раньше заведовал кают-компанией в Крюковских казармах. Танцор и дамский сердцегрыз, каких мало. Вид имеет грозный, любит иногда пошуметь, а никто его не боится... Что? Насчет боцманов? Младшие — Воеводин и Павликов. Можно с ними дружить. А старший, Саем,— шкура. Рад до смерти, что дослужился до кондукторского звания. Больше ничего ему не надо. Офицерский угодник, хотя дело свое знает хорошо. На этих трех боцманах старший офицер Сидоров выезжает, как на тройке гнедых...

В канцелярию вошел человек с серебряными кондукторскими погонами на плечах. Худощавое серое лицо его с русыми усиками ничем особенным не отличалось, кроме деловой озабоченности. Сейчас же выяснилось, что

это был Пятовский, старший баталер. Когда он узнал, кто такой я, то, обращаясь ко мне, заговорил быстро на вятском наречии:

— Премного благодарен, что явились вы. Значит, вместях поработаем. А то я замаялся совсем.

Я отправился к ревизору. Лейтенант Бурнашев сидел у себя в каюте за письменным столиком. На мой голос он повернулся. Круглое прыщеватое лицо его с толстыми губами было сонное, точно он не умывался сегодня. Смотрел он на меня долго, словно что-то соображая, и процедил:

— Хорошо. Иди к старшему офицеру.

Капитана 2-го ранга Сидорова я разыскивал долго, пока, по указанию матросов, не встретился с ним в батарейной палубе. Подал ему принесенный с собой пакет. Он начал читать бумаги, а я тем временем рассматривал нового своего начальника. На широких плечах его надежно покоилась седая голова. Сытое лицо заканчивалось внизу острой бородкой, а над сочными губами красовались большие усы, словно две белые моркови, торчавшие в стороны своими хвостами. Возвращая мне бумаги, он оглядел меня с ног до головы, прищуривая то один глаз, то другой, и соответственно с этим усы его приподнимались и опускались, как семафоры.

— Ну, за дело! Работы у тебя будет много. Все твои помещения должны быть полны провизией.

— Есть, ваше высокоблагородие.

— Лишней чарки команде не давать. Если узнаю об этом, пощады не проси. А сам ты водку пьешь?

— Ни разу в жизни не был пьян.

— Отлично. Только не нравится мне — нет в тебе достаточной бодрости.

— Таким меня мать родила.

Без всякой злобы, словно для того только, чтобы показать передо мной свое превосходство, он выругался и пошагал от меня прочь.

Аудиенция наша закончилась.

За пять лет службы я так ко всему привык, что перестал чувствовать оскорбления. Вечером мне выдали подвесную парусиновую койку с матрацем, набитым мелкой пробкой. В списках судовой команды против моей фами-

лии был поставлен номер. Под этим номером, согласно судовому расписанию, я буду выполнять свои обязанности во время той или иной тревоги. Прежнюю ленту на фуражке заменил другой, с надписью: «Орел».

Итак, я стал членом новой семьи в девятьсот человек, собранных со всех концов России. Проходили дни, полные забот, и каждый из них исчезал в небытии, как падающая капля в земле. На судне была горячка. Нужно было выполнять канцелярские обязанности, составлять отчетности, писать требования, накладные и в то же время принимать из портовых складов солонину в бочках, галеты в ящиках, сливочное масло в запаянных железных банках, крупу, соль, сухари, муку. Все это проделывалось в спешном, боевом порядке. Людей, назначаемых нам в помощь, не хватало. При погрузках старший баталер Пятовский прикрикивал на них:

— Живо, живо! Мясо есть любите, а таскать не хотите.

Помимо баталеров, на судне были и другие содержатели казенного имущества: машинный, минно-артиллерийский и подшкипер. Они тоже принимали разные запасы, каждый по своей специальности. Таким образом, к «Орлу» беспрерывно приставали баржи, баркасы, катеры, и железный великан поглощал все, что они подвозили. Казалось, не дождаться того дня, когда наполнятся все огромнейшие помещения судна.

В свободные часы, каких, правда, у меня было мало, я осматривал внутреннее устройство броненосца. Прежде всего бросалось в глаза распределение жилых помещений. Половина корабля в сторону кормы была отведена под офицерские каюты, в числе которых имелись даже запасные, сделанные на тот случай, что, может быть, сам адмирал со своим штабом вздумает переселиться к нам. Отсюда исходили все распоряжения, которые мы должны были выполнять, ибо здесь жили наши повелители — три десятка офицеров. А во второй половине, носовой, помещались матросы со своими капралами и боцманами, а также кондукторы — всего около девятисот человек. Кондукторы и боцманы тоже имели каюты. А мы жили в невероятной тесноте. Но меня больше интересовала другая сторона броненосца. Он был создан по са-

мой новейшей конструкции. Спускаясь по трапам с одного этажа на другой, я заглядывал во все его помещения, во все закоулки, в многочисленные железные лабиринты. Не считая главных машин, котлов, башен, артиллерии, минных аппаратов, радиорубки, я всюду натыкался на какие-то вспомогательные механизмы, добавочные приборы. Во всех отсеках, то переплетаясь между собой, то расходясь в разные стороны, проходили электрические провода, переговорные трубы, паровые или водопроводные трубы с обилием всевозможных клапанов. То же самое было и за двойным бортом. Батарейная палуба и башни соединялись элеваторами с бомбовыми погребами, расположенными на самом дне, где у нас должны были храниться огромнейшие запасы пороха и разных снарядов. Короче говоря, удивлению моему не было границ перед всей сложностью этого железного чудовища.

3. РАЗГОВОР С БОЦМАНОМ

Один философ сказал: «Учись хорошенько слушать, ибо это полезнее, чем хорошо говорить». В моем положении ничего не оставалось, как взять это изречение за руководство в своем поведении на корабле. Я догадывался, что нахожусь под негласным надзором. Недаром старший офицер сразу запомнил мое лицо и при каждой встрече смотрел на меня подозрительно. Хотелось бы только узнать, кому поручено следить за мною.

Но это не мешало мне самому познавать, чем дышит команда, изучать характеры офицеров и организацию службы на корабле, а впоследствии — и всей нашей эскадры.

Пока что для меня ближе был личный состав нижних чинов. Многие матросы были призваны из запаса. Эти пожилые люди, давно отвыкнув от военно-морской службы, жили воспоминаниями о родине, болели разлукой с домом, с детьми, с женой. Война свалилась на них неожиданно, как страшное бедствие, и они, готовясь в небывалый поход, выполняли работу с мрачным видом удавленников. В число команды входило немало новобранцев. Забитые и жалкие, они на все смотрели с застывшей жутью в глазах. Их пугало море, на которое

они попали впервые, а еще больше — неизвестное будущее. Даже среди кадровых матросов, кончивших разные специальные школы, не было обычного веселья. Только штрафные, в противоположность остальным, держались более или менее бодро. Береговое начальство, чтобы отделаться от них, как от вредного элемента, придумало для этого самый легкий способ: списывать их на суда, отправляющиеся на войну. Таким образом, к ужасу старшего офицера, у нас набралось их до семи процентов.

Среди штрафных иногда прорывалась удаль:

— Ничего, братцы, повоюем!

— Может, на японочках женимся!

— Снаряд — дурак: он не разбирает, штрафной ты или нет. Всех одинаково будет укладывать без всякой панихиды.

Один из вечеров я провел в маленькой каюте, что расположена в жилой палубе с правого борта. Она принадлежала двум младшим боцманам. Оба отличались солидностью роста, шириной плеч и здоровым загаром щек. Один из них, Иван Епифаньевич Павликов, был круглолиц, белокур, с длинными ресницами, под которыми сыто поблескивали светлые глаза. Он шагал по палубе важной и неторопливой походкой барина. Его удручала не столько война, сколько разлука с возлюбленными, портреты которых были развешаны над столиком. О своих победах над женщинами он рассказывал со всеми подробностями, весело при этом посмеиваясь. Он нравился мне меньше, чем второй боцман — Максим Иванович Воеводин. Последний был серьезнее и вдумчивее. По-видимому, на все явления жизни у него сложился определенный взгляд практического человека. И только по временам его лицо, сероглазое, с высоким лбом, с золотистыми усами, нахмурившись, принимало такое выражение, как будто он решал трудную задачу.

Боцманы не могли не дружить со мной. Я заведовал водкой. А они оба слишком были сильны, чтобы удовлетвориться законной чаркой. Это ставило их в некоторую зависимость от меня.

Я и раньше слышал о странных случаях, происходивших с «Орлом». Но теперь от боцмана я узнал об

этом подробнее. Павликов рассказывал мне густым баритоном:

— Худая слава сложилась о нашем броненосце. Началось это с Петербурга. Когда только «Орел» строился, он чуть не сгорел от пожара на Галерном острове. А в тысяча девятьсот третьем году, будучи уже спущен на воду, он во время наводнения полез было на берег. Едва удалось спасти его. Этой весной привели броненосец в Кронштадт и так же, как теперь, пришвартовали его правым бортом к стенке. Швартовы были толстые и крепко завернуты за палы и кнехты на стенке. В этот же день почему-то начался крен на левой борт. К вечеру крен дошел до тридцати градусов. Что случилось? Никто ничего не знал. Легли спать. Вдруг ночью лопнули все швартовы. Броненосец повалился на бок. Загрохотали все предметы, что не были закреплены. В батарейной палубе загудела вода. Люди вскочили со своих коек и в одном нижнем белье бросились к выходам. В темноте поднялся невообразимый шум, гвалт. Всех охватила такая паника, как будто корабль взорвало миной. Выбрались мы все на стенку, мало-помалу в себя пришли. Смотрим — «Орел» наш совсем на боку лежит. Можно сказать, утонул без войны в своей собственной гавани. Хорошо, что мелко было. И то все-таки потом две недели бились с броненосцем, чтобы поднять его...

— Что же такое случилось с ним? — спросил я.

Павликов только руками развел, но вместо него пояснил Воеводин:

— По-моему, непонятного тут ничего нет. Морской канал между Петербургом и Кронштадтом недостаточно глубок. Чтобы прошел по нему наш броненосец, пришлось с него снять броневые плиты нижнего пояса. Дыры от болтов заткнули деревянными пробками. Но кто-то выбил эти пробки. Через эти дыры и начала проникать вода внутрь судна. Потом она через орудийные полупорты пошла, когда судно сильно накренилось. Кто тут был виновником? Указывали, будто японцы ночью проникли к нам. Но все это чепуха на птичьем молоке. Скорее всего свои это проделали, матросы. Вот недавно, как идти нам на пробу, обнаружили в подшипниках машины стальные опилки. Если бы только вовремя не замети-

ли этого, застряли бы в Кронштадте надолго. Может быть, совсем не пришлось бы идти на войну. На других судах тоже подобные случаи были. Взять, например, крейсер «Олег». Вышел он в море на пробу машин. Слушают, что такое стучит в цилиндре низкого давления? Разобрали цилиндр. Внутри его заметили борозды. Оказалось, куски стали попали в него. Вот и любопытно узнать, как попали они в закрытый цилиндр?

Я спросил:

— По-вашему, все это проделывают свои же матросы только для того, чтобы избавиться от участия в войне?

Воеводин покрутил золотистые усы, пытливо взглянул на меня. Лицо его стало суровее. Казалось, что он сейчас разразится бранью, но я услышал тихий голос с нотками разочарования:

— Хорошо не знаю, а выходит, как будто так. Плохо стало служить. Того и гляди, матросы изобьют.

— За что же изобьют, если вы их сами не тронете?

— Вы еще многое не понимаете. Есть у нас на судне такие сачки. Они в законах справляются: ищут такое преступление, за которое бы можно посидеть не больше года в исправительной тюрьме. Недавно на крейсере «Алмаз» трое матросов избили боцмана. На некоторых судах фельдфебелям досталось. У нас пока в другом роде проступки совершали. Что им год просидеть в исправительной тюрьме? Зато живыми останутся. Расчет верный.

Потом Воеводин рассказал, как увечат себя матросы, чтобы попасть в госпиталь и таким образом избавиться от злополучного броненосца.

Некоторые из команды усиленно курили натощак, глотая дым до рвоты, а потом пили воду, крепко настоянную на табаке. Это продолжалось изо дня в день, целые недели. Когда такой человек являлся в судовой лазарет, то у него, как у паралитика, тряслись руки и ноги, а лицо выглядело мертвенно-зеленым, с блуждающими, мутными глазами. Он и в госпитале, чтобы подольше задержаться там, не переставал таким образом отравлять себя. Иногда это кончалось смертью. Один новобранец гвоздем проткнул себе барабанную перепонку и, не выдержав боли, заорал истошным голосом, кру-

жась и приплясывая, как полоумный. Злонамерение его было открыто. Пошел под суд. Много и других увечий было. Пожилой кочегар, призванный из запаса, решил заразиться венерической болезнью, в надежде, что месяца через два-три доктора вылечат его. Пока он выйдет из госпиталя, «Орел» будет уже далеко в пути. Кочегар начал ходить по самым грязным притонам. Истратился, продал все, что только можно продать, а болезнь к нему никак не приставала. Кто-то научил его найти уже зараженного человека и сделать себе искусственную прививку. Кочегар данный совет выполнил в точности. После этого долго ждал, пока не проявились признаки болезни, а вчера явился в судовой лазарет. Врач, осмотрев его, спросил: «Женат?» — «Так точно, ваше высокоблагородие».— «И дети есть?» — «Трое».— «Дурак! Дошлялся по вертепам. Сифилис у тебя».

Кочегар хотел заболеть, но не такой серьезной болезнью, а теперь, выслушав приговор врача, побледнел.

Воеводин, кончив рассказывать, вздохнул и промолвил:

— Да, война войне рознь. А на эту никому не охота идти.

Я ушел от боцманов в раздумье. Почему так неудачно складывается эта война? Ведь били же в старину русские всех подряд на суше и на море. Вероятно, они тогда шли на войну с другими настроениями.

4. ПРОЩАЙ, КРОНШТАДТ!

Наш «Орел» был такого же типа, как «Бородино», «Александр III» и «Князь Суворов». Они так походили друг на друга, словно были близнецами. Эти четыре броненосца, самые новейшие и мощные, составляли главное ядро эскадры. Без нашего корабля эскадра не могла уйти. Поэтому адмирал Рожественский торопил нас.

Наконец-то «Орел» наполнился разными припасами до отказа, нагрузился настолько, что нижняя полоса броневой защиты ушла в воду. Правда, мелкие постройки оставались на нем еще не законченными, но решено было взять с собой около сотни человек мастеровых. На-

ступила пора расстаться с Кронштадтом и, оторвавшись от стенки, двинуться в далекий путь. Это произошло 17 сентября в четыре часа вечера.

Два буксирных парохода, сильно отбрасывая водные буруны, медленно выводили броненосец на рейд. Небольшой ветер беспечно забавлялся поверхностью Финского залива, покатывая мелкие волны. Небо затягивалось жидкими облаками. Скрываясь за мглой, солнце светило тусклым, словно подводным светом. Со стенки гавани, провожая нас, помахивали нам военными фуражками, шляпами, белыми платочками. А у нас на палубе угасала последняя береговая суета. То в одном месте, то в другом появлялась плотная и неповоротливая фигура старшего офицера Сидорова с озабоченным усатым лицом. На переднем мостике среди других офицеров выделялся своим высоким ростом лейтенант С. Я. Павлинов, чернобровый красивый мужчина. Там же находился и командир судна, капитан 1-го ранга Николай Викторович Юнг. Этот среднего роста, ладно сложенный пожилой холостяк, как всегда, был аккуратно одет в новенькую тужурку, с золотыми двухпросветными погонами на плечах, в накрахмаленном воротничке безукоризненной белизны. Несмотря на порядочный возраст, он сохранил удивительную свежесть лица. Что-то располагающее было в его румяных щеках, в русой бороде, в приветливом взгляде синих глаз. Он запретил на судне мордобойство.

У него был один недостаток — это излишняя нервность и ненужная суетливость в распоряжениях.

Двумя часами позже с мостика неожиданно раздались тревожные выкрики. Командир отчаянно замахал руками. Не сразу все поняли, что произошло. Оказалось, на фарватере наш броненосец, разворачиваемый двумя буксирами, плотно сел на мель.

Матросы смеялись:

— Кончилась наша кампания.

— Забирай, ребята, чемоданы и айда в экипаж!

На мостике происходил переполох. Командовали дать ход вперед, назад. Буксиры пробовали тянуть вправо, влево, но броненосец оставался неподвижным. Тогда командир закричал:

— На лотах! Как глубина?

Глубина фарватера оказалась двадцать семь футов, тогда как судно, благодаря своей перегруженности, сидело в воде на полтора фута больше.

Произошло событие чрезвычайной важности. На «Орел» вскоре явилось все портовое начальство, возглавляемое главным командиром порта, командующим Балтийским флотом вице-адмиралом Бирилевым.

Кто во флоте не знал этого хитрого старика! Коренастая фигура, решительная походка, загорелое, почти бронзовое лицо с массой мелких сухих морщинок, бородка клинышком, короткие усы, черные острые глаза, большие уши — все эти внешние черты его нам хорошо были знакомы. Происходя из старинной дворянской фамилии, очень богатой, владевшей крупными поместьями, адмирал, по старым морским традициям, кормил за свой счет весь свой штаб, всех своих флагманских специалистов и даже ординарцев. Обеды у него всегда были прекрасные, приготовленные хорошим поваром, и сопровождались выпивкой дорогих вин, хотя сам он никогда не напивался допьяна. Считался хлебосольным начальником, но зато был строг по службе и требователен к своим подчиненным. Любил часто делать смотры, и в таких случаях редко обходилось без того, чтобы он не поиздевался над командирами судов и вообще над офицерами — без шума, но тонко и ядовито.

С командой он заигрывал. Случалось, придравшись к какому-нибудь пустяку, он нагонял страх на провинившегося матроса, выкрикивая повышенным голосом:

— Что мне делать с тобой, разбойник? Повесить тебя — жалко, сослать на каторгу — мало. Не могу придумать...

Перепуганный матрос таращил глаза на Бирилева, а тот, натешившись, неожиданно менял гнев на милость:

— К счастью твоему, вижу по твоей морде, что ты можешь исправиться по службе. В следующий раз, каналья, не попадайся. Немедленно прикажу накинуть петлю на шею и подтянуть к рее.

И совал матросу двугривенный.

Бирилев надеялся не столько на современную технику, сколько на несокрушимый дух русского моряка.

Для него было большое удовольствие, если офицеры приглашали его на обед в свою кают-компанию. Тогда он целыми часами рассказывал им о своих морских приключениях, о столкновениях с адмиралом Макаровым и Верховским, при этом, по обыкновению, сильно привирая и хвастаясь своими познаниями в военно-морском деле. Во время разговора у него постоянно прорывалась фраза:

— Я как боевой адмирал...

Однажды сидевший с ним вместе за столом мичман Рощаковский спросил:

— Позвольте, ваше превосходительство, узнать, в каких боях вы участвовали?

Бирилев покраснел и ответил враждебно:

— В боях я не бывал, но все мои стремления направлены к боевой подготовке нашего флота, чего у других адмиралов нет. Вот что дает мне право называть себя боевым адмиралом.

Во флоте Бирилев прославился главным образом собиранием иностранных орденов. В этом отношении никто из морских воротил не мог с ним соперничать. Когда-то, будучи еще контр-адмиралом и командуя отрядом судов в Средиземном море, он не столько занимался морским делом, сколько посещал высочайших особ разных государств. В Италии происходили большие национальные торжества. Наш средиземноморский отряд пришел в Неаполь. Адмирал Бирилев со своим флаг-офицером Михайловым поехал в Рим, где был принят королем Виктором-Эммануилом II и королевой Еленой. Адмирал во время обеда искусно развлекал королеву своими всегда остроумными рассказами. Король пожаловал ему итальянский орден. Побывал он и в Тунисе, где получил звезду от туземного бея. Турецкий султан праздновал двадцатипятилетний юбилей своего царствования. Разве можно было пропустить такой случай? Адмирал на канонерской лодке «Кубанец» отправился в Дарданеллы, а оттуда, пересев на поезд, проехал в Константинополь, чтобы представиться султану и поздравить его с юбилеем славного, мудрого и счастливого царствования. Растроганный таким вниманием, султан наградил его звездой «Меджидие». А как не побывать еще в Греции, на острове Корфу, где должна была произойти свадьба ве-

ликого князя Георгия Михайловича с греческой принцессой Марией Георгиевной? Расчет был сделан верно. После бракосочетания молодых на груди адмирала засияла новая звезда. В болгарской столице Софии он посетил царя Фердинанда, и здесь также его наградили орденом. Потом отправился в Сербию на свидание в Белграде с королем Александром и королевой Драгой. Казалось, время для посещения королевской четы было выбрано довольно неудачное. Королева горевала после неблагополучных родов. Король буйствовал, и к нему никто не рисковал подступиться. Ни наш посланник, ни министр сербского двора не могли выхлопотать Бирилеву аудиенции. Но он был настойчив и не унывал. Прожив недели две впустую, он через какую-то придворную даму добился свидания с Драгой. Он так мастерски успокоил королеву, что она благодарила его за сердечное отношение к ней. А через нее он уже подкатился и к самому королю. В результате коллекция звезд его увеличилась. Вообще адмиралу везло. Всюду, где бы он ни столкнулся с той или иной высочайшей особой, его награждали орденами. Чтобы получить таковые, он не стеснялся никакими средствами, доходя в своей изобретательности до виртуозности. В Мадриде он прожил больше недели, добиваясь аудиенции у короля. Это было перед пасхой, Альфонс XIII и королева в это время говели и никого не принимали. Адмирал терпеливо ждал и только на второй день пасхи представился им в цирке во время боя быков. Король был в прекрасном расположении духа, милостиво беседовал с русским адмиралом и, сняв с одного из своих придворных моряков звезду, лично приколол ее на грудь Бирилева. Больше ему нечего было делать в цирке. Он сейчас же покатил на вокзал и сел на поезд. Вернувшись в Барселону, где его поджидал отряд русских судов, он переправился на канонерскую лодку «Храбрый». Нельзя было терять времени: в Виллафранке находился президент французской республики Лубе. Погнали судно, оставляя позади отряд. Кочегары, орудуя в топках, так старались, что на «Храбром» дымовая труба, накалившись докрасна, прогорела. Свидание с президентом все-таки состоялось. Грудь Бирилева украсилась еще одной звездой — ордена Почетного легиона.

Когда со своим отрядом он вернулся в отечественные воды, о нем говорили во флоте:

— Его превосходительство благополучно закончил свой крестовый поход.

Я не раз видел Бирилева в полной парадной форме, и меня всегда поражало обилие наград. Медали, ордена, звезды, большие и малые, не умещаясь на его груди, разбегались по бокам, спускались к бедрам. Он весь сиял, как святочная, богато убранная елка. Молодые офицеры острили над ним:

— Адмирал Бирилев не столько блестит умом, сколько своими звездами.

Наша 2-я эскадра, причиняя ему много хлопот, ничего не могла прибавить к тем его наградам, какие у него уже имелись. Он старался скорее избавиться от этих судов, снабдив их кое-как материальной частью и совершенно не подготовленным к войне личным составом. А тут, как на грех, «Орел» сел на мель, как будто проявляя намерение совсем остаться в Кронштадте.

Адмирал был очень недоволен. На палубе, встретившись с командиром, он сделал ему строгий выговор, заикаясь при этом больше обычного. А потом, быстро поднявшись на мостик, распорядился:

— Ввв-ызз-вать ком-манду и расс-качать судно!

К двум буксирным пароходам прибавили еще несколько, и все они тянули броненосец в одну сторону, чтобы сдвинуть его с места. Одновременно с этим около четырехсот матросов по команде с мостика шарахались от одного борта к другому. Бились долго, но «Орел» продолжал упрямо сидеть на мели.

Могли ли четыреста человек, весивших не более тридцати тонн, раскачать броненосец водоизмещением в пятнадцать тысяч тонн? Это было так же нелепо, как если бы четыреста тараканов вздумали раскачать корыто, наполненное бельем и водой. Несуразность такого распоряжения понимали матросы и, перебегая от одного борта к другому, смеялись:

— Осторожнее, ребята, как бы не опрокинуть судно!

— Смотрите, будто и вправду валится на бок!

— Ой, без войны утонем!

Один из портовых чинов, обращаясь к Бирилеву, подсказал:

— Ваше превосходительство, мне кажется, что такая ничтожная тяжесть, как перебежка матросов, маловато повлияет на ход дела. Нам не обойтись без землечерпалок. Придется дно углубить.

Лицо адмирала, холодное и надутое, со строго поджатыми губами, сразу озарилось сознанием.

— Представьте себе, такая же мысль и мне пришла! Я уже пять минут думаю над ней. Да, вы совершенно правы.

Все портовое начальство разъехалось.

Боцман Воеводин, встретившись со мною, хмуро буркнул:

— Я так и знал, обязательно с нами какая-нибудь каверза случится. Так оно и вышло. Точно злая сила преследует нас.

Матросы вслух высказывали свои желания:

— Эх, кабы на всю зиму застрять здесь!

— Да, тогда вскладчину мы заказали бы сразу сто молебнов.

Ночь спали без тревоги, хорошо.

Утром к броненосцу подвели три землечерпалки. Они работали вокруг него весь день и всю следующую ночь. На этот раз предпринятые меры оказались более удачными. На рассвете 19 сентября «Орел» снялся с мели и направился в Ревель.

Под хмурым небом свежел ветер, крупнели волны. Броненосец, дымя обеими трубами, шел ровно, не качаясь. Давно миновали корабли, стоявшие на большом рейде: «Олег» и «Жемчуг». которые потом будут догонять эскадру. Кружились чайки. Стучали кувалды рабочих.

Я долго стоял на кормовом мостике, уныло оглядываясь назад, на знакомые берега, на исчезающий вдали город. Прощай, Кронштадт! За пять лет службы я много пережил в нем и плохого и хорошего. Там, по Господской улице, нашему брату, матросу, разрешалось ходить только по левой стороне, словно мы были отверженное племя. На воротах парков были прибиты дощечки с позорнейшими надписями: «Нижним чинам и собакам вход в парк воспрещен». Мытарили меня с новобранства, чтобы сделать из меня хорошего матроса, верного за-

щитника царского престола. Получал разносы по службе, сидел в карцере, томился в одиночной камере тюрьмы за то, что захотел узнать больше, чем полагается нам. И все-таки, если выйду живым из предстоящего сражения с японцами, я с благодарностью буду вспоминать об этом городе. Из села Матвеевского, из дремучих лесов и непроходимых болот северной части Тамбовской губернии, где в изобилии водится всякая дичь и зверье, до медведей включительно, я прибыл во флот наивным парнем, сущим дикарем. И сразу же началась гимнастика мозга, шлифовка ума. Не все были плохие офицеры, не все отличались жестокостью. Находились и такие, от которых при умении, при настойчивом желании можно было получить немалую пользу. Но главное заключалось в другом. Специальные курсы баталеров, техника кораблей, плавание по морям, устройство портов, воскресная школа, дружба с развитыми и сознательными товарищами, знакомство со студентами, чтение нелегальной литературы — все это было для меня чрезвычайно ново, все это обогащало разум и заставляло смотреть на жизнь по-иному.

Вспомнилось прошлое.

Два года назад, получив двухнедельный отпуск, я съездил домой на побывку. Это было ранней осенью, когда зелень уже начала покрываться багрянцем и золотом. Мое появление в семье было праздником и для меня и для моих родных. Все жители села приходили полюбоваться матросской формой, не виданной в наших краях: фланелевой рубахой с синим воротником форменки, брюками клеш навыпуск, серебряными контриками на плечах, атласной лентой, обтягивающей фуражку, золотой надписью — название корабля. Дети старшего брата, Сильвестра, а мои малолетние племянники и племянницы — Поля, Егор, Маня, Анета, Ваня, Петя, Федя — смотрели на меня с таким удивлением, как будто я свалился к ним с неба. И сыпались бесконечные вопросы: широкое ли море, какова его глубина, видел ли в нем тех трех китов, на которых держится земля, какой величины корабль, на котором я плавал. Я объяснял им, а они от изумления восклицали:

— Ой, ой! Месяц нужно плыть до берега!

— Вся колокольня наша может утонуть! Ух!

— Эх, вот так корабль! Все село наше может забрать!

А моя мать помолодела от радости. Она каждый день наряжалась в платье, в котором ходила только в церковь. Я смотрел на нее и думал: «Где предел материнской любви?» Она приберегла для меня бутылку малинового сока, совала мне яблоки или горячие пышки. Но больше всего меня удивило ее обращение со мной на «вы». Я протестовал против этого, но она отмахивалась руками:

— Нет, нет, Алеша, и не говорите. Я ведь из Польши. Все правила знаю побольше, чем здешние женщины. А вы теперь вон какой стали. Ни в одном селе такого нет.

Она думала, что я нахожусь в очень больших чинах, и я никак не мог разубедить ее в этом.

— Ах, господи, не дождался старик сына, помер. Что бы ему еще два с половиной годочка протянуть! Вот уж он был бы вами доволен...

Ласково, как отдаленный напев скрипки, звучал для меня ее голос, а кроткие голубые глаза мерцали радостью.

Ярким закатом угас мой отпуск, и я снова уехал во флот.

А теперь на мое сообщение, что меня отправляют на войну, я перед отходом судна получил от матери ответное письмо. Я не мог без слез читать строки, полные тревоги и глубокой скорби. В заключение она писала, что день и ночь будет молиться за меня, а я должен хранить ее благословение и помнить: «материнская молитва со дна моря спасает».

Я посмотрел с мостика на палубу: там, в присутствии старшего офицера и боцманов, работали матросы. Были люди и на мостике, и в башнях, и в батарейной палубе, и в трюмах, и в машинном отделении. Не считая рабочих, которые скоро будут высажены на берег, девятьсот моряков обслуживали корабль. И уносит он нас в неведомые края, туда, где буйствуют огненные вьюги, гася человеческие жизни,— либо победить врага, либо самому погибнуть в безвестной пучине. Разве за них, за этих матросов и офицеров, не молятся матери так же, как и за меня? И разве у наших врагов менее любящие матери, и разве они не проливают слезы, обра-

щаясь к своему богу? Но кого-то из нас ждет холодная могила.

С надломленным крылом души я сошел с мостика. Броненосец «Орел», развевая андреевский флаг, продолжал отмерять морские мили.

5. ВЫСОЧАЙШИЙ СМОТР

На второй день около полудня показались маяки и острова.

Сочно заголубело небо, словно кто мокрой тряпкой смахнул с него грязь облаков. Ветер замирал, но все еще был достаточен, чтобы двигать парусники, разбросанные по просветленной водной шири. На взгорье, в солнечных лучах, начал выявляться город Ревель с его остроконечными кирхами, с крутыми черепичными крышами домов, с круглыми башнями и зубчатыми стенами старинных построек на скалах. Здесь, несмотря на все старания царского правительства русифицировать Эстонию, на всем сохранился отпечаток готической архитектуры. На рейде, недалеко от гавани, стояли корабли 2-й эскадры. Наш «Орел» присоединился к ним и, заняв место в колонне однотипных броненосцев, бросил якорь.

Зачередовались дни с ночами, как два часовых, сменяющих друг друга. Мы вступили в период боевой подготовки. Принимали все меры для защиты эскадры от внезапного нападения противника, хотя до него было еще очень далеко. Учились ставить сети заграждения против мин. С заходом солнца один из кораблей защищал вход в рейд, освещая его прожектором. Мористее него ходили два дозорных миноносца и минные катеры.

На броненосце, к великому удовольствию командира, рассчитали рабочих. Давно требовалось подтянуть команду, навести чистоту, а они своим пребыванием на судне вносили разлад в наш внутренний распорядок. Опасались и крамолы. Мне самому пришлось встретиться с одним рабочим. Оглядел он меня круглыми глазами и, почесав за ухом, спросил:

— Значит, воевать отправляетесь?

— Да,— кратко ответил я.

— Ну, с богом.

— При чем же тут бог?

— Ого! Тогда, выходит, с чертом?

— И это ни при чем.

— Ого! Неужто отрицаешь?

— А разве такие не бывают?

Рабочий подумал немного и загадочно ответил:

— Да, все на свете бывает, и попадья попа надувает. Знаю я в одном селе парочку: муж дьякон, а жена у него попадья. Как это вышло, а?

Я тоже ответил прибауткой:

— Это еще невелика беда, что на огороде поросла лебеда, вон церкви горят, и то ничего не говорят.

— Ого! Резвый! Не спотыкнешься?

— Случалось и это.

Издалека, весьма осторожно он начал знакомить меня с политикой. Он говорил больше намеками, но я понимал его. Выходило так, что если мы победим противника, то этим самым только больше укрепим свое правительство. То же самое я слышал и на берегу от интеллигенции. Все передовые люди радовались нашим неудачам. Казалось, эта часть русского общества никогда не была так охвачена пораженческими идеями, как в эту войну, ибо она раскаляла народ, вскрывая перед ним все наши государственные язвы. В каком же дурацком положении оказались мы, моряки, отправляющиеся на Дальний Восток! Если мы восторжествуем над японцами, то нанесем вред назревающей революции, необходимой для задыхающейся России, как свежий воздух. С другой стороны, мы не можем спокойно подставлять свои лбы под неприятельские снаряды. Наш проигрыш и наша гибель будут считаться позором, а над теми, какие вернутся с войны, будут смеяться:

— Вот они, моряки с разбитого корабля!

Послушав рабочего, я предупредил его:

— Довольно, друг. Этой пищи я уже отведал.

— Ого! Отрадно. Ну что же, вы там, а мы тут постараемся.

Я нисколько не сомневался, что длительное пребывание рабочих на судне оставило среди матросов какой-то след.

Внутренняя организация службы на кораблях налаживалась медленно. Даже на флагманском броненосце «Суворов», который уже порядочное время находился в плавании, люди совсем не были подготовлены к бою.

Вот что писал об этом адмирал Рожественский в приказе № 69:

«Сегодня в два часа ночи я приказал вахтенному начальнику пробить сигнал для отражения минной атаки.

Через восемь минут после отдачи приказания не было еще и признаков приготовления отразить нападение: команда и офицеры еще спали; только несколько человек вахтенного отделения с трудом были извлечены из мест отдыха, но и те не знали, куда им идти; ни один прожектор не был готов осветить цель; вахтенные минеры отсутствовали; никто не заботился даже о палубном освещении, необходимом для действия артиллерии...»

Дальше адмирал просил младших своих флагманов и командиров проверить, как обстоит в этом отношении служба на других кораблях, и о результатах немедленно донести ему.

Дождался и «Орел» того времени, когда ему пришлось участвовать совместно с другими кораблями в пробном отражении минной атаки. Над морем густо висела осенняя ночь. Было тихо. И вдруг в этой тишине раздалась боевая тревога. На всей эскадре вспыхнули огни прожекторов, и световые полосы их, рассекая тьму, заскользили по ровной поверхности моря, нащупывая щиты, буксируемые миноносцами. С других судов, хотя и с опозданием, открыли орудийную стрельбу по этим щитам, а у нас по трапам и палубам все еще метались люди. Некоторые из матросов, в особенности новобранцы, находясь под влиянием разных слухов о близости японцев, думали, что началось настоящее сражение. Слышались бестолковые выкрики. Офицеры ругали унтеров, а те толкали в шею рядовых. Много минут прошло, пока на броненосце водворился некоторый порядок. Забухали и наши 75-миллиметровые пушки. У меня сложилось такое впечатление, что если бы на нас действительно напали японцы, то, пользуясь нашим промедлением и неразберихой, они успели бы три раза потопить наш броненосец.

Для нас эта ночная тревога кончилась тем, что «Орел» получил от командующего эскадрой выговор.

В следующие дни наступила другая забота: мы должны были надлежащим образом подготовиться к царскому смотру. На броненосце всюду наводили порядок и чистоту. Много раз мыли коридоры с мылом, лопати-

ли мокрую палубу, окатывали ее водой, подкрашивали борта, надраивали до блеска медяшку. Не были избавлены от этого машинное и кочегарное отделения: а вдруг и туда вздумает спуститься коронованный посетитель! Несмотря на свой возраст, подхлестнутым жеребенком носился по судну старший офицер Сидоров, заглядывая во все помещения и надрываясь от крика и брани. Охваченный излишним усердием, он даже перестал замечать недочеты. Ему помогали в наведении порядка и другие офицеры, каждый по своей специальности. Потом уже сам командир Юнг обходил броненосец. Его привычный глаз все еще не удовлетворялся тем, что было сделано. И тогда снова начинали скоблить некоторые судовые части, скрести их, мыть, подкрашивать. Казалось, что люди помешались на чистоте.

Смотр состоялся 26 сентября. С восьми часов утра вся эскадра разукрасилась разноцветными флагами, поднятыми на леерах на каждом судне от носа и до самой кормы через верхушки мачт. День выпал ведреный. Чист и бодряще свеж был осенний воздух. С моря в меру дул голубой ветер, катились на рейд волны, потрясая белопенными кудрями. Матросы нарядились в новые синие фланелевки и черные брюки, офицеры — в мундиры и треугольные шляпы. На флагманских кораблях играла музыка.

Редкого гостя ждали долго, успели пообедать. На других судах кричали «ура», а до нас все еще не дошла очередь. И только в три часа, трепеща двумя белыми косицами императорского брейд-вымпела на носовом флагштоке, подвалил к правому трапу паровой катер.

Встреченный фалрепными из офицеров, царь поднялся на палубу в сопровождении своей свиты и адмиралов. Лицо его было бледное, будничное и никак не подходило к такому торжественному моменту. Рассеянно взглянув на выстроившийся фронт, он поздоровался с офицерами и командой. Судовым начальством нам заранее было приказано отвечать как можно громче, и мы постарались:

— Здравия желаем, ваше императорское величество!

Царь взошел на поперечный мостик, перекинутый через ростры, и обратился к нам с краткой речью.

Он призывал нас отомстить дерзкому врагу, нарушившему покой России, и возвеличить славу русского флота. Говорил он без всякого подъема, вяло, ибо ему приходилось повторять одно и то же на каждом корабле.

Я смотрел на него и думал: «Верит ли он сам в нашу победу? Ведь на Дальнем Востоке мы уже немало просадили в этой страшной игре человеческими жизнями. Может быть, коронованный повелитель сам не понимает того, что, посылая вторую эскадру, он бросает на кон последнюю ставку? Или он надеется, что командующий эскадрой спасет Россию от дальнейшего банкротства?»

Здесь же находился и Зиновий Петрович Рожественский, облаченный в полную свитскую форму, тот, который поведет наши корабли на смертный бой. Массивные плечи его горели серебром контр-адмиральских эполет с вензелями и черными орлами. Широкая грудь сверкала медалями и звездами. Брюки украшали серебряные лампасы. От левого плеча наискось к поясу перекинулась через грудь широкая анненская лента, переливая алым цветом шелка, а с правого плеча свисали витые серебряные аксельбанты. Своей могучей фигурой он подавлял не только царя, но и всех членов свиты. В чертах его сурового лица, обрамленного короткой темно-серой бородой, в твердом взгляде черных пронизывающих глаз запечатлелось выражение несокрушимой воли. Против своего обычая упрямо склонять голову, сейчас он сосредоточенно смотрел на царя, прямой, монолитный, как изваяние, и такой самоуверенный, что, казалось, никакие преграды не остановят его замыслов.

Рядом с ним стояли два его младших флагмана: командующий вторым броненосным отрядом контр-адмирал фон Фелькерзам и командующий крейсерским отрядом контр-адмирал Энквист.

С первым я одно лето плавал вместе и знал его хорошо. По отзывам офицеров, в военно-морских вопросах он разбирался лучше, чем сам Рожественский. Но для создания карьеры все дело портила его комическая внешность. Фигура у него была тучная, ожиревшая, однако это не мешало ему передвигаться быстрыми мелкими шагами. Своим одутловатым лицом, лишенным свежести, помятым, почти без растительности, он напоминал ка-

страта. При раздражении, округляя свой маленький, как наперсток, рот, он выкрикивал слова тонким женским голосом, что никак не соответствовало ни его адмиральскому чину, ни его широкому, полнотелому туловищу.

Энквиста, шведа по происхождению, я теперь увидел впервые, но много слышал о нем. Он страдал отсутствием памяти, забывал все, что видел и слышал, но в таких случаях его выручали записи всегда присутствующего при нем флаг-офицера. Большая, тщательно расчесанная седая борода придавала ему вид солидного и красивого адмирала и заменяла все духовные качества.

Я смотрел на царя, на его свиту, на адмиралов и флаг-офицеров и удивлялся: столько было блеска, что ослепляло глаза.

Запомнились последние слова царя:

— Желаю вам всем победоносного похода и благополучного возвращения на родину.

На это почти девятьсот человек команды ответили криками «ура».

Царь сошел с мостика и направился к правому трапу. Вдоль борта выстроились в шеренгу судовые офицеры. Ближе к трапу стоял командир, за ним — старший офицер, потом старшие специалисты и мичманы. Каждый из них, держа руку под козырек, вытянулся и замер. Лица их были повернуты в сторону царя, и, по мере того как он шел, головы людей медленно, как секундная стрелка, поворачивались, делая полукруг. Глаза офицеров, голубые, серые, карие, провожая монарха, впились в его лицо и, казалось, не могли от него оторваться. За ним двигались великий князь Алексей Александрович, морской министр Авелан, адмиралы Рожественский, Фелькерзам, Энквист и другие высшие чины. Несмотря на множество людей, застывших вдоль бортов в неподвижных рядах, на палубе стояла такая тишина, от которой ждешь чего-то необыкновенного.

И действительно, произошло то, от чего содрогнулись сердца судового начальства.

Был у нас пес, из простых дворняжек: масть бурая, уши стоячие, хвост крючком. На наш броненосец он попал случайно. Однажды, когда офицерский катер отваливал от пристани, вдруг на его корму саженным прыж-

ком махнула собака. Офицеры переполошились. Но она ласково завиляла хвостом и смотрела на каждого из них сияющим взглядом карих глаз. По всему было видно, что она необыкновенно обрадовалась, очутившись на катере. Все решили, что эта собака бывала на морях и каким-то образом отстала от своего судна. Ее повезли на броненосец. Дело было во вторник, и поэтому, не зная ее прежней клички, дали ей новую — Вторник. Пес быстро прижился у нас. Часто можно было его видеть среди команды в кубриках, но больше всего он ютился в кают-компании: там вкуснее кормили. У него была большая любовь к морю. Он мог часами сидеть на юте или на заднем мостике и, словно поэт или художник, любоваться красотами водной стихии. Но его, как и всех моряков, тянуло и на берег, чтобы вдосталь порезвиться там и познакомиться с другими собаками. Но теперь он вел себя на суше осторожнее и держался ближе к пристани, боясь, очевидно, как бы опять не остаться нетчиком. У него была замечательная зрительная память. Не только офицеров, но и всю нашу команду он знал в лицо, а также знал и все свои шлюпки.

На время посещения царя Вторника загнали в машинное отделение. Он примирился с этим и, обходя работающие вспомогательные механизмы, обнюхивал их, как и полагается по собачьим правилам. Вдруг его стоячие уши насторожились. Через световые люки донеслась до машины еле слышная любимая им команда вахтенного начальника:

— Катер к правому трапу!

Вторник сорвался с места и с привычной ловкостью понесся по трапам наверх. Двери в машинное отделение были кем-то открыты, и он выскочил на верхнюю палубу. Первым делом, как это всегда бывает у собак, сорвавшихся с цепи или вырвавшихся на волю из конуры, Вторник сладко потянулся и встряхнулся всем телом. Потом он высоко поднял голову с торчащими ушами и огляделся. Видимо, ему хотелось разобраться, что здесь происходит, кто уезжает и за кем надо поспевать. Уже одно его появление здесь смутило судовое начальство. Но Вторник еще больше накуролесил. Он увидел группу людей, направляющихся к знакомому трапу,

и, обгоняя ее, с радостным лаем пустился галопом по палубе. В этой напряженной обстановке, когда в присутствии коронованного гостя и высших чинов флота люди как будто оцепенели и даже сдерживали дыхание, вольность движений собаки привела судовых офицеров в такой ужас, словно им угрожал немедленный провал в морскую пучину. Что-то страшное надвинулось на корабль — ведь Вторник в своем неудержимом порыве попасть на катер может столкнуть царя с трапа в воду. Что тогда будет? Командир, сгибая дрожащие колени, стал ниже ростом и приоткрыл рот, как будто хотел крикнуть и не мог. Старший офицер даже крякнул и для чего-то поднял к треугольной парадной шляпе и левую руку. Лейтенант Вредный втянул голову в плечи, словно на него замахнулись кувалдой. Растерялись и остальные офицеры: одни побледнели, у других задергались губы. Можно безошибочно сказать, что перед каждым из них стоял один и тот же жуткий вопрос: из-за чего придется пострадать? Из-за собаки, паршивой дворняжки! Вероятно, в это мгновение она возбуждала у судового начальства такую ненависть к себе, что участь ее была решена: после смотра она с балластом на шее полетит за борт.

Великий князь Алексей Александрович, оглянувшись, укоризненно качнул головою Рожественскому, а тот, стиснув челюсти, посмотрел на офицеров таким уничтожающим взглядом, который как бы говорил:

— Ну, всем вам конец: разжалуют в матросы.

Царь в этот момент находился на нижней площадке трапа. Он только что хотел шагнуть на катер, как к его ногам кубарем скатился Вторник. Царь дернулся и, ухватившись за поручни, неловко изогнулся. Один из двух мичманов, стоявших на площадке трапа в качестве фалрепных, оторопел, но другой не растерялся и, схватив Вторника за шею, крепко прижал его к себе. Все это произошло в несколько секунд, и все ждали, что сейчас последуют страшные взрывы молнии и грома. Но царь, опомнившись, вдруг заулыбался и, погладив пса по спине, ласково промолвил:

— Ах, собачка. Какая милая собачка.

И шагнул на катер.

Напряженная атмосфера сразу разрядилась. Вся

раззолоченная императорская свита, словно по команде, заулыбалась. Каждый из высших чинов, начиная с великого князя и кончая адмиралами, считал своим долгом, спустившись по трапу, погладить Вторника, и каждый приговаривал на свой лад:

— Удивительный пес.

— Славная собака.

— У него исключительно умные глаза.

— Красавец, какого редко можно встретить.

И даже всегда мрачный Рожественский изобразил на своем суровом лице улыбку и, потрепав по спине Вторника, пробасил:

— Четвероногий моряк. Видать — патриот.

Оживилось и наше судовое начальство. Командир выпрямился, улыбнулся и стал выше ростом. Старший офицер опустил левую руку и браво выпятил грудь. Просияли и остальные офицеры, точно им предстояло получить высочайшую награду. Теперь каждый из них смотрел на собаку с таким восторгом, как будто она совершила выдающийся военный подвиг.

Только Вторник не радовался. Удерживаемый мичманом, он с недоумением смотрел на катер, не понимая, почему его на этот раз не пускают туда. Не понимал пес и того, что он удостоился такой великой монаршей милости, которая осчастливила бы любого человека из экипажа «Орла».

Паровой катер отвалил от трапа.

«Царскосельский суслик», как прозвали царя революционно настроенные матросы, отбыл на другие корабли.

6. ЦАРЬ И КАЙЗЕР

Вспомнились торжества, происходившие на этом рейде в 1902 году. Здесь состоялось знаменитое свидание двух императоров: Николая II и Вильгельма II. Отсюда началась головокружительная карьера адмирала Рожественского, который тогда, командуя учебно-артиллерийским отрядом, держал свой флаг на крейсере «Минин»; отсюда протянулись невидимые нити к дальневосточной войне.

День 24 июля был ясный. На ревельском рейде скопилось четырнадцать крупных военных судов и пятна-

дцать миноносцев. Только два корабля, построенные в Америке, выделялись своей белизной — «Варяг» и «Ретвизан», а остальные были выкрашены в черный цвет. Тут же стояли императорские яхты «Штандарт» и «Полярная звезда», пришедшие еще накануне. Все высшие чины Балтийского флота находились теперь здесь. Берег и стенки гавани были усыпаны народом, пришедшим посмотреть на небывалое событие.

С раннего утра, волнуясь, ждали появления Вильгельма. Наконец на горизонте, за островом Нарген, показались дымки немецкой эскадры. Навстречу ей сейчас же двинулись яхты и крейсер «Светлана». Туда же, увозя знатных зрителей, направились и несколько частных пароходов, изящно убранных зеленью.

В восемь часов все наши корабли расцветились флагами. Издали доносились выстрелы обменных салютов. А два часа спустя встретившиеся суда уже приближались к рейду. В состав немецкой эскадры входили: броненосный крейсер «Принц Генрих», крейсер «Нимфа», миноносец «Слейпнер» и яхта «Гогенцоллерн». Все они щеголяли белой окраской. Вильгельм успел уже пересесть с собственной яхты на русскую, и теперь оба императора стояли на мостике «Штандарта».

Каждый наш корабль, окутываясь пороховым дымом, отсалютовал в честь кайзера тридцатью одним выстрелом. Грохот стоял, словно на войне. На флагманских судах и яхтах гремели оркестры: немцы играли русский гимн, наши — немецкий. На мостиках русских и немецких судов собрались офицеры в пышных нарядах, парадной форме, а на верхних палубах, вдоль бортов, расположились фронтом матросы в белых с синими воротниками форменках. Часть команды облепила ванты, эти веревочные лестницы, ведущие на мачты, а на «Первенце» и «Кремле», судах с парусным вооружением, матросы забрались на реи, выстроившись на них в шеренгу. Отовсюду, перекатываясь, неслось громкое «ура».

После обеда, часа в три, на кораблях учебно-артиллерийского отряда флаги расцвечивания были спущены. Офицеры переоделись в обычную форму. Все приготовились показать высочайшим особам свое артиллерийское искусство.

Оба императора прибыли на крейсер «Минин». Вме-

сте с ними явились принц Генрих и шеф нашего флота великий князь Алексей Александрович, управляющий морским министерством Тыртов, немецкий морской министр Тирпиц, адмиралы и чины обеих императорских свит. Никогда еще на борту нашего судна не было столько знатных лиц.

Весь наш отряд, снявшись с якоря, пошел на маневры и стрельбу.

На мостике было тесно. Помимо прибывших посетителей, здесь присутствовали командир судна и адмирал Рожественский со своим штабом. Я тоже стоял там, приютившись в уголке. На моей обязанности лежало следить за падением снарядов и отмечать в тетради их недолеты, перелеты и попадания.

Николай был в форме немецкого адмирала. Вильгельм, наоборот, нарядился в форму русского адмирала с голубой андреевской лентой. Наш маленький незаметный царь большого государства в присутствии своего коллеги оставался в тени. Внимание всех привлекал кайзер. Необыкновенно высокие каблуки увеличивали его средний рост, а его грудь выпячивалась колесом, очевидно от ваты, заложенной под мундир в большом количестве. Он был довольно статен, с необычайной военной выправкой, с уверенной походкой. Левую, плохо действующую руку, которая была короче правой, он засовывал за борт адмиральской формы, скрывая этим свой физический недостаток. Иногда с той же целью Вильгельм, меняя позу, опирался левой рукой на эфес сабли. Когда он разговаривал с царем своим высоким тенором, то правая сторона его губ слегка подергивалась. Шрам на щеке, густые, лихо поднятые вверх русые усы, словно ухватом подпирающие прямой дородный нос, большие в темных ресницах глаза, твердо смотревшие из-под треугольной морской шляпы, а также весь его облик, его манера держаться — все это придавало ему вид свирепой воинственности.

Среди этих знатных лиц я чувствовал себя так же, как может чувствовать себя человек, забравшийся на верхушку высокого дерева, на тонкие и ненадежные ветви. Сделай малейшую оплошность — полетишь вниз головой. Нервный холодок пробегал по спине. Обмундирование на мне аккуратно было пригнано, что я проверил

сотню раз, и сам я был весь подтянут. И все-таки не переставала тревожить мысль: вдруг оторвется пуговица от штанов, расстегнется ремешок или повернусь не так, как полагается. Что тогда со мной сделают?

Корабли учебно-артиллерийского отряда, развевая боевыми флагами, производили эволюции. Красивую картину представляли они, когда проделывали всякие повороты, принимая то строй кильватерной колонны, то строй фронта. Эти грандиозные плавучие крепости маршировали на воде с такой легкостью, как взвод солдат на суше.

Загремели пушки. Сначала стреляли по щитам, поставленным на острове Карлос, а потом — по щитам, буксируемым миноносцами.

Рожественский, казалось, не замечал ни царя, ни кайзера и только напряженно следил за своими кораблями. Иногда покрикивал:

— Чаще стрелять!

А когда заметил, что одно судно сделало какую-то ошибку, то, по обыкновению, рассердился и, не стесняясь присутствием высочайших особ, выбросил за борт бинокль. Капитан 2-го ранга Клапье-де-Колонг подал ему свой. Царь, заметив это, улыбнулся.

Три часа продолжались маневры и стрельба. На этот раз попадали в цель лучше обыкновенного. По крайней мере все щиты были повалены, что меня крайне удивило.

По окончании маневров и стрельбы Вильгельм, поздравляя своего коллегу, сказал:

— Я был бы счастлив, если бы у меня во флоте были такие талантливые адмиралы, как ваш Рожественский.

Это он говорил при Тирпице, который находился здесь же. Конечно, Вильгельм хитрил, но Николай поверил ему и, дорожа его мнением, счастливо заулыбался. Он сначала расцеловал шефа нашего флота, великого князя Алексея Александровича, а потом — Рожественского. Адмирал, в порыве верноподданнических чувств, нагнулся, схватил царскую руку и крепко прильнул к ней губами, но тут же выпрямился и, желая усилить произведенное впечатление на коронованного повелителя, твердо заявил:

— Вот бы когда нам повоевать, ваше императорское величество.

Сейчас же высочайшим приказом Рожественский был зачислен в свиту его величества.

А вечером, когда писаря с миноносцев приехали к нам за почтой, мы узнали от них интересные новости. Они рассказывали, будто буксируемые щиты были, что называется, сшиты на живую нитку и падали от сотрясения воздуха, если близко около них пролетал снаряд, а на острове Карлос щиты были укреплены так слабо, что валились от попавшего в них осколка или камня.

Выходили на стрельбу и ночью. А на второй день высаживали десант на берег. Затем устраивали примерное сражение, в котором один отряд судов нападал на другой.

Торжество продолжалось три дня. По ночам ревельский рейд представлял собою волшебное зрелище. На мачтах императорских яхт горели огнями штандарты. Все суда, как наши, так и немецкие, были иллюминованы. На некоторых борта были обведены сверкающими пунктирами. На других андреевский кормовой флаг был сделан из электрических лампочек. Выделялся флагманский крейсер «Минин»,— над ним повисли огненные вензели W и N, увенчанные красными коронами.

Оба императора, казалось, соперничали друг перед другом своею щедростью. Вильгельм подарил царю золотой письменный прибор. Николай не остался в долгу и в свою очередь подарил своему коллеге золотой боярский шлем, украшенный драгоценными камнями. Не были обойдены вниманием и адмиралы: их наградили разными орденами.

Часа в четыре пополудни 26 июля немецкая эскадра снялась с якорей и направилась в море под крики «ура» и прощальный салют, загрохотавший с обеих сторон. Яхта «Штандарт» пошла проводить дорогих гостей. Когда немецкая яхта «Гогенцоллерн» подходила к острову Наргсн, на мачтах ее взвился сигнал по международному своду:

«Адмирал Атлантического океана приветствует адмирала Тихого океана».

На «Штандарте» не сразу поняли смысл этого сигнала. Потом подняли в ответ флаги, означающие:

«Ясно вижу».

И еще добавили по приказанию царя:

«Благодарю. Желаю счастливого плавания».

Лукав был Вильгельм. Сигнал его нужно было понимать так: себя он в будущем считает адмиралом Атлантического океана, а нашему царю советует стать адмиралом Великого океана. Николай еще раз поверил своему другу. С того времени у нас на Дальнем Востоке началось лихорадочное оживление. На ревельском именно рейде в царской голове дозрела идея войны с Японией. Здесь же кайзер получил согласие Николая на занятие китайского порта Циндао.

В результате этого свидания двух императоров повезло и Рожественскому. Вскоре он стал начальником Главного морского штаба.

На этой должности ему пришлось пробыть до тех пор, пока его не назначили командующим 2-й Тихоокеанской эскадрой.

7. ИДЕМ В ЛИБАВУ

За ночь эскадра далеко продвинулась в море.

Утро следующего дня на «Орле» началось обычным порядком, установленным одинаково для всех военных судов: ровно в пять часов над люком верхней палубы просвистала дудка, а вслед за ней раздался знакомый голос вахтенного унтер-офицера:

— Вставай! Койки вязать!

На броненосце, в жилых его помещениях, там, где спали матросы, понеслась эта команда, повторяемая палубными старшинами. Выкрики сопровождались руганью, забористой и крепкой, точно спирт. Вся жилая палуба моментально пришла в движение, загомонила человеческими голосами. Быстро, словно обрызганные кипятком, люди выбрасывались из своих подвесных коек, соскакивали с рундуков. Необходимо было торопиться, чтобы в короткое время успеть одеться, а потом, завернув постель в парусиновую койку, аккуратно зашнуровать ее, придав ей вид кокона.

Через десять минут слышалась другая команда:

— Койки наверх!

Сотни людей бросились к выходным трапам, опережая друг друга. На верхней палубе они рассыпались

вдоль коечных сеток, устанавливали в них койки, номерками наружу. Опоздавшим попадало от начальства.

После этого бежали к общим умывальникам, похожим на длинные желоба, с большим числом кранов над ними. Здесь было тесно. Толкая друг друга, наскоро споласкивали лицо забортной соленой водой.

— На молитву!

От такого призыва, словно от кнута, многие из матросов старались увильнуть, прячась по разным отделениям. Остальные собрались на верхней палубе. Появился священник о. Паисий и затянул «Отче наш». Ему помогали сотни голосов. Каждое утро мы пели так молитвы, предварительно наслушавшись отчаянной ругани и сами вдосталь наругавшись.

Полчаса полагалось на завтрак. Так как свою порцию сливочного масла каждый получал отдельно, а трех фунтов хлеба хватало всем с избытком, то с едой и питьем чая не торопились. Можно было поговорить и посмеяться. Некоторые, покончив с завтраком, задумчиво засматривались на море, на идущие по нему корабли.

Кругом было уныло и серо. С перерывами моросил мелкий дождь. Холодный ветер колыхал море. По временам наползал туман, укорачивая расстояние видимости.

Эскадра наша, построенная в две кильватерные колонны, шла вперед, к мутному горизонту. В правую колонну входили броненосцы: «Князь Суворов», «Император Александр III», «Бородино» и «Орел», транспорт «Камчатка», представляющий собою плавучую мастерскую, крейсеры: «Аврора», «Светлана», «Алмаз». Левую колонну составляли броненосцы: «Ослябя», «Сисой Великий» и «Наварин», крейсеры: «Адмирал Нахимов» и «Жемчуг» и транспорт «Анадырь». Кроме того, за последними все время держались миноносцы: «Бедовый», «Блестящий», «Быстрый», «Буйный», «Бравый», «Бодрый» и «Безупречный». Но сейчас эти миноносцы, согласно распоряжению командующего, отделились от эскадры и, пользуясь преимуществом в ходе, начали опережать ее. Скоро они скрылись за горизонтом.

На мачтах флагманского корабля «Суворов» то и дело взвивались сигналы. Все остальные суда немедленно репетовали их, поднимая у себя такие же флаги. Броне-

носец «Бородино», шедший впереди нас, почему-то часто рыскал вправо и влево, за что получил от командующего выговор.

С семи часов утра на «Орле» начиналась уборка. Мыли палубу, чистили медные части, всюду обтирали пыль. За работой наблюдали вахтенные: начальник, офицер и унтер-офицеры.

На этот раз в качестве вахтенного офицера был молодой мичман, светлый блондин, прозванный матросами «Воробейчиком». Лицо у него было нежное, мальчишеское, с беззаботно-серыми глазами под сверкающими стеклами пенсне. Маленький и суетливый, быстро выпаливающий слова, он все время крутился, появляясь то на мостике, то на палубе, и заносчиво покрикивал на матросов искусственным баском:

— Рвань капустная! Вы не работаете, а только воздух портите на корабле. Нужно хорошенько лопатить палубу.

Ему трудно было угодить. Кричал он без всякого толка, иногда пуская в ход кулаки. Матросы ненавидели его и ворчали по его адресу:

— Расчирикался наш Воробейчик.

— Самая бесполезная птица на свете.

— Воробью положено в конском навозе копаться, а он при кортике ходит и повелевает.

Не таков был вахтенный начальник, лейтенант Славинский, и по своему характеру и по внешнему виду. В меру ростом, плотный, он при всяких обстоятельствах не выходил из душевного равновесия, а его лицо, рыжеватое, усыпанное веснушками, всегда сохраняло выражение полного спокойствия. Считался понимающим офицером.

Как полагалось, через три четверти часа уборка на корабле была закончена. Ничто не давало повода ни старшему офицеру, ни командиру к чему-либо придраться. Убедившись в этом, Славинский крикнул:

— Боцман, рапорт!

Кондуктор Саем, этот прожженный сорокалетний морской волк, находился поблизости. Твердыми шагами он направился к вахтенному начальнику, на ходу подкручивая свои густые усы. Остановился. Резко подкинул пра-

вую руку к козырьку, а левой передавая написанную рапортичку, заговорил:

— Ваше благородие, на эскадренном броненосце «Орел» состоит...

Дальше он перечислял сведения из рапортички — сколько на судне команды, сколько больных и арестованных, какое количество тонн угля, на какое время хватит пресной воды и машинных материалов.

Вахтенный начальник приблизился к старшему офицеру Сидорову и, передавая ему рапортичку, повторил все, что слышал от боцмана.

За пять минут до восьми часов, когда на мачтах «Суворова» взвился сигнал приготовиться к подъему флага, он громко провозгласил распоряжение:

— Караул, горнисты и барабанщик наверх! Команда наверх повахтенно во фронт! Дать звонок в кают-компанию!

Церемониал продолжался дальше.

На палубе выстроились: караул, горнисты и барабанщики на левых шканцах, офицеры на правых, команда на шкафуте повахтенно.

В то же время рассыльный побежал доложить командиру, что к подъему флага все готово, и когда капитан 1-го ранга Юнг появился на палубе, вахтенный начальник скомандовал:

— Смирно!

Сейчас же подал голос караульный начальник:

— Слушай! На-кра-а-ул!

Человек десять матросов привычным движением подбросили вверх винтовки и держали их перед собою, как свечи, до тех пор, пока не поздоровался с ними командир и пока не скомандовал им «к ноге».

После этого к командиру последовательно начали подходить с рапортом: старший офицер, старший врач и старшие специалисты. Выслушав их всех, он здоровался с офицерами, потом с кондукторами и, наконец, с командой.

До самого торжественного акта осталась одна только минута.

Вахтенный начальник распорядился:

— На флаг!

А ровно в восемь часов, стараясь не отстать ни на

одну секунду от броненосца «Суворов», громко и протяжно, с дрожью в повышенном голосе, скомандовал:

— Смирно! Флаг поднять!

Кормовой флаг с синим андреевским крестом, поднимаемый сигнальщиками, развеваясь, медленно шел вверх, к ноку гафеля. В это время винтовки брались «на-караул», все офицеры и команда снимали фуражки, горнисты и барабанщики играли «поход», унтер-офицеры протяжной трелью свистали в дудки, а баковый вахтенный отбивал восемь склянок. С флагманских кораблей доносилась музыка духового оркестра.

Церемониал кончился.

— Команде разойтись! Караул вниз!

Новая смена вступила на вахту. Начались судовые работы и обучение по специальностям. Это продолжалось два с половиной часа, пока с мостика не возвестили:

— Окончить все работы! В палубах прибраться!

В камбузе кок готовился подать начальству пробу командного обеда. В блестящую никелированную миску он налил супу, подкрасил его наваром янтарного жира, заправил сметаной, занятой у офицерского повара, и положил в него лучшее мясо, нарезанное ровными кусочками. Хотя такая пища была взята из общего котла, но она очень отличалась от той, что давали матросам. Когда на никелированный поднос были поставлены миска с супом, тарелка с ломтиками хлеба, солоничка с солью, положены ложка и салфетка, кок спешно стал переодеваться в белый фартук и такой же колпак. Ровно через пятнадцать минут в камбуз заглянул старший боцман Саем и спросил:

— Проба?

— Готова, господин боцман.

Здоровенный кок, держа перед собой поднос, вышел из камбуза и, сопровождаемый боцманом, направился на передний мостик. Взволнованный, он шагал медленной поступью, с таким торжественным видом, точно нес священные дары. Боцман, подняв руку к козырьку, доложил вахтенному начальнику, лейтенанту Павлинову:

— Проба готова, ваше благородие.

При этом обязательно должен был находиться старший офицер.

Такой порядок был на всех военных судах. Лейтенант Павлинов, повернувшись к Сидорову, отрапортовал:

— Господин капитан второго ранга, проба готова.

Из ходовой рубки вышел сам командир и, выслушав такой же доклад от старшего офицера, принялся за пробу. Ел неторопливо, со вкусом, долго. Кок, держа перед ним поднос, застыл в каменной позе. А остальные трое, глядя на главу судна, отдавали ему честь. К этому времени на судне у каждого человека желудок требовал пищи. А в данном случае взбудораженный аппетит давал чувствовать себя еще больше. Сидоров на своем усатом лице выразил один вопрос — останется ли для него суп, или нет? Лейтенант Павлинов, этот здоровенный мужчина, стиснул челюсти; вздрагивали ноздри его породистого носа. Кондуктор Саем подался туловищем немного вперед и, выкатив глаза, смотрел на командира, словно удав на свою жертву.

Капитан 1-го ранга Юнг, положив ложку на поднос, тщательно вытер усы и сказал ласково:

— Суп хорош. Только в следующий раз прибавь перцу. Чуть-чуть побольше.

— Есть, ваше высокоблагородие,— ответил кок.

После командира, соблюдая очередь по чинам, принялись за пробу остальные. Хлебали той же ложкой, вытирали усы той же салфеткой.

Такая процедура повторялась каждый день.

Сейчас же, по распоряжению с мостика, я и старший баталер Пятовский вынесли из ахтерлюка на верхнюю палубу две ендовы с вином: одна для нечетных номеров, другая для четных. В одиннадцать часов вахтенный начальник распорядился:

— Свистать к вину и на обед!

Залились дудки капралов. Среди команды началось оживление. Одни из матросов, гремя железными укреплениями, спускали на палубах подвесные столы, другие, схватив медные баки, мчались к камбузу, третьи, те, что любили выпить, спешили к той или другой ендове, выстраиваясь в очередь. На каждого полагалось полчарки водки, а еще полчарки вечером — перед ужином. Пили водку с наслаждением, покрякивали и отпускали шутки:

— Эх, покатилась, родная, в трюм моего живота!

— Хорошо обжигает.

— А за границей ром будут выдавать. Тот еще лучше.

— Крепись, душа,— залью тебя сорокаградусной.

— За семь лет службы я этих получарок выпил у царя пропасть — более четырех тысяч.

Начался обед. В дальнейшем мы, вероятно, перейдем на солонину, но теперь у нас хранился запас свежего мяса. Полагалось его по три четверти фунта на каждого человека в день. Флотский суп с большим количеством капусты, картошки, свеклы, моркови, луку, приправленный подбелкой из пшеничной муки, красным стручковым перцем, был густ и наварист. Тут нельзя было зевать ни одной минуты, если только не хочешь остаться голодным. Жадность к пище одних заражала других. Около каждого бака проворно мелькали десять ложек, совершая воздушные рейсы от супа ко рту и обратно, и одновременно работали, звучно чавкая, десять пар человеческих челюстей. Глаза, загораясь животной страстью разыгравшегося аппетита, напряженно смотрели на середину стола, туда, откуда било в нос приятно раздражающим запахом. Молчаливые и только сопящие носом, с потными и багровеющими лицами, люди производили такое впечатление, как будто они выполняли непосильную работу.

После обеда до половины второго полагался отдых, а потом полчаса давали на чай.

Но мне было не до этого. Эскадра 29 сентября приближалась к Либаве. Я смотрел вперед, туда, где обозначались песчаные берега. За ними, немного отступив от моря, густо раскинулся лес, покачиваясь от ветра, словно тяжко взбираясь на возвышение. По мере нашего приближения выплывали из туманной мглы здания порта Александра III, фабричные трубы, огромный элеватор. Миновав плавучий маяк, эскадра зашла за каменный волнолом и бросила якорь в довольно просторном аванпорте. Ушедшие вперед миноносцы стояли уже здесь.

8. ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ У РОДНЫХ БЕРЕГОВ

Трое суток прошли в большой суматохе. Мы догружались углем, разным материалом и свежей провизией. На некоторых судах даже ночью не прекращалась работа,

производимая при ярком свете дуговых ламп. Погода стояла холодная и бурная. Море ревело, перебрасывая волны через каменный мол. Водная ширь сузилась, нахлобученная тучами, словно лохматой папахой.

Военный порт еще не был окончательно оборудован. Он расширялся и достраивался. Со временем он должен будет заменить собою Кронштадт и стать первым портом на Балтийском море и главной базой нашего флота. А пока большое оживление было лишь в Коммерческой гавани. Не замерзая зимою, она работала круглый год. Вот почему со всех концов России катились вагоны в Либаву, подвозя сюда экспортные товары: хлеб, масло, жмыхи. А отсюда сотни пароходов под флагами разных наций, наполнив грузом трюмы, расходились по иностранным портам.

Как-то вечером, желая скорее ознакомиться с организацией эскадры, я начал просматривать приказы командующего. В одном из них, в № 4, был объявлен список штабных чинов, среди которых я встретил знакомую фамилию. Это был капитан 2-го ранга Курош, зачисленный в штаб в качестве флагманского артиллериста. Какое счастье было и для меня и для других матросов, что ни Рожественский, ни Курош не находятся на нашем судне! С этими лицами я проплавал три кампании на крейсере «Минин», и об этом времени у меня осталось самое безотрадное воспоминание.

Тогда Курош был только лейтенантом и занимал на крейсере должность старшего офицера. Ростом выше среднего, вытянутый, он был сух и жилист. Черная кудрявая бородка подковой огибала его цыганское лицо, всегда злое, хищное, с глазами настороженной рыси. Полсотни офицеров не могли бы причинить столько горя матросам, сколько причинял им этот один человек. Передышка на судне наступала только тогда, когда он перегружал себя водкой. В пьяном состоянии он начинал плакать, распуская слюни, и лез к нижним чинам целоваться. Некоторым давал деньги — от рубля и больше. Иногда выкрикивал, мотая головою:

— Братцы мои! Простите меня! Сердце мое все в ранах, в крови. Оттого я такой подлец. Мне тошно жить на свете. Я не дождусь того дня, когда вы разорвете меня в клочья...

Совсем по-другому Курош вел себя в трезвом виде. Не проходило ни одного дня, чтобы он собственноручно не избил пятнадцать — двадцать человек из команды. Это было для него своего рода спортом. Провинившегося матроса он долго ругал, постепенно повышая голос, как бы накаляя себя. А потом закидывал руки за спину, и это был верный признак того, что сейчас же начнется расправа. Так поступал он всегда. Долгое время я не понимал этого приема. Матросы пояснили мне. Оказалось, на пальце правой руки он носил перстень с драгоценным камнем. Закинув руки назад, Курош поворачивал перстень настолько, чтобы можно было зажать в кулак драгоценный камень: так лучше не потеряешь его. И только после этого обрушивались на матроса удары.

Иногда Курош применял наказания более утонченные, с некоторой долей фантазии.

Однажды гальванер Максим Андреевич Ко́сырев обратился к нему после завтрака с просьбой:

— Ваше высокоблагородие, разрешите мне сегодня на берег?

— Зачем?

— В церковь сходить. У меня сегодня день ангела.

Курош переспросил:

— День ангела, говоришь?

— Так точно, ваше высокоблагородие!

Курош подумал с полминуты, а потом, как бы сочувствуя тому, промолвил:

— Иди за мною.

Привел гальванера на рубку и, не повышая голоса, приказал:

— Стой здесь и смотри на небо. Как только увидишь своего ангела, сейчас же доложишь мне.

Косырев, не понимая такого распоряжения, удивленно уставился на старшего офицера, а тот сразу заревел:

— Я тебе приказал на небо смотреть! А ты не слушаешься!

Ударив кулаком в подбородок, он схватил руками голову гальванера и запрокинул ее назад. Целый час Косырев стоял на рубке и все смотрел на небо. Перед подъемом флага к нему поднялся Курош и спросил:

— Видел своего ангела?

— Никак нет, ваше высокоблагородие!

— Ну ладно, отправляйся на берег.

Многие из матросов на судне старались завести дружбу с коком. От него, когда он резал мясные пайки, можно было получить кость. Счастливец в таких случаях скрывался в «шхерах» — за двойным бортом или в каком-нибудь закоулке судна, чтобы не попасться на глаза начальству. Там в одиночестве он отшлифовывал зубами свою добычу до блеска.

Так водилось на всех кораблях, так было и на крейсере «Минин».

И вот как-то наш писарь второй статьи Охлобыстин получил от кока здоровенную кость от бычьей ноги — сочную, с махрами мяса, с мозгами. Но не успел он отойти от камбуза, как на него, словно ястреб, налетел Курош. На этот раз обошлось без мордобития. Старший офицер приказал писарю взять кость в зубы, а потом повел его, схватив за ухо, на бак. Два часа виновник простоял с костью в зубах, словно собака, бледный, не знающий, куда спрятать глаза от стыда.

Нарвался и я однажды на Куроша. Он увидел у меня книжку: «Введение в философию» Паульсена.

— А, ты вот что читаешь!

И начал кричать на меня, потрясая кулаками. Не удовлетворившись этим, он произвел в моих чемоданах обыск, и около полусотни моих любимых книг полетело за борт. Но я был неисправим. Только с этих пор мне пришлось добывать знания более осторожно, так же как уголовный преступник добывает чужое добро,— воровским путем.

Некоторые матросы пытались заявить адмиралу Рожественскому претензии на Куроша, но после они раскаивались в этом.

Тогда решили о всех безобразиях старшего офицера написать адмиралу анонимное письмо. А чтобы не могли установить, чей почерк, нашли для переписки грамотного матроса с другого корабля. Пакет послали на имя начальника отряда заказной корреспонденцией.

Вечером, перед молитвой, когда все собрались на верхней палубе, вышел к нам сам адмирал и заорал, потрясая анонимным письмом:

— Кто писал эту гнусную клевету? Выйди вперед!

С минуту длилось на судне гробовое молчание. И вдруг разразился ураган брани и рева. Адмирал угрожал повесить автора письма на рее.

И тогда поняли, что никакими путями не добиться нам правды.

Трудно сказать, кто из них был более жесток — Курош или Рожественский.

Болезненно самолюбивый, невероятно самонадеянный, вспыльчивый, не знающий удержа в своем произволе, адмирал наводил страх не только на матросов, но и на офицеров. Он презирал их, убивал в них волю, всякую инициативу. Даже командиров кораблей он всячески третировал и, не стесняясь в выражениях, хлестал их отборной руганью. А те, нарядные, сами в орденах и штаб-офицерских чинах, пожилые и солидные, тянулись перед ним, как школьники. Во время маневров или стрельбы учебно-артиллерийского отряда мне самому нередко приходилось видеть, как на мачтах нашего крейсера взвивались флаги с названием провинившегося корабля и с прибавкой какого-нибудь позорящего слова: «гадко», «мерзко», «по-турецки», «по-бабьи». Подобные издевательства выносили командиры без протеста, терпеливо и молча, как наезженные лошади.

За все время службы я ни разу не видел, чтобы мрачное лицо адмирала когда-либо озарилось улыбкой.

Среди наших офицеров были и передовые в своих взглядах на жизнь. Они сами возмущались такими типами, как Рожественский и Курош, но они бессильны были остановить их произвол. Значит, весь ужас заключался не только в отдельных плохих начальниках, потерявших человеческий образ, а в той системе бесправия, которая царила во флоте.

Мне оставалось благодарить судьбу, что я не попал служить на «Суворов». Наш броненосец возглавлялся гуманным командиром. В сравнении с Курошем наш старший офицер казался добряком. Правда, любил пошуметь на матросов, поругаться, но уж такая была у него собачья должность. Во всяком случае, для нашего брата большого вреда от него не было.

Накануне отхода из Либавы я побывал в городе, куда можно было проехать из порта на трамвае. Здесь основную часть жителей составляли латыши, а к ним при-

мешивались и другие национальности — немцы, поляки, евреи, русские. Это видно было и по церквам,— наряду с готической лютеранской киркой стояли красивая синагога, католический костел. А в порту, на горе, величественно возвышался православный собор, как символ русского владычества над остальными народностями. Бойко торговали магазины, где приказчики разговаривали на всех европейских языках. Посетил я знаменитую кондитерскую, славившуюся производством марципанных пряников, тортов, всевозможных фигур животных, рыб и птиц. Потом вздумал зайти в книжный магазин. Когда я рассматривал, стоя у прилавка, литературные новинки, вдруг около меня раздался голос:

— Книжки выбираешь?

Я повернулся и вздрогнул. Передо мной стоял офицер в намокшей от дождя накидке — наш инженер Васильев. Из отзывов матросов, главным образом машинистов, я уже знал о нем как о самом лучшем начальнике. И теперь из-под козырька флотской фуражки с молодого лица тепло смотрели на меня карие умные глаза, а под пушистыми черными усами играла поощрительная улыбка. Успокоившись, я ответил:

— Так точно, ваше благородие, хочу на дорогу коечто купить себе.

— Хорошее дело. Значит, любишь книги?

— Есть такая слабость у меня — увлекаюсь чтением.

Васильев, расспросив, что меня больше всего интересует из литературы, сказал:

— Когда будем в пути, приходи ко мне за книгами.

Такое отношение офицера к матросу удивило меня и вместе с тем насторожило.

— Благодарю вас. Я с удовольствием воспользуюсь вашей любезностью.

Я купил последние выпуски сборника «Знание» и, козырнув Васильеву, вышел из магазина.

Возвращаясь на броненосец, я встретился в порту со своим хорошим приятелем, писарем Устиновым. Годом раньше я плавал с ним на крейсере «Минин», а прошлой зимой служил вместе в экипаже учебно-артиллерийского отряда. Это был плотный парень, молодой моряк, весьма застенчивый. Прочитав на его фуражке надпись «Суворов» и пожимая ему руку, я спросил:

— Как, разве и ты на второй эскадре?
— Замели.
— Что делаешь?
— В штабе Рожественского служу.
— Ну, брат, я тебе не завидую. Останешься ты без барабанных перепонок, как это случилось со многими его писарями.
Устинов с грустью признался:
— Да, трудно служить с ним. Сумасшедший бык. Того и гляди поднимет на рога. На нашем броненосце всем достается от него. Я сижу на секретной переписке. Почему-то он ко мне благоволит. Только раз закатил в шею так, что я опрокинулся.
— Какие новости в штабе? Ты ведь все знаешь. Рассказывай скорее.
— Новости не совсем веселые. Морской технический комитет сообщает, что с броненосцами типа «Бородино» нужно быть особенно осторожными: совсем малую остойчивость имеют. При такой перегруженности они без войны могут перевернуться вверх килем, если маху дашь. Даже жутко было читать бумагу об этом. В ней целый перечень идет, какие меры нужно предпринимать, чтобы избежать катастрофы.
Я сказал:
— У нас впереди длинный путь. Давай, дружище, встречаться почаще. А то очень тоскливо.
Устинов оглянулся кругом и таинственно сообщил:
— Как бы нам не сократили этот путь.
— Кто? Почему?
— В штабе получены сведения, что японские миноносцы поджидают нас в датских проливах. Адмирал ходит мрачной тучей. Штабные чины тоже в тревоге.
Мы поговорили еще немного и, распростившись, пошли в разные стороны. Он торопился на почту, а я — на свое судно.

Аванпорт оказался для наших броненосцев недостаточно глубок, а каменный мол плохо защищал нас от ветра и волн. Некоторые корабли, поворачиваясь на канатах, приткнулись к мели. Поэтому командующий после полудня, несмотря на плохую погоду, начал выводить эскадру на внешний рейд.

Вечером на «Орле» служили молебен. Офицеры и

команда собрались в жилой палубе перед сборной церковью. Рыжебородый священник из монахов о. Паисий надтреснутым голосом подавал возгласы, хор из матросов пел. Молились с коленопреклонением «за болярина Зиновия (Рожественского) и дружину его».

Настроение у всех было мрачное. Слух о близости японских миноносцев каким-то образом докатился и до нашего броненосца, проник в команду. Многие думали, что, может быть, нас сейчас взорвут здесь же, на рейде. В разговорах чувствовалась подавленность.

Ночь была темная. Выл ветер в снастях, хрипло били волны в борта, скрежетали якорные канаты. У мелкой артиллерии дежурили комендоры и офицеры. Сторожевые суда светили прожекторами, а на мачтах эскадры вспыхивали огни сигналов.

В эту ночь я долго не мог заснуть, ворочаясь на своей подвесной парусиновой койке. Большинство электрических лампочек было выключено, а те, что горели, мало давали света. Вокруг меня и по всей жилой палубе, на расстоянии друг от друга в каких-нибудь пол-аршина, белели ряды подвесных коек, привязанных к бимсам. На них спали матросы. В полусумраке казалось, что это не койки висят на шкентросах, а держатся на потолке своими щупальцами какие-то длинные существа с выпученными вниз животами, странно молчаливые, кое-где шумно сопящие носом. Броненосец покачивался. В мозгу бессильно бились мысли, стараясь забежать вперед и угадать судьбу эскадры. Потом почему-то представлялся Курош, стучащий себя в грудь кулаком и с плачем раскаивающийся в своих преступлениях *.

9. ДАЛЕКИЙ ПУТЬ

С утра 2 октября наша эскадра, разбившись на четыре эшелона, начала последовательно сниматься с якоря.

После обеда с либавского рейда ушел последний эшелон, в котором находился и наш броненосец. Выстроились в две кильватерные колонны: в правой — «Суворов», «Александр III» и «Бородино»; в левой — «Орел», транспорт «Корея» и спасательный буксирный пароход «Роланд». Шли неторопливо, делая не больше десяти узлов.

Вчера, встревоженное ветром, ярилось море, а сегодня оно только зыбилось. Низкое и серое небо провожало нас слезами мелкого дождя. Матросы, находившиеся на баке, тоскливо оглядывались назад. За горизонтом исчезал последний русский порт.

— Не скоро теперь увидим родной берег,— сказал гальванерный старшина Степан Голубев, игрок на гитаре и любитель петь чувствительные романсы, и на его широком лице, словно от удивления, приподнялись брови.

Другой гальванерный старшина, Николай Романович Козырев, узкогрудый и всегда согнутый, с сухим рябоватым лицом, знаток русской и всеобщей истории, никогда не унывающий человек, весело промолвил:

— Да, месяцев через пять, не раньше.

— А может, и совсем не придется походить по русской земле,— недовольно отозвался мрачный гальванер Алференко

Все трое были мои друзья. Беседуя с ними, я понял, что они уже знакомы и с нелегальной литературой. Считались хорошими и надежными товарищами.

Тут же находился и мой прежний знакомый, с которым я плавал на крейсере «Минин», кочегар Бакланов. Человек этот был чрезвычайно ленив и грязен, славился тем, что мог, забравшись куда-нибудь за двойной борт, проспать тридцать часов подряд. При своем низком росте весил около шести пудов, настолько он был широк. Покатый лоб с шишками, густые брови, широкий нос седлом, заплывшие и насмешливые глаза, презрительно вывернутые толстые губы, крупный и тупой, словно колено, подбородок — все эти черты выделяли его лицо из общей массы. Страдал он, несмотря на свою неповоротливость и малую затрату энергии, обжорством и постоянно жаловался:

— Казна с голоду не уморит, но и досыта не накормит.

Я никогда не забуду случая, какой произошел с ним три года назад. На верхней палубе крейсера «Минин» он столкнулся с Рожественским. Бакланов давно сменился с вахты, но, по обыкновению, был грязен. Адмирал рассвирепел и, призвав двух вахтенных унтер-офицеров, приказал им:

— Вымыть это чучело! Да хорошенько! Не жалеть ни соды, ни мыла! И песком продраить его!

Кочегара схватили, раздели догола и окатили из шлангов водою. Потом четыре здоровенных матроса взялись смывать с него грязь. Натирали, не жалея силы, песком голову, шею, лицо, уши и все остальные части тела. Кочегар ворочался, кряхтел, морщился. Опять поливали его из двух шлангов, струи которых били настолько сильно, что он едва удерживался на ногах; опять принимались надраивать его песком, как медяшку, стирая на нем кожу почти до крови. После этого мыли еще с мылом и содой. Через полчаса его нельзя было узнать: таким чистым и с такой тонкой и нежной кожей он, вероятно, был только в первый день своего рождения.

На «Орле» у кочегара был неразлучный земляк, минер, по прозвищу Вася-Дрозд. Так прозвали его за то, что он сочинял стишки и сам распевал их, как песни. Правда, стихи его были слабые, сентиментальные, со слезой, но матросам они нравились. Длинноногий, с большой вихрастой головой, он ходил, немного горбясь, как будто носил на себе тяжелый груз. Характеры у обоих были совершенно различные: один слишком ленив, махнувший на все рукой, другой слишком кипуч, мечтавший завоевать жизнь. Выходили они на бак как будто для того, чтобы обязательно поругаться между собою.

И сейчас кочегар Бакланов, сидя со своим другом на выступе двенадцатидюймовой башни, сказал:

— Уходим, Дрозд, в чужие моря.

— Ну и что же?

— Пой отходную.

— Почему отходную?

— Угробят тебя японцы.

— А тебя?

— Меня нет. А с тобой смерть сдружилась. Вижу это по твоим глазам.

Вася-Дрозд разразился бранью.

Но кочегар Бакланов был невозмутим и, как всегда в таких случаях, задал своему другу неожиданный вопрос:

— Скажи, Дрозд, сколько в хвосте у чайки перьев?

— Этого не знаю, но зато знаю другое: под хвостом у нее больше ума, чем у тебя в голове.

— С дурака на службе меньше спросу. И на что нашему брату нужен ум? Все равно в адмиралы не произведут.

Другие тихо разговаривали о каверзах японцев: через день или два мы обязательно встретимся либо с их подводными лодками, либо с миноносцами.

За кормой таяла последняя полоска русской земли. Кончено. Непосредственная связь с родиной оборвалась на долгое время. Кто из нас и каким путем вернется обратно?

В половине второго с мостика распорядились:

— Команде чай пить!

А в два часа пробили сигнал «дробь-тревогу».

Началось артиллерийское учение. Команда бегом занимала свои места. Прислуга орудий, как башенных, так равно и казематных, бросилась к своим пушкам. Торопливо снимали с них чехлы, из дульной части вынимали пробку, ставили на место прицел. Другая часть людей, открыв бомбовые погреба и крюйт-камеры, быстро спускалась вниз, на самое дно судна. В этих помещениях было душно и жарко, матросы снимали с себя рубашки, чтобы свободнее было работать.

Для 75-миллиметровой артиллерии имелись отдельные погреба. Здесь патроны со снарядами грузились в особые беседки, которые по элеваторной трубе поднимались вверх, к пушкам. Наверху прислуга подачи, вынув патроны из беседки, клала их в ряд на брезент. Комендор, хозяин пушки, командовал:

— К заряду!

Замочный номер прислуги открывал затвор пушки, а подносчик вкладывал патрон со снарядом в казенную ее часть.

— Замок! — командовал хозяин пушки.

Замочный номер закрывал затвор и бросал предостерегающее слово:

— Товсь!

У нас на корабле старались научиться управлять артиллерией из боевой рубки по циферблатам. Такие приборы находились в каждой боевой башне, в каждом каземате и в батарейной палубе. Различные стрелки на них, передвигаясь с помощью электрического тока, показывали открытие или прекращение стрельбы, напра-

вление стрельбы, расстояние до неприятельского судна и род снарядов, какие должны употреблять в дело.

Когда пушка была готова к выстрелу, хозяин ее, взглянув на циферблат, командовал:

— Прицел восемнадцать кабельтовых, целик сорок пять!

Установщик прицела устанавливал прицел и целик на указанные цифры.

Хозяин пушки, действуя подъемными поворотными механизмами, наводил свое орудие на тот или иной предмет и производил выстрел, предварительно крикнув:

— Пли!

Но в данном случае выстрела не производилось, так как это было только учебное занятие. Пушку сейчас же разряжали, а потом снова начиналась та же тренировка людей, обслуживающих артиллерию. Все эти действия производились под наблюдением офицера — плутонгового командира.

Гораздо сложнее происходила в это время работа в башнях. Здесь от людей требовалось больше знаний. Прежде всего — что такое двенадцатидюймовая башня? Это — громоздкое сооружение с весьма тонким оборудованием. Через все палубы, начиная с верхней, прорезан широкий колодец, опускающийся почти до самого дна судна. На уровне верхней палубы этот колодец прикрыт платформой, которая может вращаться вокруг своей оси и на которой установлены станки для орудий. Платформа, орудия и станки обведены толстыми броневыми стенами из лучшей стали. Образуемое помещение и сверху закрыто броневыми плитами. Такое замкнутое со всех сторон помещение имеет лишь особые отверстия — амбразуры для тел орудий и небольшие щели для оптических прицелов. Вход в башню расположен на стороне, противолежащей орудийным амбразурам, и закрывается толстой стальной дверью. Вниз, опускаясь через колодец, проходит труба, прикрепленная к платформе и служащая для подачи снарядов и зарядов к орудиям. Сам колодец тоже защищен неподвижными броневыми плитами. Внутри башни и податочной трубы расположены многочисленные и очень сложные механизмы, работающие при помощи электрических двигателей (на некоторых судах — гидравлических). Эти механизмы произво-

дят следующие действия: они вращают башню вместе с орудиями, которые таким образом получают горизонтальную наводку; они качают орудия в вертикальной плоскости, придавая им тот или иной угол возвышения; они должны поднимать к орудиям снаряды и пороховые заряды; они открывают и закрывают орудийные затворы; они выполняют работу по непосредственному заряжению, вталкивая в пушку снаряд и порох.

Под башенным колодцем, на самом дне судна, в бомбовом погребе и крюйт-камере, соединенных между собою дверями, собралось человек сорок матросов. Кипела работа. Прислуга подачи спешила брать из стеллажей двадцатипудовые снаряды, хватая их храпами тележки, передвигающейся по рельсу на потолке; потом подвозили их к орудийным зарядным столам и вкладывали в верхние гнезда. В это же время другие доставали из стеллажей крюйт-камеры полузаряды бездымного пороха и также подвозили к зарядному столу, но вкладывали их уже в нижние гнезда. Два таких полузаряда весом в десять пудов шли на один выстрел. Затем, когда зарядный стол был нагружен, он посредством лебедки с гулом поднимался вверх, в башню, и останавливался так, что ось снаряда и ось орудия приходились на одной линии. К этому моменту замок орудия был уже открыт. А дальше раздавались те же команды и ответные слова, какие можно услышать и при мелкой артиллерии. Только хлопот здесь было больше. Башню с двумя орудиями обслуживали человек двадцать пять. И каждый из них выполнял свой номер в строгой последовательности, поворачивая тот ли иной рычаг или нажимая на какую-нибудь рукоятку, чтобы привести в действие механизмы.

Возглавлял всех офицер — башенный командир. Он следил за общим ходом всех работ, а также должен был вычислить по таблицам стрельбы величину целика, принимая во внимание скорость хода своего и неприятельского корабля, курсовой угол, силу ветра, деривацию. Получив нужные данные, он смотрел на указания циферблата и потом уже командовал:

— Прицел сорок кабельтовых, целик сорок восемь!

Когда орудие было заряжено, комендор-наводчик в свою очередь командовал:

— От башни прочь! Башня вправо! Башня влево! Немного выше! Немного ниже! Еще чуть ниже!

Прислуга поворотных и подъемных механизмов непрерывно работала.

— Залп! — громко и всегда с тревогой в голосе выкрикивал наконец комендор-наводчик.

В этот момент должен был бы раздаться выстрел, но его не было, так как орудия заряжались не настоящими снарядами и зарядами, а только болванками.

Во время учения башенный командир, волнуясь, кричал и ругался:

— Опять, каналья, прицел неверно установлен! Надо пятнадцать, а у тебя пятьдесят четыре. Целик тоже наврал.

Случалось, вместо того чтобы поворотить башню влево, ее поворачивали вправо. И опять слышались раздраженные возгласы:

— Куда, куда поехал? Что за балда? Не может правой руки отличить от левой! О чем ты думаешь? На бак после раздачи коек! Там ты проветришься и помечтаешь!

У наших артиллеристов не было достаточной тренировки, и потому происходили все время заминки, промедления, перебои. Сбивало с толку еще и то, что в числе орудийной и башенной прислуги были и молодые матросы, и запасные, одни не кончили специальной школы, а другие успели забыть свою практику, и, кроме того, система орудий и установок теперь была новая, не та, какую они изучали раньше. Плохо шло учение и в батарейной палубе, у мелких пушек.

У нас было около двухсот человек артиллерийской команды. Весь вопрос теперь сводился к тому, сумеют ли они в полной мере овладеть своим искусством ко времени встречи с японцами. А ведь морское сражение — это состязание артиллерии. Представим себе, что силы на той и другой стороне будут равные — у нас десять боевых кораблей, столько же и у противника. Но японцы могут стрелять в два раза быстрее, чем мы, да еще меткость их будет превосходить нашу в два раза. Что тогда получится? Сила противника в сравнении с нашей учетверится,— иначе говоря, десять его кораблей как бы превратятся в сорок. Мы неизбежно подвергнемся разгрому.

Бывая на башнях, я не раз задумывался над тем, до какого усовершенствования дошли люди, изобретая орудия разрушения. Совсем по-другому обстоит дело с земледельческими орудиями. От мотыги мы перешли только к сохе, от сохи — к плугу. Ничтожный прогресс! До сих пор наша обширнейшая русская земля обрабатывается самыми примитивными орудиями, какие применялись в эпоху Ивана Грозного, тогда как орудия разрушения беспрерывно заменяются новыми, лучшими, и те из них, что были пять лет тому назад, уже считаются устарелыми. Сейчас двенадцатидюймовый снаряд в момент выбрасывания из дула развивает колоссальную работу. Ее хватило бы на то, чтобы приподнять на несколько футов целый броненосец. Неужели и в дальнейшем человеческий мозг будет направлен главным образом в сторону уничтожения и убийств?

В половине шестого с мостика распорядились:

— Окончить все работы! На палубах прибраться!

А через полчаса засвистали дудки к вину и ужину. Ели гречневую кашу с маслом. Трудовой день кончился. Можно было петь песни и веселиться.

За пять минут до заката были вызваны наверх во фронт караул, горнисты и барабанщики, офицеры и обе вахты команды. Затем с теми же церемониями, с какими утром подняли кормовой флаг, теперь спустили его. Это произошло в тот момент, когда зашло солнце. Горнисты и барабанщики заиграли «на молитву». Караульный начальник скомандовал:

— На молитву! Фуражки долой!

Барабанщик прочитал «Отче наш».

По команде «накройсь» надели фуражки, постояли еще некоторое время, пока командир не принял рапорта от старшего офицера, и разошлись. Зажигались огни: отличительные, топовые и гакабортные. Наступала ночь.

Через два дня эскадра остановилась около острова Лангеланд. За это время на некоторых судах произошли поломки: на броненосце «Сисой Великий» поломались шлюпбалки, то же самое произошло и на «Жемчуге»; на «Роланде» лопнула главная питательная труба. Миноносец «Быстрый», приблизившись для переговоров к «Ослябе», навалился на его борт. В результате неудач-

кого маневра он помял себе форштевень, испортил минный аппарат и получил подводную пробоину.

Засвежел ветер, а ночью разыгрался шторм. Но к утру 5 октября все стихло. Вместе с рассветом Лангеланд постепенно освобождался от тумана, словно сбрасывая с себя кисейные платья.

День обещал быть теплым. Приступили к погрузке угля.

Ледокол «Ермак» и пароход «Роланд» отправились вперед для траления пути перед эскадрой. Первый опыт, однако, не удался. В самом начале тралящие суда, неудачно маневрируя, порвали трал.

10. «ГУЛЛЬСКИЙ ИНЦИДЕНТ»

В датских водах, у мыса Скаген, 7 октября эскадра бросила якоря и приступила к погрузке угля. Здесь Рожественский получил телеграмму, извещавшую, что он произведен в вице-адмиралы с пожалованием звания генерал-адъютанта. А через полтора суток произошло событие, нашумевшее своим скандалом на весь мир.

В два часа того же дня с флагманского судна было отдано распоряжение немедленно прекратить работу и приготовиться в дальнейший путь. Среди офицеров и матросов начались таинственные разговоры, передаваемые шепотом, с испугом в глазах. Оказалось, такая спешка была вызвана тревожными слухами о приближении к нам подозрительных миноносцев.

Командующий эскадрой принял самые строгие меры для охраны своих судов. Эскадра была разбита на шесть отрядов, и каждый из них уходил под руководством того или другого начальника.

Шестой отряд составляли наши четыре новейших броненосца, сопровождаемые транспортом «Анадырь». Мы и на этот раз снялись последними, в восемь часов вечера, когда уже стемнело.

«Наварин» донес, что видит два воздушных шара. На «Орле» пробили боевую тревогу. Люди бросились по своим местам. Задраили все двери и люки. На палубе и срезах, чтобы свободнее было стрелять, убрали вельботы, свалили шлюпбалки, тентовые и леерные стойки. Около каждого орудия, зарядив его, дежурили артиллеристы. Шли с потушенными огнями.

Ночь была тихая. Безоблачная высь переливала золотыми гроздьями созвездий. Все выше поднималась луна, и серебристый свет ее расстилался по ровной поверхности вод. Море завороженно молчало. В такую ночь только бы грезить о счастье, а мы находились в душевном смятении. Сотни глаз пристально смотрели по сторонам, подозрительно провожали каждый встречный пароход, стараясь определить, не враг ли это приближается...

Я стоял на верхней палубе, и в моей голове невольно возникали вопросы: неужели противник и здесь, в такой дали от своей базы, может напасть на нас? Как ему скрываться на такой торной дороге, где ходит много судов дружественных нам наций? Что это такие за вездесущие японцы? Разумом я не верил в их присутствие в этих водах, но на судне офицеры и команда с минуты на минуту ждали нападения. Нервы были так напряжены, что любую пролетающую птицу над нами мы могли бы принять за воздушный шар.

Боцман Воеводин, обращаясь ко мне, скорбел:

— Зря отослали вперед все миноносцы и быстроходные крейсеры. Надо бы хоть парочку оставить при себе. В случае появится какое-нибудь подозрительное судно, сейчас же послали бы их расследовать. И как это наш командующий не догадался, а?

— Стало быть, так нужно. Ему виднее, как поступить,— ответил я.

— Так-то оно так, но только бывает, что и на солнце затмение находит.

Около правого борта, против ростр, собралось несколько матросов. Среди них находился кочегар Бакланов. Разговаривали настороженно, словно заговорщики. Один новобранец, пугливо озираясь, все расспрашивал о подводных лодках. Бакланов пояснил ему, вкладывая в свою речь как можно больше таинственности:

— Никак не увидишь ее, лодку-то. Под водой, окаянная, подкрадывается. Может, теперь уже подходит к нам, может, даже мину пустила. Тряхнет вот, и тут тебе могила.

— Неужто сразу? — спросил новобранец дрожащим голосом и, вытянув шею, начал смотреть за борт.

В этот момент Бакланов над самым его ухом издал резкий и отрывистый звук:

— Ха!

Матросы шарахнулись в стороны. А новобранец, вскрикнув, шлепнулся на палубу, а потом, вскочив, бестолково закрутил головою.

Бакланов рассмеялся.

— Эх, вояки! Даже кашля человеческого боятся.

Его обложили матом, а он как ни в чем не бывало спросил:

— А что, ребята, никто из вас не знает, во сколько времени в брюхе акулы может перевариться человек?

Позднее слева за горизонтом поднялся огненный столб. Это горело какое-то судно.

У нас явилось предположение, что там, вероятно, сражаются с японцами наши передовые крейсеры.

Спать легли поздно, не раздеваясь, половина экипажа всю ночь дежурила.

Под утро я снова вышел на верхнюю палубу и удивился, насколько изменилась погода. Слабый зюйд-вест нагнал густой и липкий туман. Державшийся впереди нас «Бородино» и следовавший за нами «Анадырь» совершенно не были видны. Прожекторы не в силах были прорвать непроницаемую мглу; не помогали также проникнуть в ее тайны ни бинокли, ни подзорные трубы. Кругом было мутно, и мы продвигались вперед слепые, словно находились в молоке. Казалось, весь мир растаял и превратился в прохладно-сырой пар, которому не было конца. Все предметы на судне потеряли свой прежний облик, становились неузнаваемо расплывчатыми, а люди ходили по верхней палубе или по мостику, как загадочные тени. Впечатление таинственности усиливалось еще тем, что наши пять кораблей беспрерывно перекликались сиренными гудками. Далеко впереди подавал свой могучий голос «Суворов», постепенно повышая ноты и напрягая звук, как будто взбираясь на гору, а потом, перевалив через нее, понижал до низкой, торжествующей октавы. Как только он замолкал, сейчас же, колыхая ночь, подхватывал рев «Александр III», за ним «Бородино» и затем уже наш «Орел». Казалось, эти незримые великаны соперничают между собою силой своих железных легких. И весь этот странный предут-

ренний концерт заканчивал шедший сзади нас «Анадырь» таким диким и безнадежным воплем, словно хотел предупредить нас о приближении страшного бедствия.

Днем туман рассеялся. Немецкое море было спокойно. Курс держали на французский портовый город Брест. Одно только было плохо — нервировал всех беспроволочный телеграф, перехватывая разные тревожные известия с наших передовых судов.

В ночь с 8 на 9 октября засвежел ветер, дошедший до четырех баллов. Начинался разгул волн, поддававших из-за борта. С неба, уплотненного тучами, сыпалась изморось, сгущая тьму.

В начале девятого часа плавучая мастерская «Камчатка» сообщила, что ее атаковали японцы. Она входила в отряд контр-адмирала Энквиста и должна была находиться впереди нас по крайней мере миль на пятьдесят. Но у нее произошло какое-то повреждение в одной из двух машин, поэтому она отстала от своего эшелона и шла в одиночестве позади наших броненосцев.

Как после узнали, между «Камчаткой» и «Суворовым» произошел по телеграфу такой диалог:

— Преследуют миноносцы,— сообщила «Камчатка».

— За вами погоня. Сколько миноносцев и от какого румба? — спросил «Суворов».

— Атака со всех сторон.

— Сколько миноносцев? Сообщите подробнее.

— Миноносцев около восьми.

— Близко ли к вам?

— Были ближе кабельтова и более.

— Пускали ли мины?

— По крайней мере не было видно.

— Каким курсом вы идете теперь?

— Зюйд-ост семьдесят.

Потом «Камчатка» просила показать ей место эскадры.

На это «Суворов» снова заговорил:

— Гонятся ли за вами миноносцы? Вам следует сначала отойти от опасности, изменив курс, а потом показать свою широту и долготу, и тогда вам будет показан курс.

— Боимся показать.

В одиннадцать часов «Суворов» телеграфировал:

— Адмирал спрашивает, видите ли вы теперь миноносцы?

Через двадцать минут был получен ответ:

— Не видим.

По отряду еще в девять часов вечера сигналом был отдан приказ командующего: «Ожидать атаки миноносцев сзади». На «Орле» давно уже пробили боевую тревогу. Были заряжены орудия, около них припасены в беседках снаряды и патроны. Все люди находились на своих местах. А враги наши все еще не показывались.

Так хотелось, чтобы светила луна, но она спряталась за тучи, по-видимому, надолго. Скулил в темноте ветер, нагоняя мглу, а море, ворочаясь, раздраженно ворчало. Медленно, как липкая струя, тянулось время. Ожидание опасности свинцовой тяжестью давило сердце.

Склянки пробили полночь. Часть команды могла спать, но немногие воспользовались этим разрешением. На горизонте мелькали какие-то огни.

— Эх, хоть бы скорее ночь прошла! — вздохнул один из матросов.

— Да, днем не посмеют подойти к нам,— промолвил другой.

Боязнь перед возможностью нападения на нас японцев все возрастала и так затуманила разум, что все потеряли способность здраво мыслить. Никто не задумывался над нелепыми сообщениями «Камчатки». Представляя собою дешевый транспорт, она имела у себя лишь несколько мелких пушек, и потеря ее ни в коем случае не могла бы остановить нашу эскадру. Для чего же она понадобилась японцам? Неужели они, если уж решились атаковать нас, выбрали ее вместо новейшего броненосца? И зачем понадобилось высылать против нее целую флотилию миноносцев в восемь штук, когда один из них легко может с нею справиться? Неужели японцы так глупы? Тут было что-то неладно. Только при болезненном воображении командир «Камчатки» мог представить себя атакованным «со всех сторон». Отличился и наш командующий. Получив такие сведения, он поверил им и, вместо того чтобы послать

какой-нибудь крейсер на защиту «Камчатки», начал наводить панику на свой отряд.

Около полуночи наш отряд проходил Доггер-Банку — отмель в Немецком море, знаменитую обилием рыбы. На этой отмели всегда можно видеть рыболовные суда. Впереди нашего отряда взвились трехцветные ракеты. «Суворов», приняв их за неприятельские сигналы, открыл боевое освещение, а вслед за этим с него грянули первые выстрелы. Его примеру последовали и другие броненосцы. Так началось наше «боевое крещение».

На «Орле» все пришло в движение, как будто внутрь броненосца ворвался ураган. Поднялась невообразимая суматоха. Заголосили горнисты, загремели барабанщики, выбивая «дробь-атаку». По рельсам, подвозя снаряды к пушкам, застучали тележки. Оба борта, сотрясая ночь, вспыхнули мгновенными молниями орудийных выстрелов. Заревела тьма раскатами грома, завыла пронизывающими ее стальными птицами. На палубах не прекращался топот многочисленных ног. Это бежали снизу наверх и обратно люди; они метались по всем отделениям и кружились, как мусор в вихре.

Слышались бестолковые выкрики:

— Миноносцы! Миноносцы!

— Где? Сколько?

— Десять штук!

— Больше!

— Черт возьми!

— Погибать нам!

Вольноопределяющийся Потапов выскочил из своей каютки в одном нижнем белье. На его маленьком лице выразилась полная растерянность, глаза тупо вращались, ничего не понимая. Он бросился было к трапу, но сейчас же отпрянул обратно. Ничего не придумав другого, он вскочил на умывальник и, бормоча что-то, улегся в его желоб. Некоторые матросы запаслись спасательными кругами. Другие, выбросившись на верхнюю палубу, хватали пробковые койки. Кто-то крестился, и тут же летела отвратительная матерная брань. В левый борт дул ветер, рычало море и лезло через открытые полупорты внутрь судна. С жутким гулом разлилась по батарейной палубе вода. Ошалело стреляли комендоры, не целясь, куда попало, стреляли прямо в прост-

ранство или в мелькавшие в стороне огни, иногда прямо в воду около борта, иногда туда, где останавливался луч прожектора, хотя бы это место было пустое. Прислуга подачи, не дожидаясь выстрела уже заряженной пушки, тыкала в казенник новым патроном. Вместе с мелкой артиллерией бухали и шестидюймовые башенные орудия. Наверху трещали пулеметы и этим самым только больше нервировали людей, вносили замешательство на судне. В грохоте выстрелов, в гвалте человеческих голосов иногда можно было разобрать ругань офицеров:

— Что вы делаете, верблюды? Куда стреляете?

— Наводите в освещенные миноносцы!

С заднего мостика сбежал на палубу прапорщик с искаженным лицом и, держа в руках пустой патрон, истерично завопил:

— У меня все снаряды расстреляны! Орудийная прислуга обалдела, не слушается! Я им морды побил! Дайте скорее еще снарядов!

Кильватерный строй нашего отряда сломался. Часть прожекторов освещала суда, которые мы расстреливали, а остальные двигали свои лучи в разных направлениях, кромсая ночь, создавая беспорядок. Далеко впереди и справа, на расстоянии в несколько миль, сверкали вспышки сигналов. Только впоследствии узнали, что там проходил эшелон адмирала Фелькерзама, а сейчас его тоже признали за противника. Но каково же было удивление всех, когда слева, совсем близко, вдруг загорелись прожекторы и, ослепляя людей, уперли свои лучи в наши броненосцы. Создалось такое впечатление, что нас окружают вражеские силы со всех сторон.

Объятые ужасом, некоторые загалдели:

— Японские крейсера!

— Целая эскадра идет на нас!

С нашего отряда открыли огонь по этим прожекторам, что светили слева, из мрака. Оттуда тоже начали отвечать стрельбой. Через «Орел», завывая, полетели чьи-то снаряды. На ближайшем судне, вероятно на «Бородине», покрыв все остальные грохоты, раздался выстрел двенадцатидюймового орудия.

— Мина взорвалась! — закричал кто-то на «Орле».

— Где? У нас?

— Вероятно, «Бородино» потопили.

— Сейчас и нас взорвут.

И новая весть, изменяясь на все лады, покатилась вниз по всем отделениям. Так, принимая искаженные формы, чудовищно изменилась действительность в сознании людей, взбудораженных паникой. Броненосец, казалось, превратился в плавучий дом сумасшедших.

Неизвестные корабли, что находились слева, вскоре огнями Табулевича показали свои позывные. Это были крейсеры из отряда контр-адмирала Энквиста — «Аврора» и «Дмитрий Донской».

Несомненно было, что мы, идя по Доггерской банке, врезались в рыбацкую флотилию. Но наше высшее командование приняло эти жалкие однотрубные пароходики с номерами на боку за неприятельские миноносцы. Флагманский корабль первый открыл по ним стрельбу, заразив своим страхом остальные броненосцы. Безумие продолжалось. В результате представилась жуткая картина. Не дальше как в пяти кабельтовых от нас, в лучах прожектора, плавало, свалившись набок, одно судно с красной трубой, с поломанной мачтой, с разрушенным мостиком. Еще четыре таких же парохода были подбиты. На некоторых из них возник пожар. Там метались люди от носа к корме и от кормы к носу, умоляюще подбрасывая вверх руки. А куда они могли убежать с такой маленькой площади, как палуба? Вокруг шумели волны и вздымались столбы воды от снарядов.

На «Суворове», погасив боевое освещение, оставили один только прожектор, луч которого поднялся к небу. Это служило сигналом: «Перестать стрелять». На «Орле» с мостика неистово кричали:

— Прекратить огонь!

Офицеры насильно оттаскивали от орудий очумелых комендоров, осыпая бранью и награждая их зуботычинами, а те, вырвавшись из рук, снова начинали стрелять. На верхней палубе горнист Балеста делал попытки играть отбой. Но у него прыгал в руках горн, губы не слушались, извлекая звуки настолько несуразные, что их никак нельзя было принять за какой-нибудь сигнал. Около Балесты крутился боцман Саем и, ударяя его кулаком по голове, яростно орал:

— Играй отбой! Расшибу окаянную твою душу на месте!

У горниста из разбитых губ, окрашивая подбородок, стекала кровь.

Бой продолжался минут двенадцать. За такой короткий промежуток времени только с одного «Орла» успели, не считая пулеметных выстрелов, выпустить семнадцать шестидюймовых снарядов и пятьсот снарядов мелкой артиллерии.

Как после узнали, то же самое происходило и на других броненосцах. Не представлял собою исключения и флагманский «Суворов», где царил такой хаос, что сам адмирал принимал непосредственное участие в наведении порядка.

У нас оторвало дуло у 75-миллиметровой пушки.

Вскоре выяснилось, что с нашего отряда попало пять снарядов в «Аврору», пробив надводный борт и трубы. Двое были там ранены — легко комендор Шатило и тяжело священник Афанасий, которому оторвало руку (вскоре он умер). Но могло быть и хуже. Если бы мы стреляли умело и если бы наши снаряды разрывались хорошо, то в этой суматохе мы потопили бы сами часть своих судов.

Встретившись вскоре с инженером Васильевым, я сказал:

— Не совсем приятная история получилась, ваше благородие.

Он взглянул на меня карими глазами и, махнув рукой, недовольно буркнул:

— Вышли на потеху всему свету.

Так закончился наш первый бой, названный впоследствии по месту приписки рыболовных судов, расстрелянных нами, «гулльским инцидентом» *.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВОКРУГ МЫСА ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ

1. МОИ ДУМЫ О ФЛОТЕ НЕ ЗАКОНЧЕНЫ

Следующие дни проходили благополучно. Только в одном месте, встретившись еще раз с рыболовными судами, порвали им сети. Как только не запутали в них свои винты! Проходя каналом Ла-Манш, видели справа дуврские утесы, воспетые когда-то Виктором Гюго. Отсюда через каких-нибудь три часа можно было бы добраться до Лондона, до огромной и туманной столицы, где какие-то таинственные воротилы заправляют всей мировой политикой.

Легли на курс через Бискайский залив. Почти всегда беспокойный, буйный, раздражающий моряков всех стран, он на этот раз встретил нас мирно, хотя навстречу нам и катилась крупная зыбь, порожденная просторами Атлантического океана. Броненосец наш, держась кильватерной струи впереди идущего судна, беспрерывно кланялся носом.

Этот период осени как раз совпадал с перелетом птиц. Многие из них, усталые, присаживались на наше судно отдохнуть. Матросы оказывали им радушный прием, давая пищу — хлеб или крупу. А однажды ночью мне пришлось наблюдать явление, возбудившее во мне ряд неразрешимых вопросов.

Небо было звездное. По зыбучей поверхности моря трепетно разливался лунный свет. Катились волны, гладкие, как отполированные, вспыхивая мгновенным блеском и потухая. В этой изумительной игре светотеней было что-то детски-беззаботное, а вместе с тем простое и мудрое, как вечность. Я стоял один на поперечном мостике, перекинутом через ростры, и думал о нашем флоте. Как у нас хорошо все выходило на парадах и высочайших смотрах и как ужасно плохо получилось,

когда мы расстреливали рыбаков. Я доискивался до причин этого и приходил к неутешительным выводам.

В доках у нас, грохоча молотками, ремонтировали старые суда, и они еще плавали по нескольку лет. А на эллингах строили новые корабли по последним образцам, правда тратя на каждый из них денег в два раза больше, чем он стоил на самом деле. И все это делалось как будто не спустя рукава. Прежде чем приступить к созданию какого-нибудь броненосца или крейсера, о нем предварительно несколько лет толковали, спорили, кричали, совещались, писали, ломая головы, проекты и контрпроекты и только после этого приступали к делу, начинали строить. И все-таки корабли выходили с малой остойчивостью, непослушные рулю, с мыльными заклепками и другими дефектами.

Не стояли как будто и другие дела. Адмиралы с глубокомысленными лицами и сознанием своего достоинства делали соответствующие своему званию распоряжения, а их адъютанты и флаг-офицеры усердно строчили приказы и циркуляры, которые писаря, соблюдая порядковый номер, аккуратно подшивали к делам. В канцеляриях исписывались целые горы бумаг в виде рапортов, предписаний, отношений, донесений. Устраивались парады, ходьба церемониальным маршем, производились всевозможные учения. Начальники допрашивали нижних чинов о претензиях и делали инспекторские смотры, в заключение выкрикивали:

— Очень хорошо, молодцы!

На это нижние чины браво отвечали:

— Рады стараться, ваше... гитество!

Иногда посещал корабли шеф флота, родной дядя Николая II, великий князь Алексей Александрович. Глядя на суда, выкрашенные к его приезду, на бравый вид моряков, он тоже был доволен. Но он не понимал, что весь организм военно-морского ведомства, охваченный гангреной, разлагается. От других высочайших особ этот великий князь отличался только тем, что был могуч ростом и тяжел весом. Во флоте называли его:

— Семь пудов августейшего мяса.

С показной стороны все обстояло благополучно, иногда даже красиво. Но если ближе присмотреться к военно-морскому ведомству, то нельзя было не вынести без-

надежного впечатления. Вся служба во флоте сводилась к тому, чтобы оказывать высшему начальству наибольшие почести, делать вид, что занимаются боевой подготовкой личного состава, беспрестанно скоблить и вновь красить корабли и как можно больше времени проводить на берегу. Главные представители флота, за исключением немногих, подбирались как нарочно из людей тупых и бездарных, с головой погрязших в бюрократизме и рутине. В глазах наших командующих матросы представляли собой баранов, бывших крепостных, нижних чинов, лишенных не только права, но и способности самостоятельно мыслить. Матрос должен сознавать свое ничтожество перед начальством. Команду нужно хорошенько «драить»! «Надраенная» команда — это гордость каждого командира и старшего офицера. На вызов начальства матрос должен подлетать по палубе бегом и смотреть на своего повелителя «бодро и весело», как хорошо дрессированная собака. В этом и упражнялись многие адмиралы и командиры, в этом видели залог боевой подготовки и основу морской дисциплины. Но в то же время они мало обращали внимания на то, что матросы не умеют пользоваться оптическими прицелами, не могут обращаться с дальномерами, стреляют плохо. Мне кажется, корни такого зла имели свое начало в глубине нашей истории.

Русский парусный флот, основанный Петром Великим, через несколько десятков лет достиг своего высокого совершенства и вышел на океанский простор. В начале девятнадцатого века продолжалось его процветание. Он уже стоял на одном уровне с флотами других государств. Из недр его выделился целый ряд выдающихся людей.

Были у нас исследователи новых стран и ученые деятели.

Знаменитый мореплаватель Крузенштерн в 1803—1806 годах на корабле «Надежда» совершил кругосветное путешествие. Он собрал огромный материал по океанографии, географии, ботанике, зоологии, этнографии и навигации. Его именем были названы в Тихом океане пролив, остров, отмель и залив. Кстати, нужно сказать, что, уходя в плавание, он приказал выбросить за борт тросовые линьки, которыми истязали матросов. В те времена это был исключительный случай.

Фаддей Фаддеевич Беллингсгаузен, будучи начальником южной полярной экспедиции, пустился в плавание в Ледовитый океан на своем шлюпе «Восток» и спускался до семидесятого градуса южной широты, то есть дальше, чем последующие мореплаватели — Джемс и Кук. Он семь раз пересек Южный полярный круг и прошел под парусами тридцать шесть тысяч четыреста семьдесят пять верст. И мир обогатился новыми сведениями об этой загадочной части нашей планеты. Кроме того, он открыл двадцать девять островов и одну коралловую мель в Тихом океане.

Федор Петрович Литке в течение четырех лет плавал от Архангельска к Новой Земле. Добытый им материал составил великолепный источник для ознакомления с этой частью нашей Арктики. В 1826 году он был назначен командиром шлюпа «Сенявин», на котором совершил свое знаменитое кругосветное плавание. Исследовал главным образом побережья Охотского и Японского морей, Каролинских и Марианских островов в Тихом океане. Во время путешествия он повсюду производил наблюдения над качанием маятника. Обширный запас научного материала и всевозможные коллекции, привезенные Литке, вызвали всеобщее удивление в ученом мире. Недаром он был избран членом многих академий и университетов за границей.

Не меньшие были заслуги и у таких моряков, как Василий Михайлович Головин, Отто Коцебу, Геннадий Иванович Невельский и другие.

Были у нас и адмиралы-флотоводцы, адмиралы-победители.

Герой, соратник Суворова, соперник в подвигах с Нельсоном, адмирал Ф. Ф. Ушаков считался создателем Черноморского флота и новатором в военно-морском искусстве. Наравне с Клерком у англичан и Сюффреном у французов он боролся с установившейся во флоте рутиной и блестяще оправдал свое новаторство во многих сражениях. Как и Суворов, он был непобедим.

Адмирала Димитрия Николаевича Сенявина при жизни называли «великим человеком». Происходя из семьи моряков, он прошел морскую и боевую школу в ушаковских кампаниях в Черном и Средиземном морях. Назначенный в 1806 году, по рекомендации Ушакова,

флагманом, он провел двухлетнюю кампанию при неимоверных материальных и технических трудностях. В сложном политическом переплете наполеоновских войн он сражался то в союзе с турками против французов, то в союзе с французами против англичан. Занятие Боко-ди-Катаро, поражение французов у Далматинских островов, бой у Тенедоса, Афонское сражение — все это были подвиги, когда Сенявин побеждал, уступая врагу в численности, вписывая славные страницы в историю нашего флота. С полуизносившимися и истрепанными в боях кораблями, окруженный англичанами в Лисабоне, вопреки распоряжению Александра I, он не потопил и не сжег своих кораблей. Он гордо продиктовал много сильнейшему его противнику свои условия и спас для России остатки флота. Царь был недоволен таким «ослушанием», уволил Сенявина со службы и даже не вернул ему собственных денег, какие он тратил в походе на флот. Таким образом, прославленный адмирал, которому казна должна была миллионы, под старость остался в нищете.

Изучая историю морских сражений, ни один не пройдет мимо таких выдающихся имен, как Лазарев, Гейден, Корнилов и Нахимов.

Этот период процветания парусного флота, продолжавшийся до самой севастопольской кампании, создал чрезвычайно прочные и устойчивые традиции морской службы. Выработался тип моряков, офицеров и матросов, всецело прираставших к палубе корабля и годами бороздивших отдаленные океаны. В севастопольскую кампанию, однако, обнаружилось, что личные качества моряков уже не могли возместить отсталости нашего флота. Требовались паровые двигатели и железное судостроение. А наши деятели того времени не могли к этому своевременно перейти. Дисциплина и священные традиции парусного флота глубоко срослись со всей системой крепостничества, являвшегося социальной базой патриархальной русской государственности. Результаты в Крымскую кампанию получились самые плачевные.

Падение крепостного права сопровождалось появлением кораблей с паровыми двигателями. Но еще долгое время машина играла роль вспомогательного двигателя, а полное парусное вооружение сохранялось даже на

броненосных судах. Еще в период 1882—1890 годов строились броненосные фрегаты — «Дмитрий Донской», «Владимир Мономах», «Адмирал Нахимов», «Память Азова», «Рюрик», а также броненосцы — «Николай I» и «Александр II» с запасным парусным вооружением. Эти корабли в продолжение двух десятилетий бороздили моря и океаны и дожили еще до времени русско-японской войны. Некоторые из них остались в Кронштадте, другие вошли в состав нашей 2-й эскадры, а один уже нашел себе могилу на Дальнем Востоке.

Эта система кораблей воспитала особую школу моряков. К ним принадлежали все без исключения адмиралы русского флота, а также большинство судовых командиров и старших офицеров, принимавших участие в русско-японской войне. Яркими представителями этой школы были адмиралы: Алексеев, Дубасов, Чухнин, Скрыдлов, Бирилев, Рожественский и отчасти Макаров, единственный во флоте человек, который, будучи сыном боцмана владивостокского полуэкипажа, проник благодаря счастливым обстоятельствам в чрезвычайно замкнутую и недоступную касту морских офицеров. Но даже и этот наиболее передовой и талантливый из морских руководителей, чувствуя уже нарождение новой судовой техники, не мог преодолеть в себе всей силы привычек и традиций парусной эпохи. А что можно сказать о других адмиралах? Из прежних навыков они черпали свои организационные принципы, способы управления эскадрой, кораблями и людьми. В новый флот с машинами тройного расширения, электротехникой, гидравликой и всеми бесчисленными специальными механизмами они целиком перенесли социальную обстановку крепостнического времени...

Мои мысли вдруг оборвались. Со стороны кормы, издалека, послышался нарастающий шум, словно нагонял нас ураган. Шум, быстро приближаясь, превратился в гул, а вместе с ним широкой пеленой заслонились звезды. Упруго задрожал воздух. Это продолжалось всего только несколько секунд. Получилось впечатление, как будто над кораблем пронеслась черная дырявая туча. На самом же деле это пролетела огромнейшая, в несколько тысяч штук, стая птиц, держа направление на юго-восток. Почему все птицы делают перелеты ночью?

Почему они собираются для этого в большие стаи? Может быть, у них свои адмиралы есть?

В детстве мне много приходилось заниматься птицами. Однажды я произвел интересный опыт над скворцом. У меня была прикреплена к жерди скворечня, балкончик которой я устроил на петлях, а от него вниз, через внутреннее помещение птичьего жилья, провел шнур. Стоило только дернуть за такой шнур, и балкончик захлопывал входное отверстие скворечни. Я дождался того времени, когда в гнезде зациркали птенцы и родители их начали носить им пищу. Прилетел самец, держа в клюве червяков. Когда он залез внутрь своего домика, я захлопнул, дернув за шнур, входное отверстие. А дальше при помощи товарищей, моих сверстников, ничего не стоило снять скворечню, оторвать от нее половинку крыши, и перепуганный насмерть скворец был у меня в руках. Я привязал к его правой ноге кусочек красной шелковой ленты и отпустил его на волю. Мой скворец взвился и со всей стремительностью направился в сияющую даль полей, уменьшаясь до размеров мухи, пока совсем не исчез. Но на второй день опять прилетел и, держа в клюве пищу для птенцов, долго с тревожным криком кружился над гнездом. Улетал куда-то и снова возвращался. А через три дня все пошло по-старому: он залезал внутрь скворечни и довольно исправно кормил своих детей. Любовь к ним поборола страх перед опасностью. Подросли птенцы, оперились и навсегда оставили свой родной домик. В начале осени, когда эти птицы начали собираться в большие стаи, не раз видел я среди них своего скворца с красной ленточкой на правой ноге. Это меня очень забавляло. Но какова же была моя радость, когда и на следующую весну он прилетел и поселился в той же скворечне. Только красная лента на его ноге поблекла. И мне казалось, что на этот раз он, блестяще-черный, с фиолетовым отливом, рассыпался брачными песнями перед своей пестренькой подругой особенно красиво и весело.

Я вывел на двор отца и мать и, показывая на скворца, восторженно сказал:

— Смотрите! Вот он!

А потом задал вопрос:

— Как он нашел дорогу обратно?

Отец, николаевский солдат, с седыми бакенбардами, покачав головою, изрек:

— Не иначе как соображение есть. Стало быть, птица умная.

А мать протянула свое:

— Это сам бог указует птицам путь.

Ни то, ни другое толкование мне ничего не объяснило. Прошло много лет, я стал матросом. И вот, стоя на поперечном мостике броненосца, я вспомнил о факте со скворцом и еще больше удивился ему. Я знаю, как ведут корабль из одного порта в другой, пересекая при этом огромнейшие пространства, ведут среди моря, где нет ни дорог, ни вешек, иногда в бурную погоду да еще ночью, когда кругом ничего не видно. Все это было для меня понятно. Для этого штурман проходит специальные науки, для этого он пользуется и астрономией, благодаря которой, пустив в ход секстан и хронометр, можно определить свое местонахождение в море, и компасом, показывающим путь, и прибором, измеряющим силу ветра, и добытыми сведениями о течениях, сбивающих судно с курса, и математическими исчислениями. Несмотря ни на какую погоду, корабль придет туда, куда его направили. Но чем руководствовался мой скворец, улетая на зиму в теплые края, а потом к весне возвращаясь обратно? Ведь его рейс тоже нужно считать тысячами километров. И разве во время такого длинного пути его не захватывали туманы, ночи и бури? Каким же образом, без компаса и других необходимых приборов, он нашел свою скворечню?..

На следующее утро, после завтрака, с мостика было отдано распоряжение:

— Команде мыть белье и койки!

Это была нудная работа. На судне не хватало пресной воды. Согласно приказу адмирала Рожественского от 24 сентября за № 85, мы должны были обращаться с нею как можно бережнее. В пункте четвертом говорилось:

«Уничтожить свободный доступ всех желающих к запасам пресной воды для котлов; баню делать два раза в неделю, пока холодно, и раз в неделю, когда начнут окачиваться; в командные умывальники давать только соленую воду, флагманскому интенданту приобрести мы-

ло, растворяющееся в соленой воде; ванны делать из забортной воды; пресную воду отпускать по ведру на человека всем в дни мытья белья, машинной команде по смене с вахты и прочей команде после погрузки угля...»

Над горизонтом, оторвавшись от поверхности моря, поднималось солнце.

На корабле началась суматоха. С обрезами и лоханками в руках матросы мчались в баню или в машину за горячей водой. Вскоре, исключая ют, вся верхняя палуба превратилась в сплошную прачечную. Сотни людей расположились здесь. Одни стояли на корточках, другие на коленях, работая мускулами рук. Сначала мыли форменки, кальсоны, нательные рубахи, а потом принимались за койки. Ту или иную вещь, помочив в воде и разложив на палубе, намыливали и усердно скребли бельевыми щетками.

Боцманы и унтер-офицеры подгоняли:

— Проворнее, ребята, стирайте. До подъема флага нам чтоб все кончить.

Я стирал белье около своих друзей — гальванера Штарева и трюмного старшины Осипа Федорова. Тут же находились минер Вася-Дрозд и его постоянный спутник, кочегар Бакланов. Еще не стерлись впечатления от расстрела рыбаков. Об этом снова возобновляли разговор, повторяя все то, что было уже известно.

Кочегар Бакланов иронически утешал:

— Ничего, братцы, это была репетиция по приказанию его превосходительства. Это пойдет только на пользу нам. Вот если бы в пути проделать нам таких двадцать репетиций — из нас, смотришь, вышел бы толк.

Хуже всего было мыть койку. Парусиновая, она, намокнув в воде, становилась твердой, как лубок. Все руки измотаешь, прежде чем соскребешь с нее грязь.

Бакланов работал ленивее всех. Все уже кончили стирать, а он еще не принимался за свою койку. Вдруг он спохватился и, оглядываясь, спросил:

— Братцы, а кто мою койку взял?

Она оказалась у одного молодого матроса уже вымытой. Кочегар набросился на него с руганью:

— Ты что же это, серая балда, чужие вещи хватаешь? Разве не видишь, на ней номер не твой? За это морду вашему брату конопатят!

Кругом раздался смех. Молодой матрос, сконфузившись и чуть не плача от досады, пробормотал:

— Сам, грязный черт, подсунул мне. Жулик!

Ему снова пришлось взяться за мытье уже своей собственной койки.

Когда белье и койки прополоскали в забортной воде и крепко выжали, каждый свои вещи начал привязывать к заранее разнесенным по палубе леерам. Вахтенный начальник скомандовал:

— На бельевые и коечные леера! Леера поднять!

Леера, прикрепленные концами к носу и корме, поднимались средними частями до вершин грот- и фок-мачт. Через несколько часов белье просохло. Обе вахты вызвали наверх. По команде травили леера. Потом вахтенный начальник распорядился:

— Команда с бельем во фронт для осмотра!

Ротные командиры и отделенные начальники проходили вдоль фронта. Тех, у кого белье было вымыто плохо, заставляли перестирывать его во время отдыха. Остальные под веселые звуки дудок разошлись и прятали свои вещи в чемоданы. Этим занимались мы два раза в неделю.

2. НА ПОЛОЖЕНИИ АРЕСТОВАННЫХ

Через шесть суток утром показались скалистые берега Испании. Наш отряд судов приближался к портовому городу Виго. В десятом часу обогнули остров, и перед нами открылся великолепный залив, глубоко вторгшийся в сушу. Со всех сторон он был огражден высокими горами. По берегам его раскинулись рыбачьи поселки. Салютуя испанскому флагу, направились в глубь бухты и за ее поворотом, на виду города, бросили якорь. В ответ нам загремели орудия крепости. Стоял тихий и безоблачный день. Теплые лучи солнца ярко освещали каменные постройки, прилипшие к склонам горы. Над городом господствовала цитадель. Теряясь в прозрачной дали, тянулись горные хребты Пиренеев. С другой стороны, внизу, перед окнами зданий расстилалась неподвижная гладь зеленовато-синей воды. В этой бухте могли бы разместиться, не мешая друг другу, сотни больших кораблей.

На берег не отпускали ни матросов, ни офицеров.

Здесь нас ожидали пять немецких пароходов с углем для нашего отряда. Они немедленно пришвартовались к броненосцам. Но на пароходы явилась портовая полиция и запретила погрузку, ссылаясь на то, что Испания не хочет нарушать нейтралитета. Наше командование было поставлено этим в чрезвычайно затруднительное положение. От Скагена до Виго было расстояние в тысячу триста двенадцать миль. На этом пути, идя средним ходом в восемь-девять узлов, мы сжигали в сутки сто двадцать пять тонн угля. На каждом броненосце остался запас топлива на двое суток. Что будем делать дальше?

Полетели телеграммы в Мадрид и Петербург

Дня через два были получены на броненосец английские и французские газеты, очень взволновавшие наших офицеров. Среди них начались оживленные разговоры. До нас долетали только обрывки этих разговоров. Однако можно было понять, что «гулльский инцидент» вызвал международное осложнение. Если кому-либо из команды удавалось подхватить какую-нибудь новость, то сейчас же он спешил поделиться ею с товарищами.

— В иностранных газетах нас разбойниками называют.

— А я слышал — против нас все государства пойдут воевать.

— Нет, требуют только, чтобы эскадра наша вернулась обратно.

— Ну! Неужто обратно?

— Да. А Рожественского под суд отдают.

— Это только нам на руку. А главное — вернуться в Россию.

Наконец получили разрешение от испанского правительства принять с транспортов уголь, но не больше как по четыреста тонн на каждый броненосец. Было далеко за полдень, когда приступили к погрузке. На работу были поставлены все матросы, кочегары, машинисты, унтер-офицеры, писаря и офицеры. Командир обещал выдать команде по две чарки водки, если только она постарается. Закипела работа. Над броненосцем поднялась туча пыли. Все почернели до неузнаваемости. Так работали всю ночь и следующее утро, до девяти часов.

В результате вместо разрешенного количества мы приняли угля в два раза больше.

Теперь нам можно было бы сняться с якоря и уходить, но адмирал отдал распоряжение прекратить пары. А это означало, что мы задержимся здесь на неопределенное время. Все больше усиливался слух, что мы стоим перед каким-то новым событием. На броненосце создалась напряженная атмосфера. У кого можно было бы обо всем узнать?

Встретившись с инженером Васильевым, я напомнил ему, что он обещал давать мне книги.

— Идем со мной.

В небольшой каюте у себя он снял военную фуражку и, заглянув мимоходом в стенное зеркало, покрутил черные пушистые усы на смуглом лице. Он был молод, лет двадцати шести, среднего роста, не широк в плечах, но, по-видимому, крепок корпусом. Голова у него сидела прямо, а коротко подстриженные волосы на ней — ежиком — придавали ей характер какой-то настороженности. Говорил он чистым и приятным голосом, какой бывает у людей непьющих и некурящих, причем его мысли и слова были точны и четки, как чертеж. Необыкновенная внешняя деликатность, сопровождаемая какой-то внутренней внимательностью к другим, резко отличала его от остальных офицеров.

Он начал расспрашивать меня, что я читал и как отношусь к тем или иным произведениям. Перечислялись такие авторы, как Лев Толстой, Тургенев, Чехов, Короленко и особенно в то время волновавший всех Максим Горький. Я высказал свои взгляды довольно искренне, так как речь шла только о литературе, а не о каком-либо государственном перевороте. Васильев пытливо посматривал на меня своими карими умными глазами, по-видимому делал какие-то выводы. Потом, подавая мне книгу «Овод» Войнича, сказал:

— Вот пока тебе. Кончишь, приходи еще.

Я эту книгу читал, но почему-то не признался в этом. Поблагодарив его, я задержался в каюте. Хотелось еще узнать об участи нашей эскадры.

— Какие новости, ваше благородие, в иностранных газетах? Что-нибудь пишут про нас?

— Новостей очень много, и все неприятные. Англий-

ское общественное мнение страшно возмущено нашим поведением в Немецком море. Нашу эскадру называют эскадрой бешеной собаки. Нас сравнивают с пиратами. Больше всего англичане раздражены тем, что, разбив пароходы, мы не стали даже спасать с них утопающих рыбаков. Некоторые газеты требуют возвращения нашей эскадры обратно и суда над командующим, другие настаивают объявить нам войну. Во французских газетах есть сведения, что Англия мобилизует свой флот. Одним словом, завязывается новый политический узел.

— А что было бы, если бы действительно нас атаковали японские миноносцы?

Васильев в свою очередь задал мне вопрос:

— А как ты думаешь?

Я немного поколебался, а потом решил сказать правду, с некоторой оговоркой:

— Может быть, я и ошибаюсь, но у меня осталось такое впечатление, что дальше Доггер-Банки нам никуда бы не уйти. Мы были бы потоплены минами. Очень уж несерьезно происходила у нас стрельба. Возможно, что я и не разбираюсь в этом.

Васильев рассмеялся, как мне показалось, горьким смехом.

— Ага! Не разбираешься! А мне кажется, что тут зулусы могли бы разобраться. В нашей эскадре нет самого главного — разумной организации. Где наши разведчики? Почему вообще наши корабли разбрелись по разным местам, а не находятся вместе? Посмотрим, однако, что будет дальше.

Васильев, словно вспомнив о чем-то, сразу замолчал, и я понял, что мне нужно уходить. А когда я взялся уже за ручку двери, он сказал мне:

— Разговор этот останется между нами. Вообще я советую тебе поменьше обмениваться мыслями со своими товарищами. Знаешь ли, могут понять превратно, а отсюда потом возникнут всякие недоразумения.

— Есть, ваше благородие,— сказал я, отворяя дверь каюты.

Я все время думал о Васильеве. Что он за человек? Почему он так резко высказался о недочетах нашей эскадры? И почему он подсунул мне книгу, какую ни один офицер не стал бы рекомендовать нашему брату? Впе-

чатление он производил самое благоприятное. Я не мог допустить мысли, что он провоцирует меня: против этого говорили и его глаза, и голос, и весь его облик. В то же время не верил я и в то, что офицер может стать на сторону народа. А впрочем, были же среди революционеров и офицеры, да еще в более высоких чинах, чем Васильев.

В Виго побывал английский крейсер. Надо полагать, что он пришел с целью разведки, сносясь в это время по беспроволочному телеграфу с другим своим кораблем, державшимся в море. Крейсер постоял несколько часов, пока командир его не сделал визита Рожественскому, и ушел куда-то. Говорили, что в соседней бухте ждет нас английская эскадра. На второй день тот же крейсер снова явился на короткое время, чтобы принять ответный визит нашего адмирала. Под этой внешней любезностью англичане готовили против нас какую-то каверзу.

От своих офицеров мы услышали, что наши корабли находятся в положении арестованных. И это будет продолжаться до тех пор, пока не уладят дело о потоплении английских рыбаков. Возможно, что в Петербурге спохватились, насколько не подготовлена наша эскадра, и вернут ее обратно.

Увязавшись со своим писарем, который отправился в штаб за почтой, я побывал на «Суворове» и повидался со своим приятелем Устиновым.

— Ну, как дела? — поздоровавшись с ним, осведомился я.

— Сам, поди, видишь. Влипли в историю.

— Долго будем стоять в Виго?

— Вероятно, скоро уйдем. За исключением вашего «Орла», с каждого судна спешно посылают по одному офицеру в качестве свидетеля по делу о расстреле рыбаков. С «Суворова» отправляется капитан второго ранга Кладо.

Меня интересовало, что за люди попали в штаб и каковы отношения, сложившиеся между ними и командующим 2-й эскадрой. Некоторых из них я не знал, а с остальными когда-то вместе служил и плавал на кораблях. Писарь Устинов сообщил мне много новых сведений о них.

Начальником штаба, или флаг-капитаном, был капитан 1-го ранга Клапье-де-Колонг, сорокапятилетний

худощавый брюнет немного выше среднего роста. Время отметило его правильно очерченную голову небольшой лысиной, слегка запудрило сединой виски и маленькую бородку, избороздило лоб резкими морщинами. Над карими оживленными глазами изогнулись две дуги черных густых бровей. К своей внешности он относился очень заботливо, стараясь молодиться и прикрывать подкрадывающуюся старость внешним лоском. Представляя собой типичного французского аристократа, он отличался изящными манерами и красивыми оборотами речи. С офицерами и даже с командой был чрезвычайно вежлив. Нельзя было ему отказать ни в уме, ни в эрудиции, ни в знании военно-морского дела. Одно лишь губило его — слабохарактерность. При других обстоятельствах этот человек мог бы приносить большую пользу нашему флоту, но трудно было ему занимать должность флаг-капитана при таком сумасбродном командующем, который добивал в нем остатки воли и окончательно обезличивал его. Адмирала он боялся и никогда не рисковал возражать ему, хотя видел и понимал всю бестактность и нелепость его действий.

Первый флагманский артиллерист, подполковник Берсенев, высокий и скелетоподобный мужчина, вполне отвечал в русских условиях, как специалист, современным требованиям знаний. Это был честный офицер и дело свое знал хорошо. Но на его указания, часто очень полезные, адмирал мало обращал внимания.

Флагманский минер, лейтенант Леонтьев, сероглазый, чуть-чуть горбоносый, большеротый, с красивыми зубами, с тщательным пробором на русой голове, занимал в штабе еще более незавидное положение. Он был неглупый моряк. Но он сам себя унизил своим угодничеством перед высшим начальством. Попав на 2-ю эскадру, он только тем и занимался, что старался расположить к себе Рожественского. Однако не всегда это ему удавалось, и вместо одобрения на его голову обрушивалась грубая ругань.

Капитан 2-го ранга Семенов (автор книги «Расплата») заведовал военно-морским отделом. Такой должности не было в высочайше утвержденных штатах походных штабов. Но это не мешало ему играть при штабе видную роль: Рожественский считал его давним другом.

Небольшой, кругленький, толстенький, с пухлым розовым лицом, с клочком волос вместо бороды, он имел всегда такой самодовольный вид, словно только что открыл новый закон тяготения. Моряки звали его «ходячий пузырь». Хорошо образованный, знающий иностранные языки, он большей частью занимал по службе адъютантские и штабные должности. Писал морские рассказы и повести, но они были далеки от того правдивого и яркого изображения нашего флота, каким отличались произведения Станюковича. Офицеры не любили Семенова за его хитрость и пронырливость. Зато восторгались им адмиральские жены, находя его самым галантным и остроумным кавалером. В особенности он пользовался расположением жены одного знаменитого адмирала, у которого служил адъютантом,— Капитолины Александровны, женщины элегантной и красивой. Как-то, сидя с ним за столом в кронштадтском морском собрании, она обратилась к Семенову:

— Посмотрите, Владимир Иваныч, на каждом приборе инициалы: К. М. С. Что это значит?

Семенов, не задумываясь, ответил:

— Неужели вы, наша умнейшая Капитолина Александровна, не догадываетесь? Это значит: Капочка — Милое Создание.

Адмиральша в восторге воскликнула:

— Ах, какой вы находчивый!

Семенов находился при командующем на положении придворного беллетриста, который должен воспевать все подвиги 2-й эскадры, а также и самого адмирала. Поэтому Рожественский благоволил к нему, а он, пользуясь этим, подводил иногда не только командиров судов, но и своих товарищей.

В штабе служили еще флагманский штурман — полковник Филипповский, корабельный инженер Политовский и другие. А капитан 2-го ранга Курош был отчислен еще в Кронштадте.

Из всех штабных чинов самой яркой личностью являлся старший флаг-офицер, артиллерист по специальности, лейтенант Свенторжецкий. Наряду со знанием своего дела и опытностью он, этот мужчина средних лет, крепкого телосложения, круглолицый, черноусый, с головой, гладко обточенной нолевой машинкой, обладал

еще твердым характером. Это чувствовалось и в его речи, резкой и обрывистой, иногда безапелляционной, когда он был уверен в своей правоте. Держался он скромно, но в то же время независимо и с достоинством. Таких офицеров, как Семенов и Леонтьев, он избегал и почти не разговаривал с ними. Непосредственный его начальник — Клапье-де-Колонг — постепенно превращался в исполнителя его решений. Даже такой самодур, как Рожественский, не позволял себе распекать Свенторжецкого.

— Ну, а как адмирал чувствует себя? — спросил я, обращаясь к Устинову.

— Натворил бед и теперь злится на весь мир. Только Семенов да Свенторжецкий более смело держатся с ним, а остальные штабные дрожат перед ним, словно в лихоманке. Хороший барин с лакеями обращается лучше, чем он со своими помощниками. Достается и командиру броненосца, и всем судовым офицерам, и команде. Стоит только появиться ему на палубе, как все матросы разбегаются и прячутся по разным закоулкам, словно от Змея-Горыныча. А уж про сигнальщиков нечего и говорить. К концу плавания их, вероятно, всех придется отправить в психиатрическую больницу. Недавно одного из них так трахнул биноклем по голове, что снесли его в лазарет.

Возвращаясь на свой броненосец, я еще раз благодарил судьбу, что Рожественский плавает не с нами.

Рано утром 19 октября первый отряд броненосцев с транспортом «Анадырь» снялся с якоря, чтобы покинуть Виго. Пока мы не вышли из бухты, нас провожали на шлюпках испанцы, посылая нам приветствия криками и взмахами шляп и платочков. В море наши суда построились в две кильватерные колонны и взяли направление на Танжер.

Вслед за нами пошли четыре английских крейсера. До этого они скрывались в соседней бухте и нарочно поджидали нас. Теперь они неотступно следовали за нашим отрядом. Ночью, чтобы определить наш курс, крейсеры проходили под носом «Суворова», шли в створе огней наших судов и потом отходили на фланги.

Через сутки число их увеличилось до десяти. Действия крейсеров стали еще более вызывающими. Ночью

они приближались к нам до двух-трех кабельтовых, а днем держались не далее двух миль. Они выстраивались то с одной, то с другой стороны нашего отряда, то шли фронтом впереди нас, то заходили назад. Иногда охватывали нас полукругом и конвоировали, как арестантов.

Мичман Воробейчик, глядя на английские суда, возмущался:

— Вот мерзавцы, что делают! Потопить бы их, и больше ничего! Ведь это же наглость!

Я себе представлял, как, вероятно, рвет и мечет Рожественский от такой картины.

Орудия у нас все время были заряжены. Команда спала, не раздеваясь. По ночам производились учебные тревоги: боевая, пожарная, водяная.

Показались унылые горы Африки.

Английские крейсеры свернули от нас влево.

3. ЗА ЧТО БЬЮТ НА ВОЙНЕ

После «гулльского инцидента» у нас на броненосце «Орел» уже серьезно начались разговоры о предстоящей встрече с японцами. Большинство склонялось к тому, что Порт-Артур не устоит до нашего прихода, а с падением крепости погибнет и находящаяся там 1-я эскадра. Таким образом, 2-я эскадра, посланная в помощь ей, должна будет уже самостоятельно вступить в единоборство с неприятелем. Какими силами он будет располагать ко времени встречи с нами? По-видимому, противник достаточно силен, чтобы разбить нас. Но в правильности его тактических приемов многие сомневались. Для этого были веские основания. Все его успехи до сих пор на театре военных действий зиждились на сплошной глупости нашего командования. Находясь еще в Кронштадте, мы много понаслышались о том, какая обстановка сложилась в Порт-Артуре перед началом войны и как действительно произошло нападение на стоявшую там эскадру. Об этом нам рассказывали моряки, вернувшиеся с Дальнего Востока. То, что мы узнали от них, не было похоже на опубликованные сообщения.

1-я эскадра Тихого океана своей боевой мощью немногим уступала японским морским силам. Но всякое оружие только тогда действенно, когда оно находится в умелых руках. Военные заправилы, для которых лич-

ные выгоды были выше всего на свете, тянулись к Дальнему Востоку в поисках легкой наживы, чинов и славы. Даже дипломатический разрыв между Россией и Японией не заставил их насторожиться. Каждый час угрожал началом военных действий. Но слепое артурское командование не могло стряхнуть с себя прежней беспечности и распущенности. Поэтому сразу начались проигрыши в войне.

Виновниками называли многих. Но две крупные фигуры особенно выделялись. О них, беседуя с нами по секрету, наиболее резко отзывался один из артурских моряков, человек бывалый и наблюдательный. Вместо левого глаза, выбитого на войне осколком снаряда, у него зияла красная впадина. В его давно не бритом лице, заросшем темно-русой щетиной, в его топорщившихся усах и во всем маленьком угловатом корпусе было что-то колючее. Поблескивая синевой уцелевшего и немигающего глаза, он раздраженно рассказывал нам:

— Царем и богом у нас был наместник Дальнего Востока, адмирал Алексеев. Бюрократ с головы до пяток. Природа наградила его широкой костью, тучным мясом и обильной кровью, а про голову забыла. Так он и остался без разума. Когда-то давно он был морским агентом во Франции. Тогда у него был чин капитана 1-го ранга. Ему было поручено заказать там крейсер «Адмирал Корнилов». Этот крейсер, к удивлению всех моряков, был сделан с одним только дном. Уже за это одно Алексеева нужно было бы отдать под суд. Но он продолжал делать головокружительную карьеру. Ко времени войны с Китаем он уже был вице-адмиралом. Царь подарил ему саблю, украшенную бриллиантами, с надписью: «Таку, Тянь-Цзинь, Пекин — 1900 г.». А между тем во взятии этих городов он не участвовал. Для многих у нас на Дальнем Востоке было загадкой, почему Алексеев попал в главнокомандующие всеми морскими и сухопутными силами. Ходили слухи, будто он побочный сын Александра II. Может быть, поэтому он и пошел в гору по службе. Не отличался умом и его первый помощник, адмирал Старк. Для флота от него одна пагуба. Доки у нас были недостроены. Не успели мы как следует оборудовать мастерские на случай серьезных починок кораблей. В портовых складах не хватало

военных материалов. Не было у нас полностью второго комплекта снарядов. А ведь снаряды на войне — это самое главное. Но ко всему этому адмирал Старк относился, как говорится, спустя рукава. Его заедала хозяйственная мелочность. Иногда он шел по делу, иногда просто прогуливался по территории порта и, как одержимый, разыскивал всякую дрянь. Тогда матросы лучше не встречайся с ним. Он останавливал их и приказывал следовать за ним. По пути они собирали замеченные им валявшиеся ржавые болты, гайки, куски железа. Адмирал ворчал на портовое начальство за его нерадивость. Но к концу обхода он с гордостью шагал во главе потешной свиты и был доволен, что исполнил долг перед родиной. Не зря, значит, казна выплачивает ему огромное жалованье. А матросы несли за ним ненужное барахло и перемигивались между собою. Во флоте Старку дали кличку: «адмирал-старьевщик». И такого человека назначили начальником 1-й эскадры. Как это могло случиться? Очень просто: в его дом был вхож наместник Алексеев. Эти два сумасброда творили дальневосточную историю. Обидно было смотреть, как из-за них гибли честные и умные люди.

Из дальнейшей беседы с моряком-артурцем выяснилось, что главное военное руководство не предпринимало никаких мер для обороны крепости и эскадры. 26 января 1904 года уже можно было ожидать появления с моря японцев. В этот день на английском пароходе прибыл в Порт-Артур японский консул. Необычайна была цель его приезда. Он предложил японским подданным покинуть город. Оказалось, что заранее предупрежденные японцы были уже наготове к отъезду. Характерно, что русская администрация, знавшая об этом, упорно не придавала приготовлениям японских подданных никакого значения. Длинные ряды шампунек, нагруженных людьми, домашним скарбом и товарами, спешно потянулись на внешний рейд. Вся эта флотилия беженцев, представлявшая собою редкое среди военных кораблей зрелище, беспрепятственно прорезала весь строй эскадры, стоявшей на якоре, и направилась к борту английского парохода. Как среди переселенцев, так и на самом пароходе несомненно были японские шпионы. Они видели, в каком порядке стоят корабли эскадры,

они знали и о положении дел в самом городе и крепости. Вечером английский пароход ушел, увозя с собою самые ценные сведения для Японии.

Наступила тихая темная ночь. Эскадра стояла на внешнем рейде на якоре, без паров, без противоминных сетевых заграждений, при огнях. Корабли были расположены в четыре линии, в шахматном порядке. Некоторые из них грузились углем, и верхние палубы были ярко освещены специальными электрическими люстрами. Броненосец «Цесаревич» и крейсер «Паллада» по временам открывали свои прожекторы, наводя их на морской горизонт. Все делалось так, как будто нарочно хотели показать японцам место стоянки своей эскадры. В инструкции сказано было, что если обнаружится посторонний корабль, приближающийся к эскадре, то немедленно остановить его, направив в него лучи прожекторов, а затем послать туда на катере офицера. И никто из начальствующих не задумывался над нелепостью такого распоряжения. Как это можно лучами прожектора остановить неприятельский корабль? И если он обнаружен, то какой смысл ему ждать, пока русский офицер прибудет на его борт для осмотра? Два дозорных эскадренных миноносца, «Бесстрашный» и «Расторопный», выходили в море. На их обязанности лежало крейсировать в двадцати милях от рейда и время от времени возвращаться к флагманскому кораблю с донесениями о своих ночных наблюдениях.

Одноглазый моряк-артурец, рассказывая нам об этом, возмущался:

— Как видите, одно распоряжение начальства было бездарнее другого. Неслыханное тупоумие! Таким адмиралам не эскадрой командовать, а только бы плоты по рекам гонять.

Каковы же в это время были замыслы Японии? В первую очередь разгромить русский флот. Без этого она не могла бы перебрасывать на материк свои сухопутные войска. Все указывало на то, что наступил самый удобный момент для нападения на русскую эскадру. И адмирал Того решил действовать. Но здесь-то вот и сказалась его недальновидность. Почему-то он разделил свою минную флотилию на несколько небольших отря-

дов. Каждый из них должен был пойти в атаку отдельно от другого через значительные промежутки времени. Поэтому достиг своей цели только первый отряд миноносцев. Для русских его приближение было настолько неожиданным, что офицер с одного броненосца крикнул на японский миноносец, принимая его за свой:

— Иван Иванович, это вы?

В ответ загремел по рейду взрыв выпущенной японцами мины. У борта броненосца «Ретвизан» поднялся громадный столб воды. Только после этого моряки-артурцы поняли, что произошло нападение, и открыли по неприятельским миноносцам беспорядочный огонь. Это произошло в 11 часов 35 минут. Через пять минут раздался еще взрыв. На этот раз оказался подорванным броненосец «Цесаревич». Паника на эскадре росла. С крейсера «Паллада», заметив неприятельские миноносцы, пробили боевую тревогу, но не сразу начали стрельбу. В голубых лучах шести прожекторов крейсера они были видны как на ладони. Но их сходство по типу и ходовым огням с русскими миноносцами смутили офицеров, кричавших:

— Не стрелять! Свои!

Один из комендоров, стоявший у орудия, заметил след идущей к кораблю мины и, вопреки приказанию начальства, сам открыл огонь. Начали стрельбу и другие комендоры. Но было уже поздно. Одна из семи выпущенных мин попала в крейсер.

Это все, что сделал первый отряд японских миноносцев. Пользуясь бестолочью на рейде, он, конечно, мог бы нанести эскадре более сокрушительный удар. Внезапность события ошеломила русских, комендоры стреляли плохо. Мало того, из шестнадцати кораблей, стоявших на рейде, девять совсем не принимали участия в отражении атаки. Некоторые суда по диспозиции были поставлены так неразумно, что их орудия бездействовали, боясь задеть своих. На других кораблях вместо стрельбы шли споры среди офицеров, не знавших точно, что же, собственно, происходит ночью на рейде. На флагманском броненосце «Петропавловск», где находился в то время сам начальник эскадры вице-адмирал Старк, даже после подрыва минами трех кораблей никто не хотел верить, что война началась. Сомневались в

этом и на броненосце «Пересвет». На его мостике контр-адмирал князь Ухтомский продолжал уверять своих офицеров:

— Нет, это же только ночная практика. Неужели, господа, вы забыли, что по понедельникам у нас бывает обыкновенное учение в стрельбе? Ну посмотрите, вон на флагманском корабле подняли вверх луч боевого фонаря. Я только одного не понимаю, почему некоторые корабли, несмотря на сигнал начальника эскадры о прекращении огня, продолжают стрелять? Как мы еще плохо дисциплинированы!

Так было на рейде. А в крепости, не имевшей должной связи с флотом, и подавно всю ночь недоумевали. На некоторых же крепостных батареях дознались о нападении только утром, считая ночную канонаду за маневры. Но и без того было достаточно ночного грохота. С семи русских кораблей успели выпустить по неприятелю более восьмисот снарядов. И все же японские миноносцы, наведшие панику на беззаботную эскадру, ушли безнаказанными.

Одноглазый моряк, сообщив нам об этих непостижимых случайностях в начале войны, покачал головою и добавил:

— Наверное, сами знаете, как многие, бывало, в мирное время смотрели на наших флотских заправил — диву давались. Думали, что без их власти вся жизнь прахом пойдет. А теперь что? Грянула война, и каждому дураку стало ясно: на чем только свет держался!

Следующие отряды японских миноносцев, бросавшихся поочередно в атаку, уже не имели успеха. Люди на эскадре опомнились, пришли в себя, все стояли на своих местах. Атаки противника легко были отбиты. Не могли никакого вреда причинить русским и его главные морские силы, когда на второй день приблизились к Порт-Артуру. Сражение длилось полчаса и кончилось без существенных результатов для той и другой стороны.

Адмирал Того отступил в море, вероятно, разочарованным. Не того он ждал от ночных атак, напав на Россию без объявления войны. Правда, три мощных корабля вышли из строя, но через некоторое время их могут починить и опять пустить в действие.

Наместник Алексеев не удосужился даже посмотреть на свои подорванные корабли. Он вызывал к себе начальника эскадры Старка и других адмиралов, совещался с ними, отдавал им приказы. Он командовал эскадрой с берега.

Много было и других упущений со стороны русского командования. Тогда же, днем 26 января, произошло сражение в Чемульпо (Корея). Несмотря на угрозу надвигающейся войны, там, как никому не нужные пасынки, продолжали находиться замечательный по быстроходности крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец». Высшее командование не сумело своевременно присоединить их к эскадре. По его легкомыслию, они геройски погибли, застигнутые превосходными силами контр-адмирала Уриу. По непонятным причинам это же командование отделило от эскадры для Владивостока четыре сильнейших крейсера: «Россия», «Громобой», «Богатырь» и «Рюрик». Все это облегчало японцам блокировать с моря Порт-Артур и перебрасывать свои сухопутные войска на материк. Потом начался целый ряд бедствий, не зависимых от противника. В первые же дни войны из артурской эскадры погибли крейсер «Боярин» и минный заградитель «Енисей», наткнувшись на собственные мины. Из владивостокского отряда крейсеров «Богатырь» налетел на камни и настолько сильно распорол себе подводную часть, что до конца войны не мог вступить в строй.

Все же 1-я эскадра даже и при таких условиях потребовала от противника невероятных усилий, чтобы блокировать ее. Это продолжалось несколько месяцев. Были случаи, когда счастье на море склонялось на сторону русских.

В Порт-Артуре заметили, что эскадра противника, появляясь на виду у крепости, каждый раз ходит одним и тем же курсом. Командиру минного заградителя «Амур», капитану 2-го ранга Иванову, пришла мысль расставить на этом курсе минные заграждения. Командование долго возражало против такой его затеи. Наконец, 1 мая днем, под прикрытием тумана, почти перед самым носом у японцев, Иванов блестяще выполнил заградительную операцию. В результате на второй день случилось то, чего японцы никак не ожидали. Много раз без-

наказанно они крейсировали на глазах бездействовавших русских. И вдруг раздался взрыв, другой: «Хатсусе» потонул на месте, а «Ясима» — в пути. Это так сильно подействовало на психологию осмелевшего было врага, что всю отвагу с него как рукой сняло. На его других, целых кораблях поднялся невообразимый переполох. Японцы лишились всякого самообладания. Страх их усиливался оттого, что кругом не было видно ни одного русского корабля. Они не знали, отчего произошли эти взрывы: от минного заграждения или от подводных лодок. Как выйти из этого положения? Стрелять было не в кого, но, охваченные паникой, они все-таки бестолково и бесцельно палили во все стороны и в воду вокруг себя. Это был очень удобный случай для довершения разгрома остальных японских кораблей и прорыва блокады. Вместо того чтобы предпринять активные действия, русская эскадра, не подготовленная к выходу в море, продолжала стоять на внутреннем рейде, словно посторонний зритель.

А 28 июля она не прорвалась во Владивосток только потому, что на флагманском корабле был убит начальник эскадры адмирал Витгефт.

Командующий японским флотом Того сам себе осложнил дело. Вместо того, чтобы дробить свои силы, он мог бы, пользуясь внезапностью, обрушить на русскую эскадру сосредоточенный удар тридцати — сорока миноносцев. Наверняка можно сказать, что в ту же ночь в Порт-Артуре не уцелело бы ни одного большого корабля. А такая грандиозная катастрофа ускорила бы и падение крепости.

Одноглазый моряк-артурец, расставаясь с нами, сказал в заключение:

— Будь у нас высшее начальство разумнее, японцам была бы совсем труба. Жаль, что погиб адмирал Макаров. Отец его был кантонистом, когда-то служил боцманом. Поэтому офицеры из высшей породы нашего знаменитого адмирала в насмешку называли зарвавшимся кантонистом. А между тем, как только он вместо адмирала-старьевщика вступил в командование 1-й эскадрой, сразу на ней люди ожили. Лишь одну неделю прожил он у нас, и флот наш стал неузнаваем. И нужно было греху случиться: броненосец «Петропавловск» на-

летел на японскую мину и вместе с Макаровым пошел ко дну. Такого флотоводца у нас не осталось. Все пошло на убыль.

От этих разговоров мы возвращались к одному тревожному вопросу, не дававшему нам покоя: а что будет со 2-й эскадрой? Судя по началу военных действий и другим данным, адмирал Того не обнаружил особых способностей в военно-морском искусстве. Он тоже бывал неосторожным и проявлял недальновидность. И японские моряки оказывались не застрахованными от паники, не такими доблестными, если по ним как следует ударить. Это несколько подбадривало нас. Но при воспоминании о «гулльском инциденте» мы снова впадали в мрачное уныние.

4. ТАНЖЕР. Я УЗНАЮ, ЧТО ЗА МНОЙ СЛЕДЯТ

В Танжер, расположенный по другую сторону Гибралтарского пролива, на африканском берегу, мы прибыли около трех часов пополудни 21 октября. Здесь на рейде мы застали в сборе почти все корабли нашей эскадры, прибывшие сюда дня за четыре до нас. Не было только миноносцев, которые тоже побывали здесь и успели уже уйти с несколькими транспортами в Алжир. Кроме наших судов, на рейде стояли два французских крейсера и один английский.

Так как эта часть Африки принадлежит французской колонии Марокко, то мы были приняты в этом порту с полным радушием. Нам было предложено стоять здесь сколько угодно. Говорили, что англичане, как союзники японцев, протестовали против этого, но безуспешно.

В этот же вечер от эскадры отделились корабли: броненосцы — «Сисой Великий», «Наварин», крейсеры — «Светлана», «Жемчуг» и «Алмаз». Этот отряд повел контр-адмирал Фелькерзам в Средиземное море. Дальнейший путь его должен быть с заходом в Суду, через Суэцкий канал и дальше, до острова Мадагаскар, где Рожественский назначил своему младшему флагману рандеву. А остальные корабли пойдут туда же вокруг Африки, обогнув мыс Доброй Надежды. У Мадагаскара должны еще присоединиться к нашей эскадре суда, которые достраиваются и вооружаются в Рос-

сии: «Олег», «Изумруд», «Смоленск», «Петербург», «Терек», «Дон», «Урал» и миноносцы.

Правильно ли поступил Рожественский, разделив свою эскадру по частям?

Наши офицеры высказывались по этому поводу поразному. Одни видели в этом ошибку: японцы могут выслать отряд сильных крейсеров и разбить корабли Фелькерзама, а тогда и остальным нашим судам ничего не останется делать, как только вернуться в Россию. Другие возражали, говоря, что японцы не посмеют уйти от своей базы в такую даль. Но, по-видимому, никто из них не мог как следует разобраться в соображениях командующего.

Плавучая мастерская «Камчатка», которая своими телеграммами внесла такой переполох в эскадру, теперь стояла перед нами, целая и невредимая. От матросов и вольнонаемных мастеровых с нее мы узнали, что у них в ночь на 9 октября происходила такая же неразбериха, как и у нас. Выпустили они по «неприятелю» до трехсот снарядов. В Танжере еще выяснилось, что адмирал Фелькерзам прошел в Немецком море мимо тех же рыбаков, которых мы расстреливали. Он только осветил их боевыми фонарями, но и не думал расправляться с ними так, как расправились мы.

Приступили к погрузке угля. Но засвежел восточный ветер, наступая на нас с открытой стороны бухты. На грот-мачтах военных судов затрепетали длинные косицы вымпелов. А ночью разыгрался шторм, развел крупную волну. Немецкие угольные пароходы, пришвартованные к броненосцам, мяли себе борта, угрожая и нашим кораблям поломками. Временно погрузка была прекращена.

Ночь, угрюмо-темная и воющая, спустилась рано. Город осветился огнями. Броненосец, покачиваясь, скрежетал железом якорных канатов. Я долго сидел на баке у фитиля, чувствуя невыразимую тоску, разъедающую сердце, точно соль свежую рану. Здесь же, вспыхивая папиросами или цигарками, сидели матросы. И все мы с завистью, как звери из клетки, смотрели на африканский берег, так заманчиво сверкающий огнями. Какая жизнь сейчас проходит там, на суше, в каменных домах, в светлых комнатах? Кто-то вздохнул:

— Не отпускают нас в город.

Сейчас же подхватили другие:

— Там в ресторанах, вероятно, музыка играет, публика веселится.

— Отчего им не веселиться, раз они на войну не идут?

— Влюбленные целуются.

— У некоторых из наших дома остались жены. Их, поди, теперь тоже кто-нибудь целует,— вставил кочегар Бакланов.

В ответ на это один матрос, ни к кому не обращаясь, крепко и злобно выругался.

Гальванер Алференко мрачно признался:

— Я б женился на самой последней негритянке, только бы остаться здесь.

— Не годится. А вдруг дети получатся пегие?

— Болтай чего зря.

Слушая товарищей, я думал: насколько же сейчас береговые жители счастливее нас! Казалось, что мы уже никогда больше не будем сидеть в светлой комнате и разговаривать с близкими людьми, не думая о войне. Нам предстоят громадные переходы морями и океанами, бесконечные погрузки угля под непривычным зноем тропиков, денные и ночные тревоги, всяческие мытарства, бури в водных пространствах и волнения в душе. И все это мы будем переносить, может быть, только для того, чтобы, встретившись с противником, погибнуть в морской пучине, даже не зная при этом, за что. Скажут: этого требует нация. Но ведь нация — это я и гальванер Алференко, боцман Воеводин и кочегар Бакланов, офицеры и матросы, рабочие и крестьяне; это народ, связанный между собою не только территорией, но и общностью происхождения, нравов и политической историей. Разве нас и наших родственников спрашивали, нужна ли война с Японией? Ее затеяла кучка проходимцев и титулованных особ, не считаясь с интересами народа и преследуя лишь свои корыстные цели. Такие мысли приходили в голову не мне одному, а многим морякам, плававшим на 2-й эскадре. В то же время при воспоминании о большой и далекой родине наши сердца наполнялись горечью и обидой за ее позор и поражение. Мы оказались в положении детей, у которых бессовестный вотчим отдал на поругание их родную

мать. Как дети, мы были бесправны и бессильны. Мы могли только молча глубже любить поруганную и страдающую свою мать, а к негодяю вотчиму таить еще более непримиримую ненависть.

Мимо нас осторожно, словно подкрадываясь к кому-то, прошел офицер. Матросы узнали в нем лейтенанта, носившего среди них прозвище «Вредный». Он никогда не кричал на нас, не разносил последними словами, не дрался, как это делали другие. Разговаривал с нижними чинами тихо и ласково, с приклеенной улыбкой на краснощеком и широком лице. И все-таки он вполне оправдывал данное ему прозвище: проштрафившийся перед ним матрос пощады не просил. С какой-то ледяной тупостью он презирал своих подчиненных, и когда определял им наказание, то делал это бесстрастно, как лавочник, объявляющий цену на товар по прейскуранту.

Через вестовых мы знали, что в кают-компании он больше всех ратовал за то, чтобы как можно суровее относиться к команде, и сколько раз спорил со старшим офицером Сидоровым, находя его в отношении нас слишком мягким. У него была постоянная привычка — подойти к кучке матросов незаметно и подслушать, о чем говорят. И теперь, придя на бак, он остановился и повернул ухо в нашу сторону.

Матросы сейчас же свели беседу на тему о веселых домах. А это, с его точки зрения, означало, что никаких неблагонадежных мыслей у них нет.

Вредный постоял немного и ушел.

— За что он так ненавидит нас? — спросил один из матросов.

Гальванер Козырев ответил:

— Стало быть, какая-нибудь причина есть. Он и на берегу был такой же.

И рассказал нам об этом случае.

Козырев служил вместе с ним в одном флотском экипаже. Когда Вредный оставался на ночь дежурным по экипажу, то утром обязательно несколько матросов попадали в карцер. Еще до побудки команды при нем в канцелярии уже стояли наготове горнист и барабанщик. Как только на дворе раздавались звуки горна, он сейчас же отправлялся в обход по всем ротам экипажа, сопровождаемый молчаливыми горнистом и барабанщиком.

Вот здесь-то и начиналась потеха. Какой-нибудь унтер, несмотря на то, что побудка команды уже была, продолжал спать на своей койке. Это только и нужно было лейтенанту Вредному. Он подкрадывался к такой койке, ставил у ее изголовья горниста и барабанщика и подавал им знак рукою — начинай! От дикой музыки, раздававшейся над самым ухом, виновник, иногда без кальсон, иногда совсем голый, вскакивал с быстротой молнии. Более глупое или даже идиотское выражение на лице, чем у такого человека, едва ли еще можно было видеть. Перед ним, надрываясь, орал горнист, гремел барабан и стоял, в сюртуке с золотыми эполетами, при сабле, дежурный офицер, самодовольно улыбаясь и с легким поклоном приговаривая:

— Пожалуйте-с, на трое суток, на трое суток.

Что это — дьявольское наваждение? Виновник ничего не понимал и стоял на своей койке во весь рост, выпучив глаза, с таким растерянным видом, словно был оглушен поленом. А главное — он не знал, что делать ему дальше: бежать ли из камеры, отдавать ли честь, держать ли руки по швам или начать одеваться, чтобы прикрыть скорее свою наготу.

А лейтенант, продолжая кланяться, приговаривал:

— Ага! Сразу не послушался! На сутки прибавлю. Пожалуйте-с, на четверо суток. В карцере поумнеешь.

Так забавлялся Вредный в каждое свое очередное дежурство.

И неизвестно было, до каких пор это продолжалось бы, если бы однажды он сам не оказался в дурацком положении. Под звуки барабана и горна он стоял перед одной койкой дольше, чем это обычно было, и все кланялся, приговаривая:

— Пожалуйте-с, на трое суток...

Человек, накрытый на койке одеялом, не вскакивал...

Матросы, присутствовавшие при этом в камере, едва сдерживали свой смех.

Лейтенант сам сдернул одеяло и сразу изменился в лице. Перед ним вместо спящего матроса оказались свернутые шинели. Хозяин койки в это время стоял на часах у экипажных ворот. Вредный рассвирепел. На этот раз попал в карцер сам фельдфебель, а потом дежурный унтер-офицер по роте и дневальный по камере. Однако

с той поры такие забавы лейтенанта Вредного прекратились.

Гальванер Козырев несколько развлек нас,— мы посмеялись и разошлись спать.

На второй день после обеда ветер совсем стих. Успокоилась и водная поверхность, отливая солнечным блеском. На всех судах снова возобновилась погрузка. Командующий объявил денежную премию за успешную работу. Эта мера оказалась весьма разумной. На «Орле» поднялся невероятный аврал. Гремели лебедки, слышались выкрики людей. Броненосец как будто окутался черным туманом, сквозь который солнце казалось красным шаром. В каждый час мы принимали по пятидесяти тонн угля. Такая работа продолжалась более суток, без сна и отдыха, почти без перерыва, если только не считать время, потраченное на еду. Под конец люди настолько устали, что еле волочили ноги.

А тут еще нужно было вымыть броненосец, привести его в надлежащий вид. Но от этого я как баталер был избавлен. Мне можно было уйти спать, выбрав для этого место в каком-нибудь помещении с провизией. Вообще мое унтер-офицерское звание давало мне перед рядовыми матросами порядочное преимущество: если бы я ударил кого из них, то в худшем случае меня посадят на несколько дней в карцер; если же рядовой со мною поступит так, то он рискует попасть в тюрьму. Однако гордиться здесь было нечем. Еще большим преимуществом пользовался передо мной офицер: если он меня изобьет, хотя бы ни за что ни про что, то ему даже и выговора не сделают; если же я его ударю, хотя и справедливо, то мне угрожает смертная казнь.

К нам на броненосец приезжали торговцы, черные африканцы, предлагая открытки, разные фрукты, сетки, пробковые шлемы. Одеты они были по-разному — в туниках с капюшонами, в чалмах, некоторые в фесках, в разноцветных куртках.

Давно уже на эскадре шел разговор, что Россия хочет приобрести в Чили и Аргентине семь больших бронированных крейсеров. А теперь прошел слух, что такая покупка уже состоялась и даже сформирован личный состав для этих судов. Они должны будут встретиться с нами у острова Мадагаскар, куда приведет их контр-ад-

мирал Небогатов. О, если бы все это подтвердилось! Я ничего не имел против японцев, и не было у меня никакого желания с ними воевать. И все-таки я очень страдал, находя всякие недочеты на нашей эскадре.

Со мной сдружился командирский вестовой, матрос Назаров. Это был молодой и тихий парень, безусый, с румяной и нежной кожей на чернобровом лице. Военная служба разлучила его с любимой женой, и теперь все его мысли были только о ней. Она осталась в селе. Я за него сочинял ей письма, которые он посылал на родину из каждого порта. О своей подруге он был очень высокого мнения и рассказывал о ней всегда восторженно:

— Хочешь верь, хочешь нет, но я тебе скажу, что такой жены ни у кого нет. Я свою Настю не променяю ни на одну королеву. Что насчет красоты, что насчет любви, что насчет хозяйства — кругом баба знаменитая. Бывало, встанет утром рано-рано. Печку затопит. А я на койке валяюсь, притворяюсь, будто сплю. Она подойдет ко мне тихонько, поцелует — и опять к печке. За утро раз двадцать так проделывает. Эх, брат, и любовь у нас была!

Мы сочиняли Насте длинные послания, обязательно с лирикой. И чем возвышеннее я пускал в них стиль, чем сентиментальнее они были, тем больше это нравилось Назарову. Из Танжера тоже написали ей. Мы сидели в коридоре, где были расположены мои кладовые для сухих продуктов. Разостлав бумагу на опрокинутом ящике, я строчил:

«Милая Настенька, ненаглядная моя супруга!

Как далеко я нахожусь от тебя! Наша эскадра стоит в Африке, где сейчас тепло, как у нас бывает лётом, и где живут люди, черные, как сажа. Но никакое расстояние не разлучит нас с тобою: душою я всегда несусь к тебе, как ласточка на быстрых крыльях. Я день и ночь вспоминаю твои синие глаза, блистающие, как весеннее небо, и твои лобзания, сладостные, как мед. Сейчас дует легкий и теплый ветер, и направление держит он на нашу Россию. Пусть он принесет тебе дыхание моей истосковавшейся груди и трепет моего влюбленного сердца».

В таком же духе продолжалось письмо и дальше. Я прочитал его вслух и спросил:

— Ну как?

— Хорошо. Складно выходит. Ты только вот что еще прибавь: когда я вернусь на родину, у нас родится сын.

И я продолжал писать:

«Я все-таки верю, моя любимая, что наступит то счастливое время, когда мы снова встретимся и снова замрем в пылу нашей обоюдной страсти. Закон природы совершится. А потом в избе у нас колокольчиком зазвенит голосок малютки. Это будет обязательно сын, такой же синеглазый, как ты...»

Закончили так:

«Но может случиться, что вражеские снаряды потопят наш корабль. Помни, что, умирая, я буду твердить твое имя. А когда страдающая моя грудь зальется водою и я не смогу произнести ни одного слова, тогда я одним сердцем крикну на весь мир: прощай, моя любимая Настя...»

Назаров, выслушав конец, даже прослезился.

— Вот это здорово хватил! Теперь, как получит письмо, целую неделю будет плакать. И ни один парень к ней не подкатывайся. За версту не подпустит. Ну, брат, спасибо тебе.

Он бережно вложил письмо в конверт и тихо заговорил:

— Я давно собирался сказать тебе про одно дело, да все откладывал. Ведь за тобою следят.

Я крайне был удивлен таким сообщением.

— А ты откуда знаешь?

— Значит, знаю, если говорю. Когда мы были еще в Кронштадте, на судно пришла бумага, пакет такой большой, а на нем пять сургучных печатей: четыре по углам и одна на середине. Командир, как только прочитал эту бумагу, сейчас же вспыхнул и приказал мне позвать старшего офицера. Они остались в командирской каюте. А мне интересно стало узнать, что это за тайна у них. Я подслушал. О тебе говорили. Командир приказал старшему поставить за тобой негласный надзор. Потом у командира в столе я бумагу нашел и сам читал — от жандармского управления она. Выходит, что ты политический...

— А кто за мною следит?

— Не знаю, кого поставили.

Кстати я спросил вестового об инженере Васильеве.

— Лучше этого офицера никого нет. Он всегда заступается за команду. Некоторые офицеры говорят, что нужно больше наказывать, а он им возражает. Здорово спорит. И доказывает, что надо учить их больше. А с ним всегда заодно стоит лейтенант Гирс. Башка этот самый Васильев! В споре любого офицера на обе лопатки положит.

Расставаясь, я поблагодарил Назарова. В моем положении он может мне очень пригодиться. Как же все-таки допустили меня к царскому смотру? Что-нибудь одно из двух: или начальство в суматохе забыло обо мне, или не очень большое значение придало жандармской бумажке.

К нашей эскадре присоединились еще два судна: плавучий госпиталь «Орел», выкрашенный весь в белый цвет, с красными крестами на трубах, под флагом Красного креста, и французский пароход-рефрижератор «Espérance», имеющий в своих трюмах большой запас мороженого мяса для нас.

23 октября с флагманского корабля поступило распоряжение сняться с якоря.

5. СПУСКАЕМСЯ К ЮЖНЫМ ШИРОТАМ

Наступили погожие дни. Под голубым веером неба дул ровный попутный пассат. Воды Атлантического океана загустели синевой, и по ним вслед за эскадрой катились волны, увенчанные белыми, как черемуховый цвет, гребнями. Между ними, вспыхивая, жарко змеились солнечные блики.

Кругом было безбрежно и пустынно. Наша эскадра, построенная в две кильватерные колонны, одиноко спускалась к южным широтам. Правую колонну возглавлял флагманский броненосец «Суворов». За ним, с промежутком друг от друга в два кабельтова, следовали: «Александр III», «Бородино», «Орел» и «Ослябя». Плавучая мастерская «Камчатка» вела левую колонну, состоявшую из транспортов: «Анадырь», «Метеор», «Корея» и «Малайя». В хвосте эскадры, в строе клина, держались крейсеры: «Адмирал Нахимов», на котором поднял свой флаг контр-адмирал Энквист, «Аврора» и

«Дмитрий Донской». Позади эскадры, на расстоянии девяти-десяти кабельтовых, следовал госпитальный пароход «Орел».

На пути нам совсем не попадались встречные суда. Только иногда далеко на горизонте показывались английские крейсеры, все еще продолжавшие следить за нами. Но и они исчезли, когда мы приблизились к параллели Канарских островов.

По вечерам солнце скрывалось рано — часов в шесть. На смену ему, заливая простор пунцовым заревом, широко раскидывался крылатый закат. Но он, как всегда в тропиках, быстро уменьшался в размерах, тускнея, словно улетая в сторону Америки. И тогда в неизмеримых глубинах неба загорались крупные и яркие звезды. Океан не отражал их, соперничая с небом собственными сокровищами,— зыбучая поверхность, развороченная ветром и нашими кораблями, сверкала россыпью сине-зеленых искр. Можно было целыми часами, не уставая, любоваться и грандиозными мирами, что мерцали в вышине, и бесконечно малыми существами, что фосфорически светились в воде.

Пересекли тропик Рака. Зной усиливался с каждым днем. Небо бледнело. Воздух был настолько насыщен горячими испарениями воды, как будто мы находились в жарко натопленной бане. Люди работали в промокших от пота платьях, словно только что побывали под дождем. Некоторые матросы, поснимав рабочие куртки, ходили в одних нательных сетках, которыми запаслись в Танжере. На верхней палубе были устроены души. Все начали окатываться забортной водой.

Только в пути мы узнали, что наша эскадра держит направление во французскую колонию Сенегамбию, находящуюся на западном берегу Африки, в портовый город Дакар.

Инженер Васильев продолжал снабжать меня книгами, но все такими, в которых изображается борьба угнетенных за свою независимость: «Спартак» Джиованиоли, «На рассвете» Ежа. Я их читал раньше, но опять не признался ему в этом. Меня все время мучил вопрос: почему он для меня подбирает такую литературу? А когда он дал мне Гра «Марсельцы», где описывается жизнь из эпохи Французской революции, я сказал:

— Я уже читал ее, ваше благородие.

Он спокойно ответил, впервые обращаясь ко мне на «вы»:

— Хорошую вещь не мешает вам еще раз просмотреть. Впрочем, можете товарищам своим дать почитать.

Для меня стало ясно, что Васильев имеет особую систему подхода к нашему брату — систему, практикуемую и другими революционерами. Но все-таки серебряные погоны, блестевшие на его плечах, не переставали смущать меня. Где-то в глубине души все еще оставалась тень недоверия к нему.

Вдруг он огорошил меня вопросом:

— Вы в тюрьме сидели?

Я засопел носом и неохотно ответил:

— Так точно.

— За политику?

— Так точно.

Васильев ласково улыбнулся мне, а тогда и я, осмелев и глядя ему прямо в глаза, спросил:

— От старшего офицера узнали об этом, ваше благородие?

Он кивнул головою.

— Какого же мнения обо мне старшой?

— Отличного. Прежде всего он не из заядлых консерваторов. А затем, он вполне уверен, что вы попали в какую-то историю по недоразумению.

Я признался:

— Одно только меня беспокоит: не знаю, кто поставлен из матросов за мною следить.

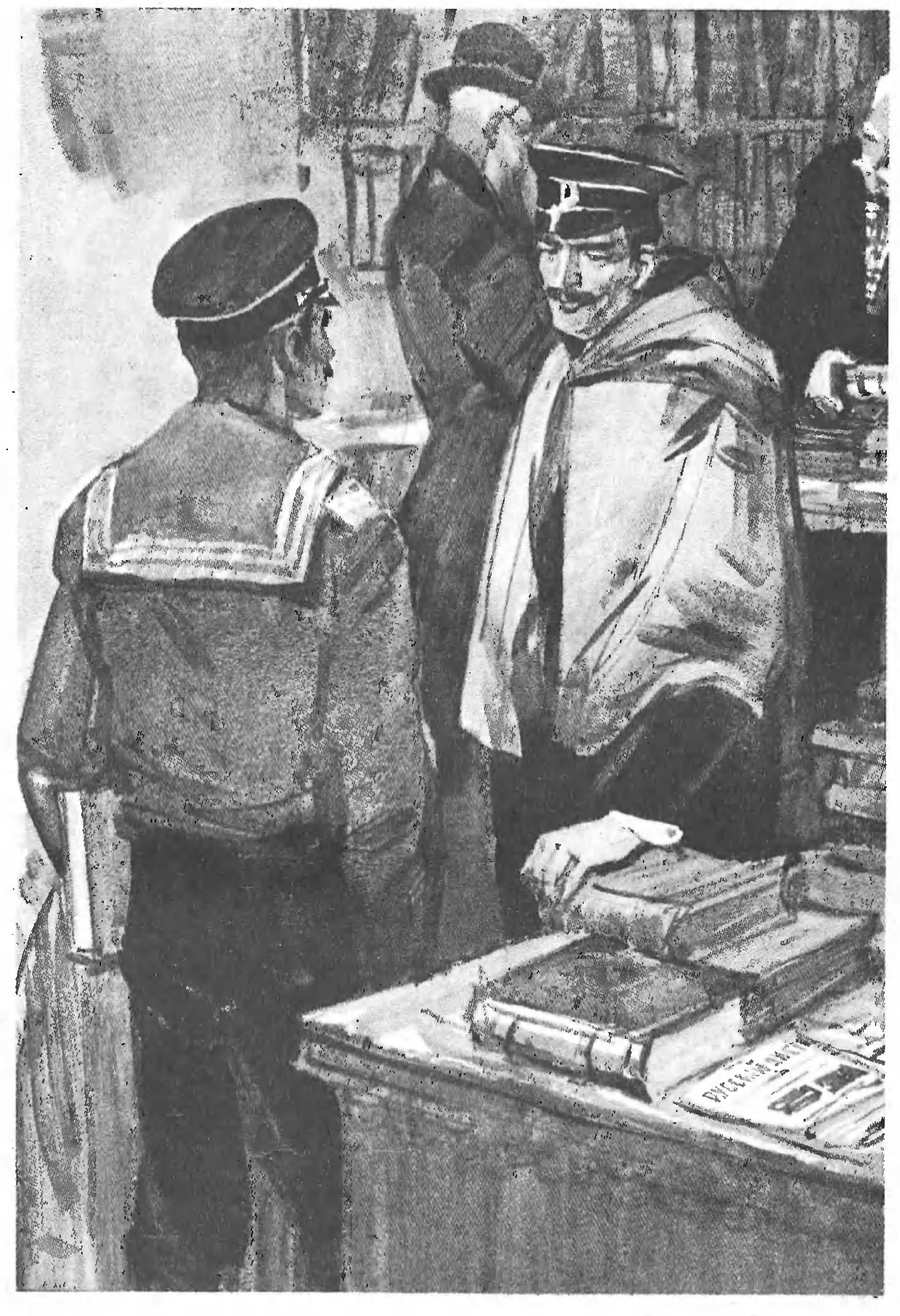
— Да, проведать, где поставлена западня, это значит никогда не попасться в нее.

Я ушел от Васильева с радостным чувством, что и среди офицеров есть у меня близкий человек.

Каждый праздник служили на корабле обедню. Для этого все сходились в жилой палубе, где устраивалась походная церковь с иконостасом, с алтарем, с подсвечниками. И на этот раз с утра, после подъема флага, вахтенный начальник распорядился:

— Команде на богослужение!

Засвистали дудки капралов, и по всем палубам, повторяя на разные лады распоряжение вахтенного начальника, понеслись повелительные слова фельдфебелей



Часть первая. Глава 8.
«ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ У РОДНЫХ БЕРЕГОВ»

Часть вторая. Глава 5.
«СПУСКАЕМСЯ К ЮЖНЫМ ШИРОТАМ»

и дежурных. Для матросов самым нудным делом было — это стоять в церкви. Они начали шарахаться в разные стороны, прятаться по закоулкам и отделениям, словно в щели тараканы, когда их внезапно осветят огнем. А унтеры гнали их с криком и шумом, с зуботычинами и самой отъявленной бранью — в Христа, в богородицу, в алтарь, в крест воздвиженский. Офицеры это слышали и ничего не возражали. Получалось что-то бессмысленное, такое издевательство над религией, хуже которого не придумает ни один безбожник.

Наконец, половину команды кое-как согнали в церковь. Начальство стояло впереди, возглавляемое командиром и старшим офицером. Началась обедня. Роли дьячка и певчих выполняли матросы.

Службу отправлял судовой священник отец Паисий.

Жалкую и комическую фигуру представлял собою наш духовный отец. Иеромонах Александро-Невской лавры, он попал в поход и на войну по выбору игумена и монашеской братии. Он был сутул, со скошенными плечами, с круглым выпяченным животом, точно он носил под рясой ковригу хлеба. Лицо обрюзгло, поросло рыжей всклоченной бородой; мутные глаза смотрели на все по-рыбьи неподвижно. Он, вероятно, редко мыл голову, но зато часто смазывал густые рыжие волосы лампадным или сливочным маслом, поэтому от них несло тухлым запахом. Нельзя было не удивляться, как это офицеры могли выносить его присутствие в кают-компании и кушать вместе с ним за одним общим столом. Совершенно необразованный, серый, он при этом еще от природы глуп был безнадежно. Говорил он нечленораздельной речью, отрывисто вылетавшей из его горла, словно он насильно выталкивал каждое слово. Казалось, назначили его на корабль не для отправления церковной службы, а для посмешища и кают-компанейской молодежи и всей команды. Самые горькие минуты у него были, когда матросы обращались к нему с каким-нибудь вопросом:

— Батюшка, за что это Льва Толстого отлучили от церкви?

Отец Паисий начинал пыжиться, точно взвалили на него воз:

— Потому что... ну, как это... он... как это — еретик.

— А что значит — еретик?

— Это... ну, как это... значит... вообще...

— Батюшка, а что значит «аллилуйя»?

— Батюшка, а что значит «паки», «паки»?

Священник кривил дрожащие губы и, что-то бормоча, уходил прочь под хохот матросов.

Больше всех его донимал кочегар Бакланов. Однажды они встретились на шкафуте. Кочегар, изобразив на своем запачканном угольной пылью лице христианское смирение, притворно-ласково заговорил:

— Вот, батюшка, как нам приходится в преисподней работать. Стал я похож на африканца.

— Да, да, верно,— согласился священник.— По воле божией каждый человек должен добывать хлеб себе в поте лица.

— Это, батюшка, не ко всем относится. Одни потеют только от жары, другие — от работы. Но я про другое хочу сказать. Вы видели негров?

— Ну как же — насмотрелся я на них. Страшный народ. Черные все. Настоящие дикари.

— А могут они после смерти войти в царство небесное?

— Никак не могут. Они идолопоклонники. А в писании сказано... ну, как это... только православные наследуют царство небесное.

— Но если бы вы родились в семье негров, то и вам пришлось бы быть дикарем. И поклонялись бы вы их богам. Значит, вместо рая вы попали бы в геенну огненную. Разве не так?

Священник почесал рыжую бороду и напряженно нахмурил лоб.

— Ты что-то мудреное говоришь.

— Разве негры виноваты, что они родились в Африке? И разве можно винить их в том, что они поклоняются своим богам? Может быть, они никогда даже и не слыхали о православной религии? За что же бог будет их казнить? Выходит, что он вовсе не милосердный, а, наоборот, злой палач.

— Молодец, Бакланов! Ловко подытожил! — засмеялись матросы.

Отец Паисий, наконец, понял, к чему ведет речь его собеседник, и взъерошился:

— Как твоя фамилия, богохульник?

— Свистун с приплясом, батюшка.

Священник побежал к старшему офицеру с доносом. Бакланов, не торопясь, спустился по трапу в низ корабля. Начальство почему-то не приняло никаких мер для розыска виновника.

Как и в другие праздники, так и теперь я стоял в церкви, слушал обедню и многому удивлялся. Что-то несуразное происходило передо мною. Священник церковной службы не знал, часто сбивался, и тогда на выручку ему выступал матрос-дьячок, шустрый черноглазый парень. Не дожидаясь, пока священник распутается и подаст нужный возглас, он вместе с хором начинал петь песнопение. А в это время сам отец Паисий, желая угодить начальству, неистово чадил кадилом прямо в нос командиру и старшему офицеру, так что те не знали, куда деваться от едкого дыма ладана, отворачивались, морщились, иногда чихали.

В церкви было жарко.

Я слушал обедню и думал: кому и для чего нужна эта комедия? Офицеры как образованные люди не верили во всю эту чепуху. Мне известно было, что они сами в кают-компании издевались над священником. А теперь они стояли чинно перед алтарем и крестились только для того, чтобы показать пример команде. Не могли и мы верить в то, что будто бы через этого грязного, вшивого, протухшего и глупого человека, наряженного в блестящую ризу, сходит на нас божья благодать. Нас загнали в церковь насильно, с битьем, с матерной руганью, как загоняют в хлев непослушный скот. А если уж нужно было заморочить голову команде и поддержать среди нее дух религиозности, то неужели высшая власть не могла придумать что-нибудь поумнее?

Обедня кончилась. Матросы гурьбой поднимались на верхнюю палубу. Церковь быстро опустела.

Сойдясь с боцманом Воеводиным, я спросил его:

— Ну, как тебе нравится наш батюшка?

Он шепнул на ухо:

— Не поп, а какая-то протоплазма.

Вечером те же матросы, собравшись на баке, будут с удовольствием слушать самые грязные анекдоты о попах, попадьях и поповых дочках.

Эскадра наша продвигалась вперед, к экватору, в пылающую даль океана. Шестой день миновал, как мы вышли из Танжера. Между прочим, там мы оставили по себе нехорошую память: транспорт «Анадырь», снимаясь с якоря, зацепил лапой телеграфный кабель. Адмирал Рожественский, не придумав ничего другого, приказал разрубить кабель. Жители Танжера и всего края остались без телеграфного сообщения. За кого они теперь считают нас?

По небу рассыпались редкие облака и, роняя тени на водную поверхность, плыли в одном с нами направлении, словно провожали эскадру. Напор пассата немного ослабел. Воздух, насыщенный испарениями, терял прежнюю прозрачность, линяли и пышные наряды океана. На корабле становилось все горячее.

Ночью убавили число оборотов в машине, чтобы войти в незнакомый порт при дневном свете. Мы с боцманом Воеводиным стояли на баке, на самом носу корабля, и смотрели за борт, любуясь, как сверкает вода, выворачиваемая форштевнем. Около нас очутился строевой унтер-офицер Синельников.

— Ноченька-то какая темная,— сказал он рваным от постоянной ругани голосом.

— Да, ты точно определил,— насмешливо ответил я.

Этот здоровенный унтер, длиннолицый, лупоглазый, с редкими, словно у кота, усами, давно уже был у меня на подозрении. Сколько раз он подкатывался ко мне и заискивающе заговаривал со мною. Его интересовало, за что мы воюем и кто победит в предстоящем морском сражении. Иногда просил у меня почитать книги. Больше всего меня настораживало, что он при мне начинал ругать начальство за его несправедливость и жестокость, тогда как мне известно было, что именно от его кулаков больше всего доставалось молодым матросам.

Корабли замигали красными и белыми фонарями Степанова.

— Любопытно бы узнать, о чем они переговариваются,— сказал Синельников, обращаясь ко мне.

— А ты спроси у вахтенного начальника.

— Да ведь это я только к слову сказал. А на самом деле, на кой черт мне сдались все огни — и красные и белые. Скучно что-то.

Он постоял немного и ушел.

Боцман Воеводин промолвил:

— Нехороший человек он, этот Синельников.

— Чем?

— Язык длинный. Выслуживается, чтобы скорее в боцманы его произвели.

Я хотел расспросить о Синельникове подробнее, но Воеводин заявил:

— Однако спать пора. Спокойной ночи.

У меня осталось впечатление, что боцман что-то знает обо мне и хотел меня предостеречь насчет унтера.

Утром слева показались невысокие берега. Как всегда после плавания, все смотрели на землю с радостью, хотя и ничего не видели, кроме серой и узкой полосы. Потом впереди начал вырисовываться Зеленый мыс — самая западная оконечность Африки. Эскадра обогнула мыс, и перед нами на южной стороне полуострова открылся небольшой городок Дакар, чистенький, с белыми зданиями, в зелени пальм и олеандров. Бросили якорь на рейде, вернее — в проливе между материком и островом Горе.

Здесь нас ждали одиннадцать немецких пароходов с углем, пароход-рефрижератор «Espérance», опередивший эскадру, и буксир «Русь» (бывший «Роланд»), прибывший из Бреста.

На броненосцах типа «Орел» оставалось топлива по четыреста тонн. Адмирал распорядился допринять на них в Дакаре еще по тысяче семьсот тонн. Наши угольные ямы могли вместить только тысячу сто тонн. Значит, остальной уголь требовалось рассовать по разным местам корабля, указанным в инструкции штаба. Старший офицер Сидоров, узнав об этом, ухватился в отчаянии за свою седую голову:

— Что будем делать?! Ведь это небывалый случай, чтобы так заваливать броненосец углем. Ну как я могу потом поддерживать чистоту на корабле?

Лейтенант Славинский, этот всегда уравновешенный человек, спокойно заметил на это:

— Начинается какое-то угольное помешательство. В дальнейшем, мне кажется, еще хуже будет.

Местные французские власти сначала разрешили нам производить погрузку угля, а потом, боясь протеста

со стороны японцев и англичан, запретили. Запросили телеграфом Париж. А тем временем, не дожидаясь ответа, все суда принялись за работу. Участие в ней принимал весь личный состав, разделенный на две смены. Это была первая погрузка при страшной тропической жаре. Даже ночью температура не падала ниже двадцати градусов по Реомюру. А днем жара увеличивалась настолько, что все чувствовали себя, как в печке. В особенности доставалось тем, на долю которых выпало спуститься в трюмы пришвартованного парохода или в угольные ямы броненосца. Там матросы работали голые. Чтобы не задохнуться от угольной пыли, одни держали в зубах паклю, другие обвязывали себе рот и нос ветошью. Эта мучительная пытка затянулась на полтора суток. Случалось, что некоторые не выдерживали непосильного труда и тропического зноя и валились с ног, как мертвые. Их выносили под душ, приводили в чувство и, дав им немного отдохнуть, снова ставили на работу. Кое-кого хватили солнечные удары, но, к счастью, не смертельные.

Из столицы союзной нам Франции пришел, наконец, ответ, категорически запрещающий производить какую бы то ни было погрузку в пределах территориальных вод. Но было уж поздно. Все корабли наполнились топливом. Согласно указаниям штаба, на нашем броненосце были завалены углем броневая палуба, прачечная и сушильня, батарейная палуба, отделения носового и кормового минных аппаратов, где уголь складывали только в мешках, а затем навалили его на юте, который предварительно огородили забором из досок.

Привели суда в порядок. Дали людям немного отдохнуть. Эскадра снова двинулась в путь.

8. ПЕРЕСЕКАЕМ ЭКВАТОР

Наши корабли уподобились бесприютным бездомникам: никто не хотел дать им пристанища. Даже союзная Франция относилась к нам, как к обанкротившимся родственникам. Это объяснялось тем, что в сражении с японцами мы терпели одно поражение за другим. Нам казалось, что иностранцы не скрывают своего злорадства. Наши неудачи на фронте были на руку другим дер-

жавам. Россия с народонаселением в полтораста миллионов, с воинственным империализмом царского двора начинала их серьезно пугать, как угроза Европе. Поэтому нашим соседям не резон было желать русским победы над японцами и создавать удобства для быстрого продвижения 2-й эскадры на Дальний Восток. Отчасти виноват тут был и сам Рожественский — тем, что когда-то отверг дипломатическую подготовку нашего похода. Как мы будем выкручиваться из своего тяжелого положения в дальнейшем? У нас впереди нет ни одной угольной станции, нет ни одного порта, куда бы могла зайти наша эскадра и спокойно грузиться.

Эскадра продолжала свое странствование, направляясь к берегам Габуна, расположенного почти у самого экватора. Погода благоприятствовала нам. Но каждый день происходили задержки эскадры из-за мелких аварий на том или другом судне. Выходил из строя броненосец «Бородино» — лопнул бугель эксцентрика цилиндра низкого давления. На «Суворове» испортился электрический привод рулевой машины. Что-то случилось с «Камчаткой», сообщившей сигналом, что она не может управляться. Останавливались «Орел» и «Аврора» — нагрелись холодильники. Но чаще всего случались поломки в механизмах на транспорте «Малайя», которую в конце концов пароход «Русь» потащил на буксире. Пока на каком-нибудь корабле происходила починка, вся эскадра стояла на месте и ждала или двигалась вперед медленно, сбавив ход до пяти-шести узлов.

Внутри броненосца было жарко и душно. Команда переселилась спать на верхнюю палубу и на задний мостик. За нею последовали и некоторые офицеры — те, что не боялись ночной сырости. Здесь по ночам было сносно. Лежали все почти голые, ласкаемые еле заметным теплым ветром. Тропические звезды, крупные и малые, мерцающие разноцветными оттенками огней, струили на нас свой тихий и успокаивающий свет. Однако спать приходилось мало: ни одна ночь не проходила, чтобы мы обошлись без практической тревоги. Каждый встрепанно вскакивал и мчался занимать, согласно судовому расписанию, свое место.

Днем мучил людей тропический зной. К обеду солнечные лучи падали отвесно, накаляя железные части

броненосца до такой степени, что от них отдавало невыносимым жаром. Матросы быстро начали худеть. Помимо обычных судовых работ и учений, им приходилось еще, вдыхая черную пыль, перетаскивать уголь из разных мест в угольные ямы. Но все-таки положение строевых было гораздо лучше, чем кочегаров и машинистов. В их отделениях никакие вентиляторы не могли понизить жару хотя бы до сорока градусов. Так было в машине внизу. А выше, на индикаторных площадках, было еще хуже: над головой — горячая палуба, кругом раскаленные трубопроводы, сепараторы. Здесь температура поднималась почти до точки кипения. Даже масло испарялось, наполняя все помещение как бы туманом. Не легче было и в кочегарных отделениях. Плохой уголь значительно затруднял исправно поддерживать пар, а прибавить котлов не всегда позволялось. С кочегарами случались тепловые удары. Помимо убийственной жары, все люди, которые обслуживали топки, котлы и машины, не стояли, сложив руки, а работали, истекая обильным потом и задыхаясь от усталости, иначе броненосец не стал бы двигаться вперед. Они поднимались наверх бледные, бескровные, с тупыми лицами, настолько истерзанные, что невольно, глядя на них, задавал себе вопрос: неужели они выдержат до конца нашего плавания?

Дисциплина на корабле, несмотря на все старания офицеров и унтеров поддержать ее всяческими способами, заметно падала. Люди дошли до того состояния, когда к карцеру начали относиться безразлично. Там по крайней мере можно было несколько дней отдохнуть.

Это уяснили себе некоторые офицеры и стали обращаться с командой более сдержанно, но не понимал этого мичман Воробейчик, продолжавший по-прежнему хорохориться и издеваться над матросами. При мне произошла сцена, едва не окончившаяся скандалом. Как-то перед обедом я выдавал команде ром. На верхней палубе у ендовы матросы выстроились в очередь. Мичман Воробейчик, спустившись с мостика и направляясь в кают-компанию, проходил мимо нас. Вдруг он повернулся и ни с того ни с сего закатил пощечину машинисту Шмидту, самому безобидному и смирному человеку.

— За что, ваше благородие? — испуганно раскрыв глаза, спросил Шмидт.

— Да так себе. Просто захотелось. На вот тебе еще, если мало! — и, улыбаясь, ударил машиниста еще раз.

Он сейчас же написал записку, в которой приказывал мне выдать за его счет две чарки водки потерпевшему: по одной за каждую пощечину. Шмидт растерянно молчал. Но вместо него отчетливо промолвил кочегар Бакланов:

— Люблю я, братцы, своего гнедого мерина. Хошь кнутом лупцуй его, хошь воз тяжелый навали,— только кряхтит, а везет.

Мичман Воробейчик, поправляя на носу пенсне, откинул голову:

— Это ты про что, чумазый дурак?

Бакланов сделал шаг вперед и, сжимая кулаки, громко произнес сквозь зубы:

— Про лошадь, ваше благородие!

Взгляды их встретились. Мичман сразу понял все. Он был в чистом белом кителе с блестящими погонами на плечах, а перед ним вызывающе стоял, двигая тупым подбородком, грязный шестипудовый кочегар с обнаженной грудью, с остановившимися глазами.

Все матросы затаили дыхание, ожидая события.

— То-то,— бледнея, пробормотал Воробейчик и торопливо зашагал к корме.

Вслед ему раздались голоса:

— Вот понесся!

— Боится, как бы суп не остыл.

Согласно приказу Рожественского (№ 138), каждый день какой-нибудь корабль должен был для практики управляться либо совсем без руля, при помощи одних машин, либо при посредстве чисто электрического привода, либо при посредстве ручного штурвала, либо теми же главными машинами, но при руле, закрепленном в положении пяти и десяти градусов право или лево на борт. Далее говорилось, что все, без исключения, судовые офицеры должны уметь сделать собственноручно все необходимое для перехода от одного способа управления рулем к другому. В будущем это нам очень пригодится — мало ли какие случаи могут быть на войне! Однако без привычки результаты получались плохие. Очередной

корабль шарахался из стороны в сторону, как пьяный. Однажды даже флагманский броненосец, вылетев из строя, чуть не протаранил нашего «Орла». Эскадра вся скучилась. Можно было себе только представить, что делалось в это время с адмиралом и какая буча происходила на «Суворове».

Иногда днем командующий приучал эскадру ходить строем фронта. Для этого все суда выстраивались в одну линию и подвигались вперед, как взвод солдат. Но и тут выходило незавидно: мешала разнотипность судов и сказывалось отсутствие практики. Не обходилось без того, чтобы какой-нибудь корабль не вылезал из линии.

На мачтах «Суворова» то и дело взвивались сигналы с выговорами командирам: «Не умеете управлять». Особенно провинившемуся кораблю адмирал приказывал держаться по нескольку часов на правом траверзе «Суворова». Так было и с броненосцем «Бородино» и с нашим «Орлом».

Инженер Васильев, глядя на такую картину, заметил:

— Попасть на траверз адмирала — это равносильно тому, как провинившемуся школьнику стать в угол.

Эскадра повернула на восток и теперь шла Гвинейским заливом. Вступили в штилевую полосу. Через несколько дней будем в Габуне.

Время от времени я продолжал видеться с Васильевым, беседовать с ним и брать от него книги. Больше всего я интересовался военно-морской литературой. Ведь мы шли на войну. А это было такое событие, которое выпадает на долю человека раз в жизни. Хотелось скорее понять боевую подготовку нашей эскадры и яснее представить себе будущее морское сражение. С жадностью я хватал все, что происходило на эскадре и на нашем корабле, что долетало до меня от наших офицеров и что вычитывал из книг, и все свои впечатления заносил в дневник. Скоро у меня оказались исписанными уже две толстые тетради. В тех случаях, когда передо мною возникал непонятный вопрос, я всегда мог обратиться за разъяснением к Васильеву.

Кроме того, у нас на судне оказался еще один великолепный офицер — это младший артиллерист, лейтенант Гирс. Высокого роста, с удлиненным энергичным лицом, с русыми бачками, спускающимися от висков,

с упорным взглядом больших серых глаз, весь всегда подтянутый, он производил впечатление строгого начальника. Но мы хорошо знали, что это был на редкость добродушный человек и честный офицер, хорошо относившийся к своим подчиненным. В неслужебные часы он разговаривал с матросами запросто. От него я тоже начал получать книги и мог обращаться к нему за всякими справками по части кораблей, артиллерии, эскадры, морских сражений.

Я очень мало спал — не больше трех-четырех часов в сутки. Приходилось заниматься своими баталерскими обязанностями: составлять раздаточные ведомости на жалованье, выдавать продукты в камбуз, вести денежную и провизионную отчетность. А тут еще нужно было, согласно судовому расписанию, бежать во время тревоги и занимать свое место. Все это я исполнял по необходимости. Помимо всего, я вполне оправдывал русскую пословицу: «Непутевая голова ногам покоя не дает». Меня интересовало, что делается и внизу, под броневой палубой, и в башнях, и в минных отделениях, и на верхней палубе, почему эскадра перестроилась по-новому, почему командир наш так разволновался, когда на «Суворове» подняли какой-то сигнал. Необходимо было потолковать с сигнальщиками — они все расскажут, что произошло за день или за ночь с кораблями и о чем разговаривал командир с вахтенным начальником. В особенности ценные сведения можно было получить от старшего сигнальщика Василия Павловича Зефирова. Это был широкоплечий плотный моряк лет тридцати. Находясь в запасе, он посещал художественную школу барона Штиглица в Петербурге, учился с увлечением, но война оторвала его от любимого занятия. Но и теперь, попав на броненосец «Орел», он не переставал носить в своей крутолобой голове мечту во что бы то ни стало выбиться в художники. Я не раз видел в его альбоме великолепные рисунки, изображающие наши корабли и отдельные моменты нашей жизни. Наблюдая с сигнального мостика за эскадрой, Зефиров знал все о важных ее событиях и охотно сообщал мне все новости. Ну, а как можно было оторваться от кучки матросов, расположившихся на баке или в другом месте корабля, когда среди них кто-нибудь так занятно рассказывает о разных слу-

чаях? Может быть, тут много было выдумки, но я, слушая ее, отдыхал душой.

Вот гальванер Голубев в носовом отделении собрал вокруг себя несколько товарищей. Широкое лицо его было серьезно, а серые глаза плутовато жмурились. Из простых слов, точно из детских кубиков, он складывал затейливое здание новеллы:

— Наше судно стояло в Гельсингфорсе. У нас был поп, солидный такой, тяжелый, с квадратным лицом. Матросы прозвали его «Бегемотом». Имел большое пристрастие к выпивке. Любил с матросами побеседовать насчет религии. Ну, а те ему все вопросы задавали. Не нравилось это Бегемоту — не может ответить. Однажды так его приперли к стене, что он не хуже боцмана обложил всех крепкими словами и убежал в кают-компанию. С той поры бросил вести беседы с матросами. За другое дело принялся: как праздник, так после обеда выходит на бак и начинает раздавать команде листки Троице-Сергиевской лавры или Афонского монастыря. Что делать? Как его отвадить от этого? И ухитрились. Както в праздник один из вестовых, парень фартовый, возьми да вытащи у него из кармана подрясника святые листки, на место их сунув прокламации. Бегемот наш наспиртовался в кают-компании — ничего не соображает. Вышел на бак и давай раздавать прокламации. Матросы, как только узнали об этом, обступили его со всех сторон. Сотни рук потянулись к нему с криком: «Дайте, батюшка, и мне!» Радуется Бегемот и говорит: «Братие во Христе! Я очень доволен, что хоть поздно, но вы прозрели душой. Поучайтесь из этих листков и поступайте так, как в них сказано». Матросы рассыпались по жилой палубе и громыхают вслух: «Россией управляет не правительство, а шайка разбойников, возглавляемая венценосным атаманом Николаем Вторым». Случайно по жилой палубе проходил мичман. Цапнул он у одного матроса прокламацию и спрашивает свирепо так, с пылом и жаром: «Ты, такой-сякой, что это читаешь? Где это ты взял?» А тот спокойно отвечает: «Батюшка дал. Он всем на баке раздает». Глянул офицер вокруг — все читают. И покатился в кают-компанию — на велосипеде не догонишь. Там целую тревогу поднял. «Бунт,— кричит,— у нас на корабле! Во главе всех поп наш стоит».

Все офицеры гурьбой — на бак. У всех револьверы наготове. Впереди командир шагает, спотыкается. А Бегемот в это время последние остатки раздавал и все приговаривал: «Братие во Христе! Вижу я, что вы становитесь на путь истинный». Командир как бросится к нему, да как заорет: «Мерзавец! Команду вздумал бунтовать! Арестовать его, арестовать немедленно!» Моментально явились часовые и повели Бегемота в карцер. А он с испугу так обалдел, что не может слова сказать, только мотает кудлатой головой. Всю его каюту обшарили — ничего не нашли, кроме священных книг и листков. Тут только догадались, какая загвоздка произошла. Попа выпустили. Начали у команды обыск производить.

Кончил Голубев свой рассказ, посмеялись над ним, начал другой матрос на иную тему. Нельзя было всего переслушать. Я ушел на верхнюю палубу.

Справа эскадры открылся остров св. Фомы, принадлежащий Португалии. Издали он походил на небольшое серое облако, упавшее на равнину моря. А по справочнику было известно, что остров занимает площадь около тысячи квадратных километров и поднимается вверх на два километра.

Утром 13 ноября эскадра наша остановилась: где Габун? По-видимому, флагманские штурманы сбились с курса. Послали пароход «Русь» в сторону видневшегося берега разыскать место нашей стоянки. После обеда разведчик вернулся обратно. Оказалось, что мы пересекли экватор, а Габун лежит выше этой воображаемой линии миль на двадцать.

Вечером стали на якорь в нейтральных водах, южнее входа в реку Габун, в двадцати милях от города Либрвиль, в четырех милях от берега. Море, вздыхая, выкатывало небольшие волны на низкий золотистый берег. А дальше загадочной стеной стоял густой лес. В бинокль можно было разглядеть масличные пальмы.

С наступлением ночи слева от нас, на вышке мыса, приветливо замигал одинокий маяк.

На второй день, выйдя из реки Габун, присоединились к эскадре немецкие угольные пароходы. Опять началась угольная чума. Когда это все кончится?

Мы стояли вне территориальных вод Франции, однако местный губернатор предложил нам убраться в дру-

гую бухту, еще более глухую и дикую. Но это было бы для нас слишком позорно. Хорошо сделал адмирал Рожественский, что не послушал губернатора и продолжал грузить уголь.

Месяца полтора назад чернокожие дикари, фаны, съели четырех французов, отправившихся в лес за слонами. Известие об этом произвело на матросов потрясающее впечатление. Все начали усиленно смотреть на берег, словно могли увидеть там страшных людоедов.

7. ЗАПАДНЯ НЕ ОПАСНА, ЕСЛИ О НЕЙ ЗНАЕШЬ

К вечеру 18 ноября эскадра опять пустилась в свой длинный путь. Теперь мы плыли, пересекши экватор, по Южному Атлантическому океану. О следующей нашей стоянке у нас на «Орле» ничего не знали.

На «Камчатке» произошло столкновение между администрацией и рабочими: они кинулись с кулаками на инженера. На транспортах, где команда была вольнонаемная, утомленные кочегары начали отказываться поддерживать пар в котлах. В дальнейшем подобные случаи, вероятно, будут учащаться.

В Габуне очень не повезло крейсеру «Дмитрий Донской». С него был задержан дозорными судами паровой катер в десять часов вечера, тогда как с наступлением темноты и до рассвета всякое сообщение между судами прекращалось. Сейчас же сигналами с флагманского броненосца было приказано арестовать вахтенного начальника на трое суток. В эту же ночь во втором часу была задержана вторая шлюпка с того же крейсера, и на ней, как говорилось в приказе № 158, «три гулящих офицера: лейтенант Веселаго, мичман Варзар и мичман Селитренников». Оказалось, что они тайком хотели переправить на госпиталь «Орел» сестру милосердия, приезжавшую к ним в гости. Эти три офицера без всякого предварительного следствия немедленно были отправлены в Россию для отдачи их под суд. Командиру «Донского», капитану 1-го ранга Лебедеву, был объявлен выговор.

По этому поводу Рожественский выпустил второй приказ, от 16 ноября за № 159, где он обрушивается

на Порт-артурскую эскадру за то, что она «проспала свои лучшие три корабля» и что теперь армия «стала заливать грехи флота ручьями своей крови».

Дальше в приказе говорилось:

«Вторая эскадра некоторыми представителями своими стоит на том самом пути, на котором так жестоко поплатилась первая.

Вчера крейсер 1-го ранга «Дмитрий Донской» явил пример глубочайшего военного разврата; завтра может обнаружиться его последователь.

Не пора ли оглянуться на тяжелый урок недавно прошедшего.

Поручаю крейсер 1-го ранга «Дмитрий Донской» неотступному надзору младшего флагмана, контр-адмирала Энквиста, и прошу его превосходительство принять меры к скорейшему искоренению начал гнилости в его нравственном организме».

На броненосце «Орел» офицеры были возмущены этим приказом. Как сообщил мне инженер Васильев, в кают-компании произошел такой разговор, от которого адмирал мог бы позеленеть, если бы только это докатилось до его ушей. По его адресу раздавались нелестные голоса:

— Сам не умеет наладить дело, а потом начинает громить других.

— Он превратился в какое-то пугало для эскадры.

— На Порт-артурской эскадре личный состав в своей подготовке был неплохой. Но адмиралы никуда не годились. Он бы лучше на них указал.

— Кто бы бросал нам такие упреки, но только не Рожественский! Какие у него самого боевые заслуги в прошлом? Ничего, кроме позорного боя с мирными рыбаками.

Эскадра вышла из штилевой полосы. Подул зюйд-остовый пассат. Небо все время было облачное, навстречу катилась крупная зыбь. Благодаря холодному течению, идущему из Южного Ледовитого океана, температура значительно понизилась.

На броненосце «Орел» везли всякую живность: быков, баранов, свиней, кур. Верхняя палуба превратилась в скотный двор. Иногда сквозь полудремоту слышал я, как поет петух, хрюкает свинья или заливается на кого-

то лаем наш пес Вторник. Неужели я опять попал в родное село? Просыпался с горьким разочарованием.

Хорошо было, когда обед готовился из свежего мяса. Считалось хуже, когда для этого употребляли мороженые туши, принятые с рефрижератора «Espérance». И совсем невыносимо было, когда переходили на солонину. Жесткая и дурно пахнущая, осклизлая, с зеленоватым оттенком, она убивала всякий аппетит и возбуждала чувство тошноты. В такие дни многие ходили голодные. Матросы ворчали:

— Самому адмиралу Бирилеву приготовить бы из такой пакости обед.

— Снабдил нас добром, чтоб ему в ванне захлебнуться!

Через пять дней, после того как мы оставили Габун, бросили якорь в бухте Большой Рыбы. Здесь были португальские владения. Более унылое место трудно было представить себе. Низкие холмистые берега Африки были совершенно пустынны, без единого растения, сыпучие пески сливались с далью горизонта. От материка, загибая с юга на север, отходила коса, длинная, не превышающая высотою полутора метров, словно нарочно наметанная волнами моря, и на ней виднелось несколько жалких хижин. Бухта была просторная, довольно глубокая и вполне оправдывала свое название: в ней в изобилии водится южная сельдь и другие сорта рыбы. Может быть, это и привлекало сюда массу морских птиц, несколько оживлявших своим гомоном мертвую пустыню.

Из глубины бухты вышла португальская канонерская лодка, чтобы заявить свой протест против нашей стоянки здесь, но мы все-таки в продолжение двадцати четырех часов грузились углем с немецких пароходов.

Пошли дальше — в германскую колонию Ангра Пеквена.

Через два дня пересекли тропик Козерога и вышли в умеренную климатическую область. Солнце здесь стояло высоко, однако холодное течение воды давало себя чувствовать. Погода часто менялась: ветер то затихал, порхая под ясным небом легким дуновением, то переходил в резкие порывы, нагоняя быстро бегущие облака.

На флагманском броненосце, нервируя командиров

кораблей, время от времени появлялись лихие сигналы. По-видимому, Рожественский становился все раздраженнее. Наша плавучая мастерская еще при выходе из Габуна получила предупреждение:

— «Камчатка», передайте старшему механику, что если при съемке с якоря опять будет порча в машине, переведу его младшим механиком на один из броненосцев.

Ей же в пути был сигнал:

— «Камчатка», девять раз делал ваши позывные и не получил ответа. Арестовать на девять суток вахтенного начальника.

Командующий продолжал:

— «Нахимов», четыре раза делал ваши позывные — никакого ответа. Арестовать вахтенного начальника на четверо суток.

Достанется всем, пока доберемся до цели.

Любопытно было узнать: неужели и в японском флоте происходит такая же бестолочь, как и у нас?

Однажды вечером я зашел в каюту боцманов. Павликов отсутствовал. Был только боцман Воеводин. Дружба у меня с ним все больше и больше налаживалась. Нравился он мне своей прямотой, твердым характером и трезвым взглядом на жизнь. О нем хорошо отзывались и другие матросы — справедливый человек. На этот раз выпили две бутылки вина, которые он достал с немецкого угольщика. Разговорились о допризывной жизни, о крестьянских тяготах, о народной темноте. В селе Собачкове, Рязанской губернии, у него остались жена и дети. Вспомнив о них, боцман склонил коротко остриженную голову и уныло заговорил:

— Чувствую я, брат, что нас разгромят японцы. Подготовлены мы к бою плохо. Порядки на кораблях никуда не годятся. Командует эскадрой бешеный адмирал! Ведь вон что происходило, когда расстреливали рыбаков! Получилось одно безобразие. Нет, похерят нас японцы. Хоть был бы холостой — все-таки легче умирать. А то останутся дети сиротами и жена вдовой.

Я вполне сочувствовал ему:

— Да, Максим Иванович, поторопился ты жениться. Конечно, там, в селе твоем, будут слезы, страдания. Да и самому, поди, неохота погибать. Но ведь на то и война. Мы тут ничего не можем поделать.

На лице боцмана стянулись мускулы, серые глаза вопросительно остановились на мне:

— А что же, мы должны головы свои сложить? За барыши других?

Пришлось ответить намеками:

— Я слышал, что все дело затеялось из-за корейских концессий. Об этом даже офицеры говорят. Но не всякой болтовне можно верить. Фактов у нас...

Боцман перебил меня:

— Подожди. Каждый раз, как только мы подойдем к серьезному вопросу, ты, словно утка от ястреба,— нырь в воду. Я не ястреб, а ты — не утка. Давай прямо говорить, без хитростей. Ты все знаешь. Недаром на судне тебя считают за политика.

Подавляя внутреннее волнение, я наружно старался быть спокойным.

— Меня за политика? Кто же это считает? Не старший ли офицер?

— А хотя бы и так.

Напряженно заработала мысль, обнаруживая подводные рифы на пути моей жизни.

— Вот что, Максим Иванович! Ты — боцман, а я — баталер первой статьи. Не такая уж большая разница между нами. Это предельные наши чины, выше которых нас больше не произведут. А главное — мы оба из крестьян. Поэтому ты верно сказал: нам нужно без хитрости разговаривать. Ты что знаешь обо мне?

И Воеводин сразу выпалил:

— Следить за тобою приказано.

— Тебе?

— Да.

— Ну, а еще кому?

— Квартирмейстеру Синельникову. Помнишь, я предупреждал тебя относительно его?

— Так... Как же ты доносишь?

— Очень хвалил тебя, иначе и не признался бы.

Из дальнейших разговоров выяснилось, что старший офицер перестал интересоваться мною. Это все были хорошие признаки: значит, и Синельников ничего особенно плохого не мог сказать начальству. С боцманом я уговорился, что отныне он будет сообщать обо мне старшему офицеру только под мою диктовку.

Ночью, лежа в койке, я раздумывал над своим положением. Как все-таки мне подвезло! Передо мною теперь все карты противника были открыты. Можно будет смело начать игру. Обрадованный таким оборотом дела, я ничего не имел против капитана 2-го ранга Сидорова: при чем тут он? Он только выполнял волю командира, а тот в свою очередь получил предписание от жандармского управления. Однако надо на всякий случай еще кое-что придумать.

На другой день я отправился в каюту судового священника.

— Батюшка, нет ли у вас книжки: «Акафист божией матери»?

Отец Паисий заулыбался.

— Есть, есть. Неужто любишь... ну, как это... священное писание?

— Обожаю, батюшка.

— Очень... ну, как это... одобряю.

Перед обедом, раздавая ром на верхней палубе, я предложил Синельникову, когда он выпил свою чарку:

— Выпей еще и за мой номер...

— Можно?

— Вали!

Я поскорее постарался пообедать и разыскать квартирмейстера Синельникова. Немного поболтал с ним о кораблях. А потом как бы между прочим сообщил:

— Сегодня одну книжку читал. Ну до чего здорово написано! Прямо слеза прошибла.

— А ты бы дал мне ее почитать.

— Ни за что на свете! Никому не доверю такую книжку. Вслух могу прочитать хоть сейчас.

Квартирмейстер просиял весь, словно открыл клад, и предложил:

— Идем.

Мы спустились в канцелярию. Я закрыл за собою дверь. Потом таинственно предупредил:

— Только никому об этом ни звука. А то среди матросов пойдут разные разговоры. Вот, скажут, что он читает.

Квартирмейстер, вскинув руки, воскликнул:

— Чтобы я да кому-нибудь сказал! Могила!

Я неторопливо достал из ящика стола книжку, рас-

крыл ее. Синельников следил за каждым моим движением и, ощущая близость счастья, торжествовал. Чувствовалось, как он сгорает от нетерпения, дергая свои реденькие усы. Я начал читать «Акафист божией матери» и, глядя на своего слушателя, едва сдерживался, чтобы не расхохотаться. Если бы какому-нибудь человеку вместо купленной коровы незаметно подсунули кошку, то и в таком случае он не был бы удивлен больше, чем Синельников. На лице его выразилось сплошное недоумение. Минут пять он слушал, разинув рот, ничего не понимая и, как сыч, таращa на меня глаза. Потом вдруг вскочил, словно его ужалила оса, и разразился гневом:

— Я думал, ты и вправду умный человек, а ты — идиот и книжки читаешь идиотские!

С матерной бранью он выскочил из канцелярии и хлопнул дверью.

В этот же вечер боцман Воеводин отправился в каюту старшего офицера и, доложив капитану 2-го ранга Сидорову о разных судовых делах, прибавил:

— Вот еще насчет баталера Новикова, ваше высокоблагородие.

— Говори,— как всегда, строго приказал Сидоров.

— Я за ним все время слежу и даже много с ним беседую. Парень он, как и раньше вам докладывал, вполне верный и преданный службе. А политикой от него даже и не пахнет.

Старший офицер одобрительно закивал головою:

— Ну, тем лучше. Я с первого же раза определил его, ничего в нем подозрительного нет.

— Одно только в нем плохо, ваше высокоблагородие: если рассердится, то делается вроде полоумным. В такой момент ему сам адмирал нипочем, и может бед натворить.

— Каких это бед?

— Порешить человека может.

— То есть как это — порешить?

— С финкой ходит. Недавно, как мне рассказывали, с одним машинистом заспорил. К сожалению, я не узнал фамилию того. Машинист говорит, что нас разобьют японцы, а Новиков доказывает ему наоборот. Слово за слово — оба распалились. Баталер выхватил из карма-

на финку — и на машиниста. Хорошо, что машинист успел убежать. А то было бы на судне убийство.

Старший офицер вдруг рассердился:

— Черт знает что такое! Наприсылали нам субъектов — либо штрафных, либо головорезов! Вот теперь изволь с таким элементом управлять кораблем!

— Да Новиков-то, ваше высокоблагородие, ничего. Таких бы нам побольше матросов, так была бы одна благодать. Если его не задевать, он смиреннее всякой овцы. Из него можно какие угодно концы крутить.

Старший офицер опять закивал головою и с миром отпустил боцмана.

В общем, как теперь выяснилось, первое впечатление о нем подтвердилось: он больше кричит и угрожает, но мало наказывает матросов. А если кого и сажает в карцер, то лишь в тех случаях, когда нельзя поступить иначе. Правда, он побаивался штрафных и особенно «политических», но не только этим одним можно было объяснить его снисходительное отношение к команде. По-видимому, под грозной его внешностью в нем все-таки билось доброе сердце.

8. НАШИ ОФИЦЕРЫ

На рассвете 28 ноября эскадра стала видна у возвышенностей, окружающих бухту Ангра Пеквена. Но так как в этой малоисследованной и незнакомой местности трудно было ориентироваться, то пришлось остановиться и выслать вперед разведку. Погода была скверная. По океану, примчавшись с холодного юга, свирепствовал шторм, доходивший временами до десяти баллов. Корабли, качаясь на волне, рвали серую, слоисто колыхающуюся пелену облаков. Кривая полоса берега подернулась мглой. Поэтому только во втором часу дня с большими предосторожностями мы вошли в бухту. Стоянка здесь оказалась скверной. Три скалистых утеса, круто поднимавшихся прямо из глубины моря, плохо защищали нас от зыби и ветра.

На броненосце «Орел» случилось несчастье. Хотя в тот момент, когда нужно было бросить якорь, на корабле застопорили машину, но железная громадина в пятнадцать тысяч тонн продолжала двигаться по инерции

вперед. Правый якорный канат не выдержал такой тяжести и лопнул. На мостике поднялась суматоха: что теперь будет от адмирала? Командир Юнг завопил не своим голосом:

— Ход назад! Стоп! Отдать левый якорь!

А правый якорь, потерявшись где-то на дне, утащил за собою и сорок пять сажен каната.

Офицеры и команда все больше убеждались, что командир, в прошлом прекрасный «марсофлотец», плохо чувствовал современный броненосец.

Немецкая местная власть отнеслась к нам более благосклонно. Она ничего не имела против нашей стоянки. По-видимому, Германия не очень-то считалась с мнением Японии и Англии.

Транспорты и крейсеры из-за недостатка места в бухте держались в открытом море. Трепало их там ужасно. Ночью небо прояснело, стало тише. Утром хотели было приступить к погрузке, но ветер снова засвежел. Следующий переход у нас должен быть большой — вокруг мыса Доброй Надежды и до острова Мадагаскар, без захода в другие порты. Топлива потребуется много. Три дня с гулом и свистом куролесил шторм, три дня мы провели впустую, любуясь лишь суровыми берегами с крайне скудной растительностью, пока вдруг не водворилась тишина. С четырех часов утра принялись за работу, а в семь вечера уже пошабашили, приняв около девятисот тонн угля. Кроме того, у нас еще оставалось его от прежней погрузки тысяча четыреста тонн.

У нас на «Орле» прапорщик Т. сошел с ума. Это был мужчина лет сорока, сильный и решительный, прошедший страшную школу морской жизни. В моряки он попал еще мальчиком и много плавал матросом на иностранных кораблях. Наконец, он пробил себе дорогу — дослужился до капитана и командовал парусником. Куда его только не забрасывала судьба, какие только моря и океаны не качали его на своих волнах! И вдруг такой человек свихнулся разумом. Он начал заговариваться и нести всякую несуразность, то безнадежно рыдая, то отчаянно ругаясь. Иногда какую-нибудь фразу он повторял сотни раз, постепенно повышая голос:

— Японцы нас ждут... Всех утопят, всех утопят, всех утопят...

При этом лицо у него бледнело, покрывалось липкой испариной, на губах появлялась пена, а обезумевшие глаза с расширенными зрачками смотрели с таким ужасом, словно уже видели гибель наших кораблей.

Его нужно было бы списать на госпитальное судно «Орел», но оно отделилось от эскадры и ушло в Капштадт, а оттуда направится, вероятно, к острову Мадагаскар, для встречи с нами. Значит, все это время прапорщик Т. будет находиться на броненосце. Его заперли в каюту и приставили к нему санитара. Присутствие на корабле сумасшедшего человека, беспрестанно выкрикивающего страшные слова, действовало на всех угнетающе.

На транспорте «Корея» сошел с ума матрос.

После погрузки угля два дня искали орловский якорь. В этом деле принимали участие баркасы со всех броненосцев: тралили дно кошками, верпами, спускали водолазов. Нашли. Якорь был водворен на прежнее место, а оборванный канат склепали.

Лейтенант Гирс часто беседовал с командой и делился с нею своими знаниями. Это очень нравилось всем. И теперь, собрав на баке матросов, он рассказал, как в этой части Африки обосновалась Германия:

— Началось в сущности с пустяков. Приблизительно двадцать два года тому назад немецкий купец Лидерец в целях своих предприятий обратил внимание на окрестности бухты Ангра Пеквена. Не прошло и года, как он приобрел у туземцев эти окрестности за двести ружей и две тысячи марок. Германская империя взяла его предприятия под свое покровительство. У купца аппетит разыгрался. Пользуясь такой дешевизной земли, он еще приобрел береговую полосу вплоть до реки Оранской. В скором времени, после переговоров с Англией, немецкие владения начали расширяться в глубь и в ширь материка. В результате образовалась большая область. Называется она Германская Юго-западная Африка. Это было началом немецкой колониальной политики. Англичане поняли, что прозевали большой кусок земли. Сейчас же захватили гуановые острова, что расположены рядом с бухтой. На них скопляется масса морских птиц: корморамы, многочисленные фламинго, некоторые виды чаек, альбатросы...

Матросы любили Гирса, отзывались о нем:

— Дело знает и нашим братом не брезгует.

— Таких бы офицеров нам побольше!

В ночь на 4 декабря вся бухта заклубилась туманом, словно свалилась с неба густая туча. В непроницаемой беспросветности колыхающейся мглы скрылись берега и суда. Люди насторожились: что будет, если ворвется к нам хоть один неприятельский миноносец? Только к девяти часам утра прояснело. Эскадра покинула последнее пристанище в Западной Африке. Остались позади гуановые острова, белые, словно покрытые известью. Потревоженные стаи морских птиц закружились в воздухе, издавая такой крик, словно между ними происходил бестолковый митинг. Небо было облачное. С зюйд-веста, ударяя в правую скулу броненосца, катилась крупная зыбь.

Я продолжал встречаться с Васильевым. Чем ближе я знакомился с ним, тем больше он удивлял меня своим блестящим умом. Это был человек исключительного таланта, широких обобщений. Слушая его, я невольно проникался уважением к инженерам. Они вместе с рабочими перестраивают поверхность земли, вторгаясь в страшную глубину ее недр за углем и нефтью, за металлом и драгоценными камнями; они пробивают тоннели сквозь горы, перебрасывают грандиозные мосты через реки, соединяют каналом моря, создают города и заводы там, где раньше были непроходимые топи.

После каждой беседы с Васильевым я обогащался новыми знаниями. Между нами установился такой порядок: я сообщал ему, что происходит среди команды, каково настроение в низах, а он посвящал меня в жизнь, психологию кают-компании. Таким образом, к моим личным многолетним наблюдениям прибавились еще данные человека, который сам находился в той же среде. Это помогло мне прийти к более определенным выводам.

Психология офицеров вовсе не была однородна. Под напором техники, настойчиво вторгавшейся во флот, они разделились на два лагеря, враждующих между собою: пожилых и молодежь. Можно сказать, что главная линия, разъединившая офицеров, прошла между лейтенантами и мичманами, с одной стороны, и капитанами 2-го ранга и выше — с другой.

Более молодое поколение являлось выразителем новых течений в морском деле. Не восприняв духа парусной эпохи, оно ясно видело по-иному складывающуюся обстановку и учитывало прогресс иностранных флотов. Отсюда молодые офицеры начали относиться к школе «марсофлотов» сначала иронически, а потом постепенно переходили к критике и оппозиции.

Старшее поколение командного состава — адмиралы, командиры и старшие офицеры, носившие в себе все привычки прежней морской службы, в большинстве своем не понимали современной техники. Всякое новшество вызывало в них чувство враждебности. Они с удовольствием вспоминали поэзию, романтику и необычайно прочно сложившуюся систему морских традиций парусного флота. На технику и техников они смотрели как на неизбежное зло. Грязная работа у котлов и машин казалась им низшим ремеслом, уделом механиков, копошившихся где-то в глубине трюмов под броневыми палубами.

Необходимость допустить на корабли специалистов по обслуживанию судовых механизмов была первой брешью, нарушившей однородность состава офицерской среды. Для строевых офицеров, которые сплошь комплектовались из родовитого дворянства, такая работа казалась слишком черной. Поневоле пришлось пополнять судовой состав инженер-механиками. Но они, как и судовые врачи, носили гражданские чины и в жизни корабля не пользовались многими офицерскими правами и привилегиями.

Ко времени начала русско-японской войны вопрос о роли инженер-механиков на судне приобрел большую остроту. С 1898 года русский флот стал быстро пополняться кораблями самой новой и усовершенствованной конструкции. Первая Артурская эскадра более чем наполовину была составлена из судов последней заграничной постройки. В нее входили корабли, построенные в Америке,— «Ретвизан» и «Варяг», во Франции — «Цесаревич» и «Баян», в Германии — «Аскольд», «Богатырь» и «Новик», в Дании — «Боярин». На них были применены последние усовершенствования техники. По своим тактическим качествам они во многом превосходили не только японские суда, но и суда всего мира.

Роль механизмов, а вместе с тем и их хозяев, инженер-механиков, необычайно возросла. Судьба судна прежде всего зависела от состояния механизмов и правильного их использования.

Наряду с этим артиллерийская, минная, электротехническая, трюмная и даже навигационная службы все больше требовали от офицерского состава чисто технических и специальных знаний. Все подобные отрасли на больших судах поручались старшим специалистам, окончившим после морского корпуса еще специальные классы морского ведомства с одногодичным курсом или академию. Такая подготовка превращала их, по существу дела, в судовых инженеров наравне с инженер-механиками.

Судовые специалисты были обыкновенно в чине лейтенантов. В их число попадали более способные и знающие офицеры. Они привыкли собственными руками разбирать каждый механизм и обучали обращению с ними подчиненных им матросов. Постепенно господами положения в судовой жизни становились эти старшие специалисты. В союзе с ними находились еще инженер-механики, с которыми их сближали общность методов работы и постоянное взаимодействие на технической почве. Самые энергичные и передовые из них, увлекая за собой и мичманов, приобрели руководящую роль и в кают-компании. Чувствуя свое значение и силу, эти лейтенанты все настойчивее высказывали свои критические взгляды по злободневным вопросам судовой жизни и организации флота в целом.

На каждом судне председателем кают-компании являлся старший офицер, иначе говоря — первый помощник командира. Но прошло то время, когда он пользовался среди младших офицеров непоколебимым авторитетом. Теперь он вынужден был считаться с мнением офицерской судовой среды, руководимой кем-либо из независимых лейтенантов. Старшие офицеры, принадлежа к более старому поколению, не были захвачены новым течением технического прогресса. Поэтому они играли роль сдерживающего, консервативного начала. Им оставалось одно — группировать вокруг себя тех молодых офицеров, большей частью из титулованного дворянства, которые в силу своих личных симпатий, происхождения и связи с высокими сферами тяготели к старым порядкам.

Правда, были некоторые корабли, на которых командиры и старшие офицеры стояли выше рутины морского ценза. Они понимали дух современного флота. Для них ясно было, что нужно базироваться не только на лихости и отваге, а и на холодном и точном техническом знании и расчете.

Война потребовала от флота полного напряжения сил и подвергла суровой критике всю внешне показную бутафорию его организации. Она заставила флот приняться за ту черную работу, которой он гнушался в мирное время. Исполнение каждого боевого задания прежде всего требовало знания и умения пользоваться новыми техническими средствами. Исправность механизмов при выходах в море предопределяла тактику эскадры.

На броненосце «Орел» не было офицеров из титулованных особ — князей, баронов, графов. К чести старшего офицера Сидорова надо сказать, что он скоро начал прислушиваться к мнению специалистов. А вдохновителем и руководителем кают-компании, насколько я мог выяснить через вестовых, постепенно становился Васильев. Это было вполне естественно. Будучи образованнее всех, он обладал еще незаурядным умом, редкостным красноречием и железной логикой. Остальные офицеры поневоле подпадали под его влияние.

Однако это не мешало некоторым из них издеваться над матросами. Как-то я рассказал Васильеву о столкновении мичмана Воробейчика с матросами у ендовы. Инженер покраснел.

— Возмутительно! Тем более, что это самый пустозвонный офицеришка. Напрасно машинист Шмидт не дал ему сдачи.

Я начал говорить дальше:

— Вот, ваше благородие, мне очень нравится Лев Толстой. Никто из русских писателей не обрушивался с такой беспощадной критикой и смелостью на полицейско-поповский социальный строй России, как он. Через него я впервые познал всю несправедливость нашей жизни. С точки зрения властей — это самый опасный писатель для матросов. У многих перевернул он душу. Но с выводами его учения трудно согласиться, в особенности когда находишься на корабле в качестве нижнего чина. Предлагаемое им евангельское смирение, «непротивление

злу» я очень много раз видел на практике. Стоит матрос. Подходит начальник и бьет его по правой щеке. Матрос не сопротивляется. Начальник бьет его и по левой щеке. Матрос опять не сопротивляется. Иногда смиренно выносит двадцать и больше ударов. Буквально поступает по учению евангелия и Толстого. Перерождается ли от этого офицер? Становится ли он лучше, добрее? Нисколько. С таким же успехом будет колотить и других матросов. Совсем иные результаты были бы, если бы он получил от пострадавшего утроенную или удесятеренную сдачу.

— Да, вы правы,— согласился Васильев.— Но он знает, что не получит сдачи, и никакой жалобой его не проймешь.

На второй день по выходе из Ангра Пеквена, несмотря на малый ветер, зыбь стала крупнее. Вероятно, накануне здесь был разгул сильного шторма. Миновала еще одна ночь. Погода продолжалась та же. Только ветер немного засвежел и начал отходить от нашего курса к весту.

Был Николин день. На всех судах служили обедню. А потом в честь именин царя со всей эскадры раздался салют. Воды Атлантики огласились пушечными выстрелами.

После обеда я стоял на левом срезе, около шестидюймовой башни, и смотрел на далекие очертания берега. Мы находились против английского города Капштадта, с народонаселением в сто тысяч. Его не видно было, но зато четко вырисовывалась справа гора Столовая высотою в километр, с горизонтально-плоской, словно нарочно срезанной вершиной. Немного позднее начали огибать полуостров, замыкающийся прославленным среди моряков мысом Доброй Надежды. Эскадра приближалась к границе двух океанов — Индийского и Атлантического. Чувствовалось что-то сурово-угрожающее и в тяжести низко ползущих облаков, и в темно-зеленом оттенке высоко вздымающейся зыби, и в беспорядочном нагромождении бесплодных гор. Недаром в конце пятнадцатого века эта часть Африки называлась мысом Бурь. Но когда мореплавателю Бартоломею Диазу удалось в 1487 году обогнуть его, то, по приказанию португальского короля Иоанна II, этот мыс стал называться мысом Доб-

рой Надежды. Во всю историю человечества здесь впервые проходила эскадра с таким количеством кораблей.

Я не заметил, как появился на срезе старший офицер Сидоров.

— Здорово, баталер Новиков!

— Здравия желаю, ваше высокоблагородие,— ответил я.

— Африкой любуешься?

— Так точно.

Говорил он с таким добродушием в голосе, словно считал меня давним своим приятелем, а сам в это время бросал подозрительный взгляд на карманы моих черных брюк. По-видимому, сообщение боцмана обо мне как о головорезе крепко запало в его голову. А у меня не только финки, но и вообще не было никакого ножа.

После полуночи, обогнув мыс Игольный, эскадра вступила в Индийский океан.

9. ПОД УДАРАМИ ШТОРМА

Эскадра шла курсом норд-ост, подпираемая с кормы засвежевшим за ночь ветром.

Утро 7 декабря было ясное, но волны стали крупнее. Начались штормовые порывы. Броненосец наш покачивался на киль и борта.

Кто-то из матросов, находившихся на верхней палубе, обратил внимание на солнце:

— Смотрите, оно идет не слева направо, а совсем наоборот.

Это явление заинтересовало многих.

— Вот чудо! Выходит, как будто солнце с запада поднялось.

— Да, против часовой стрелки покатилось.

— И кажется, что мы в Америку повернули.

На самом деле ничего не изменилось, но сами мы находились в южной половине земного шара. Мы давно пересекли экватор. Воображаемая дуга солнечного пути, загибающаяся с востока на запад, осталась от нас к северу. Вот почему и казалось, что дневное светило идет в обратную сторону. Ничего не было удивительного и в движении часовой стрелки слева направо. Это только указывало на то, что когда-то часы были солнечные, а по

ним уже начали делать механические, пружинные. Отсюда вытекала еще одна истина: очевидно, наш изумительный прибор, отмечающий время, впервые появился на свете в северной половине земного шара.

Теоретически мне все было понятно, и я, насколько мог, поделился своими знаниями с товарищами. Но когда мне самому пришлось столкнуться с подобным небесным явлением, я был удивлен не меньше других. Я никак не мог примириться, например, с тем, что если хочешь посмотреть на полдень, то должен повернуться к югу спиной, ибо это противоречило навыкам всей моей предыдущей жизни.

К обеду ветер, усиливаясь, дошел до десяти баллов. Волны становились все размашистее и, вырастая, круто обрывались впереди. По океану, куда ни глянешь, брели, встрепанно качаясь, пузатые седые великаны, брели бесчисленными полчищами, с оглушающим шумом. Ухающие раскаты вздыбленной воды, удары ее о железный корпус судна, завывание в рангоуте, свист в углах надстроек, беспрерывный гул всего простора — все эти звуки сливались в одну нескладную, но чрезвычайно могучую симфонию. Броненосец начал черпать кормою сразу по нескольку десятков тонн воды.

Многие матросы, в особенности молодые, страдали морской болезнью и отказывались от обеда. Зато для других наступила счастливая пора: они наедались мясом до отвала. Больше всех был доволен кочегар Бакланов. Покуривая на баке у фитиля, он поглаживал корявой рукой по своему туго набитому животу и хвастался:

— Кажись, десяток пайков заложил в желудок. Вот подвезло! Если бы каждый день так кормили, я бы на всю жизнь остался на корабле топтать царские палубы.

Неразлучный друг его, минер Вася-Дрозд, заметил:

— Ну и прожорлив же ты, Бакланов! Акула, а не человек! Только покажи тебе что-нибудь из съестного, у тебя сейчас же рот нараспашку.

— Таким всевышний творец создал меня. А затем по физике прямо сказано: природа не терпит пустоты. Значит, милый человек, я тут ни при чем.

— От еды свинья жиреет только, а не умнеет.

Кочегар насмешливо посмотрел на своего приятеля сытыми глазами, ухмыльнулся и промолвил:

— Спой, Дрозд, что-нибудь. Твое пение для моего желудка — что кислород для топки,— очень хорошо идет сгорание.

— Об этом попроси свою мамашу.

На бак обрушилось облако сверкающих брызг, смочив всех, кто находился у фитиля.

Матросы, смеясь, вскочили.

— Эге! Океан начинает хамить.

— Счастье наше, что шторм попутный. Досталось бы всем, если бы в лоб ударил.

После полуденного отдыха старший офицер Сидоров, сопровождаемый боцманами и матросами, обходил верхние части корабля. Шторм, по-видимому, закуролесил надолго. Поэтому нужно было осмотреть каждый предмет и удостовериться, что он не будет смыт волною. Сидоров побывал на баке, на самом носу корабля и, убедившись, что клюз-саки на месте и якорные канаты обтянуты туго, повернул обратно. Затем полез на ростры. По его приказанию основательней закреплялись на своих местах гребные шлюпки и паровые катеры. Слепой шторм не разбирался в чинах и поступал со старшими офицерами не лучше, чем с боцманами и матросами. Куда девалась прежняя солидность начальника? Чтобы перейти с одного места на другое, он так же, как и его подчиненные, вынужден был сгибать спину, вбирать голову в плечи и, балансируя, широко раскидывать руки, как будто намеревался поймать кого-то в объятия. Благодаря тому, что из-под ног у него уходила опора, все его движения были неверные, порывистые, с внезапными остановками, с неожиданными бросками в сторону, словно он получил невидимый толчок в бок. Ветер дерзко рвал его лихо закрученные усы и обдавал густым соленым душем, смачивая на нем все платье с ног до головы. Чтобы лучше слышать друг друга, Сидорову и его подчиненным приходилось кричать, а это производило впечатление, что между ними происходит пьяная ссора.

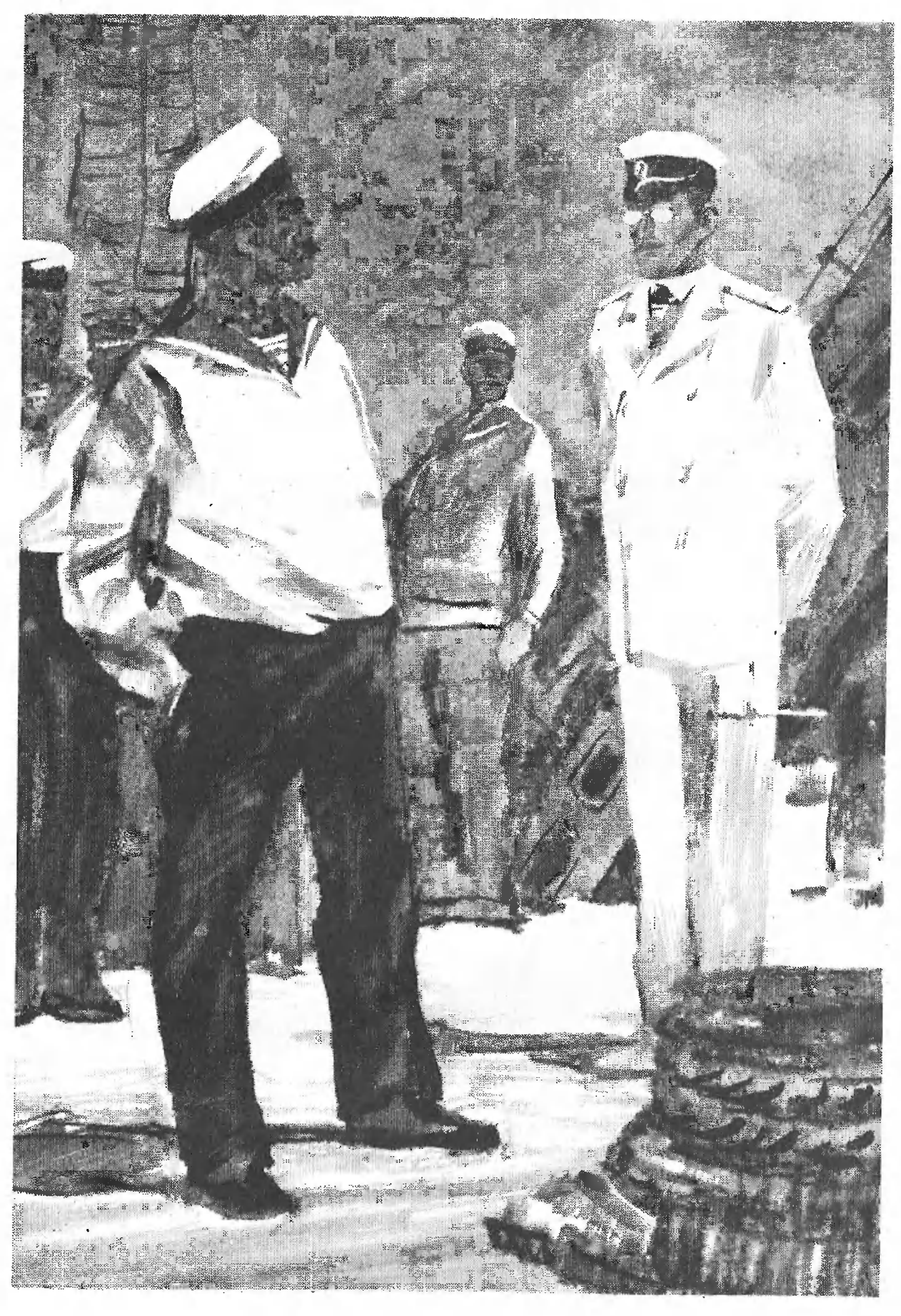
Серьезнее было в батарейной палубе. Вследствие перегруженности броненосца она оказалась довольно близко от поверхности воды. Пушечные порты закрыва-

лись не совсем плотно и, обдаваемые волнами, давали течь. Но хуже будет, если шторм изменит свое направление и начнет бить судно в борт. Волну, мягкую и податливую, можно сравнить с боксерским кулаком в пухлой перчатке. Кажется, что может сделать боксер таким кулаком? Однако это не мешает ему своими ударами ломать у противника ребра, выбивать челюсти. То же самое делает и разъяренное море с судном, разрушая у него железные части. Если пушечные порты не выдержат тяжелых ударов волн, то в раскрывшиеся отверстия начнет врываться вода и, перекатываясь от борта к борту, загуляет по батарейной палубе буйными всплесками. При таком положении достаточно будет двадцати градусов крена, чтобы судно перевернулось вверх килем. Инженер Васильев хорошо понимал это и, отдавая распоряжения своим подчиненным, следил за их работой с необычайной суровостью. Под его руководством матросы забивали щели в портах, устанавливали к ним упоры из бревен, вымбовок и досок. Были приготовлены к действию водоотливные турбины.

Ночь была неспокойная. Броненосец под тяжестью водяных гор потрескивал в стальных креплениях. В те моменты, когда в подброшенной корме его обнажались винты, машина делала перебои. Из глубины машинного отделения, как из груди больного, доносилось учащенное биение, отзываясь на железном корпусе судна лихорадочной дрожью. Во всех жилых помещениях с закрытыми иллюминаторами, с задраенными дверями и горловинами было жарко и душно. И я, слушая сквозь железо приступы бури, долго не мог уснуть в своей подвесной парусиновой койке.

Какие только мысли не приходили в голову! Думал и о себе. Странно сложилась моя судьба. В селе, где я родился, сзади нашего двора, за огородами, протекает маленькая речушка Журавка. Глубина ее, как говорится, воробью по колено, но в ней водятся огольцы и пескари. Как только ноги мои окрепли для самостоятельного передвижения, я в летние месяцы по целым дням проводил на ней, испытывая необычайное удовольствие. Вообще вода всегда притягивала меня к себе. Потом, подрастая, я от старших узнал, что есть на свете громадные реки и даже моря. Я охотно верил таким сообщениям, но не мог

Часть вторая. Глава 9.
«ПОД УДАРАМИ ШТОРМА»



Часть третья. Глава 10.
«К БРАТСКОМУ КЛАДБИЩУ»

себе представить, чтобы где-нибудь было воды больше, чем в пруду водяной мельницы за нашим селом. Поэтому я был изумлен, когда впервые увидел реку Цну. Наша Журавка в сравнении с ней показалась ничтожной, как мышь перед коровой. Впоследствии моя жизнь повернулась так, что я стал матросом и начал плавать по морям. А теперь прошел по Атлантическому океану, обогнул Африку и вступил в Индийский океан. Покачиваясь в подвесной койке, как в гамаке, я каждую минуту ощущал неистовые взметы волн, слушал приглушенно-напряженный рев за бронированными бортами, низвержение массы воды на палубу. Впереди у нас будет еще Великий океан. Все это было очень грандиозным, но я никогда не забуду свою милую говорливо-журчащую речонку, где ловил огольцов и пескарей и где прозвучало мое детство, как песня жаворонка.

На следующий день буря достигла величайшего напряжения. В свободные минуты я выбегал наверх посмотреть, что делается с кораблями. На этот раз кругом не было той мрачности, какой обычно сопровождается буря. Это был редкий случай, когда великое движение стихий совершалось под ясным небом. С невероятным напором и гулом несся ветер, словно где-то за горизонтом, за пределами нашей планеты, заработали вентиляторы колоссальных размеров. Катились валы, взметывались целые горы и тут же рушились ревущими водопадами, словно от минных взрывов. В солнечном блеске, в облаках сверкающей пыли летели охапки пены, как стаи белоснежных птиц.

Эскадра шла прежним строем: правая колонна состояла из одних броненосцев, возглавляемых «Суворовым»; в левую колонну входили только транспорты с «Камчаткой» впереди; три крейсера держались позади в строе клина. Ход — десять узлов, но так как ветер был попутный и волны догоняли нас, то казалось, что все корабли, мотаясь, стоят на одном месте. Колебания «Осляби» в стороны были более двадцати градусов, тогда как четыре новейших однотипных броненосца, в том числе и наш «Орел», кренились гораздо меньше. Но это не устраняло у многих офицеров тревоги за участь корабля. Не было еще забыто предупреждение морского технического комитета, полученное накануне ухода эскадры

из Либавы. В этом грозном предупреждении говорилось, что такие корабли, как «Бородино», могут во время бури перевернуться, если только не будут приняты самые строгие меры. Наш корабль, например, вследствие перегруженности в три тысячи тонн, имел осадку на три фута больше, чем предполагалось по проекту.

Больше всего доставалось транспортам и крейсерам. Они падали на борта от тридцати до сорока градусов.

На них жалко было смотреть. И все-таки они вызывали меньше опасений, чем броненосцы.

Мне, как баталеру, кроме возложенных на меня начальством обязанностей, не полагалось знать ничего лишнего. Но втайне я всегда нарушал казенные правила. Конечно, мне тоже было известно о предупреждении морского технического комитета. И в мозгу возникал жгучий вопрос: выдержит ли наш «Орел» натиск бури, если случайно станет лагом к волне? При мысли, что корабль может опрокинуться, становилось не по себе и вздрагивали колени. Ведь с него успеют выскочить не больше двух десятков людей, находящихся наверху, но и тех никто спасать не будет.

«Впрочем, все это чепуха, и ничего не случится»,— мысленно успокаивал я самого себя.

Этим же путем, только в обратном направлении, в начале девятнадцатого столетия проходили, совершая свое первое кругосветное путешествие, такие знаменитые наши мореплаватели, как Крузенштерн и Литке. У них были жалкие суденышки — парусные шлюпы водоизмещением каждый менее пятисот тонн. Что на них должны были чувствовать люди, застигнутые подобной бурей? Какое мужество, какую любовь к морю нужно было иметь, чтобы на таких маленьких кораблях пускаться в кругосветное путешествие! Вспомнилось обидное изречение, когда-то вычитанное мной из морской литературы: «Раньше корабли были деревянные, но люди железные; а теперь корабли стали железные, но люди — картонные». Мне не хотелось быть картонным человеком, и я, бравируя напускной отвагой, бродил по кораблю с таким видом, как будто буря нисколько не беспокоит меня.

В этот день у нас страдающих морской болезнью оказалось еще больше. Наша медицина ничем не могла им

помочь. А между тем от людей требовалась работа: военный корабль должен сохранять свое место в строю и двигаться вперед, не останавливаясь ни на одну минуту. Тут выступали на сцену в качестве докторов боцманы и унтер-офицеры. Они знали средства, правда очень жестокие, но весьма радикальные. Если у какого-нибудь матроса лицо становилось бледно-серым, а глаза, мутнея, безжизненно угасали, то на него, как ястреб на голубя, налетал боцман или унтер и с грозной бранью начинал стегать его медной цепочкой от дудки или резиновым линьком. От невыносимой боли избиваемый извивался ужом, на теле у него моментально вздувались рубцы, но зато после этого он так же моментально свежел, наливался кровью, в глазах появлялся блеск, словно при встрече с возлюбленной. На некоторых из команды такие меры настолько действовали, что потом достаточно было только увидеть капральские усы, чтобы тошнотворное состояние у человека сразу, словно по волшебству, исчезало.

По срезам нельзя уже было пройти — смоет. На юте у нас находилось более ста тонн угля. Волны, наседая на корму, постепенно размывали его и выбрасывали за борт, и не было возможности спасти драгоценное топливо. Кормовая башня и две боковые башни, расположенные на срезах, часто оказывались под бурлящим слоем океана. Как ни старались мы защитить свой броненосец, задраивая все люки, иллюминаторы и горловины, однако вода проникала в него всюду, разливалась по каютам и палубам, в подбашенных отделениях.

К вечеру я поднялся на задний мостик. Там встретился с инженером Васильевым. Он был весь мокрый и все-таки не уходил вниз, под прикрытие. Этот человек всегда меня удивлял своей неуемной жаждой все познать. И теперь, прячась от брызг и ветра за рубку, он стоял с секундомером в руке, наблюдая за размахами бури.

Напор ветра настолько был силен, что затруднял дыхание. Руки инстинктивно за что-нибудь хватались. Казалось, что бушующий воздух подхватит нас и, крутя, понесет в пространство, как пушинки. Даже высота мостика не спасала людей от брызг и клочьев пены.

Васильев окинул глазами взъерошенный океан и заговорил, выкрикивая слова:

— Какая сила растрачивается напрасно! Если бы человек сумел использовать всю энергию бури, что можно было бы с нею натворить!

По его расчетам, длина волны иногда доходила до пятисот футов, а высота ее равнялась сорока футам. «Орел», содрогаясь, дыбился и лез на водяную гору, как фантастически огромный бегемот, а потом, перевалив через нее, бессильно нырял носом в разверзшуюся падь, задирая к небу корму. В одну минуту он переваливался с борта на борт восемь раз. Мало того, в течение той же минуты броненосец в миллион пудов весом поднимался шесть раз на высоту четырехэтажного дома — и все это с такой легкостью, как будто он не превышал тяжести детской люльки. Несмотря ни на что, он шел вперед десятиузловым ходом. Вместе с ним и мы испытывали четырехмерное движение. В это время чем бы человек ни занимался — думал ли он о жизни или смерти, мечтал о счастье или отчаивался, работал или спал, творил молитвы или ругался,— буря не переставала мотать его в разные стороны и шесть раз в минуту поднимать, как на лифте, вверх на сорок футов.

Васильев восторгался своим броненосцем:

— «Орел» больше подвержен килевой качке, чем бортовой. Это объясняется тем, что он имеет форму заваленных бортов. Помогают тут еще и бортовые срезы. Волна, попадая на один срез, предотвращает размах судна в противоположную сторону. Все четыре однотипных броненосца — «Суворов», «Александр III», «Бородино» и наш — сконструированы в отношении бортовой качки довольно удачно. А вот «Ослябя» сделан по-другому, а потому и крен у него больше, чем у нас.

На транспорты жутко было смотреть. Казалось, что каждый из них, свалившись на тот или иной борт, никогда уже больше не поднимется. Но они выпрямлялись и шли вперед наравне с правой колонной броненосцев. В общем все четырнадцать кораблей являли собою изумительное зрелище, окутываясь в лохмотья пены и беспрестанно совершая бешеный танец. Иногда какой-нибудь из броненосцев, шедших впереди нас, совершенно скрывался между волнами, показывая лишь верхушки мачт. Это происходило внезапно, с такой быстротой, словно у него отвалилось днище и судно сразу тянуло

в пучину. Но проходили секунды, и тот же корабль, словно выпираемый сверхъестественной силой, снова взбирался на кипящий гребень водяного массива.

На «Малайе», державшейся на левом траверзе «Орла», в пяти кабельтовых от нас, что-то случилось с машиной. Она подняла сигнал, что не может управляться. С флагманского корабля ей ответили: «Исправить повреждения и идти самостоятельно». Она повернулась бортом к волне и, отставая, закачалась еще больше, беспомощная, как арбузная корка. Бушующие потоки воды перекатывались через ее корпус. На ее палубе вокруг фок-мачты засуетились люди, стараясь поставить фок, кливер и стаксель, чтобы увалить нос под ветер и придать кораблю жизнь. Паруса, наконец, подняли, убогие и жалкие, но это нисколько не помогло «Малайе». Она продолжала, показывая подводную часть, размахиваться на волнах, лишенная хода. На мачте ее взвился новый сигнал: «Терплю бедствие». Но ни одно судно не подошло к ней на помощь. Обе колонны прошли мимо «Малайи», оставляя ее во власти бури.

— Если спасется она, это будет чудом,— с горечью промолвил Васильев, провожая глазами «Малайю».

— Да, там туго людям,— ответил я, зябко поеживаясь.

Через час «Малайя» исчезла с горизонта.

Мимо нашего броненосца проплыли весла, анкерки и спасательные пробковые нагрудники. Вслед за ними, печально качаясь на волнах, показался гребной катер, наполненный водой. Вскоре узнали от сигнальщиков, что катер принадлежал «Суворову» и был сорван бурей со шлюпбалок.

Волны, догоняя небольшой пароход «Русь», накрывали его с кормы до носа. Чтобы убежать от них, он с разрешения адмирала увеличил ход и взял направление ближе к африканскому берегу. Наступающая ночь скрыла его из виду эскадры.

Еще целые сутки Индийский океан свирепствовал, но уже с меньшей силой. Волны стали отложе. Качка постепенно уменьшилась.

Пароход «Русь» догнал нас, но куда исчезла «Малайя»?

Поднимаясь наискосок к северу, к тропику Козерога

эскадра два дня шла при благоприятной погоде. На броненосце были открыты все иллюминаторы, люки, пушечные порты. Над нами тихо бродили редкие облака, радостно сияло солнце, легким дуновением ветра умерялась жара.

Среди команды и офицеров много было разговоров о будущей нашей стоянке у Мадагаскара. Ведь там мы должны соединиться с отрядом адмирала Фелькерзама, который направился туда через Суэцкий канал. Туда же должны прийти крейсеры из России: «Олег», «Изумруд» и другие суда. А как обстоит дело с покупкой аргентинских и чилийских крейсеров? Держится ли осажденный Порт-Артур, и цела ли заблокированная в нем японцами наша 1-я эскадра? Все это были волнующие вопросы, ответы на которые мы узнаем только на Мадагаскаре.

Вечером 11 декабря «Камчатка» стала отставать от эскадры. Между нею и флагманским кораблем завязался продолжительный разговор сигналами. Адмирал расточал на нее свой гнев, угрожая отдать под суд виновников. «Камчатка» оправдывалась, ссылаясь на плохое качество угля, с которым кочегары, сколько ни стараются, не могут нагнать давление в котлах более восьмидесяти фунтов. Затем она запросила у адмирала разрешения выбросить за борт сто пятьдесят тонн негодного угля, чтобы добраться до хорошего. Командующий на это ответил: «Выбросить за борт злоумышленника».

Погода начала меняться: то сыпал дождь, мелкий и надоедливый, то налетал норд-остовый шквал. Показалась южная оконечность Мадагаскара. Под покровом густых облаков температура была невысокая, но в насыщенном парами воздухе трудно было дышать.

Здесь госпитальному судну «Орел» назначено было рандеву, но оно не оказалось на своем месте. Адмирал выслал дозорной цепью крейсеры вправо и влево от курса. Однако поиски их не дали никаких результатов.

Эскадра направилась вдоль Мадагаскара с юго-восточной стороны, держась от него в двадцати милях. После непродолжительного шквала небо очистилось от облаков. В сиянии солнца, поднимавшегося до восьмидесяти семи градусов высоты, остров был виден простым глазом. Над горизонтом заманчиво голубели гористые берега.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

МАДАГАСКАР

1. ПРИРОДА УЛЫБАЕТСЯ, А ДУША СКОРБИТ

Короткий рассвет 16 декабря рождался при торжественной тишине. В глубине бледно зеленеющего неба гасли звезды. Слева от нас лежал Мадагаскар, пока еще мутный и загадочный, как пьяный бред. Эскадра шла вдоль восточного берега острова, постепенно приближаясь к нему. Справа широким веером раскинулась заря, безмерно щедрая на цветистые краски, на затейливую игру тонов. Океан еще не проснулся, но уже румяно заулыбался. В такие моменты, обласканный чудесной свежестью утра, ждешь чего-то необыкновенного и смотришь на все широко раскрытыми глазами. Вот радостно заструились, пронизывая душистый соленый воздух, первые лучи солнца. Через минуту сразу все изменилось: весь простор налился васильковой синью, зеркальная равнина расплавилась в косом блеске, вся в страстном и жарком трепете ослепительных бликов.

Знойный день вступил в свои права.

Перед нами яснее обрисовался волнистый Мадагаскар. Здесь когда-то подземные огненные силы вздумали пошутить и взгорбили океанское дно на огромнейшем пространстве. А может быть, этот остров отделился от Африки, как взрослый сын от матери. С тех пор прошло много тысячелетий. Поднявшиеся над водою причудливые нагромождения, застыв в своей неподвижности, успели покрыться зеленью полуденных растений, заселиться живыми существами. Не так давно французы окон-

чательно овладели этим островом, причислив его к своим далеким колониям. Площадью своей он превышает всю Францию. Недаром жители соседних островов до сих пор называют его «Танти-Бэ», что означает «Большая земля». Вдоль Мадагаскара узкой и невысокой полосой протянулась еще суша — остров Сан-Мари. Эскадра вошла в пролив. А в одиннадцать часов каждый корабль, ломая и дробя лучезарную поверхность воды, начал занимать свое место по диспозиции, и на каждом из них, пробегая через носовой клюз, загромыхало железо якорного каната. И у нас на броненосце, под команду старшего офицера Сидорова, вдруг сорвался с места двухсотпудовый якорь и, сверкнув поднявшимися брызгами, бешено устремился в пучину, чтобы двумя чугунными лапами на глубине в тридцать пять сажен крепко вонзиться в морской грунт. Эскадра остановилась как раз в середине пролива, ширина которого считается более десяти миль, и таким образом формально мы избегли нарушения нейтралитета.

На «Орле» офицеры и команда, все, кто не был занят работой, находились наверху, любуясь новой обстановкой. Небо полыхало зноем. Над океаном, теряя в голубой дали ясность очертаний, на облачной высоте покоились горные хребты. Ниже, спускаясь по склонам гор, цепляясь за уступы, раскинулись тропические леса. По другую сторону пролива, на острове Сан-Мари, виднелись европейские здания, вкрапленные в зелень, как белые пятна. Вокруг было тихо и безмятежно, словно под жгучими лучами солнца все погрузилось в нескончаемые грезы. Только около кораблей, приплыв на своих пирогах, засуетились удивленные нашим внезапным появлением несколько туземцев — гавасов.

Мы на все смотрели с восторгом, но скоро новизна небывало красочных впечатлений сменилась мрачностью. Напрасно глаза шарили по углам пролива в надежде увидеть дымки или знакомые контуры кораблей. Не было здесь ни отряда адмирала Фелькерзама, ни госпитального судна «Орел», ни вспомогательных крейсеров. Только против города, в небольшой бухте, увидели два парохода. Это оказались наши угольщики под немецким флагом.

На душе стало уныло.

Около четырех часов дня пришел из Капштадта госпитальный пароход «Орел». Надо было полагать, что он имел важные новости. Один из наших офицеров побывал на флагманском корабле «Суворов». Вскоре у нас на броненосце стала распространяться злая весть, перекидываясь из одного отделения в другое. Матросы насторожились, прислушиваясь к разговорам офицеров, некоторые зашептались с вестовыми. Я обратился к инженеру Васильеву:

— По судну пронесся слух, будто бы...

Обыкновенно сдержанный и внешне спокойный, он на этот раз был крайне возбужден и, не дождавшись окончания моей фразы, перебил меня:

— Я догадываюсь, что вас интересует. К сожалению, это факт: Артурская эскадра больше не существует. Как говорят, она потоплена огнем осадной артиллерии после того, как японцы заняли Высокую гору. Мы были посланы в помощь первой эскадре, но она погибла прежде, чем мы достигли половины пути. Петербургские стратеги промахнулись. Теперь мы превращаемся в самостоятельную эскадру. Нам одним предстоит уничтожить неприятельский флот и овладеть Японским морем. Но эта затея настолько же нелепа, как нелепо пускать петуха в драку против ястреба. Японцы оказались куда умнее и ловчее, чем мы предполагали...

Я ушел от него с гнетущими мыслями. В таком примерно состоянии находился и весь экипаж: в этот вечер не было ни веселья, ни смеха. Офицеры по-прежнему отдавали распоряжения, команда выполняла их, но в каждом движении людей, в их лицах, в голосах чувствовалась обреченность, словно все внезапно узнали, что на корабле появилась чума.

С этого дня в настроении личного состава эскадры начался крутой перелом.

В дальнейшем все заботы командующего, по-видимому, сводились к тому, чтобы собрать вместе разбросанную эскадру. Где находился адмирал Фелькерзам со своими кораблями? О нем трудно было что-либо узнать, находясь в той первобытной и дикой глуши, в какую мы попали. На острове Сан-Мари, на этом французском Сахалине, где содержались осужденные на каторгу политические и уголовные преступники, не было телеграфа.

Поэтому на следующий день с утра буксирный пароход «Русь», прозванный Рожественским «Мальчишкой», был послан с телеграммами в Таматаву — в порт, отстоящий на семьдесят миль к югу.

Приступили к погрузке угля. Имея в наличии всего лишь два угольщика, корабли грузились по очереди. Для этой цели пароходы пришвартовывались к броненосцам бортом к борту. А нашему «Орлу» было приказано добывать уголь с транспорта «Корея» баркасами. Это вызвало со стороны команды ропот:

— Так мы проканителимся целую неделю.

— Бешеный адмирал невзлюбил наш броненосец и хочет из нас все жилы вытянуть.

После обеда прибыла на рейд «Малайя». Вид у нее был истерзанный. Все смотрели на нее с таким удивлением, как будто она была уже погребена на дне морском, но снова всплыла и присоединилась к эскадре. Как после узнали, у нее во время бури произошел разрыв питательной трубы, на исправление которой было потрачено пятнадцать часов.

С разрешения адмирала все корабли начали производить ремонт в машинах, разбирали их на части. А к вечеру радиоаппаратами было уловлено телеграфирование двух неизвестных станций с разных расстояний. Это породило тревогу, тем более что мы не могли выслать на разведку ни одного корабля.

Около полудня 18 декабря вернулся пароход «Русь». Он привез важные известия от морского министерства, но об этом я узнал подробно дня через три-четыре, когда повидался со штабным писарем флагманского корабля, своим приятелем Устиновым. Положение наше было не из завидных.

Отряду адмирала Фелькерзама было назначено рандеву с эскадрой в прекрасно оборудованном военном порту Диего-Суарец, расположенном в северо-восточной оконечности Мадагаскара. Туда же должны были прийти угольщики. Но под давлением японцев и англичан французы отказали нам в гостеприимстве и предложили, как это и раньше делали, выбрать для стоянки другое, более глухое место. Фелькерзам направился в Мозамбикский пролив, в северо-западную часть Мадагаскара, в бухту Носси-Бэ, и 15 декабря стал там на якорь.

План Рожественского был нарушен, наши силы оказались разрозненными.

А между тем по эскадре пронесся слух, что где-то в Мозамбикском проливе находятся два неприятельских крейсера; кроме того, будто бы японцы выслали навстречу нам еще довольно сильный отряд кораблей, который 6 декабря прошел мимо Сингапура и направился к югу. При быстром ходе этот отряд теперь должен быть уже около Мадагаскара. Такой слух исходил с флагманского броненосца, а тот, в свою очередь, как я узнал от того же штабного писаря Устинова, получил об этом официальные сведения от морского министерства.

На «Орле» у нас росло отчаяние. Однажды гальванер Козырев, столкнувшись со мною, спросил:

— Знаешь новость?

— Какую?—осведомился я, глядя на его худую скрюченную фигуру с маленьким рябоватым лицом, с тонкими бледными губами.

— Говорят, японские корабли находятся где-то поблизости. Если это правда, то могут произойти большие неприятности для нас. При разобранных машинах мы даже не сможем развернуть свои боевые суда, чтобы отразить атаку в случае нападения на нас.

Как знаток всеобщей истории, Козырев любил черпать из нее поучительные примеры.

— Ты что-нибудь читал насчет Абукирского сражения?

— Когда-то читал, но успел забыть,— ответил я.

— Я тебе напомню об этом в нескольких словах. Это было во время войны Франции с Англией. Абукирская бухта находится в Египте, недалеко от Александрии. В тысяча семьсот девяносто восьмом году французский адмирал Брюэс скрылся в ней со своей эскадрой от преследования противника. Бухта была безлюдная. Французы расположились в ней, как у себя дома. В один, как говорится, прекрасный день по распоряжению командующего на каждом корабле были вынесены из нижних помещений продукты на батарейную палубу — проветрить их захотели. Потом команду отправили с баркасами к берегу за пресной водой. Забыли об опасности. А тут вдруг, откуда ни возьмись, адмирал Нельсон появился с эскадрой. Дело было под вечер. Английские

корабли вкатили прямо в бухту — и давай гвоздить французов. Для французов это было настолько неожиданно, что они совершенно растерялись. Часть их команды находилась на берегу. С баркасов пришлось вылить пресную воду и поспешить к кораблям, но было уже поздно. Батарейные палубы были завалены продуктами, а это мешало действиям пушек. В результате французская эскадра была уничтожена со всеми людьми. Спасся один только корабль. Адмирал Нельсон будто бы нарочно дал ему возможность уйти целым, чтобы он доставил своему правительству страшную весть о гибели эскадры. Теперь сам посуди: разве наши корабли с разобранными машинами не могут оказаться в таком положении, в каком были французские? Появись сейчас неприятельские крейсеры — нам всем здесь будет могила. Эх, неладный у нас командующий!

Для утешения себя и своего приятеля Козырева я мог сказать только одно:

— С тех пор как мы вышли из последнего своего порта, нас не перестают пугать японцами. Однако до сих пор мы не видели не только ни одного их линейного корабля, но даже и миноносца. Думаю, и впредь так будет.

Как нарочно, нервируя эскадру, на горизонте показались английские суда.

Нашим крейсерам пришлось отказаться от ремонта машин и начать с наступлением темноты уходить в дозор. Каждую ночь часть офицеров и команды дежурила у заряженных орудий. Наружные огни все закрывались.

Двое суток дул сильный зюйд-остовый ветер, сопровождаемый хлещущим дождем. В проливе загуляла крупная зыбь, затрудняя стоянку на якоре и погрузку угля. Эскадра передвинулась на несколько миль севернее, к устью реки Танг-Танг, в бухту того же названия, врезающуюся в гористый берег Мадагаскара, а с другой стороны защищенную длинной песчаной косой от набегов волн. Здесь было тихо. Почти около самой воды росли пальмы.

Под влиянием последних событий у нас на броненосце матросы все больше и больше теряли веру в самодержавный строй России. Поход на Дальний Восток рассматривался как безнадежное предприятие, которое мо-

гла затеять только обезумевшая высшая власть, не считаясь с тем, что это грозит гибелью флота и людей. А отсюда пошло другое: в команде исчезла бессловесная покорность перед начальниками. Участились случаи нарушения дисциплины. Комендор Буглай на ругань одного лейтенанта ответил сам отъявленной руганью. Оскорбленный начальник не бросился на него с кулаками, как это бывало раньше, а побежал жаловаться старшему офицеру. Но провинившийся комендор остался почему-то ненаказанным. Значит, офицеры начали чувствовать настроение команды. А вскоре и сам старший офицер Сидоров нарвался на неприятный случай. Грузили уголь с парохода «Гарзон». Трюмный старшина Осип Федоров, остроглазый и дерзкий парень, подвыпив на угольщике, самовольно бросил работу и хотел было спуститься в низ броненосца. В это время с ним встретился Сидоров и загородив ему дорогу, спросил:

— Ты куда?

— Отдыхать, ваше высокоблагородие.

— То есть как это «отдыхать»? Разве была на это команда?

Федоров отрезал:

— Я сам себе скомандовал!

На мгновение старший офицер опешил, а потом, схватив того за плечо, закричал:

— Ты что это болтаешь? Да я тебя за такое дело...

Федоров, пьяно выкатив глаза, полез на Сидорова:

— Что вы меня пугаете, ваше высокоблагородие! Я теперь не боюсь никого на свете. Все равно погибать. Да и вы не спасетесь. Точка нам обоим. Японцы нас всех пустят к центру земли. А если хотите, убейте меня сейчас прямо из револьвера...

Сидоров попятился и замахал руками:

— Сумасшедший! Убирайся к черту с моих глаз!

Федоров также не подвергся никакому наказанию.

Все боевые корабли уже нагрузились углем и отдыхали, а над нашим броненосцем и 22-го числа все еще поднимались клубы черной пыли. В ушах стоял лязг лебедок, выкрики людей, грохот сбрасываемого в горловины угля. Работа происходила при нестерпимой тропической жаре и потому была чрезвычайно изнурительной.

А с наступлением темноты, когда можно было бы воспользоваться прохладой и отдохнуть, не давала покоя боязнь перед минными атаками. Эта ночь проходила особенно напряженно. Корабли откинули сетевые заграждения и, закрыв все внешние огни, притаились в бухте. Из людей никто не хотел оставаться в нижних помещениях, а все стремились на верхнюю палубу, даже те, кому не было в этом никакой надобности. Очевидно, у каждого была одна и та же мысль: в случае какой-либо катастрофы с кораблем отсюда скорее можно спастись. Я забрался на задний мостик. Помимо матросов, здесь находились доктора, механики и несколько строевых офицеров. Было тихо, и лишь через каждые полчаса, дрожа, пронизывал тьму медный гул отбиваемых склянок. Мадагаскар, круто вздымаясь и закрывая полнеба, надвинулся на нас тяжелой тучей. С берега еле уловимый бриз доносил пряный аромат тропических растений. За песчаной отмелью, страдая бессонницей, чуть слышно вздыхал океан. Вместе с сигнальщиками и комендорами сотни людей до боли в глазах всматривались в мрак, окутавший вход в бухту Танг-Танг. Около полуночи заметили в океане огни.

— Что это значит? — хрипло спросил кто-то из офицеров.

— Да, восемь огней, и все передвигаются ближе к входу бухты,— сказал другой сдавленным голосом.

Сейчас же начали успокаивать себя предположением, что это, вероятно, пришли миноносцы из отряда Фелькерзама. Немного времени спустя несколько этих огней выплыли за песчаную полосу. А затем на берегу, позади линии броненосцев, вдруг замигало пламя, как будто кто-то незримый подавал сигнал.

— Господа, здесь таится какая-то каверза. Как бы не повторилось то, что случилось в начале войны в Порт-Артуре, когда японцы сразу вывели из строя три наших корабля.

Один из механиков вздохнул:

— Ох, уж эти японцы!..

В это время хотелось иметь глаза совы, чтобы ночью видеть так же хорошо, как видим днем.

Только утром выяснилось, что это плавали на своих лодках туземные рыбаки.

Плавучий госпиталь «Орел» стоял прошлой ночью тоже без огней, нарушая этим постановление Гаагской международной конференции. Рассказывали, что командир этого судна и главный врач выразили командующему эскадрой свой протест. Но за этот поступок им обоим пришлось выслушать такие оскорбления, какие могут выносить только бесправные арестанты. И еще мы узнали, что в ту же ночь на рефрижераторном пароходе «Espérance», который несколько дней тому назад вновь присоединился к нам, произошел бунт. Команда, состоявшая из одних французов и плававшая под своим национальным флагом, не хотела стоять без огней, боясь нападения японских миноносцев. Матросы подняли шум и хотели выбросить за борт капитана. Их едва удалось уговорить. Рожественский грозил выгнать с позором из бухты оба эти судна.

«Мальчишка» во все время нашей стоянки только тем и занимался, что под полными парами носился в Таматаву. По-видимому, командующий эскадрой усиленно обменивался телеграммами с Петербургом. Но перспективы наши все еще были мутны, как затуманенный горизонт. С утра три крейсера — «Аврора», «Адмирал Нахимов» и «Дмитрий Донской»,— отделившись от эскадры, ушли под командой контр-адмирала Энквиста в море. Им будто бы было поручено извлечь из бухты Носси-Бэ отряд адмирала Фелькерзама и разыскать другие потерявшиеся суда. А позднее в тот же день прибыл к нам немецкий угольщик из Диего-Суарец с нерадостными сведениями: там оказался один только вспомогательный крейсер «Кубань», но неизвестно было, где находятся еще четыре таких же наших судна. Также ничего от него не узнали об отряде капитана 1-го ранга Добротворского, который должен был догнать нас в пути. В его отряд входили достроенные крейсеры «Изумруд» и «Олег», миноносцы «Громкий» и «Грозный» и вновь оборудованные вспомогательные крейсеры «Урал» и «Терек». Тот же угольщик доставил донесение от Фелькерзама. Выяснилось теперь, что его суда, расположившись в Носси-Бэ, занялись, так же как и мы, ремонтом механизмов и выщелачиванием котлов. Находясь в таком состоянии, он не может двинуться к нам на соединение.

Мы все больше убеждались, что наши вожди не блещут большим военным умом. Нам оставалось успокаивать себя только тем, что разговор о присутствии поблизости неприятельских кораблей, быть может, окажется вздором. Если будет иначе, нам предстоит испытать ужасы Абукирского сражения. По эскадре отдан приказ приготовиться всем судам в поход.

2. ЭСКАДРЫ СОЕДИНЯЮТСЯ

Снялись с якоря утром накануне рождества.

Эскадра шла на север вдоль Мадагаскара. Его берега, извилистые и высокие, с долинами и круто взметнувшимися, как огромные всплески волн, горными вершинами, то на время терялись в фиолетовой дымке, то снова выступали, смутно очерчиваясь на голубом склоне неба, как незаконченные рисунки буйного фантазера. Был штиль. Сверху лились такие горячие потоки зноя, что от них трудно было спасаться даже под парусиновыми тентами, раскинутыми над мостиками и верхней палубой. Широко разметался океан и, словно утомленный жарой, лежал почти неподвижно, без единой ряби, слегка лишь вздыхая ленивой зыбью. Покатости зыби ослепляли блеском разбрызганного солнца. Тропический день был неимоверно светозарен, но он никак не соответствовал душевному настроению каждого из нас.

Сегодня на рассвете вернулся из Таматавы пароход «Русь», и сейчас же по всей эскадре распространился слух: пал Порт-Артур. Твердыня, на которую были потрачены сотни миллионов народных средств, не выдержала осады противника и сдалась. Японцам достался гарнизон в сорок тысяч человек, со всеми орудиями, со складами, с военным снаряжением. Таков был финал той борьбы, которая длилась в продолжение десяти месяцев на далекой и ненужной нам земле. Там, вероятно, каждая пядь суши была густо полита кровью русских воинов, покорно исполняющих предначертания Петербурга.

Известия о гибели 1-й эскадры и падении Порт-Артура подорвали порыв к войне не только у матросов, которые и без того его мало имели, но и у офицеров. Они на-

чали терять веру в несокрушимость русского оружия, прославленного Ушаковым, Суворовым, Кутузовым и другими великими флотоводцами и полководцами. Некоторые из офицеров сами сообщали нам новости о наших неудачах уже в ироническом тоне. Другие, беседуя между собою на тему о войне, не стеснялись в присутствии матросов резко выражаться по адресу главных «спасителей» отечества. Такие речи в устах офицеров, может быть, зазвучали впервые в истории русского флота, поэтому они действовали на матросов ошеломляюще.

Под тентом прогуливались два молодых человека: узкогрудый, скучающе-вялый механик в чине поручика и вахтенный офицер с мичманскими погонами на плечах, он же исполняющий обязанности младшего штурмана. Мичман с буграстым носом был невысок. В нем удачно сочетались серьезность быстро все схватывающего ума с веселым нравом, за что он и был уважаем матросами. Но теперь, разочарованный и как бы бичующий самого себя, он говорил своему собеседнику:

— Начали войну мы плохо, продолжаем плохо, а конец, мне кажется, будет еще хуже. Взять для примера Артурскую эскадру. Она была сильнее и лучше организована, чем наша. И личный состав ее имел больше боевого опыта, чем мы. Там в сравнении с нами были настоящие моряки. Что же, однако, случилось?

Механик ехидно вставил:

— Первая эскадра из надводной превратилась в подводную.

Мичман подхватил:

— Вот именно! Превратилась в подводную эскадру! А теперь пал и Порт-Артур. На что еще надеяться? На генерала Куропаткина? Он весь обставился иконами и одно лишь, как дятел, долбит: терпение, терпение и еще раз терпение. Что может быть глупее этого? Теперь генерал Ноги, покончивший с нашей крепостью, стал свободен со своей армией. Значит, новая огненная лавина покатится на наши сухопутные войска. На суше наше положение еще больше ухудшится. Что еще у нас остается? Вторая эскадра проявит чудо и овладеет Японским морем? Но будем, друг, откровенны: этот сброд разнотипных и разношерстных судов при нашей беза-

лаберности являет собою только пародию на боевую эскадру. Отсюда вывод: ну какой тут смысл продолжать дальше войну? Чтобы еще больше увеличить позор России?

Механик, отмахнувшись от вопроса, сказал:

— От бессмысленных голов никогда нельзя ждать какого-либо смысла. А у наших командующих именно такие головы.

Около полудня с нами встретились два миноносца — «Бедовый» и «Бодрый» — и крейсер «Светлана». Эти суда были из отряда контр-адмирала Фелькерзама. Увидев их, мы обрадовались, как дети. Значит, скоро соединимся с остальными кораблями, а тогда вместе будем мыкать горе.

Эскадра остановилась. Со «Светланы» направилась шлюпка с офицером к флагманскому кораблю, очевидно с донесением от Фелькерзама. Миноносец «Бодрый», имея повреждение в машинах, мог дать ходу только семь узлов. Пароходу «Русь» было приказано взять его на буксир. Тронулись дальше.

На второй день было рождество. С подъемом кормового флага взвились на всех судах и стеньговые флаги. А через полчаса, застопорив машины, эскадра остановилась, держась в открытом океане. Это было в тридцати милях от Диего-Суарец. Все утро мы чистились, прибирались, а потом слушали в судовой сборной церкви обедню.

Начиная с самого детства, этот праздник у меня всегда был связан или с сильными морозами, или с непутевой метелью. А теперь впервые я встречал его при невыносимой жаре. От будней он отличался только тем, что для команды немного улучшили обед и меньше было работы.

Когда солнце поднялось к зениту, сияя прямо над головой и не давая никакой тени, океанский простор наполнился громом орудий. Каждое судно сделало салют в тридцать один выстрел. Эскадра окуталась дымом черного пороха.

— Это мы рыбу пугаем в океане,— острили матросы.

Снова заработали машины.

В этот день в кают-компании было больше пьяных, чем обычно,— пили с горя, заливая ликерами душевную

пустоту. Один мичман, расстроившись, выкрикивал со слезами в юных глазах:

— Нас посылают на Голгофу! Ну, а если я не могу быть Христом, тогда что? Насильно потащат меня?

Офицеры уговаривали его успокоиться, а он, никого не слушая, продолжал:

— Я только первый год на службе. Не мы, молодежь, создавали этот идиотский флот. Он является результатом деятельности наших тупых и надутых, как индюки, адмиралов. Пусть они одни и расплачиваются. А мы тут при чем? Разве наши жизни шелуха подсолнечная?..

К вечеру эскадра вынуждена была убавить ход до шести узлов. Причиною тому был броненосец «Орел», на котором испортилась паропроводная труба в кочегарке. Крейсер «Светлана», развив большой ход, понесся вперед, чтобы известить Фелькерзама о нашем приближении.

Перед спуском флага наше начальство заметалось, заметив на горизонте ряд дымков. А вскоре броненосец «Бородино» донес по семафору, что с его марсов видны четыре больших боевых корабля. К сожалению, при эскадре не было ни одного крейсера, чтобы послать на разведку и выяснить, какой нации принадлежат суда. Три из них повернули от нас в сторону и скрылись в наступающей темноте, а на четвертом на короткое время открыли ночные огни. Но затем и этот корабль, когда догорел пышный закат, исчез во мраке ночи. С высоты безлунного неба спокойно мерцали звезды, теплые и приветливые. Опасаясь атаки, команда и офицеры спали у своих орудий не раздеваясь.

Путь, по которому двигалась эскадра, был мало исследован и недостаточно промерен. Командир, капитан 1-го ранга Юнг, находясь в ходовой рубке, нервничал. При нем были два штурмана. Оба они слишком часто склонялись над разложенной на столе морской картой, однако руководствоваться ею было трудно. Старший штурман, щеголеватый лейтенант, беспомощно разводя руками, ворчал:

— Ну какая польза от этой карты? Почти всюду обозначены случайно открытые банки и подводные рифы. Но это еще было бы полгоря. Хуже, что постоянно встре-

чаешь надписи с предупреждением о недостоверных местах.

Помощник его, с буграстым носом мичман, посоветовал:

— Нам нужно держаться на кильватерной струе предыдущего корабля. Если он не наткнется на мель, то и мы благополучно пройдем. В противном случае мы успеем застопорить машины, дать ход назад или свернуть в сторону.

На штурвале стоял лучший рулевой — старший унтер-офицер.

Сомнение в том, что ничего не случится, длилось до рассвета.

Офицеры с жадностью читали иностранные газеты, которые добыли во время стоянки у Сан-Мари. Газеты эти не прошли через чистилище русской цензуры, поэтому из них можно было узнать и о войне и о настроениях в России. Сегодня мне удалось побеседовать с инженером Васильевым, вернее, я только слушал и лишь изредка задавал вопросы, а он говорил:

— Судя по английским газетам, в России наблюдаются признаки не совсем обычные. На войне мы терпим одно поражение за другим. Это привело наше правительство к растерянности. Вы помните капитана 2-го ранга Кладо?

— Очень хорошо знаю. Он из Виго отправился в Россию в связи с «гулльским инцидентом». Говорят, будет экспертом выступать в какой-то комиссии.

— Вот-вот. Этот человек напечатал в «Новом времени» какую-то разоблачительную статью о нашей эскадре. За это его посадили на гауптвахту. Но потом, под влиянием общественного мнения, правительство освободило его из-под ареста до срока. Небывалый в России случай! Общественное мнение начинает играть роль! А другая новость еще более интересная: правительство начинает заигрывать со своими верноподданными. Были призваны представители от земств. Им даны какие-то смутные обещания насчет будущих реформ. К сожалению, эти представители ведут себя жалко, трусливо, без надлежащего напора на власть. По-видимому, они сами боятся нарастающих событий. Но независимо от них над страной продолжают сгущаться грозовые тучи.

— Вы думаете? — спросил я, воззрившись на Васильева, как голодный на хлеб.

— Это так же верно, как верно то, что мы с вами сидим у меня в каюте. Если уж в «Новом времени» печатают такую статью, за которую арестовывают ее автора, то какие же могут быть сомнения? Английские газеты сообщают еще, что среди черноморских моряков были какие-то волнения. Интересно бы узнать, что теперь происходит внутри нашей страны, когда докатились до нее страшные вести о гибели первой эскадры и падении Порт-Артура? Мне кажется, что столпы отечества еще больше потеряли головы.

Васильев, разговаривая, перебирал английские газеты. У него была привычка что-нибудь вертеть в руках. Случайно взгляд его остановился на статье, заголовок которой был подчеркнут красным карандашом.

— Кстати, в английских газетах есть подробные данные о гибели Артурской эскадры. Оказывается, наши моряки сами потопили свои корабли на внутреннем рейде. Но как потопили! Верхние палубы остались наружу. Очевидно, что-то умопомрачительное произошло, что не нашли более глубокого места в море. Все эти суда могут быть подняты, и они станут добычей японцев. Может быть, даже пойдут против нас воевать. Только один броненосец «Севастополь» под командой капитана 1-го ранга фон Эссена решил погибнуть в бою. Он вышел на внешний рейд, где выдержал отчаянные атаки миноносцев. Но недолго и ему пришлось оказывать сопротивление японцам. По распоряжению командира он без их помощи был пущен ко дну на двадцатисаженной глубине. Вы теперь понимаете, в чем тут трагедия?

— Если не считать «Севастополь», мы даже не сумели как следует потопить свои суда,— хмуро ответил я, чувствуя в себе усиливающееся раздражение.

— Правильно! А ведь могло бы быть иначе. Почему артурская эскадра в последний момент не пошла ва-банк и не дала генерального сражения? Правда, она все равно погибла бы. Но, погибая, она нанесла бы какой-то ущерб и японскому флоту. А этим самым она облегчила бы задачу второй эскадры. Артурские морские руководители либо дрожали за свою шкуру, либо

страдали куриной слепотой и не видели, в какую пропасть позора они скатываются.

Мы еще поговорили, и я ушел. У меня осталось впечатление, что Васильев политически накачивает меня. Но ведь для него это было большим риском. Стоит только сообщить о нем Рожественскому — он будет уничтожен, несмотря на офицерское звание. В оправдание его можно сказать лишь одно: он знал, что я нахожусь под следствием как политический преступник. На меня он смотрел как на проводника его идей в массы. Все, что мне удавалось почерпнуть от него, я немедленно сообщал своим близким товарищам, а те в свою очередь делились такими сведениями с другими. Это было похоже на то, как от брошенного камня в небольшом озере расплываются круги, достигая его берегов, так и в нашей жизни, ограниченной бортами, всякая интересная новость вызывала в той или иной степени душевное колебание почти всей команды.

Пароход «Русь» поднял сигнал: «Взбунтовалась команда». К нему по распоряжению адмирала сейчас же помчался миноносец «Бедовый» для усмирения. Как после узнали, командиру миноносца, капитану 2-го ранга Баранову, были даны широкие полномочия — вплоть до расстрела людей, если это понадобится. Выяснилось, что матросы, изнуренные непосильной работой, хотели было устроить забастовку. Дальше пароход «Русь» продолжал свой путь под конвоем «Бедового».

Вечером мы находились в тридцати милях от Носси-Бэ. Контр-адмирал Фелькерзам выслал нам навстречу миноносец. Очевидно, на его обязанности лежало провести наши корабли к месту якорной стоянки. Он подошел к флагманскому броненосцу. Но вследствие опасности входа в бухту и наступающей ночи Рожественский решил продержаться с эскадрой в море до утра.

На следующий день, приближаясь к месту якорной стоянки, мы все находились в том возбужденном состоянии, в каком бывают люди, ожидая важного события. Носси-Бэ в переводе на русский язык означает «Большой остров». Тут же расположилось еще несколько островов меньших размеров, образуя все вместе великолепный рейд. Этот рейд превосходно защищен со всех сторон: с востока он прикрыт конусообразной возвышен-

ностью Носси-Комба, с юго-востока — мальгашским полуостровом Анкифи, а с запада — группою рифов. Здесь так просторно, что могли бы вместиться несколько таких эскадр.

Жажда новых впечатлений превозмогла нестерпимый зной. То в одну сторону, то в другую поворачивались головы людей. Взор, блуждая, не знал, на чем остановиться. Все прельщало своей экзотикой: и просинь меж лиловых гор, похожих на вздувшиеся паруса, и холмы, истекающие изумрудом растений, и таинственная тень, залегшая в ущельях, и своеобразные извилины берегов, изрытых фиордами. Бывалые моряки уверяли, что окрестность Носси-Бэ по своей красоте напоминает Неаполитанский залив. Слева среди яркой зелени тропической чащи начали показываться белые здания европейцев, а за ними на уступах красного глинистого холма мостились жалкие хижины туземцев. Это оказался небольшой город Хелльвиль, который был назван так в честь французского адмирала Хелля, присоединившего в 1841 году эти острова к колониальной империи. Наконец, в бухте, под высокой лесистой горой, увидели корабли, с которыми мы расстались в Танжере. Здесь же, помимо угольщиков, транспортов, добровольцев, стоял и крейсерский отряд контр-адмирала Энквиста.

Когда мы только еще входили на рейд, нас встретила, щеголяя белизной корпуса, маленькая и проворная французская миноноска с поднятым на мачте сигналом: «Добро пожаловать». Предводительствуемые ею, мы направились мимо судов, стоящих на якоре. Потом «Суворов» положил право руля и, сделав крутой поворот, прорезал их строй. Колонна наших броненосцев последовала за ним. На флагманских кораблях, сверкая начищенной медью труб, музыканты играли военный марш. В слепящем сиянии полудня, в горячем мареве воздуха, среди береговой роскоши островов, на время волнуя душу, далеко разливались звуки духового оркестра. Общая радость увидеть друг друга охватила всех, и мы, обливаясь потом, неистово кричали «ура», кричали искренне, с ошалелым вдохновением, не жалея голоса, как будто эта встреча навсегда избавляла нас от смертельной тоски.

3. НА РЕЙДЕ НОССИ-БЭ

Сутки тянулись за сутками, как звено за звеном якорного каната.

Я продолжал с упорством ненасытного наблюдателя следить за жизнью нашей эскадры.

Знакомые матросы из отряда Фелькерзама рассказали мне о своем плавании. Им было легче, чем нам. Они прошли расстояние гораздо меньше нашего и останавливались в более благоустроенных портах. Расставшись с нами в Танжере, их корабли направились Средиземным морем в бухту Суда на острове Крит. Здесь простояли десять дней. Команда часто отпускалась на берег освежиться. Порядочно покутили. Случались такие скандалы на улицах, о которых потом писали в иностранных газетах. Следующая стоянка была в преддверии Суэцкого канала — Порт-Саиде. Благополучно прорезали Красное море, с заходом в Джибути, где пробыли полторы недели. В Индийском океане на два дня бросали якорь у мыса Рас-Гафун, самой восточной оконечности Африки. Наконец, соединились с нами в Носси-Бэ. Во всех перечисленных портах грузились углем, принимали провизию и другие необходимые припасы, немного чинились.

Контр-адмирал Фелькерзам в противоположность командующему эскадрой относился к своим подчиненным более заботливо. Как только вошли в тропики, матросы у него начали носить пробковые шлемы, а мы в это время покрывали от солнца свои затылки тряпками. В девять часов утра, когда начиналась убийственная жара, у него на кораблях прекращались все работы, тратилось еще немного времени на уборку, а потом длился отдых до трех часов дня. У нас этого не было. В Носси-Бэ он каждый день отпускал матросов на берег большими партиями. С нашим приходом сразу все это прекратилось, и стали увольнять с судов на прогулку только по выбору или больных.

По всей команде до последнего времени носился слух, что Россия будто бы приобрела в Южной Америке шесть броненосных крейсеров и что они уже находятся в пути и скоро догонят нас. После гибели Артурского флота многим хотелось верить в такой миф. Команда и офицеры из отряда Фелькерзама в этом отношении пошли еще

дальше: они даже были убеждены, что мы присоединимся к ним не одни, а приведем с собою новые иностранные корабли. И только теперь, с приходом в Носси-Бэ, выяснилось, что дело с покупкой чилийских и аргентинских судов провалилось окончательно. Но тут же мы узнали другую новость, смягчающую отчасти тяжелое настроение: в Либаве спешно снаряжается 3-я Тихоокеанская эскадра. В нее вошли следующие суда: эскадренный броненосец «Император Николай I», броненосец береговой обороны «Адмирал Сенявин», «Генерал-адмирал Апраксин», «Адмирал Ушаков» и крейсер 1-го ранга «Владимир Мономах». Командовать ими назначен контр-адмирал Небогатов, который в половине января тронется со своими кораблями на соединение с нами.

Моряки острили по поводу этой эскадры:

— Посылают к нам поскребыши Балтийского флота.

— Хотя этот кулак из пяти пальцев, но по-стариковски дряхлый и слабый.

— Плавающие опорки.

— Самотопы.

Долго еще говорили в этом же духе, но в душе многие радовались: от кораблей Небогатова по крайней мере хоть та будет польза, что часть неприятельских ударов они примут на себя. При этом сам собою напрашивался вывод: раз высылают 3-ю эскадру, значит мы будем ждать ее здесь. Но в таком случае зачем же мы немедленно приступили к погрузке угля? У нас его имелось в запасе достаточно.

Четвертый день пошел, как мы глотаем кардифскую пыль. Ночью люди спали как попало, валяясь прямо на грудах угля и задыхаясь теплым и влажным, как в оранжерее, воздухом. Днем тупели от непривычного зноя. Нигде еще не испытывали такой жары, как здесь. Иногда казалось, что все видимое, чарующее глаз пространство под голубым сводом неба превратилось в грандиозную калильную печь. Мы потели днем и ночью и поглощали неизмеримое количество морской воды, прошедшей через судовые опреснители. Без минеральных растворов, теплая, она была отвратительна на вкус, если только ее не сдобрить лимонной кислотой. Постоянная жажда мучила людей, ослабляя организм. Некоторые начали страдать тропической болезнью — тело покрыва-

лось сыпью, еле заметными волдырями. Вдобавок ко всему, у большинства команды поизносилась обувь, а ходить босиком по углю, который валялся почти во всех помещениях броненосца, было невыносимо. По распоряжению начальства марсовые начали плести из прядей троса лапти. Матросы, всегда отличавшиеся чистым и опрятным видом, теперь напоминали оборванцев. Мне не раз приходилось слышать озлобленный ропот:

— Что за проклятые порядки в нашей стране! Посылают нас на смерть и не могут снабдить даже обувью.

Вместо сапог нам прислали из Иерусалима через председательницу дамского комитета крестики, освященные, как говорилось в приказе Рожественского, на гробе господнем. По разверстке таких крестиков на наш броненосец досталось шесть для офицеров и двадцать пять для всей команды.

Матросы зубоскалили:

— Нечего сказать, утешили! Каждый крестик стоит всего копейку. Значит, подарок для девятисот человек — на четвертак!

— Не в том дело. А вот вопрос, как разделить между собою такую божию благодать?

— Не иначе, как по жребию.

— Так тоже не годится. Тебе достанется, а другому нет. Надо по очереди носить крестики, чтобы всем прикоснуться к святыне.

И тут же прибавлялись такие слова, от которых, если бы только услышал их, шарахнулся бы весь дамский комитет.

К нам присоединились еще три вспомогательных крейсера: «Кубань», «Урал» и «Терек». Не хватало еще отдельного отряда капитана 1-го ранга Добротворского, но он должен уже быть в Красном море. Ожидаемые суда и все те, которые находились уже здесь согласно приказу Рожественского, получили новое тактическое распределение. Броненосцы были разделены на два отряда: первый — «Князь Суворов», «Император Александр III», «Бородино» и «Орел», второй — «Ослябя», на который перенес свой флаг контр-адмирал Фелькерзам, «Сисой Великий», «Наварин» и броненосный крейсер «Адмирал Нахимов». При главных силах должны еще

находиться два крейсера — «Изумруд» и «Жемчуг» и четыре миноносца — «Бедовый», «Буйный», «Быстрый» и «Бравый». В крейсерский отряд были назначены: «Алмаз» под флагом контр-адмирала Энквиста, «Олег», «Аврора», «Дмитрий Донской», вспомогательные крейсеры «Рион» и «Днепр» и миноносцы: «Блестящий», «Безупречный» и «Бодрый». В разведочный отряд входили: крейсер «Светлана» под брейд-вымпелом капитана 1-го ранга Шеина и вспомогательные крейсеры «Кубань», «Терек» и «Урал». Остальные суда представляли собою транспортный отряд: «Киев» под брейд-вымпелом капитана 1-го ранга Радлова, «Воронеж», «Камчатка», «Анадырь», «Метеор», «Юпитер», «Меркурий», «Ярославль», «Корея», «Тамбов», «Китай», «Владимир» и «Русь». Госпиталь «Орел» имел свою цель.

Если еще подвалит отряд Небогатова с транспортами, то у нас будет всего более пятидесяти кораблей. С внешней стороны уже и теперь эскадра казалась внушительной силой. Это ложное впечатление получалось оттого, что при эскадре находился большой обоз в виде всяких транспортов, правда необходимых в нашем бездомном положении, но совершенно не имеющих боевого значения.

А что еще осталось у нас в Балтийском море? Ничего, кроме устарелого хлама. Только теперь, спустя два года с тех пор как состоялось свидание двух императоров в Ревеле, политика Вильгельма стала понятна для многих. Недаром он подстрекал недальновидного Николая II расширять свое влияние на Дальнем Востоке. Кайзеру хотелось спровадить подальше от себя русский флот, чтобы в будущем свободнее хозяйничать на Балтике. По этим же соображениям он явился для нас единственным благодетелем в мире, приказав немецким транспортам снабжать углем 2-ю эскадру, отправившуюся в далекое плавание. Его затаенная цель была достигнута полностью: пограничный водораздел между нашей страной и Германией оказался очищенным от русских военно-морских сил. По совету Вильгельма, весь наш балтийский флот был брошен на Дальний Восток добывать царю высокое звание адмирала Тихого океана.

В Носси-Бэ эскадра принимала более строгие меры

охраны, чем в Сан-Мари. Каждый день какой-нибудь крейсер, снявшись с якоря, уходил в дозор для наблюдения за горизонтом. Помимо того, два миноносца посылались сторожить вход на рейд. С заходом солнца ставили сетевые заграждения и прекращалось сообщение с берегом и между судами. Шлюпка могла пойти куда-нибудь не иначе, как только с разрешения самого Рожественского. Ночью со всех боевых судов эскадры уходили в море минные катеры, вооруженные прожекторами, маленькими пушками и минами. На кораблях с постановкой сетей били боевую тревогу, проверяли орудийную прислугу, заряжали дежурные пушки и готовили к действию боевые фонари. Темно-синяя безмерность неба искрилась самоцветами. Эскадра стояла без огней, погруженная в мрак и безмолвие. Иногда лишь окрики часовых нарушали покой. В дали, не загороженной островами, тревожа ночь, ползали над сонным океаном, как хвосты комет, отблески прожекторов со сторожевых судов.

В такие моменты все казалось в порядке. Хотелось верить в организационные способности и незаурядный ум командующего эскадрой. Он не даст противнику застигнуть нас врасплох, он знает, что нужно делать, куда и как вести вверенные ему корабли.

Утро начинали с того, что пускали в ход стрелы Темперлея и лебедки, освобождая коммерческие пароходы от груза угля.

Наступил новый год, такой же скучный и безотрадный, как и старый. В будущем судьба, вероятно, еще сильнее и безжалостнее будет комкать наши жизни. Мы почти каждый день кого-нибудь хороним. На вспомогательном крейсере «Урал» сорвавшейся стрелой тяжело ранило лейтенанта Евдокимова и убило насмерть прапорщика по механической части Попова. Там же погиб от солнечного удара матрос. Из команды «Бородино» убыли двое: они спустились в боковой коридор трюма и, хотя горловины были открыты, оба задохнулись от ядовитых газов. Умирали еще от туберкулеза и других болезней. Печальную картину представляли собою похоронные процессии. К тому судну, где находился мертвец, приближался вплотную миноносец, брал покойника к себе на борт и направлялся к выходу в море. В это время

раздавался пушечный выстрел, приспускались флаги, музыка играла «Коль славен», офицеры и команда всех кораблей стояли на палубе во фронт. На океанском просторе, удалившись от берегов, покойника, зашитого в брезент, с грузом, прикрепленным к ногам, выбрасывали за борт. Лишь всплеск воды сопровождал мгновенное исчезновение человека.

Так незаметные герои находили себе могилу в чужих краях, в глубоких пучинах, никем не оплаканные. Потом появлялся короткий стереотипный приказ командующего эскадрой: такой-то скончался там-то и потому «исключается из списка нижних чинов (или офицеров) означенного судна».

Два транспорта назначены к возвращению в Россию: «Князь Горчаков» и «Малайя». Рожественский был недоволен тем, что на них постоянно происходили поломки в машинах. На «Малайю» теперь списывали офицеров и матросов, не годных к дальнейшей службе: преступников, больных, искалеченных, сумасшедших. Как ни тяжело было их положение, многие из нас хотели бы попасть на их место: они скоро будут дома. Правда, не все они доберутся до родины,— некоторые, более слабые, не выдержат далекого пути и будут выброшены за борт. Но каково наше будущее? Лучше не думать об этом, не тревожить сердца, разъеденного сомнениями.

На Мадагаскаре и других соседних островах было много фруктов. Бананы и ананасы мы ели, как репу. Но здесь не было овощей. Могли добывать только картофель, да и то с трудом и по дорогой цене. Матросы скучали о свежих щах, а у нас имелась в запасе лишь квашеная капуста, но она настолько испортилась, что от каждой бочки несло, как от выгребной ямы. Приходилось удовлетворяться супом или похлебкой. Зато свежего мяса можно было добыть здесь в любом количестве.

Мы приобрели шестнадцать быков и две коровы. Быки были крупные, сытые, с большими, в аршин длиною, размашистыми рогами, с мохнатым горбом на спине, как у верблюда. Их доставили нам местные туземцы, сакалавы, на своих пиро́гах. Эти оригинальные суденышки были выдолблены из ствола толстого дерева. Чтобы такая лодка не перевернулась, к ней пристроен параллельно борту, на двух поперечных жердях, противовес, сво-

его рода полоз с загнутым концом, скользящий по воде. Он всегда с правого борта, а слева концы жердей соединены для крепости бруском. В ветер, поставив громадные паруса, сакалавы смело управляют своими пирóгами и носятся по гребням волн, как альбатросы, иногда обгоняя паровые катеры. Я представлял себе, какое смятение пережили быки, прежде чем их доставили к левому борту нашего броненосца. Но еще ужаснее было, когда их начинали поднимать на шкафут. Делалось это так: под брюхо быка подводился двойной строп, расходящийся к паху и к подгрудку; затем строп подхватывался гаком, иначе говоря, железным крючком спустившегося с нок-реи гордения, и сейчас же раздавался приказ:

— Слабину выбрать!

Потом следовала более громкая команда:

— Пошел гордень!

И животное медленно взвивалось на воздух. Ошеломленный бык, дрожа, надувался, напрягал мускулы, вытягивал ноги и пучил, округляя, большие фиолетовые глаза. Он не понимал, что смерть придет позднее, когда ударят кувалдой по лбу и вонзят в горло нож, но чувствовал ее теперь же всем своим существом. Нужно было поднять его значительно выше борта, чтобы потом оттяжкой подтянуть его на судно, травя в то же время гордень. Очутившись на палубе левого шкафута, бык еще долго не мог прийти в себя и бестолково оглядывался.

Слабый ветер, вызывая блеск, рябил рейдовую поверхность. О чем-то задумались зеленые высоты островов. Вокруг судна плавали голые черномазые ребятишки. Они по целым дням держались на воде, выпрашивая деньги, и если им бросали с борта монету, ныряли за нею в глубину, как черные утята. Но теперь, любуясь зрелищем погрузки быков, они что-то кричали и звонко смеялись. На баке, около борта, столпились матросы, большинство унтер-офицеры, делились впечатлениями:

— Говядина будет на славу.

— Скотина нагульная.

— Я таких больших рогов сроду не видал.

— Не дай бог, если такой пырнет!

Судовой фельдшер пояснил:

— Эти быки, надо полагать, из породы санга. С такими огромными рогами они водятся только в Афри-

ке. Больше нигде нет. Считают, что родоначальником их является буйвол...

Остался на пироге один только бык, бугай, дымчатой масти, самый могучий, с висячим книзу мясистым подгрудником, с кудрями на широком плоском лбу, с необычайно толстой шеей. Шерсть на нем лоснилась и отливала, как дорогой бархат. Это был богатырь и красавец среди своих собратьев. Когда его начали поднимать, он вдруг завозился, замотал головой, весь изгибаясь и размахивая ногами. Несмотря на сопротивление, гордень продолжал тянуть его вверх. В это время мичман Воробейчик, сверкая стеклами пенсне, что-то крикнул по-французски сакалавским ребятам, показал им серебряный франк и бросил его за борт. Монета упала в воду, как раз под быком, которого медленно поднимали на воздух. Чернокожий мальчик лет двенадцати, с раздувшимися, словно от опухоли, щеками, за которые он закладывал пойманные медяки, нырнул за монетой. Расстояние до нее было довольно большое, и она успела погрузиться глубоко, прежде чем попала ему в руки.

Бык был поднят выше борта, когда передняя часть стропа неожиданно съехала к задним ногам. Потеряв равновесие, он повис вниз головою, но через секунду-две, выскользнув из стропа, бултыхнулся в море и сразу исчез в глубине. Сакалав, стоявший на пироге, чернокожий хозяин его, весь голый, если не считать повязки вокруг бедер, испуганно вскинул руки. Что-то кричали плавающие ребятишки. На палубе броненосца, глядя за борт, все молча вытянули шеи.

Очевидно, бык пролетел мимо мальчика, и в тот именно момент, когда сакалав уже поднимался вверх. Что представилось ему, когда рядом с ним, на большой глубине, в зеленоватой пучине, смутно обозначилось рогатое чудовище? А он не мог не видеть его — он нырял с открытыми глазами. Ко всеобщей нашей радости, мальчик всплыл целым и невредимым, но тут же, запрокинув шерстистую голову, заорал истошным голосом. Руки его несуразно зашлепали по воде, словно были надломлены. Он ошалело бросался то в одну сторону, то в другую, пока его не вытащили на пирогу.

Команда на борту загалдела, а кто-то громко произнес:

— Вот, подлый гад, что наделал.

Мичман Воробейчик как будто не слышал этих слов и, заложив руки за спину, стоял у борта с напускным равнодушием на побледневшем лице.

После мальчика через несколько секунд показалась на поверхности рогатая голова. Теперь внимание всех было сосредоточено на ней.

Один из матросов отметил:

— Нырять может.

Отфыркиваясь горько-соленой влагой, бык мотал головою и, как ошеломленный человек, моргал выкатившимися глазами. Он сам направился к пиро́ге, словно искал в ней спасения. Но с нок-реи уже спускался гордень со стропом. Сакалав, схватив строп, быстро сделал из него петлю и накинул ее на размашистые рога животного. В следующий момент из белозубого оскала чернокожего вырвался не крик, а какой-то торжествующий визг, сопровождаемый энергичными жестами рук. Это означало, что нужно выбрать горден. Бык, поднимаемый за рога, сгорбил спину, согнул передние ноги в коленях, а задние вытянул. Под лоб закатились круглые фиолетовые глаза. Когда его опустили на палубу, он не мог стоять и, словно парализованный, рухнул на нее животом. При вздохах в его легких что-то клокотало. Минут десять он лежал, лоснясь мокрой шерстью, неподвижно, с натуженным взглядом. Потом вдруг вскочил и, оглашая рейд утробно-угрожающим ревом, взбунтовался. Но на его рогах была уже другая петля из пенькового конца, который матросы успели завернуть за шлюпбалку. Бык, силясь оборвать конец, весь напрягся, упрямо согнул голову, напружинил, изгибая длинный, с кисточкой на конце хвост, похожий на извивающуюся змею. В это время большие потемневшие глаза великана кроваво скосились на людей.

4. ТРОПИЧЕСКИЕ ЧУДЕСА

Мы были отпущены на берег, в город Хелльвиль, с утра и могли там гулять до вечера. В числе отпущенных матросов разных специальностей находились мои друзья: минер Вася-Дрозд, старший гальванер Голубев и боцман Воеводин. Белые брюки, форменная рубаха с си-

ним воротником, фуражка в белом чехле — вот все, что составляло нашу одежду. К нам в шлюпку спустились еще старший судовой врач Макаров с тремя выздоравливающими пациентами и мой приятель, инженер Васильев. Оба офицера были в белых костюмах, в тропических пробковых шлемах и походили на иностранных туристов.

Под команду боцмана Воеводина шлюпка оттолкнулась от трапа, заработали весла, дробя прозрачно-зеленую, как бутылочное стекло, гладь воды. Вся поверхность рейда, казалось, застыла, как сплошной слиток, и сияла вдали синевой. От бортов, дрожа солнечным блеском, катились наискосок волнистые струи. В бухте плавали в большом количестве медузы. Эти студенистые существа напоминали ламповые абажуры, украшенные затейливой резьбой, кружевными рисунками и колеблющимися, словно от ветра, стеклярусами. Жгучие лучи тропиков нарядили их в яркие цвета — оранжевые, голубые, бордовые, фиолетовые. Под ударами весел густая, как масло, вода солнечно звенела, некоторые медузы перевертывались, другие разлетались на части, сверкнув последней вспышкой разбитой радуги.

Потребовалось немного времени, чтобы переброситься к длинному каменному молу. Мы зашагали по суше неторопливо, часто оглядываясь по сторонам. У самого берега расположились сараи с угольными брикетами, таможня, полицейское управление, ледоделательный завод и почта с маленьким окошком, через которое чиновники принимают корреспонденцию. Немного поодаль, в окружении просторного палисадника, на фоне тропической зелени, сверкая зеркальными окнами, белела губернаторская вилла с горизонтальной крышей, с колоннами, поддерживающими балкон. Среди палисадника, разделенная на две равные половины висячей сетью, раскинулась четырехугольная площадка для игры в лаун-теннис, а от нее, золотясь просеянным песком, разбегались в стороны дорожки мимо цветочных клумб, кактусов и кустарников, подстриженных с такой аккуратностью, словно они побывали в парикмахерской. Гладкие, без единого сучка стволы пальм высоко подняли свои перисто взвихренные кроны, роняя на землю узорчатые тени. Возглавляемые доктором, тоще вытянутым смуглоли-

цым человеком с узенькой шелковистой бородкой, мы прошли мимо католической церкви, галантерейного магазина, кабачка «Кафе де Пари» и нескольких европейских зданий, скрывающихся в тени громадных деревьев. Хотелось завернуть под крышу рынка, откуда сладко пахло гвоздикой, ванилью и другими дарами тропиков, но инженер Васильев, повернувшись к нам, заявил:

— Сначала давайте посмотрим, как живут туземцы. Потом погуляем в лесу. Надо же полюбоваться местной природой. Хватит у нас времени и для города.

С таким предложением все согласились.

Через несколько минут мы уже бродили по узким переулкам туземного поселения, между бамбуковых хижин, построенных на сваях высотою в один-два метра. Тростниковая крыша, будучи значительно шире стен, опиралась на тонкие столбики, образуя вокруг домика навес или веранду. К домику примыкал двор, обнесенный частоколом. Для хижины некоторые хозяева выбрали место под пальмой, столбом пробивающейся через центр крыши. Все эти постройки производили впечатление временного жилья, словно люди остановились здесь лишь на несколько дней. Нас сопровождали группы голых черномазых детей. Они, что-то выкрикивая нам, смеялись и резвились. Мы мало встречали мужчин: они были заняты работой на плантациях или рыбной ловлей. То были сакалавы, темно-бурые, среднего роста, проворные и сильные, с пучкообразными волосами, с широкими ноздрями. Не так еще давно они промышляли морским разбоем, опустошая соседние острова, но потом, покоренные гавасами, занялись скотоводством. Широкополая шляпа, сплетенная из травы, и клетчатый соронг прикрывали тело сакалава. Когда мы встречали старика, то не верилось, что он имеет седую бороду,— казалось, что это вата, случайно прилипшая к его черному подбородку. Здесь преобладали женщины. Несмотря на темный цвет кожи, они были недурны собою. Под цветистой ламбой, накинутой на плечи, чувствовалась стройность фигуры с высокой грудью, с тонкой талией. Серьгами они украшали не только уши, но и ноздри, а на босых ногах сверкали дешевые металлические браслеты. Волосы на открытой голове, заплетенные в тонкие косички, торчали в разные стороны, и от них пахло прогорклым кокосовым

маслом. Почти у каждого домика под навесом можно было видеть женщину за работой: изготовляли ткани из волокон рафии, плели корзины, циновки, сумки, шляпы из травы. Некоторые от колодца несли на голове воду в расписных глиняных сосудах, подобных греческим амфорам. Тут же расхаживали куры, утки и небольшие черные китайской породы свиньи с поросятами.

Васильев рассказывал нам о жизни населения Мадагаскара и соседних островов:

— Здесь иногда управляют королевы. За кого она выходит замуж, тот становится первым министром. Потом он начинает ворочать всеми государственными делами. Но если он обращается со своими ближайшими помощниками очень плохо, то ничего не стоит подсыпать ему в пищу яду. Придворные интриги у туземцев играют, как и у европейцев, большую роль.

Кто-то из матросов спросил у инженера насчет религии.

— А разве не видели католическую церковь? Значит, и религия такая. Колонии образуются так: сначала захватывают ту или иную местность войска, а вслед за ними прибывают туда купцы и попы. Словно близкие родственники, попы и купцы всегда уживаются вместе. А все эти три категории, взятые вместе, представляют собою кишку, которая протянулась от метрополии к далекой колонии и высасывает из последней богатства. В результате у туземцев — страшная бедность, а у европейцев — каменные дома. Кстати, здесь всем жителям велено стать христианами. Они должны строго соблюдать все праздники и христианские обряды. За нарушение таких правил угрожает бесчестие. В наказание могут заставить носить камни с места на место или ходить по улицам на четвереньках...

Инженер Васильев говорил только о жизни туземцев, но у него, по-видимому, была цель, чтобы вообще возбудить в нас протест против религии и капитализма.

— Любопытнее всего,— продолжал он,— как приводится здесь в исполнение смертная казнь. Бедняков просто пришибают где-нибудь в темном углу, и больше никаких. Совсем иные меры применяют к богатым или знатным людям, обреченным на смерть. Такого человека сначала приглашают на банкет. Он ест и пьет наравне

со всеми. А затем ему предъявляют роковую чашу с ядом. Перед тем как опорожнить ее, он должен приветствовать короля или королеву. Некоторых заставляют увязнуть в болоте или сжигают на костре. Иногда осужденного из знатных людей подводят к железному колу и предлагают ему добровольно сесть на острие. Одним словом, проливать насильственно кровь благородных не полагается. Такая милость в отношении их говорит только о великодушии главного представителя власти...

— Вот так великодушие королевское! — воскликнул боцман Воеводин.

— Во всех государствах они одинаковые,— сквозь зубы произнес гальванер Голубев.

— Кто одинаковые? — спросил доктор.

— Короли и королевы, ваше высокоблагородие. Все они милостивые и великодушные.

Доктор, улыбаясь, молча похлопал по плечу Голубева.

Мы остановились около одного домика, который был богаче других. Он принадлежал индусам. Под раскидистым деревом, в голубоватой тени, молодая женщина толкла в деревянной ступе рис. Все платье ее состояло из одного большого, как простыня, платка, разрисованного в красные и желтые цвета. Этот платок заменял ей юбку, обтягивая нижнюю часть тела, а затем, перекинутый наискось через одно плечо и прикрепленный сзади на бедрах, прикрывал грудь и часть спины. Босые ноги, обнаженные чуть выше колен, были изящной формы. Маленькая голова со смоляными волосами, завернутыми в греческий узел, держалась гордо на круглой тонкой шее, которую облегали красные, как выступившие капли крови, коралловые ожерелья. Откуда она появилась здесь, эта женщина с таким правильно очерченным лицом, с прямым тонким носом, с нежной кожей кофейного цвета? Глаза ее в густых ресницах, как два черных блестящих озерка в камышах, смотрели на нас таинственно, словно из иного мира. Глядя на нас, она заулыбалась слишком смело и, продолжая работу, дразняще изгибала свою талию, словно совершала брачный танец. Это не от неба, а от нее дохнуло на нас жаром, и мы остолбенели. Боцман Воеводин, сытый и сильный, подкручивая золотистые усы, воззрился на нее с таким вож-

делением, что у него на висках вздулись узлы вен. Гальванер Голубев счел нужным предупредить его:

— Зажмурься, боцман, а то в обморок упадешь.

— Пойдемте дальше,— словно очнувшись от забытья, пробормотал перехваченным голосом Воеводин.

Вася-Дрозд, человек порывистый и пламенный, наоборот, побледнел, дышал шумно, раздувая ноздри, и у него за ушами, на шее конвульсивно задергалась кожа.

Мы направились от Хелльвиля в северо-западном направлении, туда, где имеется озеро, населенное крокодилами. По мере продвижения в лес лачуги туземцев становились все реже. Нас сопровождали трое подростков, знающих несколько слов по-французски. Они вели нас по прямой просеке среди леса. Каждое дерево приковывало к себе наше внимание. Теперь пояснял нам больше доктор. В стороне от нас, в низине, обозначилась целая роща искусственно насажденных кокосовых пальм. Мы свернули в нее. Здесь не было ни кустарника, ни подлеска. Вздымались лишь, как у нас в сосновом бору, стрельчатые стволы, вершины которых, рассыпаясь ветвями, похожими на страусовые перья, напоминали зеленые фонтаны. Около сотни орехов отягощали каждое дерево, свисая гроздьями из десяти — пятнадцати штук. Хотелось пить, и мы тут же купили у хозяина плантации несколько кокосовых орехов величиною с детскую голову. Внутри каждого такого ореха, помимо ядра, имелось жидкости, так называемого кокосового молока, около бутылки. Мы с удовольствием утолили свою жажду. Пальмы эти обычно растут у прибрежий, и плоды их, сорвавшись в воду, носятся по волнам теплых морей, перекочевывая иногда за тысячи миль, пока не будут выброшены на пляж. Если почва и климат окажутся подходящими, орех сейчас же пускает корни, питаясь на первое время собственным запасом ядра и влаги, и в неведомом краю начинает вырастать новая роща.

Вышли на просеку и тронулись дальше. Матросы постепенно отставали,— им в городе было интереснее. Нас осталось всего семь человек: мои приятели и доктор с одним пациентом. Вокруг нас, скаля белые зубы, продолжали кружиться три малолетних гида.

Боцман Воеводин, шагая рядом со мной, все вспоминал об индуске и восклицал:

— Ну и женщина, доложу я тебе! Как взглянула полуночными глазами, словно пулями пронзила меня!

Минер Вася-Дрозд, соглашаясь с ним, вздыхал:

— Лучше не говори о ней. Только улыбнулась она — я сразу почувствовал во всем организме возрождение.

Лес густел, проявляя тропическую полноту жизни, и все было здесь для нас ново. Ласкали глаза тамаринды, эти прекраснейшие деревья, под сенью которых начальники сакалавов строят свои жилища. Попадались саговые пальмы, затем рафии с толстыми и коренастыми стволами, с тяжелыми гроздьями плодов. А вот исполинский банан, или, как его называют, «дерево путешественников», распростер свои листья наподобие широкого опахала; в раструбах его черенков человек может найти воду для питья. Стройный пирамидальный лес обдал нас запахом гвоздики. Сейчас же представилось другое: нетолстый ствол, а на нем будто надета шляпа из пурпурно-оранжевых цветов, развернувшихся под солнцем во всем своем огненном великолепии. Долго любовались хлебным деревом; плоды его величиною с тыкву крепились посредством коротких стеблей прямо к стволу и свисали, как громадные светло-зеленые мячи.

Свернув с просеки, мы направились по утоптанной тропинке. Вышли на поляну, а с нее открылся вид на океанский простор. Взгляды наши были устремлены на коралловые атоллы, обрамленные перистой бахромой кокосовых пальм. Казалось, что эти пальмы поднялись прямо из океана и плывут по его сверкающей поверхности. У подножия их, несмотря на затишье, играли пенистые буруны, вскидываясь, как лохматые белые медведи. Солнце стояло уже высоко. Горячие лучи, как тончайшие раскаленные иглы, проникали под кожу, испаряли из нас влагу, сжигали ткани и нервы.

Чем дальше подвигались мы, тем сильнее поражались богатством дикого южного мира. Ну как можно было не задержаться у гуттаперчевого дерева? Оно имело свои особенности, постепенно спуская с ветвей корни и вонзая их в почву. Корни эти утолщались и крепли и со временем превращались в самостоятельные стволы. Так образовалась многочисленная колоннада, принадлежащая одному дереву, а над ним простирался широкий лиственный свод, под которым могла бы разместиться це-

лая рота матросов. Местами встречались такие густые чащи, что нельзя было свернуть с тропинки в сторону. Земля была тучная и жирная от перегноя, и на ней не оставалось пустого места. Промежутки между крупными стволами заросли подлеском, всякого рода кустарником, кружевным папоротником. И все это было опутано в диком беспорядке лианами, ползучими деревянистыми растениями, осыпанными то красными, то бледно-фиолетовыми цветами. Лианы, извиваясь, обкручивали деревья, как удавы, поднимались до их вершин, потом свисали вниз в виде спиралей, пока не зацеплялись, раскачиваемые ветром, за сучок другого ствола. Некоторые из них, голые и эластичные, словно корабельные пеньковые канаты, протянулись наверху в разных направлениях — и горизонтально и вкось; другие свалились к подножию своей опоры и беспомощно лежали, свернутые в кольцо. Это сплошное сплетение делало лес непроходимым. Создавалось впечатление, что вся эта экзотическая мощь растительности в погоне за светом смешалась и переплелась между собою, душила друг друга.

Доктор объяснил нам:

— Если лиану вытянуть в одну линию, то длина ее может равняться полутора кабельтовым.

Инженер Васильев, показывая на толстое засохшее дерево, вершина которого облеклась в пурпур живых цветов, сказал:

— Посмотрите! Это лиана своими убийственными объятиями задушила лесного исполина, чтобы самой расцвести под солнцем. Как всякое ничтожество, она из мрака ползком вылезла на свет и поднялась на недосягаемую высоту. Замечательный образ паразита.

— И среди людей так бывает,— промолвил Голубев.

Внизу царил зеленоватый полусумрак, но чувствовалось, как с неба, проникая сквозь массу причудливой листвы, льется живой огонь. Наши легкие наполнялись горячим и влажным воздухом, полным ароматом цветов и ядовитой прелью погибших растений. Мы были так мокры от собственного пота, словно только что искупались, не снимая с себя платья. Какую живую тварь скрывали такие дебри? Мы видели лишь несколько пород птиц, поющих и перепархивающих среди ветвей. Местные дятлы, попугаи и другие в противоположность нашим

птицам отличались яркими красками оперения. Но ничто нас так не восхищало, как крошечные колибри, сверкавшие в воздухе, словно драгоценные камни. Когда какая-нибудь из них усаживалась на цветок, чтобы схватить насекомое, то нельзя было оторвать от нее глаз,— самая усовершенствованная по форме, она дрожала блеском сапфира и рубина, лучилась каплями чистого золота и бисером алмаза. Спугивали мы лемуров с пушистым хвостом, замечательных тем, что они могут перебрасываться с одного дерева на другое с неподражаемой ловкостью акробатов. Держали в руках хамелеонов, этих мордастых ящериц, моментально окрашивающихся под любой цвет среды. Ничего другого не было, но все время ждешь, что из непроходимой чащи джунглей вот-вот покажется какое-нибудь необыкновенное чудовище. Одни из нас восклицали от восторга, другие смотрели по сторонам молча, а в общем, все одинаково были изумлены тем, как все здесь, пользуясь богатством солнечных лучей, размножается, разрастается и безумствует в избытке первобытно-дикой силы.

Внезапно открылась перед нами круглая глубокая котловина древнего вулканического кратера. Это было то самое озеро, к которому мы шли. В окружности оно имело не менее двадцати верст. Мы остановились на большой высоте и, глядя вниз, долго любовались неподвижной бирюзой водной поверхности. Берега, заключая озеро в круглую раму зелени, густо, местами непролазно, заросли камышами, кустарниками и крупными деревьями. Увидели слева долину и направились туда, постепенно спускаясь вниз по густой траве. Там извивалась речка, то прячась в тени лесистых берегов, то снова выкатываясь на простор, под сияние неба, чтобы засверкать серебристой рябью. По словам сопровождавших нас сакалавских ребят, вот здесь-то, ближе к речке, и водились главным образом крокодилы, представляющие собою символы ужаса тропических лагун и озер. Мы остановились почти у самого берега и прислушались. Молчали все птицы, утомленные жарой. Ни одного звука не было вблизи. Казалось, что вся природа насторожилась в страхе перед могучей силой немилосердного солнца. Это зловещее соединение предательского безмолвия с ослепительным блеском тревожило воображение.

Но где же, однако, крокодилы? И вдруг заметили, как по гладкой поверхности воды движется треугольник из трех точек, они возвышались над глазами и над пастью отвратительного существа.

Доктор промолвил в раздумье:

— Хотелось бы проникнуть в самую душу этого гада. Какова сущность ее? Ведь несомненно, что под сплющенными чашками черепа у него вместе с жестокостью уживаются и трусость, и хитрость, и отвага, и своего рода любовь.

Ему никто ничего не ответил.

Еще один крокодил, в полторы сажени длиною, недалеко от нас вылез на отмель и улегся, напоминая собою грязный, сгнивший чурбан с заостренным концом. Он проделал это нехотя и с такой меланхолией, словно сам был огорчен собственным уродством. Мы начали кричать, бросать палки в воду, вызывая этим суеверный страх у ребят. Крокодилы исчезли.

Мы поднялись выше по реке, и некоторые из нас искупались. Обратно возвращались другой дорогой. Когда были ближе к городу, заходили на фруктовые плантации.

Если тропическое солнце создало сок сахарного тростника, жгучие пряности и такое обилие разнообразнейших ароматов, то не менее щедро оно было и в творчестве превосходнейших плодов. Мы достаточно проголодались и с жадностью ели мучнистые и сладкие бананы. С небольших деревьев они свисали светло-желтыми пуками вместе с листьями десятифутовой длины. Раньше о банановом дереве мы знали лишь одно, что из волокон его приготовляется манильский трос, который благодаря своим хорошим качествам употребляется на военных кораблях для буксиров и швартовов,— он мягок, гибок и плавуч. А вот другое дерево красиво раскинуло сучья, опушенные синевато-зелеными ланцетовидными листьями,—это манго. Плоды его, величиною с грушу, ярко-оранжевого цвета, с косточкой в середине, как у персика, показались нам необыкновенно вкусными. Попробовали мы и аноны, зеленочешуйчатые фрукты с таким содержанием внутри, которое напоминало сбитые сливки с сахаром. А здесь их пожирали свиньи. Восхищались ананасом, как чудеснейшим даром тропиков. Он был похож на большую кедровую шишку весом в два-три

килограмма, с пучком листьев на верхушке. Золотистое мясо его было довольно крепко, но оно обладало такой сладостью, в меру смешанной с кислотой, и таким тонким, ни с чем не сравнимым ароматом, что хотелось разрезать его на тонкие ломтики и жевать медленно, чтобы продлить удовольствие еды. Но ни один из описанных плодов не может соперничать с мангустаном. Недаром его называют «царем фруктов». Инженер Васильев дал о нем интересную историческую справку:

— Когда короновался английский король Эдуард Седьмой, то в Сингапур был послан самый быстроходный крейсер специально за мангустанами. Их набрали десять тысяч. Были приняты все меры к тому, чтобы сохранить их в целости. И все-таки на королевский стол попало их только четыреста штук. Остальные все погибли в пути.

И мы убедились, что мангустанов можно было есть сколько угодно, и все время не будешь ощущать тяжести в желудке. В каждом из них насчитывалось пять-шесть белоснежных зерен, окруженных розовой мякотью. Попробуйте ее, и во рту останется надолго необыкновенный характерный запах фрукта. Казалось, природа потратила самый лучший и драгоценный материал на то, чтобы получились эти ядреножелтые, словно наполненные солнечным соком плоды,— настолько они нежны, вкусны, изысканны и тают во рту, как мороженое.

Ребятишки, награжденные деньгами, с радостью умчались домой. Инженер Васильев и доктор Макаров направились в ресторан «Кафе де Пари», куда нижним чинам вход был запрещен. Мы еще гуляли в городе, который после трех часов наполнился белыми кителями офицеров и синими воротниками матросов. Встречались пьяные. Кое-где слышались разухабистые русские песни, перебиваемые бранью, крепкой и сложной, как морские узлы в снастях. Удалось нам повидаться и поговорить с товарищами с других судов. Как жаль было, что так скоро истекало наше время. На рейде виднелась эскадра, напоминая, что наша судьба неразрывно связана с нею. В шестом часу вечера, отравленные мимолетной свободой, красотой экзотики, ласковыми улыбками женщин и мутью алкоголя, мы возвращались на броненосец «Орел», чтобы дальше испытать на нем всю горечь свое-

го обреченного существования. Не лучше ли было бы, не дожидаясь страшной развязки, теперь же разбить голову о камни?

Показавшиеся на западе облака загорались алыми парусами заката, превращая мир в фантастическую сказку.

5. ПРАВДА ВОЛНУЕТ КОМАНДУ

На броненосец «Орел» пришла почта — письма и газеты. Как всегда, все новости, получаемые из России, вносили в личный состав оживление. Но теперь все были заинтересованы статьями капитана 2-го ранга Кладо, напечатанными в «Новом времени». Сначала эти статьи читались только в кают-компании. Много было разговоров о них. Автор среди офицеров стал героем. Мы уже слышали об этом, но подлинно не знали, в чем тут было дело, пока несколько номеров этой газеты не попало нам в руки.

После ужина я спустился в кормовой кубрик. Народу было много. Все притихли, когда я начал читать статьи Кладо вслух:

— «То решающее значение, которое имеет в этой войне владычество над морем, и, как следствие этого, те горячие упования, которые возлагаются всей Россией на идущую теперь на Дальний Восток эскадру Рожественского, поневоле заставляют всякого задать себе вопрос: можно ли считать успех этой эскадры в бою обеспеченным?

Жутко задавать себе такие вопросы, но надо иметь мужество глядеть правде прямо в глаза, и я постараюсь, насколько это мне доступно, добросовестно ответить на эти вопросы...»

Дальше он раскрывает перед нами, каким флотом владеют японцы, о чем мы до сего времени ничего не знали. Главные силы противника будут состоять из двенадцати кораблей: броненосцы — «Микаса», «Сикисима», «Асахи» и «Фудзи»; броненосные крейсеры — «Ивате», «Идзумо», «Адзума», «Якумо», «Асама», «Токива», «Ниссин» и «Кассуга». Затем у них имеются еще два старых броненосца, из которых один, «Чин-Иен», вооружен четырьмя, хотя старыми, но двенадцатидюймовыми ору-

диями. Кроме того, их главным силам будут помогать двенадцать или пятнадцать бронепалубных крейсеров первого и второго класса. Все эти суда имеют хороший ход и вооружены вполне современной артиллерией. К ним нужно еще прибавить десятка полтора канонерок. Насчет минной флотилии противника Кладо предупреждает, что в высшей степени было бы неосторожно считать ее меньше чем пятьдесят — шестьдесят миноносцев различных типов.

Главные силы нашей эскадры состояли из пяти совершенно новых броненосцев: «Суворов», «Александр III», «Бородино», «Орел» и «Ослябя». С ними были еще два броненосца: «Сисой Великий», хотя и пожилой, но вооруженный современной артиллерией, и «Наварин», совсем уже старый и со старыми пушками. Броненосных крейсеров, кроме одного «Адмирала Нахимова», достаточно древнего и с устарелой артиллерией, у нас не было. Лишь один «Олег» принадлежал к хорошим крейсерам, но и тот был только полуброненосным. Затем в нашу эскадру входили пять бронепалубных крейсеров первого и второго ранга, считая в том числе и такое устарелое судно, как «Дмитрий Донской». Таковы были наши силы, если не иметь еще в виду около десятка миноносцев.

Как видно из этого, перевес на стороне противника в предстоящем сражении будет большой. Кладо, прибегая к сравнению боевых коэффициентов того и другого флота, приходит к выводу, что на море японцы сильнее нас в 1,8, то есть почти в два раза. Когда я вслух прочитал такие строки, то один из слушателей произнес:

— Пропадать нам!

В кормовом кубрике сразу все заволновались.

Загорячился гальванер Голубев, выкрикивая:

— Ведь Кладо сравнивает только броненосные корабли, и то выходит для нас плачевно. А если взять другие японские суда и минную их флотилию, что получится? Перевес на их стороне будет еще больше...

Его перебил кочегар Бакланов:

— Подождите, я вам один примерчик приведу. В селе у нас был подходящий для нас случай. Три брата

Лупигоревых начали враждовать с тремя братьями Лохмотниковыми. Силы на той и другой стороне, можно сказать, были равные. Дальше-подальше. Лупигоревы полезли в дом своих врагов драться. Но в этом-то и была их ошибка. За братьев Лохмотниковых заступились их жены и дети-подростки. Хоть небольшая подмога, а все-таки она пригодилась: кто за волосы тянет, кто ухватом лупцует, кто в морду поленом тычет. Словом, кончилось для Лупигоревых очень плохо — разнесли их вдребезги. Еще хуже будет с нашей эскадрой. Главные наши силы слабее японских, и все-таки мы лезем в чужой дом сражаться. Вместо жен и детей им будут помогать разные вспомогательные суда и миноносцы. Можем мы уцелеть? Об этом Кладо ничего не пишет.

— Выходит, что мы все кандидаты на тот свет,— отозвался чей-то голос.

Машинный квартирмейстер Громов, высокий и широколицый человек, печально вставил:

— Надо написать домой, чтобы заранее заказали обо мне панихиду.

Я продолжал читать статьи Кладо. Ему нельзя было не поверить. Его доказательства казались нам чрезвычайно логичными и неопровержимыми. В этих статьях, как выяснилось теперь, он еще в ноябре предсказывал, что едва ли к нашему приходу на Дальний Восток удержится Порт-Артур. Мало того, он предупреждал и относительно того, что на помощь 1-й эскадры мы не должны рассчитывать. А теперь все это сбылось: нет у нас больше ни Порт-Артура, ни 1-й эскадры. С безнадежностью он говорит о владивостокском отряде крейсеров — «Громобое» и «России». По мнению Кладо, им трудно будет с нами соединиться и оказать нам во время схватки помощь. Значит, он и здесь окажется прав.

Голос Кладо, докатившийся до Носси-Бэ, за двенадцать тысяч морских миль, прозвучал для нас набатом, предупреждая о наступающем бедствии*. На что мы могли надеяться? Отряд контр-адмирала Небогатова, который, вероятно, уже вышел к нам на соединение, нельзя было рассматривать как серьезную силу.

Пришлось опять мне обратиться к инженеру Васильеву за разъяснением. Он все знает. Дня через два я от-

правился к нему в каюту обменять книгу. Я рассказал ему, какое сильное впечатление произвели на матросов статьи Кладо.

— Сейчас только об этом и говорят во всех частях корабля: в кочегарке, в машине, за двойным бортом, в минных отделениях, на баке. Газеты зачитали до того, что трудно стало разбирать текст. Некоторые из команды переписывают себе статьи в тетради. Возбуждение среди массы растет. Кладо считают чуть ли не революционером. Он не побоялся сказать правду и за это был арестован...

Васильев, выслушав меня, заговорил:

— Наши офицеры тоже от него в восторге. Он показал все трудности победы над Японией. А это значит, что с начальства снимается ответственность в случае нашего проигрыша. Кладо и настоящее и будущее подверг беспощадной критике. Это хорошо. Но мы все-таки подождем другого критика, еще более смелого, такого, который поднимется и над Кладо. Уж если взялись критиковать, то надо это делать по-настоящему и добираться до самых корней нашего социального строя. Он оценил нашу эскадру единицей, а японский флот — одна и восемь десятых. Иначе говоря, противник сильнее нас на море почти в два раза. Чтобы победить японцев, Кладо советует двинуть на Дальний Восток все старье Балтики и посудины Черного моря. Но разве таким пополнением нашей эскадры мы достигнем равенства с японцами? Нет. Но если бы даже и сравнялись обе стороны морскими силами, это еще не обеспечивало бы в полной мере нас от опасности. Кладо, подсчитывая боевые коэффициенты, не принял во внимание еще целый ряд обстоятельств. Японский флот обеспечен портами, доками, мастерскими, складами. А у нас имеется единственный порт — Владивосток, но и тот необорудованный и жалкий. Надо иметь еще в виду то, что противник за эту войну успел приобрести опыт и воодушевлен одержанными победами. А что мы противопоставим этому? Нашу военную неподготовленность, тупость и бездарность главного командования, вызвавших даже в офицерстве сомнение в своих силах. Вспомните всю безалаберщину в бою с гулльскими рыбаками...

— Очень хорошо помню,— вставил я.— По-моему,

тогда же всю эскадру нужно было бы вернуть обратно и скорее заключить мир.

— Но, как видите, этого не было сделано, и мы идем дальше. Природа обидела наших заправил разумом. Теперь допустим, что мы победим. Что из этого последует потом? Надо будет продолжать уже начатую восточную политику... Придется восстанавливать из-под развалин железную дорогу, крепость, порт. Потребуется содержать на краю света громадный флот и внушительную армию. Затем нам не обойтись без угольных станций. На все это нужны будут народные средства. Ведь восточная политика будет осуществляться за счет насилия над жизнью ста пятидесяти миллионов народа. Заглянем еще дальше в будущее. Внешний враг укрощен. Тогда победоносное правительство припомнит коечто и внутреннему врагу. И опять заживем постарому. Будем проводить мировую политику, либералов угощать призраками реформ, а революционеров — каторгой и пулями. Словом, полная беспросветность впереди.

От беседы с ним мне стало более грустно, чем от статей, прочитанных в газете. Кладо уже не казался мне крупным человеком. Васильев заметил мое отчаяние и воскликнул:

— Ничего, друг! Все пойдет по-иному.— Он переменил тему разговора.— Вот у меня в углу висит икона с изображением Николая-угодника. А вы знаете, откуда она мне досталась?

— Рабочие подарили ее вам, когда мы еще стояли в Ревеле. Они хотели написать вам благодарственную грамоту, но побоялись это сделать: и вас могли бы подвести и себя.

— Я все-таки обрадовался такому подарку, хотя и не верю в чудодейственную силу его. У меня есть свой пророк.

С последними словами он залез на стол, достал из-за иконы увесистую книгу и показал ее мне. Я с удивлением прочитал название книги: «Капитал» Карла Маркса.

Меня не прельщали ни офицерские чины, ни ордена, ни богатства. Я хорошо знал, что все это достается людям, не обязательно даровитым и честным. Но мне до болезненной страстности хотелось быть таким же умным

и просвещенным человеком, каким представлялся в моих глазах Васильев, хотелось так же, как он, находясь даже на военном корабле, читать Маркса и гениальные произведения других мыслителей, так же, как он, свободно разбираться во всей путанице житейской чертовщины.

Васильев, взвешивая на руке тяжелый том, засмеялся:

— Уживаются вместе хорошо, не скандалят.

— Выходит, что Николай-угодник угождает разоблачителю всех святых и даже прикрывает его собой?

— Да.

В дверь постучали. Васильев мгновенно сунул Маркса под подушку и крикнул:

— Войдите!

Когда через порог вошел лейтенант Вредный, я уже стоял, вытянув руки по швам.

Васильев строго наказал мне:

— Значит, по три чарки отпустишь двум машинистам за мой счет. Можешь идти.

Я сделал поворот по всем правилам военного человека и вышел.

Как отзвук на статьи Кладо, которые многим открыли глаза на безнадежное наше положение, произошли недоразумения на крейсере 1-го ранга «Адмирал Нахимов». Дело было так. В то время как на многих больших кораблях почти каждый день выпекали свежий хлеб или, если не было соответствующих печей, добывали его с берега, нахимовская команда крейсера вынуждена была удовлетворяться полугнилыми сухарями. Не только во время похода, но и на якорной стоянке ей не выдавали хлеба. Матросы, недовольные этим, роптали между собой. Из начальства никто не обращал на них внимания. Так продолжалось до 10 января, пока кто-то из машинистов не поставил ребром вопроса:

— Вот теперь ясно стало, что умирать идем. А нас кормят червивыми сухарями. Люди мы или собаки?

Другие подхватили:

— Хороший хозяин собак лучше кормит.

— Сегодня же потребуем свежий хлеб. Точка!

И на корабле, во всех его отделениях, среди нижних чинов начался шепот. Если бы начальство было наблюдательнее, то оно заметило бы у своих подчиненных пе-

ремену в настроении: загадочнее стали лица со стиснутыми челюстями, в глазах отражалась враждебность. А вечером все выданные на руки сухари полетели за борт. После молитвы, несмотря на приказание вахтенного начальника разойтись, матросы остались на месте, выстроенные повахтенно на верхней палубе, вдоль обоих бортов крейсера. В наступившей темноте два фронта были похожи на два неподвижных барьера. Такое непослушание скопом проявилось впервые за все время плавания. Офицеры этим были крайне удивлены, тем более что многие из команды были гвардейского экипажа, самые дисциплинированные и самые надежные матросы. Теперь уже сам старший офицер возвысил голос, приказывая команде разойтись. И опять несколько секунд длилось жуткое молчание, точно люди все оглохли. Наконец из заднего ряда первой вахты, издалека, как громовой рокот приближающейся грозы, басисто прозвучало:

— Свежего хлеба нам давайте!

И сразу же ночная тишина взорвалась дикими криками, воплями, руганью.

Осветили палубу. Перед фронтом появился командир судна, капитан 1-го ранга Родионов. Он взглянул на одну вахту и на другую, сутулый, небольшого роста, с круглой седеющей бородой. Потом прошамкал провалившимся ртом:

— Вы что же это, братцы, бунтовать вздумали, а?

Этот вопрос был задан с таким безразличием в голосе, что команда на момент растерялась и замолчала, но сейчас же опять зашумела, требуя хлеба. Командир пытался еще что-то сказать, но его никто уже не слушал. Тогда он прошелся несколько раз вдоль палубы, равнодушно поглядывая то на один фронт, то на другой, словно обдумывая, как укротить ярость своих подчиненных. Они вышли из повиновения, они орали на весь рейд, едва удерживаясь, чтобы не броситься на офицеров с кулаками. Теперь малейшая ошибка с его стороны может кончиться смертью для всего начальствующего состава. Он приказал отсчитать с фланга десяток матросов и переписать их фамилии. После этого им скомандовали:

— Шаг вперед — арш!

Маневр, рассчитанный на психологию людей, достиг своей цели. Отсчитанный десяток людей дрогнул и вы-

полнил команду. А дальше, оторвавшись от массы только на один аршин, они стали послушны, как автоматы, и ничего уже не стоило заставить их повернуться в сторону и направить в носовую часть судна. Так же поступили со вторым десятком, с третьим. Остальные, постепенно замолкая, сначала заинтересовались, что делается на фланге, а потом, увидев, что дело их проиграно, сами разошлись, повалив гурьбой за койками. В движении людей была такая торопливость, как будто они хотели наверстать даром потерянное время.

На второй день впервые прибыл на крейсер адмирал Рожественский. Весь экипаж был выстроен повахтенно на верхней палубе. Ждали, что он будет опрашивать претензии и начнет разбираться в происшедшем событии, а от него услышали другое:

— Я знал, что команда здесь сволочь, но такой сволочи я не ожидал!

Он произнес это с таким ревом, что у него перехватило горло. Лицо его вдруг посинело. Он быстро повернулся, спустился по трапу и, усевшись на паровой катер, направился к своему броненосцу. Получилось впечатление, как будто он приезжал только затем, чтобы произнести эту единственную и никогда не забываемую фразу.

Затем появился приказ адмирала Рожественского от 12 января за № 34. У нас на «Орле» он был оглашен перед вечерней молитвой на шканцах, куда были собраны все матросы. Старший офицер Сидоров, покрутив седые грозные усы, начал читать:

— «В команде крейсера первого ранга «Адмирал Нахимов» среди честных слуг царских завелись холуи японские, сеющие смуту между несмысленными и прячущиеся за спины их.

Холуи эти будут найдены и будут наказаны по всей строгости закона. А пока их не найдут, ротные командиры (в приказе перечисляются фамилии четырех лейтенантов) арестовываются домашним арестом с исполнением служебных обязанностей, а фельдфебели (тоже все четверо названы по фамилиям) смещаются на оклад содержания матросов второй статьи с 1-го сего января».

После молитвы, когда расходились за койками, слышался говор среди матросов:

— Теперь найдут виновников.

— Еще бы! Ведь не захочется ротным командирам сидеть под арестом. Они постараются найти. И фельдфебели им помогут.

— Лишь бы указать на несколько человек, а виновны они или нет — это неважно.

— А при чем тут холуи японские?

— Сам он царский холуй!

На клотиках флагманского корабля вспыхивали огни световых сигналов.

6. ПРОВЕРЯЕМ БОЕВУЮ ПОДГОТОВКУ

Начался период тропических дождей. Голубая высь при этом лишь иногда затягивалась сплошным серым покровом, сеющим мелкую водяную пыль. В большинстве же случаев по небесной пустыне плыли иссиня-белесые облачка, между которыми почти не переставало светить солнце. Казалось, что каждое такое облачко было размером не больше шапки, но из него, как из опрокинутого чана, обрушивался на нас теплый ливень. Получалось впечатление, как будто сам воздух превращался в воду. Так повторялось через каждые десять — пятнадцать минут. Дождь начинался внезапно, как и внезапно обрывался, словно кто в небе закрывал клапан, а потом, пронизанный лучами, уходил от нас, падая в море и на острова золотой пряжей. Разрозненными осколками сияла радуга.

Судам эскадры было приказано собирать дождевую воду. Для этого приспособили раскинутые над палубой широченные тенты, сделав в них стоки. С них сливались потоки в шлюпки и специально приготовленные парусиновые цистерны.

Было сыро, жарко и душно.

На пароходе «Espérance» испортились рефрижераторные машины. Мы были уверены,— тут дело не обошлось без вредительства со стороны французской команды, которой не хотелось вместе с нами подвергаться опасности. Хранившееся в трюмах замороженное мясо, оттаивая, начинало протухать. Далеко в море его выкидывали за борт. Но туши, прибиваемые ветром и волною, приблизились к самой бухте, распространяя вокруг отвратительное зловоние.

Еще неделю тому назад, когда наши корабли, нагрузившись всеми припасами, уже собрались было продолжать свой путь дальше, германские угольщики Гамбург-американской линии неожиданно отказались сопровождать эскадру. Причиною было то, что японцы считали их действия нарушением нейтралитета и угрожали топить в море угольные транспорты. Завязалась спешная телеграфная переписка с Петербургом.

Такое обстоятельство вызвало у матросов смутные надежды. На баке можно было услышать:

— Чем-то все это кончится?

— Если немецкие угольщики откажутся с нами идти, то и нам придется возвращаться в Россию.

— Конечно, без топлива, как без ног, никуда не пойдешь.

Кто-нибудь из более трезвых людей тут же зловеще вставлял:

— Бешеный адмирал ни перед чем не остановится.

Но ему горячо возражали:

— А вдруг и его мозг прояснится, как море после тумана? Разве так не бывает?

— Бывает, что и акула «Отче наш» поет, но только сам я ни разу не слыхал.

Переговоры нашего морского министерства с компанией Гамбург-американской линии затянулись. Только в феврале было все улажено. Под давлением своего правительства германские угольщики согласились сопровождать эскадру дальше и обещали снабжать нас топливом даже по восточную сторону Малаккского пролива.

Можно было бы уже расстаться с Носси-Бэ и двинуться вперед, но здесь выявилось другое препятствие. Морское министерство задним числом спохватилось, что эскадру в таком составе рискованно посылать дальше Мадагаскара. Командующий получил предписание ждать присоединения отряда Небогатова. У нас на «Орле» многих интересовало, как к этой вынужденной задержке эскадры относится сам Рожественский. Порывался ли он действительно скорей идти дальше или втайне рассчитывал, что она послана только для демонстрации и будет возвращена обратно с пути? Так или иначе, но, по-видимому, в душе у него происходил тяжелый разлад. По

слухам, исходящим с флагманского корабля, Рожественский в это время так нервничал и злился, что разбил у себя в салоне кресло. В течение нескольких дней никто из его штаба не решался войти к нему с докладом. Перешагнуть порог его каюты в такое время, когда он кипел в припадке гнева, было равносильно тому, как войти в клетку тигра. Но тигра можно хоть укротить пистолетом или железной палкой, а кто посмеет одернуть буйствующего сатрапа, облеченного почти неограниченной властью? Эскадра все-таки задержалась в Носси-Бэ до получения дальнейших распоряжений из Петербурга — задержалась, по-видимому, надолго. Среди личного состава еще больше стала утверждаться мысль, что нас могут вернуть обратно.

Ни одного дня не проходило без тяжелых работ: грузились углем, чистили котлы, перебирали механизмы, производили ремонты. Наряду с этим начались усиленные учения: артиллерийские, минные, отражение атак миноносцев, постановка мин заграждения, пожарные и боевые тревоги, освещение прожекторами. Несколько раз в разные числа выходили в море для практических стрельб и маневрирования.

Первая стрельба происходила 13 января. Только «Сисой Великий», у которого что-то неладно было с машинами, остался на месте. Остальные же броненосцы и крейсеры в количестве десяти вымпелов ранним утром снялись с якоря. А когда вышли на морской простор, «Александр III», «Орел», «Наварин» и «Нахимов» спустили за борт пирамидальные щиты. Эскадра, идя кильватерной колонной, стала огибать щиты, имея их в центре дуги.

Погода была тихая.

«Ослябя» открыл пристрелку, показал сигналом расстояние. После этого и остальные суда стали стрелять по щитам. Я не знаю, как происходило на других кораблях, но у нас на броненосце управляли огнем из боевой рубки, давая время выстрела, направление цели и поправку целика. Меняя курс, мы то приближались к щитам до шести кабельтовых, то снова увеличивали расстояние. Не считая выстрелов из средней и мелкой артиллерии, «Орел» выпустил по два практических снаряда из двенадцатидюймовых орудий.

Стрельба получалась плачевная. Да она и не могла

быть лучше. Комендоры наши не имели настоящей тренировки ни с орудиями, ни с оптическими прицелами. Дальномеры системы Барра и Струда были выписаны из Англии и установлены на судах уже во время войны. Их было всего только по два на каждом корабле. Матросы-дальномерщики не научились с ними обращаться. Я сам на этот раз слышал на «Орле», как два дальномерщика, определяя расстояние до одного и того же щита, передавали различные результаты.

— До неприятеля двадцать кабельтовых! — выкрикивал один из них.

— До неприятеля двадцать восемь кабельтовых! — возвещал другой.

При такой большой разнице в наблюдении выпущенные снаряды, описывая траекторию, делали либо недолет, либо перелет, но не попадали в цель.

В других случаях было еще хуже. В правой кормовой шестидюймовой башне на циферблате было показано расстояние одиннадцать кабельтовых. Командир башни, руководствуясь таким указанием, поставил орудия на соответствующий угол возвышения и открыл огонь. А на самом деле до щита было двадцать четыре кабельтовых. Левая носовая башня, приступая к действию, сразу же лишилась подачи, и в нее таскали снаряды из правой башни. Кроме того, очень волновались комендоры. Один из них, например, целился сорок минут, но так и не сделал выстрела. Затем приказания, исходившие из боевой рубки, выполнялись с большим опозданием, так как в башнях всегда было что-либо не готово. В общем, выяснилось, что в боевом отношении мы совершенно никуда не годимся.

Вечером, возвращаясь на якорную стоянку в Носси-Бэ, я смотрел на командира, на старшего артиллериста и на других офицеров. У них был такой подавленный и виноватый вид, как будто их только что оттрепали за уши. «Орел» не представлял собою исключения: оскандалилась вся эскадра, не умея ни стрелять, ни управляться.

По поводу этого выхода в море вот что писал Рожественский на второй день в своем приказе № 42:

«Вчерашняя съемка с якоря броненосцев и крейсеров показала, что четырехмесячное соединенное плавание не принесло должных плодов.

Снимались около часа, потому что на «Суворове» не действовал шпиль, обросший грязью и оборжавевший.

Но и за целый час десять кораблей не успели занять своих мест при самом малом ходе головного.

С утра все были предупреждены, что около полудня будет сигнал — повернуть всем на восемь румбов и в строе фронта застопорить машины для спуска щитов.

Тем не менее все командиры растерялись и вместо фронта изобразили скопище посторонних друг другу кораблей.

Особенно резко выделялось в первом отряде невнимание командиров «Бородино» и «Орел».

Второй отряд из трех кораблей попал только одним «Наварином» на траверз «Суворова», и то на минуту. «Ослябя» и «Нахимов» плавали каждый порознь. Крейсеры даже и не пытались строиться, «Донской» был на милю позади прочих.

Призванные снова в кильватерную колонну для стрельбы, корабли растянулись так, что от «Суворова» до «Донского» было пятьдесят пять кабельтовых.

Разумеется, пристрелка одного из кораблей, даже среднего, не могла служить на пользу такой растянутой колонне...

Если через четыре месяца совместного плавания мы не научились верить друг другу, то едва ли научимся и к тому времени, когда бог даст встретиться с неприятелем.

Вчерашняя эскадренная стрельба велась в высшей степени вяло и, к глубокому сожалению, обнаружила, что ни один корабль, за исключением «Авроры», не отнесся серьезно к урокам управления при исполнении учений по планам.

Ценные двенадцатидюймовые снаряды бросались без всякого соображения с результатами попадания разных калибров: иногда через несколько минут полного молчания раздавался выстрел из двенадцатидюймовой пушки, а за эти несколько минут крупно изменились и расстояние до цели, и курсовой угол, и положение относительно ветра. Какими же пристрелочными данными руководствовался управляющий артиллерией, выпуская ценные снаряды так, наудалую?

Стрельба из 75-миллиметровых пушек была также

очень плоха; видно, на учениях наводка по оптическим прицелам практиковалась «примерно», поверх труб. О стрельбе из 47-миллиметровых орудий, изображающей отражение минной атаки, стыдно и упомянуть; мы каждую ночь ставим для этой цели людей к орудиям, а днем всею эскадрой не сделали ни одной дырки в щитах, изображающих миноносцы, хотя эти щиты отличались от японских миноносцев в нашу пользу тем, что были неподвижны...»

Этот приказ, из которого я взял только выдержки, вызвал разговоры среди офицеров. На переднем мостике встретились два лейтенанта: Павлинов и Гирс. Первый сказал:

— Собственно говоря, кто тут виноват, если не сам адмирал? Он снаряжал эскадру. Все наши боевые недочеты можно было видеть уже тогда, когда мы еще стояли в Ревеле. Зачем же понесла нас нелегкая к черту в лапы?

Лейтенант Гирс, соглашаясь с ним, добавил:

— Командующий дорожит каждым снарядом. Но хуже будет, если все наши боевые запасы вместе с кораблями пойдут на дно моря.

— Ну и этот жук хорош, адмирал Бирилев. Сплавил нас и доволен. Еще награду за нас получит. А не позаботился выслать с каким-нибудь транспортом запасы снарядов для практической стрельбы.

— Виновато и морское министерство и еще кое-кто.

— Ведь нужно быть безголовым, чтобы такую эскадру посылать на войну.

18 и 19 января опять выходили в море для той же цели. Кроме «Жемчуга», миноносцев и транспортов, оставшихся на месте, сняли с якоря пятнадцать кораблей: «Суворов», «Александр III», «Бородино», «Орел», «Ослябя», «Наварин», «Сисой Великий», «Нахимов», «Аврора», «Донской», «Алмаз», «Светлана», «Урал», «Терек» и «Кубань». Последние четыре судна не принимали участия в стрельбе, а удалялись от нас на горизонт, выполняя роль сторожевой службы.

Эскадра и в эти два дня проявила себя с отрицательной стороны. Плохо выполнялись эволюции. Не удавались простейшие повороты, а когда корабли переходили в строй фронта, то они напоминали новобранцев,

не имеющих понятия о самых элементарных захождениях. Не лучше было и со стрельбой. Мало того, чуть было не натворили бед. Один снаряд упал около самого борта «Донского», а другой пробил ему мостик, снес две стойки и сделал выбоину в палубе. Чугунный шестидюймовый снаряд был практический, поэтому не разорвался, и дело обошлось без жертв. Это влепил «Донскому» флагманский броненосец «Суворов».

Рожественский в приказе № 50 опять бичевал свою эскадру:

«В расходовании снарядов крупных калибров замечается все та же непозволительная неосмотрительность...

Скорость же стрельбы 18 и 19 января была еще меньше, чем 13 января...»

Следующий выход в море был спустя шесть дней. Нас сопровождали семь миноносцев. Как на этот раз обстояло дело в смысле учения? В приказе Рожественского от 25 января, № 71, многие не без волнения прочли следующие строки:

«Маневрирование эскадрою 25 сего января было нехорошо.

Простейшие последовательные повороты на два, на три румба при перемене курса эскадры в строе кильватера никому не удавались: одни при этом входили внутрь строя, другие выпадали наружу, хотя море было совершенно покойно и ветер не превосходил трех баллов.

Стрельба из больших орудий 25 января была бесполезным выбрасыванием боевых запасов.

Иные выбрасывали первые два снаряда залпом, а третий через четверть часа, другие клали все три снаряда с огромными и однообразными недолетами иль столь же с упорными перелетами, не меняя прицела...»

Вследствие недостатка боевых запасов на этом закончилась наша практическая стрельба.

Во всех четырех случаях мы спускали с «Орла» один и тот же щит. По нему палили со всей эскадры, пуская в ход крупную, среднюю и мелкую артиллерию. Не оставались без действия и пулеметы. Стреляли и с большого расстояния, и с малого, приближаясь иногда до цели на шесть кабельтовых. Однако щит остался невредим, и когда в последний раз вытащили его на палубу, на нем не оказалось даже ни одной царапины.

Какой вывод можно было отсюда сделать?

Боцман Воеводин изрек:

— Эскадра для нас — это гроб со свечкой.

Кочегар Бакланов добавил:

— По всему видать — схарчат нас акулы.

Теперь мало кто сомневался, что нас посылают на убой. Кого может победить такая эскадра, которая за четыре дня стрельбы не сумела попасть ни одним снарядом в свои собственные щиты? Разумное руководство немедленно вернуло бы ее назад.

7. ВЕСТИ О КРОВАВОМ ВОСКРЕСЕНИИ И МОЯ НЕУДАЧА

Мы простились с транспортом «Малайя». Ее услали в Одессу с больными, штрафными, преступниками и сумасшедшими. А за две недели до этого на ней произошел бунт. Для усмирения были посланы туда вооруженные люди с другого корабля. Арестовали четырех человек из команды «Малайи». Все они оказались вольнонаемными. Их развезли по одному человеку по разным броненосцам и посадили каждого в карцер. Но скоро они заболели и были переведены на госпитальный «Орел». Рожественский будто бы угрожал высадить их на необитаемый остров.

Карцеры на новейших броненосцах были расположены в глубине судна и не имели вентиляции. Попасть под арест — это было все равно, что подвергнуться жестоким пыткам. Некоторые матросы не выдерживали удушливо-жаркой температуры и, прежде чем медицина приходила им на помощь, умирали. Несмотря на это, то на одном корабле, то на другом со стороны команды все чаще появлялись грозные признаки неповиновения начальству.

Утром 1 февраля мы снялись с якоря и в количестве пятнадцати вымпелов вышли в океан для эволюций. А накануне была получена радиограмма, что к Мадагаскару приближается отряд капитана 1-го ранга Добротворского. На северном горизонте показались дымки. Радостно заволновались матросы, восклицая:

— Вот они!

— Топают, родные.

— Шесть штук.

Мы шли навстречу им, быстро сокращая расстояние.

Скоро можно было различить корабли: крейсер 1-го ранга «Олег»; крейсер 2-го ранга «Изумруд», два вспомогательных крейсера — «Рион» и «Днепр» и два миноносца — «Громкий» и «Грозный». По сигналу командующего суда прибывшего отряда заняли свои места в строю эскадры. Мы совместно занялись двухсторонними эволюциями, которые были так же плохи, как и предыдущие, а в четыре часа вернулись в Носси-Бэ.

Встреча с последним подкреплением 2-й эскадры несколько развлекла нас, но не могла рассеять душевного мрака. Мы знали, что 1-я эскадра сильнее была, чем наша, и все-таки погибла в Порт-Артуре. Не миновать этой участи и нам.

Будет ли Рожественский ждать 3-ю эскадру?

Среди офицеров установилось мнение, что нас вернут в Россию.

В русских газетах, какие мы получали, тон статей заметно повышался. Под влиянием военных неудач на прежнюю жизнь, тихую и затхлую, как застоявшееся болото, подул свежий ветер критики. Чувствовалось, что в России нарастает нечто непривычно новое. А из иностранных газет мы уже знали о крупных событиях, и эти события на время заслонили на эскадре интересы войны.

В Петербурге по Невскому проспекту ходила учащаяся молодежь с революционными песнями и красными флагами. В Баку забастовали рабочие. В Севастопольском порту мастеровые побросали работу. Одеяла, пожертвованные фабрикантом Морозовым на войну, будто бы продавались в Нижнем на рынке, и это возмутило московских купцов. Московская дума предъявила требования правительству об изменении существующего строя. Грандиозное забастовочное движение разразилось в Петербурге, охватив все крупные фабрики и заводы,— забастовало около двухсот тысяч человек. Недовольство войной и общими государственными порядками, по-видимому, все глубже проникало в широкие слои населения.

Все это не могло не тревожить и людей на 2-й эскадре. Потом пришло известие, от которого у многих содрогнулось сердце. Слух об этом вышел из кают-компании и начал кочевать по всем отделениям судна, возбуждая в команде мрачные мысли. От него, как от страшного

призрака, бледнели лица матросов, широко раскрывались глаза. В иностранных газетах подробно было описано событие 9 января.

Вечером мы собрались в кормовом подбашенном отделении двенадцатидюймовых орудий. Здесь никто из начальства не мог нас услышать. Сначала говорили торопливо, все разом, перебивая друг друга:

— Слыхали?

— Да, триста тысяч народу двинулось к Дворцовой площади.

— Хотели просить у Царскосельского суслика облегчения своей жизни.

— Во главе, говорят, находился какой-то священник Гапон.

— Шли с иконами, с портретами царя...

— А он их встретил свинцовым градом.

— Людей рубили шашками, мяли копытами. Не давали пощады ни женщинам, ни детям.

— Уничтожили более двух тысяч человек.

Гальванер Голубев, подняв руку, сурово крикнул:

— Довольно болтать, товарищи! Нам нужно от слов к делу переходить. На всех кораблях найдутся сознательные ребята. Наступила пора приступить к организации массы. Нужно быть готовым к событиям. Пусть каждый из нас установит связь с другими судами. И будем ждать удобного случая, когда, может быть, потребуется вместо андреевского флага поднять красный флаг...

Минер Вася-Дрозд перебил его:

— И если уж подниматься, то всей эскадрой.

Машинный квартирмейстер Громов крикнул:

— Правильно! Мы должны удерживать команду от отдельных вспышек.

Трюмный старшина Осип Федоров прибавил:

— Иначе мы будем только людей напрасно губить. Нужно действовать организованно.

Разошлись поздно, наметив вчерне план для будущей работы.

Сношение с «Суворовым» досталось на мою долю.

Как после узнали, события, разыгравшиеся 9 января, вызвали разговоры на всей эскадре. Никто больше не верил в доброту царя. Поколебались в своих верноподданнических чувствах к нему даже некоторые офицеры.

Вспомнилось, какое настроение было у меня пять с лишком лет тому назад. С новобранства, пока нас не разбили по флотским экипажам, я целую неделю прожил в Петербурге, в грязных и вшивых проходящих казармах. Мне захотелось посмотреть царский дворец. Ведь об этом я мечтал, будучи еще в своем селе Матвеевском. Стоял сырой и слякотный ноябрь. Мы вдвоем с товарищем, одетые в ватные пиджаки, пользуясь указаниями прохожих, добрались до Дворцовой площади. По-деревенски наивные, мы с изумлением смотрели и на Главное адмиралтейство, над которым возвышался золотой шпиц с таким же золотым парусником на конце, и на Александровскую колонну, с которой бронзовый архангел как бы благословляет дворец, и на красное трехэтажное, необыкновенной ширины здание, которое своим фасадом выходит прямо на Неву. Ведь здесь живет он, божий помазанник, коронованный человек, под скипетром которого находится сто пятьдесят миллионов народонаселения. От него зависит благополучие всех людей.

— Вот так изба! — удивлялся мой спутник.

— Ну и махина! — восторгался я.— За целый день не обойдешь все комнаты. Вероятно, не один здесь живет.

— Ясное дело, при нем должны находиться министры и генералы.

Вокруг колонны прохаживался часовой, какой-то гренадер в форме, никогда мною не виданной. Стояли еще часовые у подъездов дворца, охраняя покой царя, чтобы злодеи не могли сделать на него покушения за все его щедроты и милости к народу. Если бы в это время кто-нибудь сказал что-нибудь нехорошее против царя, я бы такого человека уничтожил на месте. Ушли мы с Дворцовой площади счастливые.

Потом товарищам в экипаже и на кораблях много пришлось поработать надо мною, и самому мне нужно было прочитать немало нелегальной литературы, прежде чем перевернулось мое сознание. Тюрьма закончила воспитание. Прежнее деревенское понятие о царе было выжжено в моей душе, как выжигают бородавку на теле.

А теперь я бродил по кораблю, не находя нигде себе места. Страшная весть о Кровавом воскресенье, долетевшая до нас в такую даль, в Носси-Бэ, пронизывала

все мое существо. Мне мерещилась все та же Дворцовая площадь, где произошла царская расправа с рабочими. И не я один, а тысячи голов на эскадре задумались над этим событием.

За последнее время я иногда читал свои заметки о нашей эскадре инженеру Васильеву. Он делал мне много полезных указаний в смысле стиля и оформления литературного материала. Вместе с тем я получал от него советы, у каких мастеров художественного слова я должен учиться. Случалось, что он тоже знакомил меня со своим дневником. У него выходило интереснее, с более углубленным анализом фактов, с надлежащими выводами. Но я был прилежный ученик, и все, что слышал от него, воспринимал горячо, всерьез и крепко запоминал.

В своих литературных работах я был очень осторожен. Клеенчатые тетради, в которых я излагал свои взгляды на эскадру, прятал в такие места, где их никто не мог найти. В чемоданах моих оставались лишь черновые записи судовой жизни. И все-таки однажды я сделал такой промах, который чуть не погубил меня. Но об этом не буду рассказывать сам, а приведу лучше выдержки из неопубликованного дневника инженера Васильева. Давая характеристику тому, как отразилось 9 января на офицерах, вот что он писал дальше:

«...Схватки на улицах Петербурга, баррикады, вожаки, их попытки вступить в непосредственные переговоры с государем — все это с мелочными подробностями промелькнуло перед нашим взволнованным воображением из описания газет. Каждому все глубже приходится вдуматься в самого себя, взвесить убеждения и принципы, определить свое отношение к событиям.

Но уже видно, куда клонится чашка весов.

Иллюстрацией послужит следующий эпизод из жизни военного корабля, броненосца «Орел».

Позавчера старший офицер поймал судового баталера в тот момент, когда он передавал комендорам в башню печатанную на ремингтоне брошюру. Она оказалась произведением самого матроса и была отпечатана в канцелярии броненосца совместно с писарем в нескольких экземплярах. Этот матрос был и раньше на подозрении, так как отличался большой любовью к знанию, читал историю философии, Дарвина, Бокля, Шопенгауэра и

был известен еще при выходе из Кронштадта как «политик». Брошюру старший офицер принес в кают-компанию, и здесь офицеры прочитали ее вслух и обсуждали. Матросу попало в руки из кают-компании несколько номеров «Руси», откуда он узнал об образовании фонда народного просвещения и читал горячие письма из недр народа, отозвавшегося на призыв. Он на баке пропагандировал среди команды мысль собрать свою лепту и написать на эту тему статью. А у него есть уже большая привычка писать, так как он составил несколько повестей, рассказов и пьес из жизни простолюдинов. Вначале он описывает суждения матросской среды насчет значения науки и знания, затем от себя приводит целый ряд суждений на тему о том, как влияет знание на личную судьбу каждого, а в сумме — на склад государственной жизни. Далее он излагает те обычные пути, какими средний русский человек из низших классов может расширить свой кругозор, наконец на собственном примере изображает те препятствия, которыми окружена для людей его сословия возможность самообразования. Как вывод из всего сказанного он делает заключение относительно причин этих терниев на пути к просвещению и ставит это в связи с тенденциями, заложенными глубоко в бюрократическом правительстве. Следует общая характеристика вредного влияния существующего бюрократического управления на жизнь многомиллионного народа. Кончается призывом—идти смело вперед к чистым целям.

Будь это в другой обстановке, в другой среде, не скованной традициями формальной дисциплины, такое воззвание было бы обыкновенным явлением, но на военном корабле, идущем в самый разгар войны,— о, это был и смелый и исключительный шаг!

Но не менее исключительным оказалось отношение офицеров к этому событию, отношение, достаточно характеризующее, насколько глубоко уже проникли в их среду современные веяния и поколебали устои формального отношения к событиям жизни.

Я со старшим доктором и обер-аудитором выступил на защиту автора, и кают-компания стала на нашу точку зрения, рассеяв колебания старшего офицера.

Офицеры нашли, что в этой статье, где приведены также факты из судовой жизни «Орла», нет ни слова

лжи, что статья написана горячо и с честными стремлениями, что недостатки, указанные ею, действительно сковывают развитие даже морского дела, которое нуждается в технически развитых людях. Далее, факт сбора по личной инициативе матросов, давших до ста шестидесяти рублей, есть явление отрадное, и нельзя за него карать только потому, что по уставу «воспрещаются всякие сборы без разрешения начальства». Порицания нашего политического строя также не могут быть поставлены ему в вину, ибо этой критикой полны все газеты; и раз офицеры допускают команду до чтения газет, дают матросам статьи Кладо, то большая часть формальной ответственности лежит на них. Наконец, суровая кара нежелательна еще и потому, что она не поддержит поколебленной дисциплины. Собранные же деньги надо принять от матросов и послать по назначению.

Эту точку зрения поддержал представитель судебной власти, обер-аудитор эскадры; она же была им внушена командиру, что, конечно, для командира было даже удобно — не поднимать истории. И в результате баталер был только смещен на время на низший оклад за пользование ремингтоном и за недозволенный сбор. Остальное предано забвению. Между прочим, у него старший офицер забрал сначала все тетради, заметки, книги, дневники,— там нашлось также много «подозрительного». В записной книжке, например, были записаны все случаи «мордобойства» фельдфебелей, боцманов, унтер-офицеров, отмечены такие эпизоды, как удаление сочинений Толстого из судовой библиотеки по настоянию батюшки. Но решили, что так как эти заметки оставались его личным достоянием, а не были обращены к команде, то не обращать на это внимания. Кажется, все ему возвращено.

Между прочим, можно добавить, что этот матрос вовсе не исключение из своей среды, в ней много таких же развитых и начитанных людей, и они облагораживают понемногу всю массу, борются с грубыми инстинктами ее и будят духовные запросы».

Инженер Васильев записал в свой дневник все верно, за исключением одного момента: не вся кают-компания перешла на мою сторону. Насколько мне было известно через вестовых, лейтенант Вредный, мичман Воробейчик

и несколько других офицеров стояли за то, чтобы моему делу дать законный ход. К счастью, в числе их не был старший офицер Сидоров, и это спасло меня от каторги.

Должен еще прибавить, что орловская кают-компания в сравнении с кают-компаниями других судов была самая передовая. Это объясняется тем, что в ней находился революционер Васильев, человек большого ума и сильной воли. В своих взглядах на жизнь он всегда находил до некоторой степени поддержку в лице старшего врача Макарова, обер-аудитора Добровольского и лейтенанта Гирса. А все четверо они в политическом отношении вели за собою остальных офицеров.

На второй день прибежал в канцелярию вестовой и объявил мне:

— Тебя требует к себе в каюту старший офицер.

Отправляясь в сторону кормы, я очень волновался. Стучало в висках, замирало сердце, как при высоком полете на качелях. В офицерском коридоре перед каютой я замедлил шаг. Вдруг сзади меня послышался топот ног. Это бежал рассыльный с вахты, молодой матрос, который, опередив меня, постучал в дверь.

— Войдите! — послышалось из каюты.

Рассыльный, открыв дверь, рванулся вперед, споткнувшись за комингс порога, нырнул головою в каюту, как щука, и тут же, взмахнув руками, грохнулся на палубу. Я в это время стоял у порога и видел, как прыгнул с кресла, словно подброшенный мяч, старший офицер и отпрянул в угол. Рассыльный сейчас же вскочил и, вытянувшись, весь замер на месте. Голова его слишком откинулась назад, словно он смотрел в потолок, пальцы на руках, вытянутых по швам, растопырились, лицо вздулось от какого-то внутреннего напряжения. Капитан 2-го ранга Сидоров несколько секунд смотрел на него молча, шевеля грозно усами, а потом, спохватившись, заговорил:

— Это... что же такое?

Рассыльный ничего не ответил.

Старший офицер повысил голос:

— Я спрашиваю тебя: в чем дело?

Рассыльный дернулся и гаркнул:

— Забыл, ваше высокоблагородие!

— Что за болван такой! Как твоя фамилия?

— Забыл, ваше высокоблагородие!

— Ну, убирайся к черту! Когда вспомнишь, тогда придешь.

Рассыльный исчез, а Сидоров снова уселся в кресло, тяжело дыша. Меня эта сцена так развеселила, что я совершенно успокоился.

Старший офицер покосился на меня и, показывая на мои тетради, лежавшие на столе, хмуро заговорил:

— Возьми все свои бумаги. Либо сожги их, либо спрячь их, чтобы они больше не попадались мне на глаза. Советую тебе, пока ты находишься на военной службе, бросить всякое писание. Если бы твое дело дошло до адмирала, он стер бы тебя в зубной порошок. Понимаешь ты это?

— Так точно, ваше высокоблагородие, все понимаю. И сердечно благодарю вас за ваше доброе отношение ко мне.

Я ушел от него с таким радостным чувством, словно был освобожден из тюрьмы.

8. РАЗЛОЖЕНИЕ ЭСКАДРЫ

Носси-Бэ очень красив, но европейцам на нем было трудно жить. Некоторые не выдерживали более трех лет и умирали. За время нашей стоянки здесь увеличились болезни среди команды. Лихорадка, дизентерия, туберкулез, фурункулы, помешательства, тропическая сыпь, ушные заболевания стали обычным явлением. Заболел и я тропической сыпью. Вся кожа покрылась мелкими водянистыми пузырями. Правда, если лежать не двигаясь, то, кроме зуда, не испытываешь особенного беспокойства, но нельзя ни нагнуться, ни напрячь мускулов,— едва видимые волдыри лопаются, причиняя мучительную боль, и тело покрывается, словно от пота, бесцветной влагой. Но подобная болезнь никого не избавляла от работы, а доктора не обращали на нее внимания.

Жизнь на эскадре разлаживалась. Беспросветность будущего убивала в офицерах и команде интерес к своим обязанностям и вообще к разумным делам. Люди, охваченные безграничным унынием, не знали, в чем найти забвение, и как нарочно проявляли себя только с худшей стороны.

Адмирал Рожественский решил подтянуть личный состав. А для этого, по его мнению, нужно было занять всех делом настолько, чтобы ни у кого не оставалось времени задумываться над своей судьбой и над событиями в России. Погрузки угля и запасов с транспортов, боевые учения, ночные атаки на минных катерах, высадки десанта на берег, очистка корабельных днищ от ракушек и водорослей, разные тревоги не давали покоя ни днем, ни ночью. Ко многим другим работам прибавилась еще одна: ежедневно команда отправлялась на баркасах к берегу за пресной водой. Потом придумали для нас шлюпочное учение. Каждое утро после завтрака матросы усаживались на гребные суда и, работая веслами, обходили вокруг всей эскадры. Возвращались к своему кораблю перед самым подъемом флага. На баке по этому поводу слышались озлобленные разговоры:

— На что нам сдалось это учение гребле? Ведь не на шлюпках мы будем сражаться с японцами?

— Бешеный адмирал нарочно нас мучает.

— Он лучше подумал бы о другом. Мы ни разу не практиковались с подводкой пластыря. В случае пробоины в подводной части корпуса что мы будем делать?

Мы не спали как следует ни одной ночи. Многие настолько переутомлялись, что едва передвигали ноги по палубе. Но этим адмирал нисколько не достиг своей цели. Наоборот, процент преступлений и нарушений дисциплины возрастал.

На кораблях развилось пьянство. Офицеры доставали спиртные напитки легально, в буфете своей кают-компании, а матросы приобретали их тайно, на берегу или с иностранных коммерческих судов. До каких только несуразностей не доходили люди, отравленные алкоголем! На плавучей мастерской «Камчатка» однажды офицеры, как они сами выражаются, «набодались» до потери рассудка и начали все скопом с бранью и криками отплясывать трепака в кают-компании. Дирижировал лейтенант, стоя в одном нижнем белье на стуле. А в это время молоденький мичман, забившись под стол, лаял на всех по-собачьи. Каждому хотелось выкинуть еще что-нибудь сногсшибательное. В этом отношении всех покрыл пожилой офицер, провозгласив тост за

японского адмирала Уриу. Мастеровые и команда видели и слышали, что творилось в кают-компании, но едва ли об этом знал сам Рожественский. На вспомогательном крейсере «Урал» произошла из-за чего-то ссора между офицерами и судовым командиром. Ненависть к нему настолько обострилась, что его чуть не избили. После этого лейтенант Колокольцев написал ему дерзкое письмо, за что попал под суд. Не представлял собою исключения и флагманский броненосец «Суворов». Один офицер, перегрузив себя спиртными напитками, свалился за борт, и его едва успели спасти. На корабль привезли несколько ящиков с шампанским. Один такой ящик исчез с верхней палубы. Его нашли в кочегарке. Виновным матросам надавали пощечин, но ничего не доложили об этом опостылевшему всем адмиралу. Там же офицеры, изнывающие от мрачной тоски, не придумали другого развлечения, как поить шампанским обезьяну и собак и стравливать их между собою. Дикие поступки в разных вариациях повторялись на всех судах, словно какой-то мрак повис над искалеченным сознанием людей.

Я несколько раз бывал на берегу со своим ревизором, лейтенантом Бурнашевым, который закупал там для корабля разные продукты.

В городе торговля увеличилась. Пооткрылись новые магазины и палатки с русскими надписями на вывесках: «Поставщик флота», «Торгую с большой уступкой», «Прошу русских покупателей заходить». В Хелльвиль, рассчитывая в нем нажиться, двинулись всевозможные дельцы из Диего-Суарец, из Маюнги, с соседних островов и даже с материка. Под видом торговцев появились и японские агенты. Бывали случаи, когда они, эти агенты, безнаказанно разъезжали по нашим кораблям. Мало того, один из них, обнаглев, посетил даже флагманский броненосец. Эскадра задержалась здесь на неопределенное время, а на ней было много народу. Как не воспользоваться таким обстоятельством и проституткам? И они понахлынули в городок с разных мест, как мухи на разлагающийся труп: француженки, англичанки, немки, голландки. На скорую руку возникали явные и тайные притоны с азартными играми, с продажными женщинами. Закипела жизнь буйная и расточительная. Офицеры увлекались игрой в макао, и золото начало ты-

сячами перекочевывать из одних карманов в другие. Цены на все товары неимоверно росли. Бутылка пива стоила три франка, а шампанское — от сорока до шестидесяти франков. Не все ли было равно? Люди шли на войну без веры в успех экспедиции. Они пьянствовали и развратничали, хандрили и дебоширили.

Офицеры, съезжавшие на берег большей частью в вольных костюмах, старались не замечать безобразий матросов, чтобы самим не натолкнуться на дерзость. А те, почувствовав слабость дисциплины, переставали признавать авторитет начальства. Гуляя по городу, они никого не стеснялись и даже грозили офицерам кулаками. Некоторые напивались до того, что валялись среди улицы неподвижные, словно после битвы, другие, дергаясь от судороги, ползали на четвереньках. Никто уже не боялся патрульных, посылаемых на берег. Они, арестовав кого-нибудь из команды, вели его под руки к пристани, а он, еле волоча ноги, хрипел:

— Пустите, окаянные! Морды вам побью!

— На судне по-другому запоешь, как увидишь старшего офицера.

— Что? Старшего офицера? Плевать я хотел на него! Это дрянь в перьях.

Команда с миноносца «Грозный» учинила на берегу погром. Несмотря на слезы и вопли туземцев, матросы разнесли их хижину и разбросали скудное добро. По этому делу были арестованы четверо. О них узнал Рожественский и приказал доставить их на «Суворова». Уже после того как они предварительно были истерзаны адмиральскими кулаками и пинками, их отдали под суд. Но это нисколько не остановило других от преступлений. На берегу то и дело происходили драки. Дрались матросы между собою, нападали и на офицеров. То на одном корабле, то на другом все чаще взвивался на фок-мачте гюйс и раздавался пушечный выстрел. Это означало, что начинался «суд особой комиссии» и кого-то ожидает жестокая кара.

Такой суд состоялся и на нашем броненосце под председательством командира судна капитана 1-го ранга Юнга. В качестве обвиняемых были матросы из команды крейсера «Адмирал Нахимов»: комендор Столяров, матрос 1-й статьи Чернигин, матрос 2-й статьи Король

и машинист 1-й статьи Ершов. Они должны были расплатиться за бунт, описанный мною раньше. Двоих из них — Столярова и Чернигина — приговорили к четырем годам каторжных работ, а Короля — к трем годам в дисциплинарный батальон.

Чтобы судить о том, насколько глубоко пошло разложение личного состава, достаточно будет познакомиться с приказами самого Рожественского. Он всегда писал их собственноручно, писал в большом волнении, ломая перья и прорывая бумагу. За последнюю неделю, начиная с 22 января, многие получили от него, как выражаются офицеры, «фитиль».

На госпитальном судне «Орел» плавала в качестве сестры милосердия племянница адмирала. Поэтому он иногда посещал этот корабль. Побывал он на нем и 24 января, в день похорон кочегара Богомолова. К борту пристал миноносец «Бравый», чтобы взять покойника и отвезти его в море.

Вот что потом писал в приказе Рожественский:

«В то время как на всех судах эскадры и на всех транспортах офицеры и команды стояли во фронт, на госпитальном «Орле» даже в моем присутствии слонялись скопища разношерстного люда. Место на палубе, откуда спускали на миноносец тело покойного, было залито грязью; тут же, при пении «Святый боже, святый крепкий», тащили ведро с помоями, чуть не облили ризу священника...

С сожалением должен упомянуть, что даже сестры милосердия при печальной церемонии не проявили достаточной чуткости. При отпевании присутствовали только две сестры, многие же, свободные от службы, бродили по палубе, а при выносе и опускании тела на миноносец любопытствовали, сидя в разных местах на планшире и перевешиваясь за борт через леера, вперемежку с грязно одетой женской прислугою...»

В заключение адмирал предлагает главному доктору подтянуть сестер милосердия и при содействии настоятельницы «установить, чтобы на всех церемониях, палубных и церковных, свободные от службы сестры не укрывались по каютам и не гуляли по кораблю, а находились на определенном месте на палубе или в церкви, и притом

не толпою, а в рядах, и непременно одинаково по форме одетыми».

Приказ № 54:

«Крейсера 2-го ранга «Кубань» мичмана Хижинского и прапорщика по морской части Декапрелевича за шатание по кабакам и буйство арестовать в каюте с приставлением часового: первого на три дня, второго на неделю».

Приказ № 61:

«Крейсера 2-го ранга «Урал» прапорщик по механической части Зайончковский, спущенный 23 сего января на берег в офицерской форме, напился пьяным до скотского состояния и в бесчинстве столь же пьяными матросами с госпитального судна «Орел» был избит по морде в кровь.

Представляя о лишении прапорщика Зайончковского офицерского чина, предписываю немедленно исключить его из кают-компании, отставить от исполнения офицерских обязанностей, объявить ему мое распоряжение о лишении его дисциплинарных прав, предоставленных прапорщикам, и не увольнять на берег до прибытия в русский порт».

Приказ № 62:

«Эскадренного броненосца «Сисой Великий» прапорщик по механической части Тостогонов, спущенный 23 января на берег в офицерском платье, был неприлично пьян и произносил ругательные слова по адресу офицера, рекомендовавшего ему вернуться на корабль, чтобы видом и поведением своим не позорить достоинства офицерского звания.

Предписываю прапорщика Тостогонова немедленно исключить из офицерской кают-компании и не увольнять на берег до прибытия в русский порт».

Некоторых виновников адмирал начал приговаривать к церковному покаянию, вызывая этим только остроты наших офицеров:

— Присвоил себе роль митрополита. Каково, а?

— Надеть бы ему водолазный колпак вместо митры, и стал бы совсем богослужителем.

— Он ведь вышел из духовной среды, адмирал наш. Поэтому у него и все замашки поповские. Я уверен, что под свитским мундиром он носит подрясник.

Рожественский не бывал на кораблях, не беседовал с командирами и офицерами, не опрашивал команду о ее претензиях. Все это было для него лишним. Единственная связь была у него с людьми — это приказы. Строгий по службе, крутой характером, он хотел страхом повлиять на других и «выбрать слабину» дисциплины, которая расползалась, как материя из гнилых ниток. Но он не знал простой истины: эта война, затеянная из-за наживы правительственных тузов, война, даже с империалистической точки зрения самая безыдейная из всех предыдущих войн и сопровождаемая одними лишь неудачами, рождала в душе отчаяние, а отчаяние толкало людей на безумные выходки.

Деморализация личного состава углублялась.

Европейские женщины, предпочитая офицеров, лишь в исключительных случаях заводили знакомство с командой. На долю матросов оставались туземки. По-разному относились к этому их чернокожие мужья, их братья или отцы. Те, что переживали семейную драму, приезжали жаловаться начальству на безобразия команды, но их не понимали и не выслушивали. Что им еще оставалось делать при виде в бухте страшной эскадры? Только исторгать на нее свои проклятия. Некоторые туземцы радовались, когда к ним приходили белые гости, даже сами старались завлечь их к себе, и смотрели на это просто, как на коммерческую сделку. У них, доведенных французским империализмом до страшной нищеты, была лишь одна забота — побольше получить денег с белого гостя. Пока какой-нибудь матрос оставался в хижине с мимолетной своей подругой, чернокожий сакалав, иногда муж ее, терпеливо стоял на страже у двери и жевал от скуки бетель. И если мальчики и девочки, его же дети и дети той, что скрывалась в хижине с чужим мужчиной, лезли, беспокоясь за мать, к двери, то он свирепо отгонял их прочь. Нельзя было нарушать брачного покоя гостя—он рассердится и не будет щедрым на деньги.

Офицеры, сталкиваясь с женщинами легкого поведения, проявляли себя в другом виде. Однажды матросы с нашего «Орла», гуляя по лесу недалеко от города, услышали пьяные голоса и пошли на них, осторожно пробираясь сквозь чащу. Вскоре им представилась незабы-

ваемая картина. Матросы, которых, казалось, ничем нельзя было удивить, на этот раз остолбенели. Перед ними открылась поляна, а на ней, блестя под солнцем белизной кожи, лежала женщина с обнаженным животом. Около нее было три пьяных молодых офицера. Двое из них, в штатском платье, играли на ее животе в карты, а третий, с мичманскими погонами на плечах, отойдя сажени на две, приспосабливал фотографический аппарат, чтобы снять их. Женщина была, вероятно, мертвецки пьяна, потому что тут же валялись порожние бутылки от вина и стояла плетеная корзина с какими-то припасами.

— Коля! — обратился к фотографу один из играющих, очевидно, любитель пикантных снимков.— Ты зайди немного вправо, чтобы на карточке детали получились.

— Смирно! — пошатываясь, крикнул офицер с аппаратом.— Я лучше знаю, как нужно снять. Один пусть смотрит на своего партнера, а другой — на живот, на разложенные на нем карты. Сделайте озабоченные лица.

— Коля, друг любезный, ты нас замучил,— заплетающимся языком взмолился другой играющий.— Мы уже раз пять снимались, и все по-разному. Кончай скорей. Нужно опять заняться более серьезным делом...

В числе орловских матросов был гальванер Голубев. Выглядывая из-за деревьев и кустарника, он напряженно сопел носом, а потом вдруг крикнул искусственно хрипящим басом, крикнул по-начальнически громко, словно адмирал:

— Поздравляю вас, господа офицеры, с величайшей победой над врагом!

Офицеры сразу всполошились. Те двое, что играли в карты на голом животе женщины, вскочили и растерянно закрутили головами. Третий уронил свой фотографический аппарат и вытянулся. Женщина, продолжая лежать на месте, даже не пошевелилась.

В кустарнике раздался хохот.

— Матросы! — взвыл один из мичманов, заметивший, очевидно, в кустарнике синий воротник форменки.

Все трое выхватили из карманов револьверы и с матерной руганью начали стрелять в ту сторону леса, откуда слышались голоса матросов.

Орловцы убежали.

Слушая их рассказы, я думал о том, что будет, если

мы еще простоим здесь месяца два-три. Маленький городок Хелльвиль превратится в сплошной вертеп. А нас всех, уже разгромленных в своей психике, еще сильнее начнет разъедать гангрена разложения.

9. ЦЫПЛЕНОК

Приглядываясь к жизни броненосца «Орел», я часто спрашивал самого себя: нормальные мы люди или нет? Многое странным и непонятным казалось мне в нашем поведении. Иногда мы оставались равнодушными к важным событиям, а иногда незначительный факт приводил нас в крайнее волнение.

Месяца полтора назад ранним утром старший сигнальщик Зефиров полез в ящик с запасными флагами. Открыв дверцу, сигнальщик вдруг откинул назад крутолобую голову и застыл в немом изумлении: внутри ящика копошился цыпленок. Как он сюда попал? Может быть, товарищи подсунули его, чтобы посмеяться над Зефировым? Человек долго терялся в догадках, пока не увидел в уголке за флагами яичную скорлупу. Истина сразу обнаружилась. Зефиров вспомнил, как на одной из предыдущих стоянок эскадры он купил у туземцев десятка три яиц. Иногда, при недостатке казенной пищи, он подкармливался ими. Одно яйцо случайно завалилось за флаги. На корабле, стоявшем в тропиках, температура в тени, и даже ночью, была высокая, как в инкубаторе. Зародыш в яйце ожил и превратился в цыпленка.

Новорожденный успел высохнуть и желтым пушистым шариком неуверенно стоял на розовых, почти прозрачных ножках. Ослепленный дневным светом, он жалобно пищал, быть может, призывая свою мать. Зефиров нагнулся над ним и заулыбался от умиления. Потом он осторожно положил цыпленка на ладонь и понес его к вахтенному начальнику.

— Вот, ваше благородие, чудо какое.

Лейтенант Павлинов, сдвинув черные брови, строго спросил:

— Это что значит?

Но когда узнал от старшего сигнальщика, в чем дело, сам не мог удержаться от улыбки. Зефирова обступили рулевые и младшие сигнальщики, с удивлением рассматривая его находку. Лейтенант Павлинов сообщил

по телефону новость в кают-компанию. Офицеры гурьбой повалили на передний мостик. Сюда же пришли старший офицер Сидоров и сам командир броненосца Юнг. Зефиров, чувствуя себя героем дня, с увлечением рассказывал, каким образом цыпленок мог вылупиться из яйца. Офицеры удивлялись, по-разному выражали свой восторг:

— Чудесное явление!

— Восхитительно!

— Какое умилительное существо!

Командир Юнг ласково сказал:

— Семья наша на одну душу увеличилась.

Старший офицер Сидоров, расправив седые усы, добродушно добавил:

— Это, Николай Викторович, к счастью.

Даже лейтенант Вредный и мичман Воробейчик, глядя на цыпленка, растрогались и подобрели.

На мостик началось паломничество команды: поднимались не только строевые матросы, но и машинисты и кочегары. На небольшой площадке они не могли все поместиться. Вахтенный начальник гнал их обратно, а они умоляли:

— Ваше благородие, цыпленок, говорят, народился без наседки.

— Нам только разок взглянуть на него.

Кончилось тем, что цыпленка пришлось снести на бак. Здесь скопились сотни людей. Шире раздвинулся круг, чтобы всем был виден новорожденный, слабо бегающий по деревянному настилу палубы. Он казался нам необыкновенно привлекательным, этот живой шафрановый одуванчик с нежно-розовым клювом, с черными и маленькими, как бисер, глазками, наивно смотревшими на нас. Я не узнавал команды и самого себя. Тягостное настроение исчезло, как будто мы и не переживали ни сдачи Порт-Артура, ни гибели 1-й эскадры, ни впечатления от статей Кладо, доказывавшего, что 2-я эскадра слабее японского флота почти в два раза, ни страшной расправы с рабочими, учиненной царем 9 января. При взгляде на цыпленка просветлялись самые мрачные лица. Возбужденные, мы радовались громко, как дети, словно нам объявили об окончании войны.

Кто-то выкрикнул:

— Интересно бы угадать, что из него получится — курица или петух?

На середину круга вышел кочегар Бакланов. Двумя пальцами он взял цыпленка за ноги и высоко поднял руку. Голова цыпленка повисла вниз. Кочегар авторитетно объявил:

— Видите? Петушок! Никаких сомнений. Если бы была курочка, то она старалась бы подтянуть голову к туловищу. Я два года жил батраком в имении одного барина и точно знаю это дело.

Бакланов опустил цыпленка на палубу и отошел в сторону. У нас на корабле немало перебывало взрослых петухов разных пород, и это никогда никого не трогало. Никто не жалел, когда их резали для офицерского стола. Да и у себя на родине большинство из нас росло в деревне вместе с петухами. Но теперь от слов кочегара мы обрадовались еще больше. Раздались голоса:

— Мы не отдадим цыпленка в кают-компанию!

— Он должен принадлежать всей команде!

С этим все были согласны. Тут же давались советы, чем кормить цыпленка. Некоторые уже мечтали, какой из него вырастет красавец-петух, обязательно огненно-красный, и с каким удовольствием будут слушать на корабле его пение. Он будет подавать свой голос на всю эскадру. Сам «бешеный адмирал» лопнет от зависти к нам.

Начальство с трудом разогнало команду на работы. Но в этот день во всех отделениях корабля разговор шел только о цыпленке. Мы не могли забыть о нем. Может быть, он потому так взволновал нас, что был слишком мал и беззащитен среди этого огромного царства железа и мощных механизмов, самодвижущихся мин, башенных и бортовых орудий, тысяч взрывчатых снарядов. Правительство хотело, чтобы мы поддержали на поле брани опозоренную честь Российской империи. Но теперь никто уже об этом не думал, как и о своем безотрадном существовании. Цыпленок, словно родное и самое любимое детище, заполнил все наше сознание.

Зефиров не имел времени нянчиться со своей находкой и подарил цыпленка рулевому Воловскому. Тот проявил большую заботу о нем и дал ему прозвище «Сынок». Для него была сделана клетка. Питался он хорошо: вареной кашей из разных круп, размоченным бе-

лым хлебом, крошеным желтком. Кроме того, каждый человек, бывая на берегу, считал своим долгом принести для него каких-нибудь насекомых или личинок. Согласно уговору, кормил цыпленка только один Воловский, чтобы он лучше привык к своему хозяину. Так проходили дни, недели. К нашему всеобщему удовольствию, цыпленок увеличивался в весе, обрастал перьями, оформлялся в птицу. Днем его выпускали из клетки гулять по палубе, и тогда, под тропическим солнцем, он чувствовал себя здесь, как на деревенской лужайке. Иногда, не видя своего пернатого воспитанника, Воловский манил его:

— Сынок, Сынок...

И цыпленок с каким-то особенно радостным цырканьем бежал на знакомый голос, зная, что получит какое-либо лакомство. Он клевал пищу прямо из рук Воловского, а потом, как на нашест, забирался к нему на плечо. Посмеиваясь, рулевой ходил по палубе, а Сынок, чтобы не свалиться, балансировал отрастающими крылышками.

Все это очень нас забавляло.

Слава о нашем цыпленке распространилась на всю эскадру.

Через полтора месяца наш общий любимец оперился. Он мог самостоятельно забираться на мостик, делал небольшие перелеты. На голове его обозначились отростки гребня. Так шло до сегодняшнего события.

Команду после полуденного отдыха разбудили пить чай. Сигнальщики и рулевые, собравшись на верхнем мостике, расселись кружком прямо на полу, застланном линолеумом. Перед ними стоял полуведерный чайник из красной меди. Раскинутый над головами тент умерял тропическую жару. Кто-то открыл крышку чайника, чтобы скорее остыл кипяток. Сынок, ощипываясь, молча сидел на ручке штурвала, словно прислушиваясь к ленивому разговору людей. Потом, может быть, привлеченный блеском начищенной меди, он неожиданно вспорхнул, чтобы пересесть на чайник. Вдруг все сразу вскрикнули, как от боли: цыпленок угодил в кипяток и моментально сварился.

Минут через десять на «Орле» уже знали об этом все матросы и офицеры. И опять началось паломничество, сначала на мостик, а потом на бак, куда перенесли ошпа-

ренного цыпленка. Каждому хотелось взглянуть на него, а он, раскинув ноги и крылья, неподвижно лежал на палубе, мокрый, облезлый и жалкий. Живая, подвижная, красивая птица превратилась в кусок мяса. Около него, сгорбившись, уныло стоял рулевой Воловский. Одни из команды, качая головами, горестно вздыхали, другие ругали сигнальщиков и рулевых, считая их виновниками смерти общего любимца. Мы стояли долго, мрачные и подавленные, словно потеряли не цыпленка, а целый корабль со всем его населением.

Кто разгадает изломы человеческой души? Нас гнали убивать людей, и сами мы вместе с эскадрой были обречены на неминуемую гибель. Но все это как будто ожидало не нас, а каких-то иных, незнакомых нам людей. А сейчас мы не могли без мучительной скорби смотреть, как рулевой Воловский стал зашивать мертвого цыпленка в парусину, а потом привязывать к его ногам кусок железа, чтобы погрузить за бортом нашу недавнюю радость.

10. К БРАТСКОМУ КЛАДБИЩУ

Февраль был на исходе. Дожди становились все реже. Но в одну из ночей мы испытали особенный ливень с тропической грозой. Днем раскаленное небо, жадничая, слишком отяжелело от выпитой влаги и теперь озлобленно возвращало ее морю. С гористых вершин и крутых берегов Мадагаскара срывались шквалы, шумливо падали в бухту и, взрывая поверхность ее, с исступленным воем носились вокруг эскадры. Дождевые струи, как сыромятными ремнями, секли корабли, а все пространство наполнилось сверканием и грохотом. Разряды атмосферного электричества с громовыми ударами были так часты, что не давали опомниться, и получалось впечатление, что над головою происходят нагромождения каменных утесов и железа. Огненные вспышки беспрерывно пронизывали тьму, разбегаясь по тучам змеевидными лентами, падая развертывающейся спиралью, на мгновение разбрасываясь гирляндами. Иногда черное небо раскалывалось на множество золотых ветвистых трещин, спускавшихся до самого горизонта. Гроза опьянела и совершала свой шабаш. И в этой световой и грохочу-

щей кутерьме, сквозь муть дождя и шквала, неясно вырисовывались силуэты кораблей, угрюмые и неподвижные.

Я вдосталь вымылся дождевой водой, а потом спустился вниз и переоделся в сухое платье — рабочие парусиновые брюки и нательную сетку. Команда, свободная от дежурства, давно спала. Меня предупредили товарищи, что сегодня в честь масленицы предстоит торжество и за мною, когда это нужно будет, придут в канцелярию. Я долго сидел за столом над раскрытой книгой, плененный могучим талантом Байрона. Вместе с его героем Дон-Жуаном я переносился из одной страны в другую, покорял красавиц и вместе с ним бросал вызов общественному лицемерию и ханжеству. Трюмный старшина Осип Федоров, войдя в канцелярию, перебил мое чтение:

— Скоро все будет готово. Идем.

Мы спустились сначала в машинное отделение, а потом забрались за двойной борт. В ярком электрическом свете я увидел несколько человек, рассевшихся вокруг опрокинутых ящиков. Все были приятели: машинный квартирмейстер Громов, минер Вася-Дрозд, кочегар Бакланов, гальванер Голубев и несколько трюмных машинистов. На ящиках, накрытых чистой ветошью, стояли эмалированные кружки и большой медный чайник. Переборки были убраны тропической зеленью. В стороне стояло ведро, наполненное фруктами — бананами, апельсинами, ананасами.

— Это наша кают-компания,— объявили мне.— Садись. Гостем будешь.

Через несколько минут принесли большой самодельный противень с жареной свининой, порезанной на мелкие куски. Растопленное сало, потрескивая, шипело. Кочегар Бакланов промолвил:

— Как женское сердце,— без огня кипит.

— Откуда это у вас? — с удивлением спросил я, втягивая носом приятный запах жареного мяса.

На лицах людей появились загадочные улыбки.

— На берегу сколько угодно можно купить.

— А где жарили?

— В кочегарке слона можно зажарить. Сейчас работают там духи лучше, чем коки в камбузе. И блины пекут, и варят, и жарят. Красота!

— А начальство не захватит?

— У нас везде караульные расставлены, как на войне. Мало того, можем в случае надобности выключить электрическое освещение. Тут, брат, все сделано на три господа-бога.

Я еще больше был удивлен, когда из чайника начали разливать по кружкам ром. Я попробовал его — в восемьдесят градусов. Между тем казенный ром, которым ведал я, разводился пополам с водой и соответствовал своей крепостью русской водке.

— Наш напиток лучше твоего.

Трюмный старшина Федоров, обращаясь к молодому парню, спросил:

— Младшим боцманам порцию отослали?

— Все сделано. И бутылку рому им отнес. Очень благодарны они.

Когда кружки были разобраны по рукам, кочегар Бакланов, широко улыбаясь, поздравил всех с масленицей и скомандовал:

— Весла — на воду!

Выпивали и закусывали, друг от друга заражаясь аппетитом. Ели до тех пор, пока противень не опустел. В чайнике тоже ничего не осталось. Потом принялись за фрукты. Было жарко, словно мы находились в паровом котле. Публика, опьянев, становилась все шумливее. Гальванер Голубев поднялся и, приняв позу обличителя, заговорил:

— Ведь там, в России, люди орудуют. Рабочие в Петербурге на баррикадах сражались. А в Москве от его императорского высочества, от царева дядюшки Сергея Александровича, остались рожки да ножки. Бомбой его трахнули. Как видно по всему, закачалось самодержавие...

На это ему ответили:

— Пусть качается. Не плакать же нам? Мы поплачем, когда не у дядюшки, а у самого племянника слетит корона вместе с его башкой.

— Но должны же мы что-нибудь делать? — не унимался Голубев.

— Придет и наше время.

Осип Федоров вскинул усатое и остроглазое лицо и на правах трюмного хозяина заявил:

— Об этом, товарищи, мы поговорим в другой раз. А теперь ни слова о таких делах. Иначе всех выкину из своих владений. Мы собрались сюда, чтобы не сдохнуть с тоски проклятой.

Кочегар Бакланов, у которого крупный, как колено, подбородок лоснился от сала, одобрил его:

— Хоть и не адмирал, а сказал разумно,— и тут же обратился к своему другу с вопросом: — Скажи, Дрозд, что ты будешь делать, если во время сражения очутишься за бортом?

— Тебя об этом не буду спрашивать,— обиделся минер Вася-Дрозд.

— А все-таки прими от меня дружеский совет: коли в море попадешь, то скорее хватайся за воду — не утонешь.

Я вышел на верхнюю палубу. Небо очистилось от облаков и расцвело яркими звездами южного полушария. После стихийной встряски, казалось, вся природа замерла в сонной тишине.

По палубе, вихляясь, бродили пьяные матросы. Откуда в машинной команде появился ром? Об этом я узнал недели через две от Осипа Федорова. Оказалось все очень просто. Накануне я принял с парохода вместе с другими припасами и несколько сорокаведерных бочек рома. Его обыкновенно сливают с верхней палубы, вернее — юта, в железную трубку, приспособив для этого воронку. Такая трубка спускается вниз, проходит через несколько этажей до провизионного помещения, так называемого ахтерлюка, и попадает в специальные для водки цистерны. Так и я поступил. При этом, помимо часовых, внизу стоял старший баталер Пятовский, а наверху — я. Но мы упустили из виду одно обстоятельство, что трюмные машинисты, или, как их иначе называют, трюмные крысы, знают все закоулки на корабле, знают и то, где проходит такая трубка. Им ничего не стоило просверлить в ней на изгибе дырочку и воткнуть в нее тонкий резиновый шланг. Таким образом они нацедили рому два анкера, приблизительно десять ведер неразведенного напитка, крепостью в восемьдесят градусов.

— Вы могли бы меня подвести,— упрекнул я Федорова.

— Это как же так подвести? Не ты старший баталер. А затем — на войну ведь идем. Все равно добру пропадать. В кают-компании больше гуляют, а мы будем только смотреть на них? А жизнь наша какая? Взбеситься можно от нее.

Я махнул на все рукой.

В ту памятную ночь некоторые пьяные, очутившись на верхней палубе, вели себя тихо, другие бормотали несуразности. Один из трюмных машинистов, призванный на службу из запаса, пожилой сутулый человек, столкнулся с вахтенным офицером. Мичман Воробейчик спросил:

— Набодался?

— Никак нет, ваше благородие. Был я на берегу и, окромя молока, ничего не пил. А молоко-то оказалось от бешеной коровы. Вот теперь меня и мутит донельзя. Качает в стороны, и шабаш.

— Хотел я тебя арестовать на одни сутки, но за то, что ты врешь, наказание тебе удвою.

Трюмный машинист притворно взмолился:

— Помилосердствуйте, ваше благородие! Я даже во сне видел: сам Саваоф взял вас в свои руки божии, посадил к себе на колени, прикрыл серебряной бородой и ласкает, как малютку. «До чего же, говорит, ты милостивый начальник! Ни одного матроса не обидел. И за это ты будешь у меня в раю до тех пор...»

Мичман вскипел:

— Молчать!

Машинист тоже повысил голос:

— А почему, ваше благородие, молчать? Я, можно сказать, за свою службу выхлебал целый баркас казенного супа. И не моги, значит, разговаривать? А вы сколько съели?

— Я с тобой завтра разделаюсь! — крикнул мичман Воробейчик и полез на передний мостик.

Вслед ему прозвучал пьяный голос:

— Двенадцать пар очков завел и задается! Эх, корабельная кокетка!

Утром машинист вместо карцера был поставлен на бак под винтовку.

Матрос-скотник доложил капитану 2-го ранга Сидорову, что с корабля исчезла офицерская свинья. Сейчас

же были вызваны на верхнюю палубу оба младших боцмана — Павликов и Воеводин. Они стояли перед старшим офицером, вытянувшись и беззастенчиво пожирая его глазами, а тот допрашивал:

— Как вы думаете, куда она могла пропасть?

— Не могу знать, ваше высокоблагородие,— ответил Павликов, плохо соображая от выпитого ночью рома.

— Ну, а ты что, Воеводин, скажешь?

Воеводин, меньше страдая с похмелья, моментально что-то смекнул и ответил таким серьезным тоном, какой не вызывает никаких сомнений:

— Не иначе как за борт прыгнула, ваше высокоблагородие.

— До сих пор не прыгала, а теперь прыгнула? И что ей за бортом делать?

Воеводин и на это ответил:

— Должно быть, спросонья, ваше высокоблагородие. Иногда случается, что и матрос так сваливается в море. Вы сами знаете, как это бывает. А может быть, захотела удрать с корабля, пока ее не съели. Свинья — это самое хитрое животное.

Старший офицер даже взглянул за борт и смерил глазами расстояние от корабля до берега.

— Это правильно, ваше высокоблагородие,— спохватившись, подтвердил и Павликов.— Я их сотни имел у себя на родине, свиней-то. Ну, до чего пакостная тварь, просто беда! Какую угодно крепкую городьбу шлюшкой своей разворочает. Любая река ей нипочем— переплывет.

Когда старший офицер мирно отпустил своих боцманов, Воеводин, отойдя со мною на шканцы, пожаловался мне:

— Ну, скажу я тебе, и бражка же наши трюмные крысы. Прислали нам в каюту фунта три жареной свинины и бутылку рому. Посыльный объяснил, что все с берега достали. А мы, дураки, поверили этому. Оказывается, тут вон какое дело. Да ведь свинья-то какая! В ней было не меньше шести пудов чистого мяса. Меня одно удивляет, как они спустили ее в кочегарку и как зарезали? Ведь она должна бы орать на всю эскадру, а у них не пикнула. Палили ее, вероятно, паяльной лампой. Чистая работа, нечего сказать.

Боцман вздохнул и добавил сокрушенно:

— Тяжело теперь и нашему брату служить. Если потворствовать команде, того и гляди, сам под суд пойдешь. А стань подтягивать дисциплину — матросы тебя убьют. Разве их чем-нибудь теперь напугаешь, когда и без того все знают: смертники они, на гибель идут.

В этот же день я узнал, что свинья была съедена в одну ночь, а утром на приеме у врача выстроилась длинная очередь людей с расстроенными желудками.

Наша стоянка в Носси-Бэ приближалась к концу. По эскадре был отдан приказ спешно готовиться в поход. Началась горячка: суда день и ночь допринимали уголь, воду, провизию и другие припасы. Заканчивались последние расчеты с берегом.

На эскадре было двенадцать тысяч человек. Благодаря длительному пребыванию здесь они не могли не оказать своего влияния на туземцев: развратили их женщин, научили население, до детей включительно, ругаться по-русски матерно. К нам на броненосец каждый день приезжали сакалавы, торговавшие фруктами, мылом, открытками и другой мелочью. Один из них побил своих конкурентов тем, что проявил выдающиеся способности по части русской ругани, и у него покупали товары охотнее, чем у других. Матросы прозвали его по-своему — Гришкой. Почти голый, только с повязкой вокруг бедер, с великолепно развитым торсом, стройный и мускулистый, он напоминал гладиатора, высеченного художником из темно-коричневого мрамора. Направляясь на своей пироге к нашему кораблю, он еще издали начинал выкрикивать на ломаном русском языке скверные слова. Звучный голос его раздавался на всю эскадру.

Матросы смеялись:

— Ребята, Гришка наш плывет!

— Вот чепушит!

— В боцмана бы его произвести.

Появление его на борту было самым веселым развлечением для команды.

В бухту Носси-Бэ 2 марта прибыл пароход «Регина», доставивший для эскадры сухари, масло, чай, солонину, машинные и шкиперские принадлежности. Все это было послано нашим кормильцем, поставщиком флота Гинсбургом. Без него мы пропали бы с голоду. Ввиду того,

что завтра мы должны сняться с якоря, было приказано разгрузить пароход в двадцать четыре часа.

А за четыре дня до этого к нам присоединился транспорт «Иртыш» с углем.

Мы весь свой броненосец забили углем и другими припасами.

Инженер Васильев, разговаривая с офицерами, возмущался:

— Я не понимаю распоряжений адмирала. Что он сделал с кораблями? Вы только подумайте: водоизмещение «Орла» дошло до семнадцати тысяч тонн. Остойчивость его настолько уменьшилась, что перешла уже за все допустимые пределы. Запас плавучести остался совсем ничтожный. При таких условиях мы не можем достигнуть скорости и четырнадцати узлов. Не только в бурю, но даже при крутом повороте есть риск перевернуться вверх килем.

Офицеры на это только отмахивались рукой:

— Все равно, лишь бы скорее какой-нибудь конец.

3 марта, около часа дня, корабли начали сниматься с якоря, чтобы уже никогда больше сюда не вернуться.

С каким чувством покидали мы Мадагаскар, у берегов которого провели два с половиной месяца?

Порт-Артур пал. Погибла 1-я эскадра. 2-я эскадра, как разоблачил Кладо, почти в два раза слабее японского флота. Выяснилось теперь, что стрелять мы не умеем В Петербурге царская власть расстреливает рабочих. В довершение всего, за последние дни мы начали получать через телеграфное агентство Рейтер безотрадные известия с сухопутного фронта.

Сегодня в иностранных газетах были напечатаны реляции о боях под Мукденом. Там, в далекой Маньчжурии, произошло генеральное сражение — сражение, длившееся несколько дней. Наши не выдержали и в беспорядке отступили к северу, покинув Мукден. Опубликованы ошеломляющие цифры наших потерь: тридцать тысяч убитых, девяносто тысяч раненых, сорок тысяч сдавшихся в плен. Кроме того, японцам досталось огромное военное снаряжение: сотни орудий, сотни тысяч винтовок, десятки миллионов пачек патронов и богатейшая добыча в виде лошадей, фуража, повозок, хлеба, паровозов, вагонов, обмундирования, топлива. Главнокоман-

дующий войсками генерал Куропаткин отозван, а вместо него назначен генерал Линевич. Может быть, приведенные цифры были не совсем точны, но не подлежало никакому сомнению, что наши сухопутные войска разгромлены. По-видимому, поражение было настолько сильное, что едва ли они оправятся. У них осталась единственная надежда — это наша эскадра. Но знают ли они, сухопутные войска, что над русским флотом висит то же самое проклятие бюрократического и самодержавного строя, какое погубило нашу армию? Сердце леденело при мысли, что они обманываются напрасной верой в нашу морскую силу, в нашу помощь. Если нас не вернут обратно в Россию, мы пойдем вперед, но только для того, чтобы своей гибелью завершить страшную эпопею, развернувшуюся на Дальнем Востоке *.

В продолжение двух часов наша эскадра, состоявшая из сорока пяти кораблей, выстраивалась в походный порядок. Жарко светило солнце. Нас некоторое время провожали две белые французские миноноски, держа на мачтах флаги с пожеланием: «Счастливого пути». На «Суворове» в честь Франции духовой оркестр играл «Марсельезу». Вышли на своих пирогах туземцы полюбоваться в последний раз эскадрой. Около борта «Орла» долго крутился знакомый сакалав Гришка. В честь проводов эскадры он решил щегольнуть особым нарядом: вокруг широких бедер узкая полоса красной материи, черная шея в туго стянутом белом воротничке с ярко-желтым галстуком, на кудрявой голове добытая у нашей команды флотская фуражка с золотой надписью названия судна. Остальная часть его тела была голая. Пока мы не увеличили скорость хода, он гнался за нами на своей пироге, размахивал руками и, коверкая русские слова, посылал нам матерные приветствия.

Я посмотрел на изнуренные лица команды и офицеров. Как мы постарели за время похода! Смертная тревога отражалась в каждой паре глаз.

Впереди под знойным небом лежал океан, величественный и сверкающий,— наш роскошный путь к братскому кладбищу.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ЭСКАДРА ИДЕТ ДАЛЬШЕ

1. НА ПРОСТОРЕ ИНДИЙСКОГО ОКЕАНА

Двадцать суток потратили мы на переход через Индийский океан, двадцать суток находились вне видимости берегов, среди водной шири и неба. За это время, к нашему счастью, мы не испытали ни одной настоящей бури. Были только отдельные налеты ветра, как озорные набеги ребят, но это не причиняло нам особых хлопот. Некоторые дни хмурились и моросили дождем, словно оплакивали нашу судьбу, а потом снова загорались ослепительным блеском тропиков. Неодинаковы были и ночи — то облачные, наполненные густой и плотной тьмой, какая бывает в неосвещенной утробе судна, то ясные и синие, завораживающие сиянием луны и звезд.

После того как мы оставили Мадагаскар и взяли курс к Зондскому архипелагу, для всех ясно стало, что эскадра идет на Дальний Восток.

Чувства раздвоились: с одной стороны, подавленность — нас не вернули в Россию, с другой — нам все надоело и скорее хотелось той или иной развязки.

Эскадра прошла уже долгий и длинный путь. На ее кораблях плыло несколько тысяч людей, с разными характерами, успевших много передумать и перечувствовать. А нами никто не занимался. Естественно, лишенные духовной поддержки и думающие вразброд, некоторые слабые натуры искали себе избавления в преждевременной смерти. В первый же день нашего пути с парохода «Киев» бросился в море матрос. Были приняты меры, чтобы спасти его, но адмирал, узнавши, в чем де-

ло, поднял сигнал не искать. Матрос утонул. На следующий день подобный случай повторился на крейсере «Жемчуг» — также выбросился за борт матрос. Он долго плавал, пока его не подобрал госпитальный «Орел». Что произошло с этими людьми? Нормальные они были или нет? Неужели страх перед грядущей смертью толкнул их покончить жизнь самоубийством?

Ни одни сутки не проходили без того, чтобы на том или другом корабле что-нибудь не случилось: повреждения в машине, в кочегарке, в руле. Судно выходило из строя, останавливалось или шло тихим ходом под одной машиной, задерживая всю эскадру. Миноносцы тянулись за транспортами на буксирах: буксирные перлиня часто лопались. Это тоже тормозило наше продвижение вперед. В среднем эскадра проходила за сутки около ста сорока морских миль.

Многих занимал вопрос: почему мы не дождались в Носси-Бэ эскадры контр-адмирала Небогатова? В этом была какая-то непонятная для нас тайна. Я несколько раз прислушивался к разговорам офицеров, но и они ничего определенного не знали и только строили свои догадки.

— Командующий, как я слышал, считает третью эскадру только обузой для себя,— говорили одни.— Поэтому решил не встречаться с нею.

— Этого не может быть,— возражали другие.— Вероятнее всего, Небогатову назначено где-нибудь рандеву. Не исключена возможность, что мы соединимся с ним в открытом море.

— В таком случае какими соображениями руководствовался адмирал, разрознивая свои силы? Мы ведь со дня на день ждем нападения противника. Опасность эта возрастает по мере того, как мы приближаемся к Японии.

Хотя никто и не верил в большую помощь 3-й эскадры, но, видимо, всем хотелось, чтобы она была с нами.

До сих пор мы грузились углем в разных бухтах, в какие заходили. Теперь же через каждые трое — пятеро суток занимались этим делом на океанском просторе. С утра, по сигналу флагмана, эскадра останавливалась на дневное время, застопорив машины, но не отдавая якоря. Боевые корабли спускали баркасы и паровые

катеры, а транспорты — специальные железные боты с воздушными ящиками. С каждого линейного судна посылалась в сопровождении офицеров партия матросов не менее ста человек на угольный транспорт. На их обязанности лежало работать в трюмах, заполнять мешки углем. Назначались еще команды на баркасы и боты, снабженные мешками, стропами и лопатами. Строй эскадры нарушался: транспорты и боевые корабли держались по способности. Вспомогательные крейсеры «Днепр», «Рион» и «Кубань», имея в своих объемистых трюмах достаточные запасы угля, не нуждались в дополнительных погрузках. Этим судам было приказано нести дозорную службу для предупреждения эскадры в случае внезапного появления противника. Они расходились по окружности горизонта, но держались не дальше, как в пределах видимости сигналов.

Как и во время предыдущих погрузок, в работе принимали участие все, не исключая и офицеров. Способ погрузки был самый примитивный: одни в трюмах транспортов наполняли мешки углем, другие отвозили эти мешки на ботах и баркасах к своим кораблям, кто стоял на лебедке, кто ссыпал уголь через горловины в угольные ямы. Через каждый час сигналом сообщали адмиралу о результатах погрузки. Нельзя было отставать от других. Поэтому сам старший офицер Сидоров, желая показать пример другим, становился на оттяжке и помогал в работе. Угольная пыль оседала на его лицо и китель с золотыми погонами. Грозные седые усы, острая бородка и густые брови становились черными. По временам он покрикивал:

— Нажми, ребята, чтобы нам не остаться в хвосте.

И матросы нажимали, одетые в рваные рабочие штаны и нательные сетки. Ноги были обуты вместо сапог в самодельные лапти или просто обмотаны тряпками и шкердами. Редко у кого осталось больше одной фуражки — ее нужно было беречь. Поэтому каждый прикрывал голову несуразным колпаком, сшитым из старой парусины, или чалмой из ветоши. Все были скорее похожи на крючников, работающих на баржах, чем на военных моряков. Крики людей и лязг лебедок разносились с кораблей, окутанных черным туманом пыли. Среди беспорядочной толпы судов паровые катеры, пока-

чиваясь на зыби и давая свистки, тащили на буксирах в разных направлениях баркасы и боты, то пустые, то переполненные грузом.

Так обыкновенно продолжалось часов до пяти вечера, без отдыха, с перерывом лишь на обед. Погрузка кончалась по сигналу с «Суворова». Все баркасы, паровые катера и боты поднимались на место.

Эскадра снова выстраивалась в походный порядок и шла дальше.

Весь мир удивлялся, как это огромнейшая эскадра решилась пойти в такую даль, не имея по пути ни одной угольной станции. А на деле выходило все гораздо проще, чем многие думали. Командующий и его штаб ничего не придумали тут нового и разумного — выручала из беды мускульная сила людей.

Много хлопот причиняли нам мешки. Правда, только на один броненосец «Орел» их было отпущено три тысячи штук, но они ничем не отличались от обыкновенных мучных мешков. Заполнять их углем было трудно: двое должны держать мешок на высоте своих плеч, а третий — насыпать. Работа шла чрезвычайно медленно. В довершение всего мешки эти постоянно расползались и лопались от семипудовой тяжести и острых углов угля. Много времени тратилось на починку их. И не удивительно было, что все обрадовались, когда достали с транспорта «Корея» семьдесят мешков немецкого производства, специально приспособленных для погрузки угля. Они были сделаны из двойной парусины и обшиты по краям тросами. Твердые, кубической формы, они стояли в трюме, словно корзины. В каждый такой мешок, вместимостью до семнадцати пудов, могли насыпать сразу три человека.

Эти погрузки угля больше всего выматывали силы эскадры. Галерникам жилось, вероятно, легче, чем нам. Мы дышали угольной пылью, забивая ею легкие, мы ощущали ее хруст на зубах и проглатывали с пищей, она въедалась нам в поры тела. Мы спали на ворохах угля, уступая ему место в жилых помещениях. Из угля мы создали себе идола и приносили ему в жертву все — наши силы, здоровье, спокойствие, удобство. Думали только о нем, отдавали ему всю изобретательность, хотя и не придумали ничего путного. Он, как черная завеса, за-

слонил от нас более важные дела, словно перед нами стояла задача не воевать, а только приблизить эскадру к японским берегам. Мы завалили углем всю батарейную палубу настолько, что 75-миллиметровые пушки в случае минной атаки не могли бы быть пущены в действие. А Рожественский словно помешался на таких погрузках. Говорят, он во сне иногда выкрикивал:

— Уголь, уголь! Я приказываю еще грузить! Грузить до отказа!

Живые быки, находившиеся у нас на палубе, убавлялись в числе. Вперемежку со свежим мясом мы стали есть солонину. Но она была просолена неумело и от жары почти вся испортилась. Каждую бочку, вытащенную из ахтерлюка, выкатывали на бак, и там уже раскрывали ее с предосторожностью. Обыкновенно кок или артельщик обухом топора ударял по дну бочки и сейчас же убегал прочь, так как из образовавшихся щелей, пенясь и шипя, начинал бить фонтаном прокисший и забродивший рассол. По всей палубе распространялся такой отвратительный запах, что все зажимали носы. Только спустя несколько минут можно было снова подойти к бочке, чтобы закончить раскупорку дна. Сколько ни вымачивай в воде такую солонину, она мало чем отличалась от разложившейся падали *.

Находясь в таких тяжелых условиях, мы давно должны были бы подохнуть. А мы не только продолжали жить, но временами и смеялись. В свободное время раздавались звуки гармошки или гитары. Пели песни хором или в одиночку. Находились матросы, которые, несмотря на усталость, отплясывали трепака. На баке рассказывали о разных смешных случаях. Это облегчало нашу участь, спасало нас от сумасшествия.

Иногда развлекал нас своими причудами Рожественский. Как-то сигналом он ошарашил корабли новостью, что вблизи находится японская эскадра. Невольно возникал вопрос: откуда он узнал об этом? Ни одно из иностранных судов не приставало к «Суворову», а до берега было около двух тысяч морских миль. Конечно, у нас по ночам принимались все меры охраны и дежурили при заряженных орудиях. С разведочных крейсеров после такого предупреждения адмирала то и дело стали доносить, что они видят огни то впереди, то по сто-

ронам. По проверке оказалось, что никаких огней не было. Так, «Изумруд» сигналом сообщил:

— На горизонте вижу корабль.

Адмирал переспросил:

— Что вы видите?

«Изумруд» ответил:

— Ничего.

Адмирал рассердился и просигналил «Изумруду»:

— Глупости.

Редкий день проходил без того, чтобы на каком-нибудь судне не был арестован за ту или иную оплошность вахтенный начальник. Плавучий госпиталь «Орел» за невнимание к позывным получил три холостых выстрела. Некоторые корабли за провинность адмирал ставил, как и раньше, на правый траверз «Суворова». Однажды ночью броненосец «Сисой Великий», шедший в левой колонне, ни с того ни с сего свернул внутрь строя и полез на нас. Правая колонна, увертываясь от таранного удара шального корабля, расстроилась. А «Сисой» сделал поворот на сто восемьдесят градусов и пошел обратным курсом, ничего не сообщая о себе флагману. На мостике у нас недоумевали:

— Что с ним случилось?

— Кажется, в Россию понесся?

— Вот это номер!

С флагманского корабля спросили сигналом:

— «Сисой», уходите ли вы куда-нибудь?

Тот ответил:

— Имею повреждение в руле.

Адмирал приказал старшему офицеру «Сисоя» немедленно явиться к беспроволочному аппарату, и начался разговор по телефону:

— Кто на вахте?

— Лейтенант Z.

— Отдать вахтенного начальника под надзор фельдшера.

— На мостике неотлучно находится командир.

— Объявляю ему выговор.

На «Сисое» было два доктора, но вахтенный начальник все-таки был отдан под надзор фельдшера. Можно себе представить, что переживал лейтенант Z, когда

ему объявили распоряжение адмирала. Это означало — признаки психической ненормальности лейтенанта настолько явственны, что в них может разобраться даже средний представитель медицины.

В таком роде нелепости повторялись почти каждый день.

В ясные дни океан, замкнутый в широкий круг чертой горизонта, лежал темно-синей громадой под бледно-голубым небом. Офицеры и матросы всматривались вперед и по сторонам, в слепящие дали, и ничего не видели, кроме безжизненной пустыни. Жизнь была только в глубине вод, и она редко замечалась на поверхности. За кормой следовали беломраморные акулы, пожиравшие всякие отбросы с корабля. Казалось бы, не все ли равно, в чей желудок попадает после смерти твое тело? Однако, когда смотришь на этих прожорливых чудовищ, чувствуешь на спине знобящий холодок. Иногда кашалот показывал свою морду, черную и несуразно тупую, как пень. Тревога вкрадывалась в сознание: не подводная ли это лодка? Но тут же раздавался шумный и протяжный, словно от безнадежного отчаяния, вздох животного, и сомнение людей рассеивалось. Где-нибудь в стороне от кораблей поднимался пущенный китом фонтан, белый на темно-синем фоне океана, похожий на взвихренную снежную пыль и сопровождаемый хрипуще-глухим стоном. Чаще давали о себе знать летучие рыбы. Величиною не больше средней сельди, они стаями выпрыгивали из воды и, сверкая чешуей, неслись над поверхностью океана на своих длинных и острых, как ласточкины крылья, плавниках. Пролетев сажен тридцать — сорок, они падали, поднимая мелкие брызги.

На ночь я обыкновенно устраивался на верхнем кормовом мостике, разостлав сзади запасной рубки парусиновую койку и пробочный матрац. Сюда же приходил спать со своей циновкой инженер Васильев, выгоняемый из каюты нестерпимой жарой. На мостике, после убийственного дневного зноя, ночь приносила часы легкой прохлады. Мы лежали голова с головою, подставляя обнаженную грудь освежающей струе муссона. Одно лишь невесомое небо служило для нас одеялом, сверкая затейливой вышивкой созвездий. Под рокот винтов, бурливших воду за кормою, под говорливые всплески во-

ды доносившиеся с наветренного борта, хорошо было думать и воскрешать в памяти яркие картины прошлого. Иногда, окутанные нежным сумраком, мы подолгу не могли уснуть и, беседуя вполголоса, раскрывали друг перед другом самые сокровенные мысли.

Меня давно преследовало желание узнать от Васильева, каким путем он пришел к своим взглядам, из какой среды он вышел и какие цели он ставит себе в жизни. Но каждый раз, когда приходилось с ним разговаривать, я стеснялся спросить его об этом, несмотря на все возрастающую нашу дружбу. И только теперь, в обстановке последнего перехода эскадры, перед нашим вступлением на театр военных действий, создалась та располагающая задушевность, когда я смог удовлетворить свое любопытство.

Шаг за шагом Васильев рассказал мне свое детство и школьные годы, рисовал портреты своих родителей и членов семьи. Посвятил меня и в тайны последних лет его пребывания в Кронштадтском морском инженерном училище, где он получил образование. Как странно складывается судьба человека! Какими неведомыми путями проходит его жизнь! Мы с Васильевым выросли в совершенно различной обстановке, а я, слушая его, часто не мог удержаться от восклицания:

— Вот как! Ведь то же самое и мне приходилось переживать!

Он и я далеко жили от моря и ничего общего с ним не имели. Однако это не помешало нам стать моряками по добровольному выбору. Оба мы бесконечно полюбили водную стихию и отдали сердце морскому делу.

Сын земского врача, родившийся на Украине, проведший раннее детство в самой захолустной деревне Воронежской губернии, Васильев до четырнадцати лет никогда не видел моря. Никого из моряков не было ни в его семье, ни среди знакомых его отца. И тем не менее мечта о широких водных просторах, жажда стать моряком, любовь к кораблям проснулись в нем с детства, как только он научился читать. В пятилетнем возрасте он уже срисовывал все корабли из журналов и знал в точности весь состав русского флота. Однажды летом, на седьмом году жизни, ему пришлось гостить у своего дяди на хуторе, мимо которого протекала небольшая реч-

ка. Взрослые купались в ней, проявляя свое наслаждение в радостных возгласах и смехе, а ему разрешали сидеть только на берегу. Мальчик смотрел на них с завистью и размышлял, почему бы и ему не воспользоваться таким удовольствием? В искусстве плавания ничего хитрого не было — лишь выгребай руками и двигай ногами. Он бултыхнулся в сияющую гладь реки и сразу пошел ко дну, беспомощно барахтаясь и захлебываясь. Пока взрослые спохватились и вытащили его на сушу, он потерял сознание. Но это нисколько не отвратило его стихийной тяги к воде, а только дало толчок скорее научиться плавать. С четвертого класса гимназии он наметил свою будущую специальность, решив стать морским инженером, хотя отец его и близкие прочили путейскую карьеру, столь модную в те годы.

По окончании гимназии он поступил в Кронштадтское инженерное училище, но тут полоса новых впечатлений ворвалась в его складывающуюся психологию. Со всею силой его захватили революционные настроения, волновавшие многих из учащейся молодежи. Но, не ограничиваясь чтением нелегальной литературы, он решил связать свою любовь к морскому делу с борьбой за лучшую долю человечества. Его увлекала идея превратить флот в боевую сокрушительную силу против самодержавия. На втором курсе он уже связался с подпольными партиями и стал в число организаторов революционного кружка в своем училище, а в будущем мечтал создать подобные кружки на каждом судне из решительно настроенных офицеров и матросов. Какие заманчивые перспективы рисовались ему при мысли захватить такие боевые силы, как современные броненосцы, эти грозные плавучие крепости! Революционное движение рабочих и крестьян — было для него тем исходным принципом, которому он был готов отдать себя, свою молодую жизнь.

По вечерам, отделавшись от своей работы, я выходил на бак. Здесь, у горящего фитиля, всегда можно было застать покуривающих матросов. От них я узнавал все новости по эскадре. За последнее время сюда начал похаживать и старший боцман, кондуктор Саем, лицо которого с густыми усами было фальшиво, как отражение в кривом зеркале. Недавно его отучили заниматься мордобойством. В тот момент, когда он ночью спускался по

трапу вниз, рядом упал кусок железа весом фунтов в десять. Виновника не нашли, но боцман понял, что так и без войны можно потерять голову, и стал заигрывать с командой. Однажды я застал его у фитиля ночью. Небо густо было усеяно звездами. Синий сумрак нежно окутал заштилевший океан. Эскадра шла под полными огнями. Две кильватерные колонны, растянувшись, напоминали широкую освещенную улицу города.

Боцман Саем долго сидел на выступе передней башни, а потом, вздохнув, тихо промолвил:

— В такую ночь только бы молиться. Душа сама устремляется к небу.

Ему на это кто-то сказал:

— А вам, господин боцман, приходится беспокоиться и произносить слова, не совсем угодные богу.

— Ничего не поделаешь — военная служба. Тут все должно быть строго и точно, как на аптекарских весах. Иначе дело не пойдет.

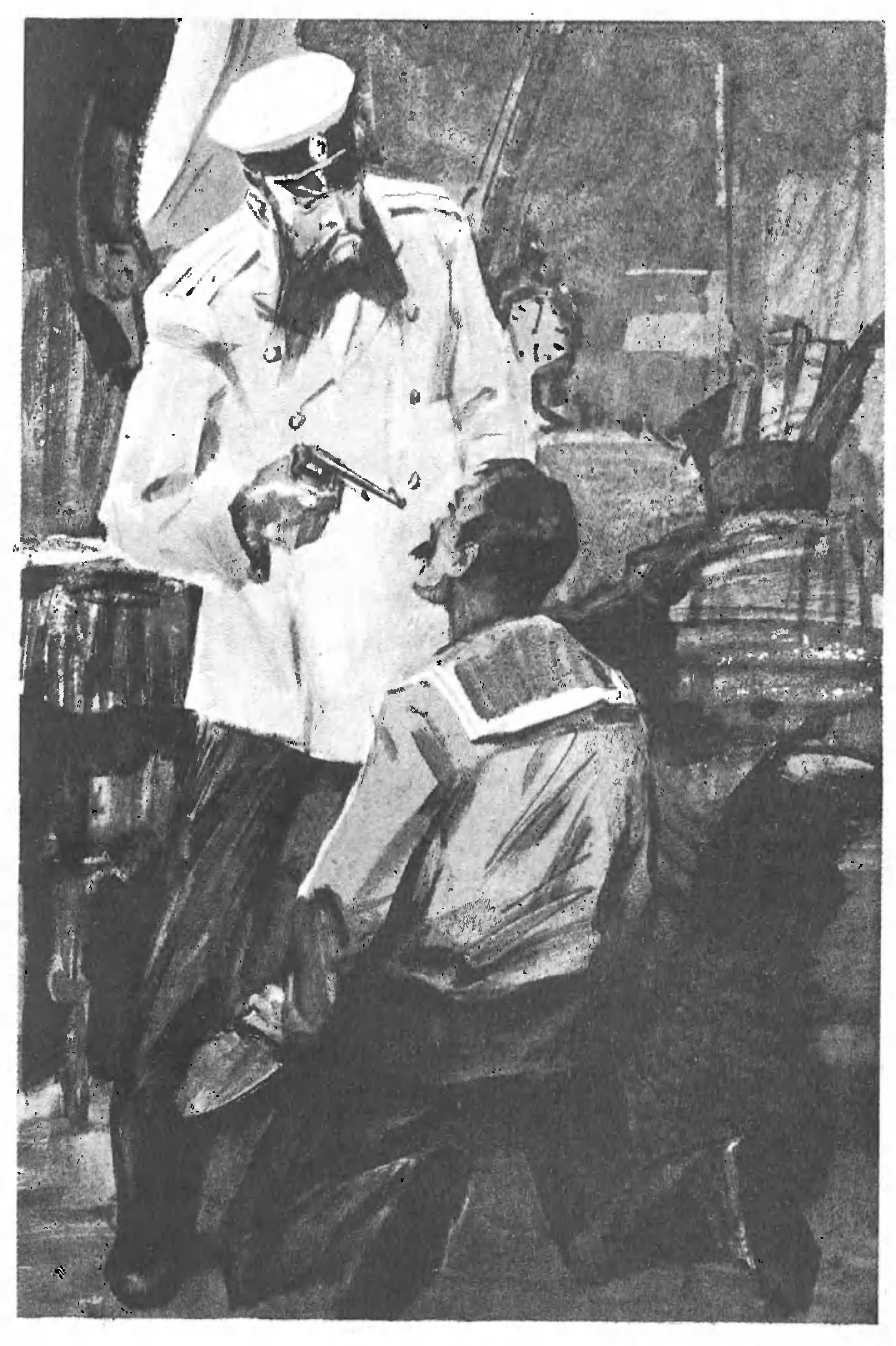
— Значит, и без битья не обойтись?

Саем, оживляясь, ласково заговорил:

— Вы вот, братцы, обижаетесь на это, а все зря. Что сделается с человеком, если я иногда разок-другой хлобысну его по морде? Ничего. Физия от этого только крепче станет. А разве лучше было бы, если бы я о каждом провинившемся матросе стал докладывать по начальству? Ведь половина команды пошла бы под суд. И мне не с кем было бы соблюдать порядок на судне. А тут сорвал на ком сердце, и опять живи по душам, как полагается истинным морякам.

Боцман снял фуражку, вытер стриженую голову платком и продолжал:

— В сравнении с прежней строгостью теперь одна забава. Помню, как плавал я на учебном парусном судне, когда на квартирмейстера готовился. Восемь месяцев скитались мы в заграничных водах. Вот где была настоящая служба! Старший офицер у нас был человек сильный и сытый — лоснился, как морж. Горячки не порол, но характер имел крутой. Матросов бил молча, спокойно, словно дрова рубил. Все перед ним трепетали. Но зато, бывало, начнет командовать во время парусного учения — красота! Голос у него был — труба иерихонская. Как-то шквал налетел. Погнали нас на мачты



Часть четвертая. Глава 3.
«БУХТА КАМРАНГ»

Часть четвертая. Глава 6.
«ОБЕД ЗА БОРТ!»

паруса крепить. И вот один ученик сорвался с бом-брам-реи, но успел ухватиться за нижний край паруса. Повис, несчастный, в воздухе и давай мотаться во все стороны. Смерть пришла человеку. Старший офицер увидел его и заревел: «Тарасенко, держись, подлец, а то запорю!» А тот сверху протяжно пропищал, словно ребенок: «Есть, ваше высокоблагородие, держусь». Вот это матрос! В такую помрачительную минуту и то дисциплину не забыл. Успели все-таки спасти его. Когда он очутился на палубе, на нем лица не было — точно гипсовая физиономия, а на ней два стеклянных глаза. Пальцы все были в крови. Глянули мы на них и ахнули: ногти под мясо ушли. Чувствуете, какая была служба, а?

— Очень даже чувствуем,— ответили матросы иронически.

— Вот и отлично,— похвалил боцман.— Люблю понимающих ребят.

— Приблизительно такой же случай описан у Станюковича. Разве не читали, господин боцман? — спросил я.

— Никакого вашего Станюковича я не читал, а говорю только, что сам знаю,— недовольно проворчал боцман.— Слушайте дальше. Под стать старшему офицеру был у нас и командир, только в другом духе. Своего матроса в обиду никому не даст и насчет пищи заботился. Не командир, а бриллиант чистой воды. Только больно горяч был. Огонь! Все, бывало, по мостику прохаживался и плечами дергал. От нервности больше. Когда рассердится, делается вроде как без памяти. Однажды квартирмейстер чем-то проштрафился перед ним. Командир бросился на него с визгом, охватил руками шею и вцепился зубами в ухо. Весь свой белый китель испачкал кровью. Напрочь откусил ухо и выплюнул на палубу. Вот до чего ополоумел. Командир ушел к себе в каюту, а квартирмейстер — к доктору. Когда квартирмейстер вылечился как следует, призвал его командир к себе. «Ты, говорит, прости, что я малость погорячился. В Кронштадте может к нам адмирал явиться. В случае спросит, почему у тебя только одно ухо, надеюсь, сумеешь ответить. Скажешь, в иностранном порту по пьяной лавочке такая оказия случилась. А тебе за это вот награда». И сунул квартирмейстеру английский золотой — фунт стерлингов. Я знал одного командира, ко-

торый никогда не отдавал под суд и даже в карцер не сажал. У него не было штрафных матросов. Он по-своему наказывал виновников. Дождется, бывало, шторма и прикажет покрепче принайтовить провинившегося матроса к бушприту. Кипит море. А знаете, что в таких случаях делается с судном? То оно кормой вскинется вверх, то бушпритом врежется в воду глубиной сажени на две. Привязанного матроса бьют тяжелые волны. Он задыхается, захлебывается. Ему кажется, что его уже душит смерть. Так вот часика два проманежат его, а потом снимут на палубу. А он ни жив и ни мертв. Выкачают из него воду — и марш на работу! И таким становится примерным матросом, что любо-дорого смотреть на него. Вот как служили! Но зато и порядок был.

Саем, поднявшись, окинул взором эскадру и воскликнул:

— Прямо целый город плывет! Несокрушимая сила.

Он пожелал спокойной ночи и ушел.

Кочегар Бакланов, лежа на палубе животом вверх, лениво процедил:

— Подлизывается к нашему брату, продажная тварь.

— У хорька больше совести, чем у него,— промолвил кто-то.

Но скоро забыли о боцмане, заинтересовались чудесами океана. Корабли проходили места, густо населенные светящимися медузами. В продолжение целого часа мы наблюдали зеленые огни в воде. Казалось, с таинственного дна всплывали электрические шары и сияли ровным светом среди ночного безмолвия.

2. ТРЕВОГА, А БАКЛАНОВ ЗАБАВЛЯЕТСЯ

С рассветом 23 марта перед нами с левой стороны открылись три больших острова. Спустя часа четыре показались берега и справа. За двадцать дней плавания мы впервые увидели землю. Эскадра входила в Малаккский пролив. К вечеру миноносцы отдали буксиры и пошли при помощи своих машин.

За время перехода через Индийский океан мы пять раз грузились углем.

На «Орле» среди команды распространилась новость, исходящая из радиорубки. Пришлось обратиться за сведениями к телеграфистам. Оказалось, накануне ночью вспомогательный крейсер «Терек» сообщил по беспроволочному телеграфу:

«Взбунтовалась команда. Требует смены старшего офицера. Считаю команду неправой. Командир».

На это с «Суворова» последовал ответ:

«Фельдфебелей разжаловать в матросы 2-й статьи. Назначить других фельдфебелей. Дело будет разбираться следствием. Адмирал Рожественский».

Меня очень заинтересовал вопрос: что случилось на «Тереке»? Но об этом я узнаю только на одной из следующих стоянок, когда увижусь с командой этого крейсера.

Эскадра, войдя в Малаккский пролив, перестроилась в новый походный порядок: первый броненосный отряд справа и второй — слева; между ними разместились транспорты с миноносцами; впереди — разведочный отряд; позади, в кильватер броненосцев,— отряд крейсеров; в замке — крейсер «Олег».

Очевидно, такой строй эскадры адмирал Рожественский считал наиболее безопасным.

Стали встречаться иностранные коммерческие суда.

Бдительность на эскадре усилилась. С наступлением темноты на кораблях не зажигали огней, кроме отличительных и гакабортных. На броненосце «Орел» сигнальщики стояли не только на мостиках, но и на марсах и салингах. Офицеры и орудийная прислуга дежурили у своих пушек. Погреба были открыты, при них находились люди, готовые к подаче снарядов. Все иллюминаторы задраили боевыми крышками. Внутри судна, накаленного за день тропическим солнцем, стояла удушливая жара.

У нас в кочегарке лопнула паровая труба, идущая от пятнадцатого котла к магистрали. Дело обошлось без жертв, но броненосец вышел из строя. Несколько крейсеров осталось охранять нас. Пока закрыли клапан в котле и подняли пар в остальных, прошло полтора часа. За это время командир, находясь на мостике, весь издергался и охрип от крика. Через каждую минуту он спрашивал по телефону в машину:

— Когда же вы кончите там?

И начинал ругаться, нервируя этим работающих людей.

«Орел» наконец пошел, развив ход, и, догнав эскадру, занял свое место в строю.

Мы шли вдоль берега огромнейшего острова Суматра, покоренного голландцами. Справа от нас неясно, словно поднявшиеся испарения, синели его загадочные берега. Я смотрел на них с жадностью любознательного ребенка и думал: забраться бы туда, в этот новый мир, побродить в девственных лесах, посмотреть на таинственные озера и реки, окунуться в жизнь четырех миллионов не виданных мною малайцев. Остались ли где-нибудь на нашей планете вольные земли? Все захвачено капиталистическими странами. Поверхность пролива, ровная, словно литая, сияла голубыми переливами с изумрудными оттенками. Над кораблями носились фрегаты. Иногда эти оригинальные птицы снижались почти до мачт, паря в солнечных лучах, коричнево-черные, с пурпуровым отблеском на груди, с острыми полусаженными крыльями, с длинным раздвоенным хвостом. Они плавали по воздуху то медленно, как бы приспосабливаясь к ходу судна, то вдруг уносились вперед с быстротой стрижа. В особенности интересно было наблюдать за ними в те моменты, когда, спасаясь от врагов, выпархивала из воды летучая рыба. Словно снаряды от навесного огня, фрегаты падали вниз, с необычайной ловкостью набрасывались на свою поживу, а потом снова взмывали вверх, и почти у каждого из них в длинном крючковатом носу трепетала жертва, сверкая перламутром чешуи.

Мы не переставали получать тревожные вести от разведочных крейсеров. Им все мерещились неприятельские корабли. Когда этому настанет конец? Каждый раз у нас напрасно били боевую тревогу.

Малаккский пролив постепенно суживался.

В одну из ночей налетел шквал с тропическим ливнем и грозой. Вот когда был удобный момент для минной атаки. Неприятельские миноносцы могли приблизиться к нам вплотную, и никто бы их не заметил. Я представлял себе, что произойдет с эскадрой в сорок пять кораблей, сбитой в такую тесную шестиколонную кучу, в которую любая торпеда может ударить без промаха. Те-

перь для меня стало ясно, что предпринятые меры охраны эскадры никуда не годились. Главное ядро ее представляли четыре новейших однотипных броненосца. Казалось, вот их-то и нужно было больше всего охранять. А они, как и броненосцы второго разряда, совершенно не были обеспечены с флангов ни быстроходными крейсерами, ни миноносцами. Разум подсказывал мне, что потеря ничтожного судна не остановит движения эскадры вперед, но если будет потоплен первоклассный броненосец, то это сразу расстроит все наши планы. А Рожественский поступал как раз наоборот, превратив лучшие линейные корабли в охрану. И кого охранял? Транспорты и миноносцы. К счастью, мы никого не встретили, кроме трех пароходов. Их освещали прожекторами, передавая по очереди друг другу, пока они не скрылись у нас в тылу.

Утро было пасмурное. В честь праздника благовещения отслужили обедню. Команда была освобождена от работ.

Крейсер «Алмаз» шел под флагом контр-адмирала Энквиста. Вдруг там появился сигнал, что сам адмирал, командир и офицеры, находившиеся на мостике, а также и сигнальщики ясно видели десять судов. В них нельзя было не признать миноносцев, прятавшихся за встречный английский пароход. Затем они быстро скрылись в направлении на норд-ост.

На «Орле» все заволновались, ожидая, что сейчас начнется сражение, но там ничего не было видно, кроме упомянутого парохода.

Меня в данном случае удивляло одно: если действительно были усмотрены миноносцы, то почему не предприняли энергичных мер против них? Необходимо было бы моментально выслать за ними погоню из быстроходных крейсеров и миноносцев. Скорее всего опять произошла ошибка. Очевидно, в глазах людей, пораженных страхом, одно коммерческое судно удесятерялось и превращалось в целую минную флотилию.

Осталось ходу только на одни сутки — и Малаккский пролив кончился. Последняя ночь была самая напряженная. Эскадра прошла мимо города Малакка. Видны были огни, разбросанные по набережной. Еле уловимый береговой бриз доносил до нас пряные ароматы

тропиков. В воображении рисовалась иная жизнь — экзотически-сказочная, без пушек и торпед. Хотелось броситься за левый борт и плыть прямо на призывно сверкающие огни.

В одиннадцать часов дня все узкости пролива остались позади нас. Эскадра перестроилась в прежний походный порядок. Транспортам было приказано следовать в арьергарде.

После обеда слева показался город Сингапур, расположенный на самой южной оконечности Малаккского полуострова. В бинокль можно было разглядеть около десяти пароходов и два военных корабля, стоявших в бухте, а также несколько больших цистерн, расположенных на берегу. За ними смешались в одну кучу белые квадраты зданий, прорезанные путаными линиями зелени. Отчетливо выделялся только один собор в готическом стиле. В городе с населением в полтораста тысяч господствовали англичане. Справа от нашего курса разбросались пустынные острова с отмелями апельсинного цвета, в окружении зеркальных вод. Казалось, не проливом, а по могучей реке выплывали мы в голубой простор Южно-Китайского моря, в бесконечное знойное марево.

Из Сингапура навстречу нам вышел небольшой пароход под флагом русского консула. На пароходе подняли сигнал: «Имею на борту консула, он желает личного свидания с адмиралом». Но эскадра не остановилась. К пароходу был послан миноносец «Бедовый». Как после узнали, консул, надворный советник Рудановский, передал на него какие-то пакеты. Затем миноносец прошел вдоль колонны первого отряда, передавая в рупор новости на суда. Мы услышали только две фразы:

— Японский флот севернее Борнео. Куропаткин сменен, назначен Линевич.

Консульский пароход догнал флагманский корабль и шел некоторое время около его борта.

Вечером с «Суворова» передали по семафору на броненосец «Ослябя» лично адмиралу Фелькерзаму такие сведения:

«5 марта главные силы японского флота, из двадцати двух боевых кораблей, под начальством адмирала

Того, приходили на рейд Сингапура. Теперь эти силы находятся у Лабуана, около острова Борнео. Крейсеры и миноносцы скрываются у острова Натуна. Вчера они могли узнать о нашем движении. Небогатов вышел из Джибути».

Теперь никто не сомневался, что японский флот находится от нас в двухстах милях. Об этом сообщил сам консул. А он, живя в Сингапуре, очевидно, точно узнал, что на рейд приходили двадцать два боевых корабля. Значит, японцы заранее хотят напасть на нас, не дожидаясь, когда мы придем в их воды *.

У нас спешно начали готовиться к бою. Беспощадно ломали дерево и спускали его в трюмы. Забивали углем каюты для защиты опреснителей, поставленных в батарейной палубе. Сетями и тросами прикрывали все, что представляло собою ценное.

Не спали всю ночь.

С утра следующего дня эскадра останавливалась лишь на несколько часов, чтобы миноносцы могли погрузиться углем. И пошли дальше по Южно-Китайскому морю. Впереди рассыпался цепью разведочный отряд из крейсеров: «Светлана», «Кубань», «Терек», «Урал», «Днепр» и «Рион».

Четверо суток мы шли до берегов Аннама, четверо суток находились в большой тревоге, ожидая нападения неприятельского флота. Но он все не показывался, несмотря на частые донесения наших разведчиков, что будто бы видят его. Такая бестолочь истрепала нервы личного состава.

31 марта сквозь утренний туман увидели берега с высокими горами. Эскадра остановилась перед бухтой Камранг, расположенной на двести миль севернее Сайгона. Были высланы вперед миноносцы, чтобы протралить вход в бухту и места якорной стоянки. Затем пошли катера и шестерки, имея назначение расставить вехи по диспозиции и произвести промер.

От Мадагаскара до Камранга мы прошли расстояние в четыре тысячи пятьсот шестьдесят морских миль, не заходя ни в один порт. На такой путь потребовалось двадцать девять изнуряющих суток. За это время много было пережито волнений и тревог — эскадра останавли-

валась сто двадцать раз. Из этого числа тридцать девять остановок были вызваны тем, что рвались буксирные перлиня, а в остальных восьмидесяти одном случаях задерживались вследствие повреждений котлов, механизмов и рулей.

Пока в бухте производили траление и промер, эскадра занялась погрузкой угля с транспортов.

В этот же день на броненосце «Орел» после обеда произошел маленький случай, развеселивший многих матросов.

Мичман Воробейчик прилег у себя в каюте на койку. Имея свободного времени каких-нибудь пятнадцать — двадцать минут, он не разделся, не разулся и даже не снял с носа очков. По-видимому, ему просто только хотелось почитать книгу, лежа на спине и свесив ноги на пол. Но предательский сон охватил мичмана своими мягкими и обволакивающими объятиями, охватил настолько, что из его аккуратненького носа с тонкокрылыми ноздрями понеслись свистящие звуки.

В это время мимо каюты Воробейчика проходил кочегар Бакланов. Увидев мичмана спящим, он остановился, оглянулся — в офицерском коридоре никого не было. И ему моментально пришла мысль выкинуть одну шутку, не считаясь с тем, что ему придется отвечать за нее, если попадется. Конечно, запачканный угольной пылью, он мог рассчитывать на то, что его трудно узнать, а задержать его, когда он бросится в кочегарку, у мичмана не хватит ни силы, ни решимости. Бакланов достал из кармана папиросную бумагу, отделил два листочка и заклеил ими оба стекла мичманских очков. Воробейчик продолжал свистеть тонкокрылыми ноздрями. Тут же он был схвачен за ногу, и над ним раздался пугающий возглас:

— Пожар!

Кочегар Бакланов убежал в помещение команды, а мичман вскочил, как шальной. Что должно было представиться в его воображении, встревоженном страшным словом, да еще после крепкого сна? Он ничего не видел перед глазами, кроме серой пелены, похожей на дым. Воробейчик, шарахаясь в своей каюте и не находя выхода, завизжал:

— Вестовой! Вестовой!..

В ту же минуту в дверях вырос вестовой:

— Чего изволите, ваше благородие?

Но Воробейчик уже держал в руках очки с заклеенными стеклами. Бледный, он весь дрожал и таращил непонимающие глаза. Потом, захлебываясь от ярости, закричал:

— Кто сейчас здесь был?

— Не могу знать, ваше благородие!

— Догнать этого негодяя! Я его в тюрьме сгною, повешу! Какого же черта ты стоишь? Бегом, марш!

Вестовой тоже ничего не понимал и продолжал стоять, пока не получил несколько пощечин.

После он жаловался другим вестовым:

— Барин мой совсем спятил. Кого-то заставляет ловить и в драку на меня лезет. А очки свои для чего-то папиросной бумажкой заклеил.

Воробейчик в этот день ходил с таким видом, словно у него разболелся зуб, и старался не смотреть на команду, чувствуя в каждой паре глаз насмешку над собою.

3. БУХТА КАМРАНГ

Разглядывая бухту Камранг, я думал о вечной борьбе суши с водной стихией. Мне казалось, что аннамские берега с горными хребтами и высоченными вершинами сплошным изогнутым фронтом наступали на море. Но море стойко боролось за пространство и старалось прорвать этот фронт. Оно, вгрызаясь в каменный берег, проникло двойным проливом в материк, а потом постепенно начало раздвигать горы и скалы в стороны. Прошли тысячелетия, и в суше образовался просторный бассейн с несколькими небольшими заливами. Дальше, в глубине материка, был еще такой же бассейн, который соединялся с первым узким горлом, способным, впрочем, пропустить самые большие океанские корабли. Моряки, побывавшие на Дальнем Востоке, утверждали, что Камранг с двумя своими бухтами напоминает Порт-Артур.

Внутри бухты было дико и пустынно. Из глубины суши спускалась к воде отлогая равнина и заканчивалась низменностями, поросшими кустарником. Кое-где по ска-

там протянулись красные полосы, как незажившие раны на теле великана. Леса, несмотря на солнечный зной, не отличались тропической пышностью,— зелень их пряталась в ущельях среди сырых и бесплодных скал. И нельзя было не удивляться, что заставило несчастных аннамитов поселиться в семи-восьми хижинах около самой воды, под сенью кокосовых пальм, у подошвы горной громадины. На противоположной стороне рейда приютилась небольшая французская колония с почтой и телеграфом.

В первой бухте разместились по диспозиции боевые корабли, а во второй — скрылись транспорты и вспомогательные крейсеры.

Гранитный островок, отшлифованный до блеска волнами, разделил выход в море на два пролива; меньший из них, чтобы не прорвались к ним неприятельские миноносцы, заградили боном из бревен и железных ботов, а второй постоянно охраняли миноносцы и минные катеры. Несколько крейсеров по очереди несли дозорную службу. Для этого каждый из них выходил в море и крейсировал в милях десяти от Камранга. Словом, были приняты строжайшие меры охраны эскадры.

Но вот что случилось в ночь на 1 апреля. Транспорты еще днем накануне вошли в бухту Камранг, а боевые суда остались в море до следующего утра. Восемь броненосцев и двенадцать крейсеров с несколькими миноносцами по распоряжению командующего должны были провести ночь на морском просторе. Удалившись от Камранга миль на пятнадцать, они разделились поотрядно и застопорили машины. Зыбилось море, отражая расплескавшийся блеск молодой луны. Эскадра держала огни, соответствующие застопоренным машинам. Хоть и слабо дул ветер, но вместе с течением он постепенно развертывал корабли в разные стороны, нарушая всякое подобие строя. Некоторые суда время от времени давали небольшой ход, чтобы отыскать свое место, и лезли друг на друга, угрожая столкновением. Недозревшая луна спускалась, застряла на несколько минут в снастях «Суворова», а потом, освободившись от пут, скрылась за горизонтом. Тьма усилилась, море почернело. Под конец ночи в отряде броненосцев вместо восьми судов оказалось девять. На мостике у нас старший штур-

ман Саткевич первый обратил на это внимание. Лейтенант Гирс заворчал:

— Что за чепуха! Откуда взялось лишнее судно?

— Да, какое-то приблудило,— сказал инженер Васильев.

«Суворов» прожектором осветил неизвестное судно. Сейчас же на него направили лучи и другие броненосцы. И только теперь увидели, что это был пароход без флага, неизвестной национальности. Он начал было удаляться, но за ним бросились наши гончие — миноносцы. Они признали в нем обыкновенный немецкий грузовик, но так как он был порожний, то с миром отпустили его.

Лейтенант Гирс возмущался:

— Мы ждем минной атаки, а у нас среди броненосцев спокойно шляется чужое судно. Более беспечной эскадры, мне кажется, не найти во всем мире. Ну и хаос царит у нас!

С ним согласились остальные офицеры.

Инженер Васильев подзадорил:

— Будь это самый захудалый японский крейсерок с минными аппаратами, он мог бы потопить любой наш броненосец.

— Конечно, он выбрал бы флагманский корабль.

Стоянка наша в бухте Камранг, вопреки ожиданиям многих, затянулась. Предполагали, что здесь мы только перегрузим уголь с четырех немецких транспортов, прибывших из Диего-Суарец, и пойдем дальше. Но морское министерство, с которым Рожественский сносился по телеграфу через Сайгон, имело какие-то свои соображения. По-видимому, командующий получил распоряжение ждать эскадру контр-адмирала Небогатова.

Как и в Носси-Бэ, помимо судовых работ, занимались погрузкой угля. Ежедневно с кораблей производили стрельбы по щитам из орудий при помощи вспомогательных стволов. Раза два выходили в море для определения девиации и маневрирования.

На судовых радиостанциях получались непонятные знаки. Адмирал Рожественский решил, что где-то близко находятся японцы. Предполагая, что эскадру могут атаковать неприятельские подводные лодки, он предписал усилить наблюдение за водой во все стороны от судна; для этого специально были назначены лучшие сигнальщики.

Был великий пост. На броненосце «Орел» матросы исповедовались и причащались. Многие сейчас же рассказывали на баке, о чем их спрашивал на исповеди отец Паисий. Оказалось, что в числе других вопросов были и такие: «Как относишься к начальству?», «Не читаешь ли запрещенных книжек?», «Не знаешь ли на судне политиков, которые идут против царя?»

Матросы возмущались священником, говоря:

— Ишь, что ему, рыжему идолу, захотелось узнать!

— Для этого-то и существует исповедь, чтобы выведать от нашего брата что-нибудь. Богу, что ли, все это нужно? Сами же попы говорят, что он всеведущий и всезнающий. На что же ему сдалась наша исповедь?

Кочегар Бакланов хвалился:

— Меня поп никогда не обманет, но ведь и я ему всю правду не скажу.

Транспорты «Киев», «Китай», «Юпитер» и «Князь Горчаков» совсем разгрузились. Вспомогательные крейсеры проводили их до Сайгона и опять вернулись в бухту. Эскадра облегчилась от лишней обузы. Прибыл белый «Орел», привез свежую провизию, которую сейчас же разбросали по судам. Затем бросил якорь в бухте зафрахтованный в Сайгоне пароход «Еридан». Огромнейший корпус его был весь в заплатах, с облупленной краской, словно покрылся болячками и коростой. На нем были доставлены для эскадры быки, свиньи, куры, утки и разные продукты. Когда к нему пристали со всех сторон баркасы и начали разгружать его, то получилась исключительная картина. Каждый корабль хотел урвать себе провизии побольше. Тащили на баркасы все, что попадалось под руки, не считаясь с учетом товара. Это было похоже на морское пиратство. Офицеры сначала поощряли свою команду, но потом им пришлось раскаиваться в этом. Работая в трюмах, матросы добрались до спиртных напитков и начали разбивать ящики с шампанским. Тут же отбивали горлышки от бутылок и выпивали.

— Вот это винцо! И кислит и сладит.

— Эх, хоть бы перед смертью отведать господского напитка!

— Неужто такое вино может ударить в голову? Я выпью его целое ведро.

Но не прошло и четверти часа, как послышались пьяные голоса. С каждой минутой число пьяных увеличивалось. Некоторые ползали на четвереньках или валялись неподвижно, другие начали буйствовать. В особенности отличились наши орловцы. Один, ополоумев, бросился с кулаками на доктора. Этого матроса схватили два офицера и в кровь избили ему лицо. Начальство теперь беспокоилось лишь об одном — скорее развезти пьяных по своим судам.

Орловцы ухитрились украсть восемь ящиков с шампанским, погрузив их вместе с провизией на баркас. Но когда эти ящики были доставлены на броненосец, то лишь один из них удалось стащить и спрятать за двойным бортом, а остальные семь вместе с другим грузом попали в кают-компанию. Матросы явились туда и обратились к одному мичману с требованием:

— Позвольте, ваше благородие, взять наше добро.

— Какое? — недоумевая, спросил мичман.

— Шампанское. Не ваше оно, а мы его сперли с парохода.

Мичман закричал на них:

— Вон отсюда, негодяи, пока я вам морды не побил!

— Вот как! Вам, значит, можно пить, а нам нет? Разве мы не вместе с вами войну ведем? А кулаками вы нам не угрожайте. Наши кулаки посильнее ваших.

Матросы ушли. В кают-компании поставили часового, но несколько человек из команды, явившись вторично, чуть не избили его. Пришлось ящики с шампанским скорее убрать в винный погреб.

Того матроса, который подрался с доктором, арестовали, и его, вероятно, казнят.

Что было делать? В кубриках и трюмах, в кочегарках и машинах, в башнях и казематах, в минных и других отделениях закипела глубокая ненависть против кают-компании и верхних мостиков. Но она, эта ненависть, выливалась в нелепые и дикие выходки. И нам, более сознательным матросам, оставалось только огорчаться. Нас слишком было мало на судне, чтобы влиять на массу и сдерживать гнев ее для будущего времени, когда явится необходимость взорвать трехсотлетнюю плотину самодержавия.

В этот же вечер офицеры собрались в кают-компанию для секретного совещания. Ни один вестовой не мог проникнуть туда, так как все двери были закрыты. Но трюмный старшина Федоров, предупрежденный об этом совещании инженером Васильевым, заранее открыл в кают-компании под столом горловину. Ни одному офицеру не пришло в голову заглянуть под стол, под свисавшую с него белую скатерть. А между тем там, этажом ниже, в кормовом минном отделении сидели несколько человек и слушали тайный разговор. Речь шла о поднятии дисциплины в команде. Мнения офицеров разбились. Одни стояли за то, чтобы немедленно взять матросов в ежовые рукавицы и для примера несколько человек расстрелять. Другие возражали, доказывая, что время для этого упущено и что падение дисциплины вызвано общими условиями, какие создались и в России и на эскадре. Старший офицер Сидоров стал на сторону матросов и поругался с лейтенантом Вредным, заявив:

— Вы не можете жить с людьми по-человечески. Вы только вооружаете и без того озлобленную команду против офицеров. Я вам официально заявляю: пока меня не освободили от обязанности старшего офицера, не вмешиваться в мою область и заниматься только своей специальностью!

Офицеры говорили долго, но так и не пришли к определенному выводу.

Вообще говоря, мы и без помощи инженера Васильева знали о поведении и характерах офицеров больше, чем они о нас. В такой большой массе людей, разбросанных по железным лабиринтам корабля, они даже не могли запомнить все лица матросов. Кроме того, мы свои чувства и настроения, находясь на положении бесправных нижних чинов, проявляли лишь в исключительных случаях, когда было невмоготу терпеть. А они за свои поступки не несли никакой ответственности и поэтому нисколько нас не стеснялись. О каждом начальнике нам была известна всякая мелочь, даже как он спит — на спине или на животе, храпит или дышит беззвучно. Подобной нашей осведомленности способствовали главным образом вестовые, выполняя роль беспроволочного телеграфа между офицерскими каютами и матросскими кубриками.

Только теперь, находясь в бухте Камранг, я, наконец, выяснил, что произошло на вспомогательном крейсере «Терек» 22 марта.

За день до означенного числа в каюте старшего офицера кто-то облил черной краской весь письменный стол. Несомненно, здесь была месть. Но кто посмел это сделать? Старший офицер заподозрил машиниста Сафронова, который недавно был подвергнут им дисциплинарному наказанию. Он призвал предполагаемого виновника к себе в каюту, запер за ним дверь, выхватил из кармана револьвер и, багровея, крикнул:

— На колени, подлец!

Машинист, немного попятившись, исполнил приказание.

Старший офицер, возвышаясь над ним высокой, напряженно согнутой фигурой, широко расставил ноги. Солидные плечи его сияли золотом лейтенантских погонов. Нижняя челюсть, обросшая черной бородой, свирепо вздрагивала. Он навел дуло револьвера прямо в лоб Сафронова и властно приказал:

— Кайся, негодяй! Живым не выпущу отсюда.

— В чем, ваше высокоблагородие? — с дрожью в голосе спросил машинист.

— Ты облил краской мой письменный стол?

— Никак нет, ваше высокоблагородие.

— А кто же?

— Не могу знать.

— Врешь! Я по твоим мерзким глазам вижу, что ты это сделал!

— Никак нет.

Старший офицер, тяжело дыша, задал еще несколько вопросов, а потом приказал:

— Клянись! Повторяй за мною: «Если я говорю неправду своему начальнику, то пусть первый японский снаряд разорвет меня на мелкие куски, и не видать мне больше ни отца, ни матери своей, ни жены и ни детей своих...»

Машинист повторял слова страшной для него клятвы, а когда дело дошло до жены и детей, то заявил:

— Я холостой, ваше высокоблагородие.

Старший офицер пинком в грудь свалил машиниста навзничь.

— Прочь с моих глаз, скотина тупоумная!

Машинист вскочил и, когда перед ним открылась дверь, метнулся от каюты, как от будки с цепной собакой.

На второй день с утра он заявил претензию своему ротному командиру, прося его довести обо всем командиру судна. Ротный командир доложил об этом старшему офицеру. Опять Сафронов был призван к старшему офицеру, но уже на верхнюю палубу.

— Ты хочешь, чтобы я доложил о твоей претензии командиру судна?

— Так точно, ваше высокоблагородие.

— А ты подумал, что с тобой может быть?

Машинист теперь не боялся. О том, что над ним было проделано, знала вся команда. Он твердо ответил:

— Мне все равно, но прошу вас доложить командиру о моей претензии.

— Хорошо,— процедил старший офицер угрожающе.

В этот день «Терек» с населением в пятьсот человек представлял собою потревоженный улей. Команда ждала распоряжения командира. Но глава судна молчал и никого не допрашивал. На мостике было спокойно.

Вечером, перед молитвой, когда скомандовали снять фуражки, из рядов команды послышались вопросы:

— Долго будет старший офицер нас мытарить?

— Почему он револьвером угрожал машинисту?

— В каком законе это сказано?

Потом раздались более решительные слова:

— Требуем смены старшего офицера!

— Ему не на судне быть, а на больших дорогах разбойничать!

— Долой дракона!

— А то все офицеры полетят за борт!

Шум продолжался. Перед фронтом появился сам командир. Но команда и по его распоряжению не расходилась, настаивая на немедленном удовлетворении своего требования. Попробовали вызвать караул, но ни один человек не явился на верхнюю палубу с винтовкой. Начальство растерялось. Старший офицер, выслушивая самые оскорбительные угрозы по своему адресу, сначала растерялся и стоял молча на верхней палубе, а потом,

вдруг разрыдавшись, побежал в свою каюту и заперся на ключ. Тогда командир решил переменить тактику, обратившись к команде с краткой речью. Он упрашивал ее не скандалить и со своей стороны дал обещание, что произведет по данному случаю следствие. В заключение сказал:

— Даю вам честное слово, что если претензия матроса подтвердится, то старший офицер немедленно будет сменен.

Команда стала расходиться, не пропев на этот раз вечерних молитв.

С некоторым опозданием к «Тереку» подлетели два миноносца с открытыми минными аппаратами. На один из них передали пакет с донесением о событии. Матросы услышали, как командир этого миноносца прокричал:

— К счастью для вас, что все благополучно кончилось. Адмирал приказал в случае надобности взорвать минами ваш крейсер со всем личным составом...

В Камранге следствие действительно было произведено по делу «Терека», но не командиром, а флагманским обер-аудитором Добровольским. Это было сделано по распоряжению адмирала Рожественского. В результате старший офицер остался на месте, а несколько человек из команды, в том числе и машинист Сафронов, который вздумал искать правды на корабле, были арестованы и отданы под суд *.

4. ОТЧЕГО БЫВАЕТ ВЕСЕЛО МАТРОСАМ

Эскадра продолжала стоять в бухте Камранг. Днем здесь было жарко, хотя почти всегда дул морской бриз. К вечеру наступала тишина, длившаяся до следующего позднего утра. По ночам, несмотря на звездное небо, сырая тьма ложилась на заштилевшее море, иногда возникали туманы.

Броненосец «Орел», как и другие суда, нагружался углем. Принято его было уже тысяча четыреста тонн. Ожидая нападения японцев, батарейную палубу оставили свободной, чтобы не стеснять действия ее орудий. Уголь ссыпали на ют и срезы, заполняли им буфет и

кают-компанию. Офицеры перешли в запасной адмиральский салон, перетащив с собой и пианино.

Нашей стоянке в Камранге неожиданно пришел конец. Еще 2 апреля в бухте появился французский крейсер «Descartes» под флагом контр-адмирала Жонкиера. Командующий эскадрой обменялся с ним визитами. Потом крейсер уходил куда-то и опять возвращался. Вероятно, он производил для нас разведки. А 8 апреля контр-адмирал Жонкиер заявил Рожественскому, чтобы мы в течение двадцати четырех часов покинули территориальные воды французской колонии. После разгрома русской армии под Мукденом Франция еще меньше стала считаться с нами и, поддаваясь требованиям Японии, вышибала нас даже из самых глухих своих владений бесцеремонным образом.

На следующий день все боевые суда эскадры вышли в море. В бухте остались только транспорты и крейсер «Алмаз», чтобы покончить с погрузкой угля. На «Алмазе» теперь поднял брейд-вымпел заведующий транспортами, капитан 1-го ранга Радлов, а контр-адмирал Энквист перенес свой флаг на крейсер «Олег».

Четыре дня эскадра болталась на просторе, то стопоря машины, то давая тихий ход кораблям, чтобы сохранить хоть приблизительный строй. Все время держались в виду бухты Камранг. Это было самое нелепое наше скитание. Тем временем Рожественский сносился через Сайгон по телеграфу с Петербургом. Теперь более определенно выяснилось, что где-то здесь мы должны встретиться с эскадрой Небогатова. Кроме того, пришлось ждать разгрузки пароходов «Ева», «Дагмара» и «№ 3», доставивших из Сайгона провизию, уголь, припасы.

Наблюдая жизнь на корабле, я все больше удивлялся бессилию командного состава удержать власть над своими подчиненными. Бывало, стоило только услышать: «Все наверх!» — и сотни людей бросались к трапам, сшибая друг друга. А теперь при срочных авральных работах многие матросы с такой же поспешностью летели с верхней палубы вниз и прятались по трюмам. Даже молодые матросы перестали бояться начальства.

Вспомнилось, как я, будучи новобранцем, смотрел на морских офицеров. Мое знакомство с ними началось

в Кронштадте, где я был водворен в один из флотских экипажей. До этого я встретил в Петербурге каких-то кавалеристов, прогарцевавших по улице на сытых и стройных конях. Эти офицеры удивили меня оригинальностью своего наряда, и только. Ничего тут особенного не было. На конях и сам я в своем селе Матвеевском ездил верхом в ночное, правда, без седла и не так, может быть, красиво. Совсем иное впечатление произвели на меня морские офицеры. В воображении своем я связывал их с кораблями, на которых они плавают по синим морям, переживают бури, бывают в чужих странах, совершают кругосветные путешествия и видят всякие чудеса земного шара. Мне казалось, что нужно иметь колоссальные знания, чтобы по компасу и звездам, как объясняли старые матросы, определить, в какой части океана находится судно. Все это было для меня необычно, необычна была и сама форма, какую носили морские офицеры. В особенности я поражался, когда видел их в черных парадных мундирах с эполетами, с орденами, в треугольных шляпах. Этот блеск ошарашивал меня, подчеркивая мое ничтожество. Я, вылезший из деревенской глуши и грязи, смотрел на офицеров, как на людей особой породы, с красивыми благородными лицами, чрезвычайно талантливых. И разве я мог в то время заподозрить кого-нибудь из них в нечестных поступках?

Отец мой, бывший николаевский солдат, воспитывая меня, часто внушал:

— Ежели тебе, Алешка, придется попасть на военную службу, то служи по-настоящему. Будут бить — терпи. За одного битого десять небитых дают. И помни: за богом молитва, а за царем служба никогда не пропадут.

Я поверил его словам и, явившись во флот, ревностно, со всей страстностью своего темперамента принялся за службу. Период новобранства длился около четырех месяцев и запечатлелся в моей памяти, как отвратительный сон. Капралы, инструкторы, фельдфебель принимали самые решительные меры к тому, чтобы вышибить из нас деревенский дух. В шесть часов утра горнист на дворе играл побудку. Мы очумело вскакивали, заправляли свои койки, наскоро пили чай с черным хлебом и целым взводом в сорок человек становились в своей камере на

гимнастику. Инструктор командовал, а мы выкидывали руки вперед, вверх, в стороны, вниз. Против гимнастики ничего нельзя было бы возразить, если бы ею не злоупотребляли. А нас, например, заставляли проделывать бег на месте с выкидыванием колен то вперед, то назад до тех пор, пока не только все белье становилось мокрым от пота, но и разбитые подошвы сапог промокали насквозь. Еще труднее было выполнять «лягушечье путешествие». Заключалось оно в том, что все сорок человек опускались на корточки в затылок друг другу и, выставив руки вперед, прыгали вдоль стен камеры, по нескольку раз огибая ряды коек. Тут все зависело от настроения инструктора. Если он был не в духе, то это глупейшее прыганье затягивалось, и тогда глаза застилались зеленым туманом. Некоторые новобранцы не выдерживали такой пытки и падали.

— Отяжелели, окаянные, с мякинным брюхом! — ревел инструктор и подбадривал падающих пинком.

Потом нас выгоняли во двор. Там учились маршировке, всяким захождениям, поворотам, ружейным приемам, бегали по двору. Инструктор говорил нам:

— Если я скомандую «смирно», это значит — не дыши, замри. Забудь, как отца и мать зовут, и только слушай, что дальше последует от меня.

Вообще он относился к нам так, как будто мы были его заклятыми врагами.

После обеда наступал короткий отдых, но иногда в это время заставляли нас пилить и колоть дрова. Потом опять выгоняли на двор для маршировки. Вечером, поужинав, мы, измученные и отупевшие, рассаживались по койкам в камере и занимались словесностью. Из нее мало мы черпали знаний. Главный упор делался на дисциплину, на чинопочитание, на верность царю. Заучивали имена царствующего дома и фамилии начальства, начиная от командующего флотом, кончая ротным командиром. Тут же инструктор рассказывал нам, как различать чины. Все делалось с матерной бранью и мордобойством.

Часов в семь все занятия кончались. Пока не скомандуют «на справку», мы могли писать письма, читать книги и веселиться. Некоторые, пользуясь небольшим промежутком свободного времени, бежали на двор, в пра-

чечную, в кирпичное помещение, и стирали там свои рубашки и подштанники. Развешивать их на чердаке было рискованно — украдут. Поэтому каждый новобранец расстилал сырое белье под простыню, чтобы за ночь просушить его температурой своего тела.

Тяжелый рабочий день заканчивался справкой и вечерними молитвами. Привертывались газовые рожки, за исключением одного. В камере было полусумрачно. Кто-нибудь из нас назначался дежурным, а остальные тридцать девять человек укладывались спать — каждый на свою койку, на соломенный тюфяк, под серое казенное одеяло. Воздух сгущался смрадом человеческих испарений.

Так продолжалось изо дня в день.

Я исполнял все служебные обязанности самым добросовестным образом. Меня нельзя было причислить к глупым ребятам. До службы я прочитал порядочно книг, а это очень помогло мне в изучении словесности. При своей недурной памяти я в один месяц выучил матросский устав наизусть. Новобранцев до принятия присяги не полагалось отпускать в город поодиночке, но инструктор, ввиду моего необычайного успеха по словесности, сделал для меня исключение.

— Смотри в оба,— наказывал он мне.— Знай, кому нужно козырнуть, кому — стать во фронт.

— Есть, господин обучающий.

— Если подведешь меня, я из тебя яичницу сделаю.

Все это мне казалось нормальным.

Гуляя по городу, я отдавал честь встречающимся офицерам по всем правилам. Правда, проделывал я это не без волнения, но ко мне никто не придирался. Захотелось посмотреть офицерские флигели, и я, свернув на Екатерининскую улицу, зашагал вдоль сквера. Как после узнал я, здесь никогда не гуляли матросы, боясь столкновения с начальством. Не прошло и пяти минут, как навстречу мне показался человек с седыми бакенбардами. Какой у него был чин? Я еще ни разу не видал живого адмирала, но уже знал, какие у него должны быть погоны: золотые, с зигзагами, с черными орлами. Эти погоны можно было видеть в экипаже за стеклами. В голове у меня крутилась мысль: если по одному орлу на каждом плече — значит, контр-адмирал, по два — вице-

адмирал, по три — полный адмирал. А этот человек с седыми бакенбардами совсем не имел погонов, но зато воротник и полы его черной шинели были в золотых позументах и на них в один ряд разместились десятки черных орлов. Неужели я попался сверх-адмиралу? Почему мне инструктор ничего не объяснил о такой форме? Мне некуда было свернуть в сторону и спрятаться. Я сошел с тротуара и за три шага до встречи со страшным человеком стал во фронт. Старик с позументами и орлами тоже вдруг остановился и, удивленно глядя на меня, задвигал седыми бакенбардами. «Ну, пропал я»,— мелькнуло у меня в голове.

— Долго ты, дурак, так будешь стоять?

От его голоса, проскрипевшего в морозном воздухе, как ржавые петли калитки, и от его выпуклых и тусклых глаз, напоминающих пузыри на мутной луже, мне стало не по себе. Моя рука, поднятая к фуражке, дрожала.

— Иди, дурак, дальше, не стой столбом.

Он захихикал мелким дробным смешком, а я пошагал дальше, употребляя все усилия на то, чтобы скорее от него удалиться. Через минуту я оглянулся — он стоял на том же месте и смеялся мне вслед. У меня пропала всякая охота гулять, и я торопился скорее попасть в экипаж. Почему этот человек с орлами назвал меня дураком? Разве я стал перед ним во фронт не так, как нужно? Я был так занят сверх-адмиралом, что не успел козырнуть встретившемуся лейтенанту. Он подозвал меня к себе и спросил:

— Почему честь не отдаешь?

— Виноват, ваше высокоблагородие, задумался.

Лейтенант выругался матерно, постучал кулаком по моему лбу и сказал почти ласково:

— Не нужно задумываться на военной службе.

Я остался благодарен ему, что он не записал моей фамилии.

В экипаже от старых матросов я узнал, перед кем мне пришлось стать во фронт. Это был не сверх-адмирал, а флотский швейцар из бывших матросов! Мне было стыдно за свой промах.

Через несколько месяцев я принял присягу и стал матросом 2-й статьи. С поступлением в плавание жизнь улучшилась. Мое первое представление о морских офи-

церах постепенно изменялось. Оказалось, что эти благородные люди так же ругаются матерно, как и мужики в нашем селе, и даже дерутся. Потом я узнал, что многие из них напиваются и устраивают скандалы, занимаются азартными играми и посещают публичные дома. Катилось время. Меня повысили в матросы 1-й статьи, а потом, когда кончил школу баталеров, произвели в унтер-офицеры. Я еще больше освоился с условиями и бытом императорского флота. Деревенская наивность исчезла, наставления отца перестали для меня звучать правдиво.

С начала моей военной службы прошло пять с лишком лет. Время это не пропало для меня даром: много дней и бессонных ночей провел я в напряженной умственной работе. И теперь, плавая на броненосце «Орел», я не переставал насыщать свой мозг новыми знаниями и впечатлениями...

Утром 13 апреля все наши транспорты и крейсер «Алмаз» вышли из бухты Камранг и присоединились к эскадре. По сигналу с «Суворова» корабли заняли свои места в походном строю. Эскадра тронулась на север. Аннамские берега все время были у нас на виду. Через несколько часов эскадра остановилась против широкого нового убежища, окруженного еще более высокими горами, чем Камранг. Это была бухта Ван-Фонг. Первыми вошли в нее «Алмаз» и транспорты, за ними последовали миноносцы, потом крейсеры и, наконец, броненосцы. К вечеру все корабли стояли на якоре. Эскадра расположилась в пять параллельных линий: ближе к выходу в море — броненосцы, за ними, в глубине бухты,— крейсерский и разведочный отряды, транспорты и миноносцы.

Через день или два я с горечью расстался со своим другом, инженером Васильевым. Во время погрузки угля он так порезал себе сухожилие на левой ноге, что не мог ходить. Его отправили на госпитальный «Орел», где ему предстояла операция.

Среди мрачно-черных контуров боевых кораблей этот пароход выделялся своей веселой белой окраской. На нем было восемнадцать сестер милосердия, многие из которых принадлежали к высшему аристократическому обществу. Им прислуживали две дородных монашки. Как оазис, затерявшийся среди унылой пустыни, притягивает

истомленных зноем путешественников, обещая им отрадный отдых, так и белый «Орел» приковывал к себе внимание людей всей эскадры. Более десяти тысяч мужчин, молодых и пожилых, ничего не ожидавших впереди, кроме морской могилы, смотрели на него с затаенным желанием оторваться от гнетущей действительности и попасть туда, на этот пароход. Там можно было безопасно отдохнуть, увидеть женщин, услышать их голоса. Нет предела человеческим мечтам. Разве не может случиться, что какая-нибудь из сестер милосердия, воспылав любовью, бросится в объятия моряка? И здоровые завидовали тем больным, которых отправляли на плавучий госпиталь.

В исключительном положении находился только сам Рожественский. Ему не нужно было просить у кого-либо разрешения на удовлетворение своих желаний. Боевые корабли им посещались меньше, чем белый «Орел», на котором среди сестер находилась его племянница по жене — Ольга Владиславовна. Но не ею интересовался адмирал. Ольга Владиславовна как родственница только прикрывала его грехи. У нее была подруга, дочь генерала, старшая над всеми сестрами,— Наталия Михайловна. Вот к ней-то, к этой голубоглазой тридцатилетней порывистой блондинке, и стремился адмирал. При встрече он подставлял своей племяннице лоб для поцелуя, а у Наталии Михайловны скромно целовал руку. Случалось, что в кают-компании белого «Орла» он оставался обедать. Тогда все пили шампанское за его здоровье, за его будущую победу над японцами, а он любезничал с Наталией Михайловной и с другими сестрами. В эти моменты Рожественский казался таким добродушным, что нельзя было представить, чтобы он мог когда-либо прийти в ярость раздразненного быка.

Иногда эти две неразлучные подруги бывали на флагманском корабле. Адмирал принимал их в своей каюте. На столе появлялись фрукты и ликер, доставленные расторопной рукой вестового Петра Пучкова. У племянницы были свои интересы. Посидев немного с дядей, она уходила к штабным чинам. А Наталия Михайловна и ее высокий покровитель оставались в каюте вдвоем. Вестовой Пучков хорошо знал, что в таких случаях нужно

ему делать: он стоял за дверью и никого не пускал к барину для доклада *.

После визитов сестер милосердия настроение адмирала улучшалось. Он даже заговаривал с вестовым:

— Петр, когда покончим с японцами, я тебя награжу.

— Покорнейше благодарю вас, ваше превосходительство,— отвечал Пучков, но думал лишь о том, как бы скорее избавиться от надоевшей службы и от такого благодетеля, который искалечил ему душу.

Но о взаимоотношениях между адмиралом и вестовым я расскажу в другом месте, а пока вернусь к своему броненосцу — к черному «Орлу».

Мне случайно попала в руки старая газета «Новое время» за декабрь месяц. В этом номере (№ 10333) было напечатано длинное письмо вице-адмирала Бирилева. Я вышел на бак и здесь, у фитиля, усевшись на палубу, начал читать адмиральское письмо вслух окружившим меня матросам. Бирилев, упрекая некоторых газетных авторов за их разоблачение 2-й эскадры, острил:

«Под давлением ваших статей люди носы повесили, а чтобы повесить нос, надо опустить голову, а с опущенной головой, кроме кончиков своих сапог, ничего не увидишь...»

Дальше он начал успокаивать общественное мнение:

«Зачем нужна 3-я эскадра? Затем нужна 3-я эскадра, чтобы помочь 2-й эскадре или занять ее место.

Что такое 2-я эскадра? 2-я эскадра есть огромная, хорошо сформированная и укомплектованная сила, равная силам японского флота и имеющая все шансы на полный успех в открытом бою. Умный, твердый, бравый и настойчивый начальник этой эскадры не прикроется никакими инструкциями, а найдет и уничтожит врага. Он не будет подыскивать коэффициенты сил, а примет наш русский коэффициент, что сила — не в силе, сила в решимости, сила в любви к родине...»

Матросы, слушая мое чтение, вставляли свои замечания:

— Адмиралом называется, а порет всякую чепуху.

— Врет так, что себя не помнит.

Потом сразу все замолчали. Я оглянулся и увидел лейтенанта Вредного. Он стоял у правого борта, против

двенадцатидюймовой башни, и смотрел в морскую даль, словно чем-то заинтересовался. Я продолжал громко читать:

«Не думайте, что японцы так сильны, это — самообман, гипноз слабых душ, и во всяком случае о силе врага надо думать до войны, а во время войны — сражаться. Конечно, японский флот пострадал много, и как лучшее доказательство этого служит заказ Японией ста восьми дубликатов броневых плит в Англии. На одном «Микаса» пробито и потрескалось четыре четырнадцатидюймовых плиты. Что же вы думаете, зачем японцы заказывают дубликаты этих плит, не для того ли, чтобы иметь запас ненужного материала? А сколько убыло личного состава на эскадре адмирала Того, сколько попорченных и наскоро починенных механизмов! На второй эскадре все цело, цел и дух, из которого маленькое удельное княжество сделалось необъятной Россией...»

Лейтенант Вредный подошел ближе к нам и, улыбаясь, заговорил:

— Какой это дурак написал такую глупость?

Очевидно, ему хотелось полиберальничать. За последнее время, как и боцман Саем, он начал заигрывать с нами,— ведь скоро предстоит сражение. Но он не понимал, что его настоящее отношение к нам давно было всем известно.

Я встал и, смекнув, что он не знает, кто является автором читаемого мною письма, изобразил на лице испуг.

— Неужели, ваше благородие, вам кажется, что так мог написать только дурак?

Под рыжими усами лейтенанта еще более заиграла улыбка, словно он был нам близким товарищем.

— А что же ты думаешь, в газетах мало сотрудничает дураков? Правда, мы сильны, но нельзя же так относиться и к флоту противника. Что за рассуждения такие? «На «Микасе» потрескались четыре броневых плиты». «В Англии японцами заказано сто восемь дубликатов броневых плит». И отсюда делается вывод, что японский флот сильно пострадал. Нам, значит, ничего не стоит разбить его. Подумаешь — сто восемь плит! Ведь такого ничтожного количества не хватит для брони одного только корабля. А затем, может быть, эти плиты

понадобились японцам для вновь строящегося судна? Мы ничего не знаем.

— В статье, ваше благородие, говорится, что третья эскадра может не только помочь второй эскадре, но и занять ее место.

Лейтенант даже хлопнул себя по бедрам.

— Два старых корабля и три броненосца береговой обороны могут занять место второй эскадры! Да все эти пять судов едва ли стоят одного нашего «Орла»! Видно, что этот газетный писака не смыслит в военно-морском деле ни уха ни рыла.

Лейтенант Вредный невзначай высказал правду о человеке, который занимал такой высокий пост. И кому высказал? Тем, кого он презирал и с кем раньше разговаривал, как с пещерными жителями. В груди у меня все дрожало от клокочущего смеха. Нужно было взнуздать самого себя, чтобы не расхохотаться громко и весело. Сдержанно улыбались матросы. Невероятным усилием воли я старался быть серьезным и, глядя в глаза начальника, сказал:

— Спасибо вам, ваше благородие, что разъяснили нам. А мы тут без вас были в восторге от автора. Считали его прямо философом...

Один матрос перебил меня:

— Вы почаще так беседуйте с нами, ваше благородие.

— Хорошо, братцы, хорошо,— удовлетворенно закивал головой лейтенант.

— Мы думали, что его превосходительство вице-адмирал Бирилев и вправду умный человек.

— А при чем тут Бирилев? — спросил лейтенант, сделавшись вдруг строгим.

— Да ведь это он написал такую глупость.

Лейтенант побледнел. Из-под козырька пробкового шлема он несколько секунд смотрел то на меня, то на других матросов, не зная, как ему выйти из скандального положения. В напряженной тишине кто-то кашлянул, кто-то громко высморкался. Лейтенант выхватил из моих рук газету, наскоро заглянул в нее и бросил на палубу. Уходя к корме, он произнес лишь одно слово:

— Хамье!

Мы нисколько не обиделись на это — настолько нам было весело.

5. МЫСЛИ НА ПАСХУ

В бухте Ван-Фонг эскадра нагружалась углем, провизией и другими припасами. Последние четыре дня прошли в тяжелой работе. И лишь к вечеру страстной субботы, 16 апреля, покончили со всеми делами. Из горластых труб, словно от жертвенников, поднимались клубы темно-бурого дыма, сливаясь в легкое облако, розовое в вечерней заре. Мелкие суда, снявшись с якоря, уходили в дозор.

В этот день на «Орле» произошло маленькое событие, возбудившее, однако, среди матросов большие разговоры. Дело в том, что у нас на верхней палубе был устроен из досок хлев. В него загнали рогатый скот, купленный у аннамитов. Быки были меньше мадагаскарских, но достаточно жирные. Что-то сурово-жуткое было в их взгляде, когда они, поворачивая голову, косились исподлобья на людей, словно знали, что обречены на съедение. Когда одного из них выводили из хлева на другую часть палубы и резали, остальные, почуяв кровь, начинали бунт. Каждый из них, круто изгибая шею, мотал головою, бил копытом о палубу и, вздрагивая, издавал тревожный рев. Казалось, что они вдребезги разнесут изгородь и, беснуясь, помчатся по палубе броненосца. Но это продолжалось недолго. Скоро они уставали и, затихая, устремляли взгляды в сторону носовой части судна. Там, на баке, зарезанный бык, приподнятый стрелой в воздух, висел на веревках животом вверх, с распяленными ногами. Мясники, работая острыми ножами, сдирали с него шкуру. Потом, когда он весь был ободран, разрезали ему живот и вынимали из него внутренности, еще теплые, с поднимающимся от них паром. А живые быки недоуменно, с жуткой безнадежностью продолжали смотреть на страшное зрелище и медленно жевали положенное им сено. Понимали ли они, что их тоже ждет такая же участь? Среди них находилась одна только корова, и та была худая, с резко обозначившимися ребрами. По-видимому, она страдала какой-то болезнью. Во всяком случае, попав на броненосец, она почти совсем не ела сена. Сколько ни старался матрос-скотник выходить ее, подкармливая остававшимся от команды хлебом,— ничего не помогало. С каждым днем ей станови-

лось все хуже. Смертной тоской наливались ее большие темные глаза с поволокой, немножко глуповатые, но вместе с тем необычайно кроткие. А в субботу она не могла уже встать и после обеда, лежа боком на палубе, начала задыхаться.

Матрос-скотник побежал доложить об этом старшему офицеру Сидорову.

— Сейчас же зарезать корову. Пойдет завтра на обед команде.

Старший офицер, отдавая такое распоряжение, вероятно, не подумал о его последствиях. Но приказ был отдан — нужно его исполнить. Больную корову перевезли на тачке на другое место палубы. В это время она уже была в агонии. Когда ей перерезали горло, то кровь, начавшая уже свертываться, не била, как обыкновенно, фонтаном, а еле-еле сочилась.

Команда все это видела.

Отсюда, перекидываясь с одной палубы на другую, пошел разговор:

— Нас на первый день пасхи хотят накормить дохлятиной.

Видела команда и то, что в офицерском камбузе повар со своим помощником выбивались из сил, приготовляя для кают-компании и жареных цыплят, и пасху, и пироги, и много других изысканных блюд.

— О себе только помнят, а нас забыли,— угрюмо ворчали матросы.

Быстро приближалась ночь. Горы с редкими деревцами, опаленные жарким солнцем, будто сдвинулись плотнее и, обступив бухту полукругом, стояли точно на страже. На берегу, где приютились бедные хижины туземцев, замерцали огни, золотыми столбами отражаясь в сонной воде.

Барабан пробил «сбор». Все матросы, не занятые вахтой, вышли на верхнюю палубу. Там пропели ежедневно повторяемые молитвы, и мы в ожидании заутрени разошлись, не разбирая на этот раз коек.

На шканцах встретился со мной мой хороший приятель, минер Вася-Дрозд. Хлопнув меня по плечу, он тихо сообщил:

— Обед у нас приготовлен, и коньячок есть. Приходи в гости.

— Куда же это?
— На марс грот-мачты. Ближе к небу.
— Хорошо.
— А пока идем вниз.

Мы спустились в жилую палубу. Здесь больше, чем где-либо, замечалось приближение праздника. Несколько человек из команды сосредоточенно работали над тем, чтобы всему придать пасхальный вид. Одни, устраивая походную церковь, устанавливали алтарь, укрепляли иконы и расставляли подсвечники, другие всюду развешивали флаги, зелень и электрические люстры.

Часам к одиннадцати все приготовления закончились. Весь экипаж, исключая вахтенных, находился здесь. Команда оделась в белые чистые форменки. Впереди стояли офицеры, надушенные, в новых белых кителях с золотыми и серебряными погонами на плечах. Перед алтарем, приподняв немного свою огненно-рыжую бороду и глядя на царские врата, застыл в молитвенной позе священник отец Паисий. Вспыхнули электрические люстры, загорелись перед иконами свечи, разлив по всей палубе ослепительный блеск. Все приняло торжественный вид. Только лица матросов были пасмурны. Чувствовались изнуренность и усталость.

Ждали довольно долго. Наконец, старший офицер Сидоров, покрутив предварительно свои седые усы, приблизился к священнику и начальственным тоном произнес:

— Можно начинать.

В жилой палубе становилось жарко. Воздух, насыщенный ладаном и испарениями человеческих тел, стал удушливым. Матросы выходили из церкви на срезы или на верхнюю палубу, чтобы освежиться прохладой.

Начался крестный ход. «Воскресение твое, Христе, спасе»,— запел священник, сопровождаемый хором певчих. Неся в руке крест с трехсвечником, украшенным живыми цветами, весь сияя золотом и голубой вышивкой своей ризы, он медленной поступью направился в кормовую часть судна. За ним тронулись офицеры и длинной вереницей потянулись матросы. Пробираясь по узкому офицерскому коридору сначала левого борта, а потом правого, процессия обошла вокруг машинного кожуха и снова вернулась назад. Не доходя до алтаря, она

остановилась перед занавесью, сделанной из больших красных флагов.

— «Христос воскресе из мертвых!» — раздалось наконец из уст священника.

Подхватив этот возглас, дружно грянул хор певчих, а за ним вполголоса начали подтягивать и остальные матросы. Басы, раскатываясь, мощно потрясали воздух, а чей-то высокий и страстный тенор, выделяясь из общего гула, трепетно взлетал над головами людей, словно стремился, утомленный этим царством железа и смерти, вырваться на безграничный простор моря. Среди команды произошло движение. Сотни рук замелькали в воздухе.

На минуту и я, неверующий, как и другие, поддался всеобщему гипнозу, красивому обману. Чем-то далеким и родным повеяло на меня. Когда-то я встречал этот праздник в своей деревне, в кругу близких и дорогих сердцу людей, и воспоминания об этом расцвели в моей душе. Но с тех пор прошло много лет, много новых впечатлений, взбудораживающих мозг, наслоилось в моем сознании. Я привык ставить вопросы перед самим собою. Что за нелепость творят над нами? Мы встречаем праздник, называемый праздником всепрощения и любви, готовясь к бою. Под нами, в глубине броненосца, в бомбовых погребах хранятся пятьсот тонн пороха и смертоносных снарядов, предназначенных для уничтожения людей, которых мы никогда не видали в лицо.

— Нужно проветриться,— предложил я своему приятелю Василию.

— Идем,— немедленно согласился он.

Мы протолкались сквозь толпу и вышли на правый срез.

Ночь была тихая, теплая, насыщенная ароматом прибрежных вод. Под безоблачным небом, разливающим дрожащие струи звезд, о чем-то грезил миллионнолетний океан. На горах кое-где виднелись горящие костры. Чтобы не выдать неприятелю места стоянки нашей эскадры, все огни на ней были скрыты. Смутно чернели в темноте контуры кораблей. Лишь изредка, если вблизи замечалась лодка туземца или что-нибудь подозрительное, скользил по воде яркий луч прожектора, но через

минуту-две он мгновенно исчезал, и тогда снова водворялась тьма.

На правом срезе стояли матросы.

Один машинист мечтал вслух:

— Только бы кончить службу, а там найду себе дело.

— Какое же? — спросили его.

— В Москву зальюсь. Там для меня есть место на заводе.

— Да, раз приобрел специальность, то нечего в деревне прозябать.

Кто-то рассказывал о своем пребывании на острове Мадера.

Но скоро замолкали. По-видимому, никому не хотелось говорить. Так хороша, так пахуча была тропическая ночь! И только тогда, когда зашла речь о зарезанной корове, сразу все оживились:

— Значит, сегодня нас будут дохлятиной угощать?

— Выходит, так.

— А если корова была заразная?

— Скорее всего — заразная. Иначе с чего бы ей сдыхать?

Голоса становились все раздраженнее:

— С такого мяса и мы все подохнем.

— Подыхай. Плакать, что ли, будет о нас начальство?

— Надо артельщика взять в оборот.

— Артельщик тут ни при чем.

— А я бы другое предложил: взять все из офицерского камбуза и поесть. А в кают-компанию корову отдать. Кушайте, мол, господа офицеры, на доброе здоровье.

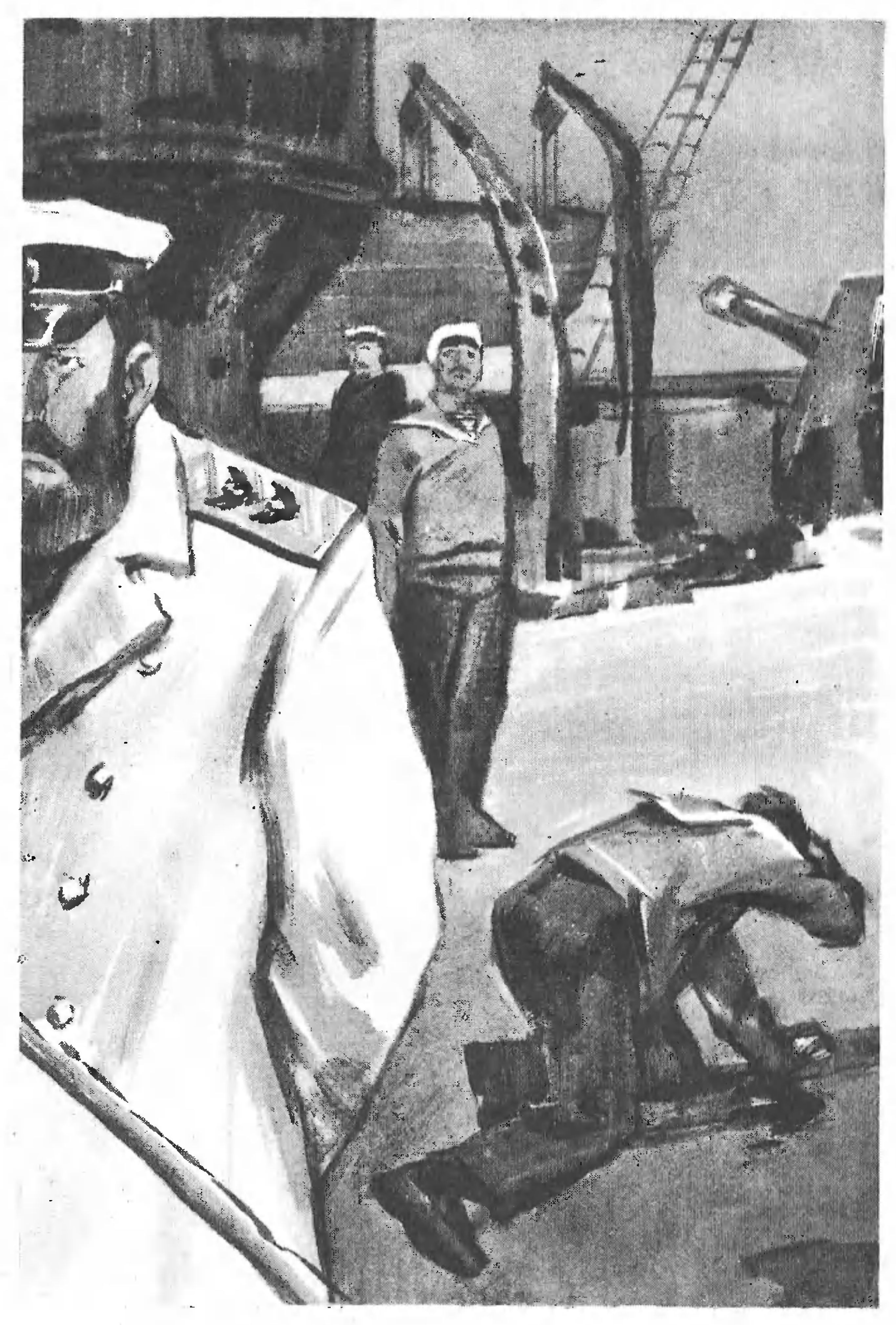
С кормы показался старший боцман кондуктор Саем, старый ретивый службист. Очевидно, он слышал последнюю часть разговора. Закричал:

— Ах, нехристи бессмысленные! Там служба идет, а они, скоты, тут зубоскалят! Марш в церковь, так вашу...

Он хлестко выругался, осыпав скверными словами все святое.

Рядовые матросы исчезли, а унтеры остались на срезе, не обращая внимания на брань боцмана. Остался и я со своим приятелем.

Часть четвертая. Глава 9.
«МАТРОС БАБУШКИН В ИСТОРИЧЕСКОЙ РОЛИ»



Часть четвертая. Глава 14.
«ПРИЧУДА КОМАНДУЮЩЕГО»

В глубине броненосца раздавалось песнопение: «И сущим во гробех живот даровав». В тихом море, теплой ночью, под раскрытым, нарядно сверкающим небом это звучало особенно красиво. Казалось, что голоса хора, вырвавшись на простор, радостно уносятся вдаль, чтобы всюду возвестить хвалу жизни. Не будет больше смерти, этой страшной и неумолимой разрушительницы всей живой твари. Она сама попрана распятым на кресте. Не будет больше смерти? А что же будет? И мой разум, как тиран, опрокинул меня фактами. Все пушки у нас были заряжены. У каждой из них дежурили комендоры. Стоит только появиться противнику, как сейчас же вместо свечей и лампад загорятся прожекторы, вместо «Христос воскресе» загромыхают орудия, вместо красных яиц полетят к японцам снаряды, начиненные взрывчатым веществом. И чем больше мы уничтожим человеческих жизней, чем больше мы утопим их, тем сильнее будет среди нас ликование. Как это все связать с величавыми словами молитвы, провозглашающими торжество жизни? А ими обманывали человечество в продолжение почти двух тысяч лет...

Приятель шепнул мне на ухо:

— В кильватер за мною держи.

И мы полезли с ним на грот-мачту.

6. ОБЕД ЗА БОРТ!

Марс находился высоко над палубой и представлял собою круглую, прикрепленную к мачте площадку, края которой были обнесены железным бортом. Там давно уже, принеся с собой ящик с припасами, поджидал нас земляк минера, кочегар Бакланов.

Как только мы показались на марсе, кочегар заговорил:

— Что же вы долго пропадали? Терпел, терпел я и чуть было один не приступил к делу.

— Богу молились, дружок,— весело ответил Вася-Дрозд.

— Каждый воин и без молитвы прямо в рай попадает. Это давно всем известно. Значит, зря старались.

Открыли ящик, достали из него полбутылки коньяку

и бутылку виноградного вина, а затем съестные припасы: хлеб, мясные консервы, вареные яйца, свежие бананы и ананасы. Выпивали прямо из горлышка и аппетитно закусывали. Коньяк был из дешевых сортов, но мы восторгались его крепостью: царапает горло, словно кошка когтями.

— Это я достал с немецкого транспорта,— сообщил минер.

Вася-Дрозд, захмелев, размечтался:

— Останусь жив — в Петербург уеду. Хочется мне на электротехнические курсы поступить. А потом дальше пойду, выше начну подниматься.

— Там только и ждут тебя,— заметил Бакланов, с хрустом, словно огурец, разжевывая ананас.

Вася-Дрозд загорячился:

— Ты, Бакланов, пень замшелый. Прокис от своей лени! А у меня другая натура. Если официально нельзя будет поступить на курсы, я сторожем при училище наймусь. Мне студенты помогут заниматься. Я слышал, народ они хороший, для нашего же брата забастовки устраивают. Ночи не буду спать, а своего добьюсь. Правда, Алеша?

— Правда,—подтвердил я, восторгаясь его энтузиазмом.

— Добьюсь своего! — почти выкрикнул Вася.— Ей-богу!..

— Поднимай выше ногу, а то споткнешься,— невозмутимо вставил Бакланов.

— Тьфу, медведь косолапый! Каждый раз он вот так. Только что хочешь взвиться, он раз тебя за крыло — и вниз.

Бакланов, покончив с остатками закусок, привалился к мачте и лениво процедил:

— Эх, как бы не дыра во рту, жил бы и жил и ни о чем бы не тужил.

Разговорились о предстоящем сражении. Минер начал нас обнадеживать:

— Я думаю, не так уж мы слабы, как многие говорят. Я даже предчувствую, что мы разобьем японцев.

— Это на правнуках Ноева ковчега? — спросил кочегар.

— У нас есть и новые корабли.

— Подожди, Дрозд, я тебе примерчик маленький приведу. В Кронштадте у нас остался старый-престарый утюг. Броненосцем называется он. «Не тронь меня» — название ему дано. Знаешь такой?

— Знаю. А дальше что?

— По-моему, всю эскадру нашу можно назвать так, только с маленькой прибавкой: «Не тронь меня, а то развалюсь».

— Вот и поговори с ним, с чумазым дьяволом!

Барабан загремел отбой: богослужение кончилось. Матросы поднимались на верхнюю палубу. Мы поторопились спуститься вниз. Некоторые, христосуясь, целовались. Спустя несколько минут корабль осветился электрическими люстрами. Команда и офицеры выстроились на верхней палубе во фронт. Явился командир, капитан 1-го ранга Юнг, блестя золотыми эполетами. На его поздравления с праздником среди матросов раздались жидкие голоса:

— Покорнейше благодарим, ваше высокоблагородие!

Остальные зловеще молчали.

Командир в нерешительности остановился, как бы намереваясь объясниться с командой. Но это было только одно мгновенье. Сейчас же досадливо дернул плечами и, круто повернувшись, вместе с офицерами ушел в кают-компанию. По-видимому, он так и не догадался о причинах изменения в настроении команды.

Матросы живым потоком направились к запасной адмиральской каюте, откуда артельщики выдавали каждому по одной пшеничной булке и по два яйца. Это было для нас разговением и той порцией, которая отличала великий праздник от будней. Но некоторые запаслись съестными припасами и выпивкой от аннамитов или с коммерческих пароходов. Не забыв домашних привычек, они приглашали друг друга в гости: в башню, за двойной борт, в минное отделение.

Рассвет, как всегда в тропиках, наступал быстро, словно поднимался занавес, отделявший день от ночи. Звезды, дрожащие в темно-синей глубине неба, как золотые капли росы, теряли свою яркость, потухали, и все прозрачнее становилась высь, освещенная широким заревом восхода. Над бухтой, над неподвижной гладью воды, в зардевшем воздухе серебристой вязью закружились

чайки, рассекая утреннюю тишину птичьим гомоном. На фоне неба четко вырисовывались бесплодные горы, их контуры с зелеными ущельями загорелись багряным отблеском, а на вершинах, высоко поднявшихся над простором океана, уже затрепетали первые лучи солнца.

По широкой бухте вокруг кораблей, оставляя на зеркальной воде колыхающийся след, скользили на своих узких челноках аннамиты. Весь их наряд состоял из куска пестрой материи, прикрывающей тело, из белой чалмы на голове. Приставая к борту наших судов, они предлагали уток, кур, а также разные фрукты, гортанно выкрикивая при этом какие-то слова. Скуластые коричневые лица их улыбались заискивающей улыбкой нищих, а в узких прорезах век черные глаза, сверкая, загорались жадностью наживы.

На броненосце «Орел» один матрос хотел купить утку. Ему не позволили это сделать. Разобиженный, находившийся немного под хмелем, он начал громко выкрикивать:

— Что же это, братцы, с нами так поступают? За свои собственные деньги — и я не могу ничего купить? Разве мы не люди?

— Мы для начальства хуже скотов,— поддакивали другие из команды.

Матрос усилил голос:

— Сами они, офицеры-то, всего себе наготовили, шампанское лакают. А нас для праздника хотят падалью угостить. Слышите? Падалью!..

Он кричал долго, до тех пор, пока его не услышал вахтенный начальник. Последний позвал его на мостик.

— Ты что это так разоряешься?

— Я правду говорю, ваше благородие! — ответил матрос, дерзко глядя в глаза офицера.

— Молчать! Я арестую тебя!

Матрос крикнул, явно издеваясь над офицером:

— Христос воскресе, ваше благородие!

Через пять минут он уже сидел в карцере.

Собственно говоря, в глубине души мы больше злорадствовали, чем отчаивались, что так случилось. Прежние обиды, какие мы переносили от начальства, не были так ярки, и к ним трудно было придраться. Другое

дело теперь. На первый день пасхи для нас к обеду приготовили дохлятину. Это была такая чудовищная несправедливость, которая била в глаза своей очевидностью. Нельзя было не возмущаться. И в разговорах матросов на разные лады варьировалась покойница-корова, команда все больше и больше накалялась. А тут еще арест матроса подлил жару. Во всех палубах поднялся галдеж. Хотели разбить офицерский винный погреб, но начальство, прослышав об этом, поставило туда часовых.

С мостика поступило распоряжение:

— Команде пить вино и обедать.

Я вынес на верхнюю палубу ендову с ромом, а мой юнга — другую. Матросы, соблюдая очередь, подходили к ендове, называли свой номер и опрокидывали в рот чарку с крепкой душистой влагой. Но от обеда все отказались. Только строевые унтер-офицеры пытались взять обед, однако рядовые сейчас же вырвали у них из рук баки и суп выплеснули за борт. Кто-то из команды крикнул:

— Становитесь все во фронт! Старшего офицера потребуем!

Привычно, с удивительной поспешностью люди выстраивались в ряды. Весть о решении команды молниеносно облетела все части корабля. И отовсюду торопливо бежали матросы, поднимались на верхнюю палубу, присоединялись к фронту, будто заранее сговорились действовать согласованно. Раздались сотни голосов:

— Давай старшего офицера!

— Старшего офицера сюда!

Ко мне прибежал машинист Цунаев, прозванный за его физическую силу «чугунным человеком». На его удлиненном крупном лице от волнения раздувались ноздри. Он поспешно зашептал, заглушая обрывки фраз сдавленным свистом:

— Бомба у нас... Давно готова... С полпуда... Никулин и Громов спрашивают: можно ее бросить сейчас в кают-компанию?

До этого момента я не знал, что машинные квартирмейстеры Никулин и Громов запаслись бомбой. На момент я растерялся. Как обычно в таких случаях, я не мог посоветоваться и с Васильевым, который лечился на госпитальном судне «Орел». Прежние наши разговоры о революционных настроениях команды заканчивались вы-

водом, что к восстанию на эскадре надо готовиться более организованно. И оно должно произойти не раньше чем пс приходе во Владивосток, чтобы сговориться с сухопутными войсками о едином фронте. В противном случае у нас ничего путного не получится. Мы рассуждали так. Трудно поднять восстание на всей эскадре. Но допустим самое лучшее, что оно удалось. А дальше что? Этот вопрос смущал нас больше всего. Вперед мы не могли бы двигаться, потому что нас разгромили бы японцы. Нельзя было бы и вернуться всей эскадрой назад, чтобы использовать боевые корабли в целях революции. Для этого у нас не было таких больших запасов угля. Если в продолжение длинного пути целое государство едва сумело обеспечить нас топливом, то одним нам это было совершенно не под силу. Значит, оставалось бы нам только одно: потопить все корабли, а самим высадиться на аннамские берега и расходиться среди дикарей. А как отнеслись бы к этому наши маньчжурские войска? Они сочли бы нас за изменников, не оправдавших их надежд. И русское правительство использовало бы наше восстание в своих интересах: 2-я эскадра была настолько сильной, что ей ничего не стоило бы уничтожить противника и овладеть Японским морем, но злодеи-революционеры погубили все дело. В таком приблизительно духе затрубили бы все газеты. Короче говоря, революционные элементы на кораблях эскадры оказались в тупике: знали наверняка, что идут на гибель, и не могли поднять знамя восстания. Час революции приближался, но он еще не пробил.

— Ну, как же? — торопил меня Цунаев, скрючив длинные мускулистые руки в таком напряжении, как будто он уже держал в них тяжеловесную бомбу.

После некоторого колебания я с досадой ответил:

— Не время! Дохлая корова не повод к восстанию. Скажи товарищам, чтобы поберегли бомбу для более важного случая. Может быть, она скоро пригодится.

Цунаев, недовольно махнув рукой, бегом спустился по трапу вниз.

В это время в кают-компании шло веселье. Слышались пьяные голоса. Кто-то пел романсы под звуки пианино. И вдруг на головы свалилось сообщение, неожиданное и грозное, как землетрясение: взбунтовалась

команда! В кают-компании сразу стало тихо, как в пустом храме. Бледные и моментально отрезвевшие офицеры вопросительно переглядывались. И в каждой паре их глаз замутилась смертельная тоска, как будто броненосец сию минуту должен взлететь на воздух. Однако это продолжалось недолго. Все вдруг засуетились, забегали, произнося какие-то слова. Одни прятались по своим каютам, защелкивая за собою на замок двери, другие вооружались револьверами, сами не веря в то, что этим можно спастись от погибели.

Командир Юнг в это время находился в ходовой рубке.

Перед командой наконец предстал капитан 2-го ранга Сидоров. Он был в полной офицерской форме — в новеньком белом, как снег, кителе и таких же белых брюках. Но ни золотые погоны на его плечах, ни владимирский крест на груди уже не производили на его подчиненных должного впечатления, а болтавшийся на поясе кортик казался перед этой массой разъяренного народа лишним и ненужным. Из-под козырька флотской фуражки выглядывало лицо с конусообразной бородкой, настолько расстроенное, что даже большие закрученные усы потеряли свою лихость. Упавшим голосом, словно после длительной голодовки, он спросил:

— В чем дело, братцы?

Ревом ответила команда:

— Долой дохлятину!

— За борт обед!

— Долой войну!

— Освободить арестованного!

— Зачем невинного человека посадили в карцер?

— Падалью кормите нас, скорпионы!

— Освободить арестованного!

Старший офицер виновато переминался с ноги на ногу, а потом, помахав рукою в знак того, чтобы замолчали, заговорил:

— Я не могу освободить арестованного своей властью. Это дело командира. Я доложу ему о вашем требовании.

Он торопливо пошагал на мостик.

А вслед ему еще сильнее раздавались голоса:

— Командира давай сюда!

— Мы не уймемся, пока не увидим арестованного!

На палубе показывались более смелые офицеры, но сейчас же, гонимые страхом, скрывались в кормовых люках.

Командир из походной рубки перешел в боевую. Переговоры с ним старшего офицера затянулись. Положение создавалось слишком ответственное, и не так легко было его разрешить. С одной стороны, удовлетворить требование команды — это означало подорвать на судне дисциплину и навсегда поколебать свой авторитет. С другой стороны, нельзя было поступить иначе. Там, внизу, на палубе, собралось около девятисот человек матросов, вышедших из повиновения, как полые воды из берегов. Вместо прежних покорных ребят была теперь дикая орда, поднявшая бунт на военном корабле, вблизи театра военных действий. До боевой рубки доносились режущие ухо вопли, крики, свист, матерная брань, и все это сливалось в тот ураганный рев, от которого на голове дыбились волосы. Правда, люди пока еще стояли во фронте, но этот фронт уже представлял собою беспорядочную ломаную линию и стихийно, как на волнах, качался, угрожающе поднимая кулаки. В своей ярости команда дошла до того состояния, когда резкий и смелый призыв одного из матросов к расправе может бросить всех остальных в новый круговорот событий. И тогда на корабле начнется побоище. Палуба зальется офицерской кровью, и все, или почти все, кто носит на плечах золотые и серебряные погоны, полетят за борт. Можно ли надеяться на помощь других судов? Ведь там тоже были бунты...

И командир Юнг после долгих колебаний сдался.

Старший офицер сбежал с мостика и, подняв для чего-то руки вверх, словно умоляя команду о пощаде, прытко, не по его летам, пронесся мимо фронта, выкрикивая:

— Сейчас, братцы, сейчас!

Он исчез в одном из люков. Но ждать его долго не пришлось. Спустя каких-нибудь пять минут он сам вывел на верхнюю палубу матроса, освобожденного из карцера, и заговорил:

— Вот он, братцы, вот. Не надо больше шуметь. Успокойтесь.

Возбужденное настроение команды быстро падало, прекратились крики.

Старший офицер продолжал:

— Я сейчас распоряжусь, чтобы состряпали для вас новый обед. А вы выберите комиссию. Пусть она наметит, каких быков для вас зарезать,— двух лучших быков.

Фронт сразу рассыпался. С веселым говором расходились по палубе матросы, словно получили небывалую награду. Победа была на их стороне.

Все выше поднималось солнце, расточая буйный свет. В жарком сиянии нежился океан. Над золотисто-синей пустыней вод высоко поднялись вершины гор и застыли в немом безмолвии. Казалось, эти серые и бесплодные великаны для того только и обступили бухту, чтобы охранять ее мирный покой от разбойных набегов бурь.

С флагманского броненосца «Суворов» доносились звуки духового оркестра.

7. СПЕКТАКЛЬ ТРАГИКОМЕДИИ

На второй день пасхи по сигналу командующего все суда начали готовиться к погрузке угля. Праздник наш кончился. О вчерашнем дне у матросов осталось приятное воспоминание — добились освобождения товарища и поели мяса до отвала.

На переднем мостике старший сигнальщик Зефиров торопливо доложил вахтенному начальнику:

— Ваше благородие, на «Суворове» спустили паровой катер.

Вахтенный начальник распорядился:

— Следи хорошенько за ним.

Спустя некоторое время сигнальщик снова сообщил:

— Сам адмирал садится на катер.

А когда увидели, что катер направляется к нам, все начальство на «Орле» пришло в движение. Как теперь быть? У нас не были поставлены трапы. Другие приезжающие с визитом офицеры приставали на своих шлюпках к корме, взбирались по шторм-трапу на балкон, а дальше проходили через кают-компанию. В довершение всего, последняя была превращена в угольную яму, а наш офицерский состав давно уже переселился в запас-

ную адмиральскую кают-компанию. Да, так могли к нам попасть на броненосец младшие офицерские чины. Они с этим мирились. Но разве можно будет таким же образом принять самого командующего эскадрой, вице-адмирала Рожественского? И командир и старший офицер безнадежно разводили руками, хватались в отчаянии за голову: приближалась гроза.

Только матросы были спокойны.

— Несется к нам бешеный адмирал.

— Первый раз за все плавание.

— С чего это он вздумал проведать нас?

— Вероятно, хочет с праздником поздравить и похристосоваться.

— Может быть, настроение перед боем поднять?

Офицеры и команда выстроились во фронт, глаза всех были направлены в сторону катера.

Каково же было возмущение адмирала, когда, приблизившись к броненосцу, он узнал, что ему предстоит попасть к нам на палубу не совсем обычным путем. Это было для него оскорблением. Он поднялся на корме остановившегося катера во весь свой огромный рост и, потрясая кулаками, зарычал:

— Что за мерзость? Что за распущенность такая? Это не корабль, а публичный дом! Немедленно поставить трап!

Рожественский направился к броненосцу «Ослябя», желая, очевидно, посетить больного адмирала Фелькерзама.

Команда наша и не подозревала, что о вчерашнем бунте на «Орле» все стало известно командующему эскадрой. Виноват в этом был вахтенный начальник. Он написал командиру такой рапорт, который никак нельзя было замять, не дав законного хода.

На «Орле» поднялась суматоха. Закипела работа по спуску правого трапа. Для этого поставили матросов больше чем следует. Помимо старшего офицера, тут же находился командир судна, который все время торопил:

— Скорее! Скорее!

Не успели покончить с одним делом, как с «Ослябя» передали сигналом новый приказ Рожественского:

«Поставить и левый трап».

Последний находился на левом срезе и, как на грех, был завален углем. Не было никакой возможности быстро освободить его из-под толстого слоя угля. Начальство заметалось, бросаясь от одного борта к другому.

Удалось оборудовать только один правый трап. Снова явился Рожественский. Почти весь экипаж выстроился во фронт на верхней палубе. Молча поднялся на нее адмирал и, не поздоровавшись, как это обычно бывает, с командой, остановился, словно в тяжелом раздумье. Огромная фигура его, возвышаясь на целую голову над другими, немного сутулилась. Принадлежность к свите его величества, чин вице-адмирала, звание генерал-адъютанта, положение командующего эскадрой — все это вместе отделяло его от нас, как божество. Его лицо с круглой, коротко подстриженной бородой было гневно и мрачно, как разверстое море в непогоду. По своей постоянной привычке адмирал двигал челюстями, словно что-то разжевывая, и медленно скользил сверлящим взглядом по рядам матросов, как будто разыскивая среди них виновников. Все на корабле замерло. Люди, казалось, притаили дыхание. Эта молчаливая сцена продолжалась минуту или две. Наконец, тишина взорвалась потрясающим рычанием:

— Изменники! Мерзавцы! Бунтовать вздумали! Выстроиться по отделениям! Унтер-офицеры — отдельно!

Раздался топот многочисленных ног. Сколько раз нам приходилось выполнять такую простую команду! А на этот раз мы путались и шарахались из стороны в сторону, как обезумевшее стадо животных при виде хищного зверя.

Мы еще раньше слышали, что адмирал будто бы страдает болезнью почек. Поэтому малейшее раздражение приводило его в бешенство. Может быть, с ним действительно было так. Во всяком случае, теперь он производил на нас впечатление ненормального человека. Он топал правой ногой, размахивал руками, выкрикивал брань, какую не всякий матрос может произнести, называл броненосец и команду самыми непристойными именами. Каменными глыбами падали, громыхая, его слова:

— Я не потерплю измены! Позорный корабль! Я расстреляю его всей эскадрой, потоплю его на месте!..

Мы верили в его могущество. Наши жизни находились в его руках. Он внушал нам непомерный страх.

Адмирал требовал:

— Дайте мне зачинщиков! Где они, эти разбойники? Подать мне их сюда!

Офицеры забегали по фронту. Они сами не знали, кто зачинщик, а заранее список таковых не составили. Пришлось хватать кого попало: либо кого-нибудь из штрафных, либо такого матроса, чья физиономия им не нравилась. Случайно подвернувшийся под руку судовой плотник Лебедев был первым выхвачен из строя. Адмирал, набросившись на него, как на мишень своей разъяренной злобы, разбил ему лицо и, словно испугавшись при виде крови своей невоздержанности, приказал ему:

— Становись, мерзавец, на свое место!

Лебедев стал во фронт и был доволен, что вместо суда и угрожаемой смертной казни отделался только потерей четырех передних зубов, выбитых адмиральским кулаком.

Офицеры продолжали без разбору хватать матросов и выводить их из рядов на середину палубы, как на лобное место. Это был самый критический момент: каждый из команды думал лишь об одном — как бы его не вытащили из фронта. И мысль, замораживая сердце, забегала вперед — расстреляют или повесят. Остальные все облегченно вздохнули, когда офицеры набрали восемь человек и поставили их на середину палубы.

Началась трагикомедия.

Адмирал замолчал, как будто решил успокоиться, прежде чем приступить к допросу виновников. Только грудь его бурно вздымалась. Долго испытывал их взглядом, переводя его с одного лица на другое. Потом заскрежетал зубами так громко, точно они были у него железные. И вдруг снова, прорвавшись, неистово заорал на провинившихся матросов:

— Вот они, предатели земли русской! Ни одного человеческого лица! У всех арестантские морды! За сколько продали Россию? Я спрашиваю: за сколько продали родину японцам?

Восемь человек стояли вытянувшись, таращa бессмысленные глаза на грозного адмирала. У них дро-

жали колени, а лица их были так бледны, как будто запудрились мучной пылью. Это были безмолвные манекены.

Адмирал быстро повернулся перед всей командой и широким оперным жестом правой рукой показал на арестованных:

— Посмотрите, посмотрите на этих изменников! Они продали японцам нашу родину за золото!

Потом согнулся, вобрал голову в плечи и, тыча пальцем в сторону виновников, заговорил голосом, пониженным почти до шепота, до клокочущей вибрации:

— Вижу, вижу... Вон как оттопырились карманы! Японским золотом набили! Смотрите, все смотрите на их карманы! Они сейчас лопнут от золота! Ага! Вот куда попали вражеские деньги!

Адмирал то приближался к виновникам, то отходил от них, все время кривляясь, пересыпая слова матерной бранью. Лицо его становилось чугунно-черным, глаза пучились, словно был ему тесен накрахмаленный ворот сорочки. Он бесновался, как одержимый. И вся эта брань, все его поведение, все глупые слова настолько были нелепы, как будто он играл перед публикой роль шута, лишь на время нарядившегося в блестящий китель. Наконец выбрал одного из восьми человек, худого, с лицом, изрытым оспой, и загорланил:

— Вот она, рожа, самим богом отмечена! Говори, сколько с японцев денег взял? Ну! Ага! Молчишь!

Он схватил его за грудь и так начал трясти, словно хотел вытряхнуть из него душу. Голова у несчастного матроса болталась, как на пружине. Отшвырнутый, он полетел от адмирала, ударился о переборку камбуза и свалился, а затем, усевшись на палубу, вдруг начал громко икать.

Унтер-офицеров адмирал облаял последними словами, кондукторов и офицеров назвал «позорными начальниками позорной команды», командиру сделал выговор за его слабость.

— А вы, подлые души, так и знайте,— я не прощу вам этого! — в заключение обратился он уже ко всем матросам.— Разве только в бою собственной кровью сможете искупить свое преступление! В противном случае с вас полетит немытая шерсть клочьями!..

Адмирал уехал на «Суворов».

Восемь человек арестованных матросов, как тяжких преступников, под усиленным конвоем отправили на транспорт «Ярославль», заменяющий плавучую тюрьму.

Мы разошлись молча, с таким чувством, словно у каждого из нас выдавили сердце. Нам не о чем было говорить. Все было ясно. Мы отделались гибелью восьми своих товарищей *.

8. ВСТРЕЧАЕМ ТРЕТЬЮ ЭСКАДРУ

Вечером 25 апреля эскадра связалась по беспроволочному телеграфу с кораблями контр-адмирала Небогатова. Приближались товарищи, покинувшие Либаву через четыре месяца после нас. Весть об этом приятно всех взволновала.

На следующий день в восемь часов утра эскадра поотрядно вышла из бухты Ван-Фонг. Суда приняли походный строй, каким был сделан переход Индийским океаном. Броненосные отряды вытянулись двумя параллельными колоннами, возглавляемые флагманскими кораблями «Суворов» и «Ослябя». Разведчики «Алмаз», «Светлана» и «Урал» выдвинулись вперед. Наши летуны «Изумруд» и «Жемчуг» расположились по флангам на траверзе флагманских кораблей, а транспорты и миноносцы — сзади броненосных отрядов. В арьергарде были поставлены крейсеры «Олег», «Аврора» и «Донской». Четыре вспомогательных крейсера разошлись по сторонам горизонта. Эскадра шла курсом сначала на зюйд-ост, потом повернула на вест.

На нашем броненосце возбуждение охватило весь личный состав. Вместе с другими матросами и я бросился на задний верхний мостик. Все взоры были устремлены в ясную даль океана. Между «Суворовым» и «Николаем I» происходили непрерывные переговоры по радио. Во втором часу дня начали вырисовываться мачты направляющихся к нам судов. Немного погодя показались трубы, выкрашенные в черную краску, и мостики. Во главе, под флагом контр-адмирала Небогатова, шел «Император Николай I», за ним тянулись броненосцы береговой обороны: «Генерал-адмирал Апраксин», «Адмирал Сенявин» и «Адмирал Ушаков»; старый броне-

носный крейсер «Владимир Мономах»; транспорты: «Ливония», «Курония», «Герман Лерке», «Граф Строганов», походная мастерская «Ксения», буксирный пароход «Свирь». Должно было подойти еще второе госпитальное судно «Кострома». Эскадры встретились, салютуя друг другу пушечными выстрелами. Странно было видеть эти коренастые и кургузые тихоходы с высокими трубами, с длинными орудиями в такой дали от своих родных берегов. Но они пришли, покрыв в три месяца огромнейшее расстояние. 2-я эскадра застопорила машины. На «Суворове» подняли сигналы: «Добро пожаловать», «Поздравляю с блестяще выполненным походом», «Поздравляю эскадру с присоединением отряда». Сигналы были отрепетованы всеми судами. «Николай I», ведя за собой кильватерную колонну, обогнув наши концевые корабли, прошел вдоль всей эскадры и стал в третью линию параллельно двум первым. Это был торжественный момент. С безоблачного неба щедро разливались лучи тропического солнца. Накаленный воздух дрожал. Морская поверхность сверкала, словно шелковая скатерть, усыпанная драгоценными камнями. На каждом судне команда выстроилась на верхней палубе во фронт, радостно выкрикивая «ура». Флагманские корабли гремели оркестрами. А «Донской», приветствуя своего старого соплавателя «Мономаха», послал команду по реям, как это было принято во времена парусного флота, к поколению которого принадлежали эти оба броненосных фрегата.

Вскоре с «Николая» был спущен катер, на котором Небогатов отправился к командующему с докладом. На трапе «Суворова» встретились два адмирала и перед всей эскадрой облобызались. Рожественский провел младшего флагмана в свой кабинет, где провел с ним около часа. После этого Небогатов вернулся на свой корабль *.

Торжество кончилось.

Четыре прибывших броненосца вошли в состав эскадры в качестве третьего броненосного отряда, а крейсер «Владимир Мономах» присоединился к крейсерскому отряду.

Мы хорошо знали, что представляют собою вновь прибывшие суда. Реальная сила их была ничтожна.

И, однако, вопреки логике цифр, весь экипаж броненосца «Орел» еще долго радовался, словно произошло событие, повернувшее нашу судьбу в сторону надежды. Так у тяжко больного на пороге смерти бывает порыв к жизни, когда вдруг будущее начинает манить обещаниями.

Одно было хорошо — наше томительное скитание у берегов Аннама кончалось. Оставалось только сделать перегрузку с прибывших транспортов, и через несколько дней мы двинемся дальше на северо-восток. Теперь над прошлым поставлен крест. Нас больше ничто не может задерживать. Россия отдала нам все, что могла. Слово осталось за 2-й эскадрой. Все взоры были мысленно устремлены на Рожественского, чтобы на его лице под грозными бровями, в его сосредоточенном взгляде прочесть планы ближайших действий.

На второй день с рассветом отряд Небогатова с несколькими транспортами вошел в бухту Куа-Бэ, где принялись за погрузку угля и починку механизмов. Остальные отряды эскадры остались в море, недалеко от входа в бухту. От командующего получили приказ № 229, в котором говорилось, что «с присоединением отряда силы эскадры не только уравнялись с неприятельскими, но и приобрели некоторый перевес в линейных боевых судах». И еще: «У японцев больше быстроходных судов, но мы не собираемся бегать от них».

Я не знаю, верил ли сам Рожественский в свои слова, но на матросов они не произвели должного впечатления. Слишком очевидна была вся нелепость такого заверения. Поэтому матросы только посмеивались над этим приказом:

— Хватил тоже! Какой это перевес в линейных судах? Ведь старички только прибыли да броненосцы береговой обороны.

— Вот если бы Черноморскую эскадру прислали к нам, другое было бы дело.

— Хуже всего насчет быстроходности сгородил чепуху! Как будто быстроходные суда для того только и существуют, чтобы бегать от врага.

— Боевой дух поднимает у нас.

Некоторые матросы получили почту и радовались известиям с родины. Делились впечатлениями с това-

рищами. Но не у всех было благополучно дома, Вот кочегар привалился к правой носовой башне. Держа в корявых руках перед собою распечатанное письмо, он впился глазами в неровные строчки. Все шло хорошо, пока перечислялись поклоны от родственников. Но вдруг по грязному лицу кочегара покатились капли слез.

— Ты что? — спросил я у него.

Не сразу он ответил мне, запинаясь:

— Сынишка... Третий год шел... Петькой звали... Помер.

И, сунув письмо в карман рабочих брюк, усталой походкой побрел в низ корабля продолжать свою вахту.

Теперь наша эскадра состояла из пятидесяти кораблей: тридцать семь военных и тринадцать коммерческих. Тактическое распределение их было таково:

Первый броненосный отряд, в который входили четыре лучших однотипных корабля — «Суворов» под флагом командующего эскадрой, «Александр III», «Бородино» и «Орел».

Второй броненосный отряд — «Ослябя» под флагом контр-адмирала Фелькерзама, «Сисой Великий», «Наварин» и «Адмирал Нахимов».

Третий броненосный отряд — «Николай I» под флагом контр-адмирала Небогатова, «Апраксин», «Сенявин» и «Ушаков».

Первый крейсерский отряд — «Олег» под флагом контр-адмирала Энквиста, «Аврора», «Дмитрий Донской», «Владимир Мономах», «Рион» и «Днепр».

Второй крейсерский отряд — «Светлана» под брейд-вымпелом капитана 1-го ранга Шеина, «Кубань», «Терек» и «Урал».

Первый минный отряд — два легких быстроходных крейсера: «Изумруд» и «Жемчуг», четыре миноносца: «Бедовый», «Быстрый», «Буйный» и «Бравый».

Второй минный отряд — «Громкий», «Грозный», «Блестящий», «Безупречный» и «Бодрый».

Затем отряд тринадцати транспортов, из которых «Камчатка», «Иртыш» и «Анадырь» были вооружены малокалиберными пушками. Эти транспорты возглавлялись крейсером «Алмаз» под брейд-вымпелом капитана

1-го ранга Радлова. Кроме того, при эскадре находились два госпитальных судна — «Орел» и «Кострома».

Еще были транспорты, но их за ненадобностью предназначили отправить в Сайгон.

Четверо суток провели в беспрерывной суматохе. Перегружали с одних транспортов на другие уголь, провизию и припасы. До отказа заполняли углем и боевые суда. По распоряжению Рожественского на судах, прибывших с Небогатовым, все трубы были перекрашены из черных в желтые с черными каемками наверху, а мачты — в светло-шаровый цвет.

За время нашей стоянки в бухтах Камранг и Ван-Фонг офицеры «Орла» не раз поднимали между собою вопрос о том, что следовало бы эскадру задержать здесь и начать переговоры с Японией о мире. С присоединением к нам небогатовских кораблей разговоры об этом усилились. Вот что можно было услышать в кают-компании:

— После Мукденского сражения даже для дураков стало ясно, что наши сухопутные войска не могут одолеть врага. Единственная надежда у них — это 2-я эскадра. Но мы хорошо знаем, что собою представляют эти последние поскребыши наших морских сил.

— Да, совершенно верно. Если Порт-артурская эскадра не сделала ничего путного, то мы и подавно обречены на разгром.

— Что отсюда следует?

— Следует то, что нужно бы немедленно начать переговоры о мире. Для этого теперь сложилась самая подходящая ситуация. Вы подумайте хорошенько, что получается. Так или иначе, но мы, к удивлению всего мира, преодолели огромный путь и не потеряли ни одного корабля. Дошли почти до Японии, находимся, можно сказать, у нее под боком. Это невольно должно вызвать у противника серьезные опасения. Ведь он не имеет истинного представления о всех наших недочетах. Это мы знаем, что 2-я эскадра как боевая сила никуда не годится. Японцы же, пока она не уничтожена, не могут не тревожиться ее пребыванием в восточных водах. Пусть они на море численно сильнее нас, но на войне бывают всякие случайности и неожиданности, когда слабейшая сторона разбивает сильную. Из мировой военно-морской истории можно было бы много привести таких фактов.

Противник, вероятно, и это учитывает. Словом, находясь у аннамских берегов, мы могли бы заключить мир, более или менее сносный для нас. Мало того, сохранилась бы в целости наша эскадра для будущего времени, и престиж России не был бы окончательно подорван.

— Как жаль, что природа обидела разумом тех, от кого зависит прекращение этой неудачной войны.

В кают-компании против таких мыслей никто не возражал.

Утром 1 мая эскадра в составе пятидесяти кораблей, построившись в походный порядок, тронулась вперед девятиузловым ходом. Первый и второй броненосные отряды были разделены на две колонны. За ними, взяв миноносцы на буксир, следовали две колонны транспортов, возглавляемые «Алмазом». Крейсеры держались с флангов, охраняя транспорты. Разведочный отряд из четырех крейсеров выдвинулся вперед эскадры. Плавучие госпитали — «Кострома», накануне присоединившаяся к нам, и «Орел» — шли вне строя по сторонам крейсеров. Третий броненосный отряд, руководимый Небогатовым, прикрывал тыл эскадры в строе фронта.

На баке я встретился с боцманом Воеводиным.

— Пошли окончательно,— сказал он, оглядывая эскадру.

— Да, бесповоротно,— ответил я.

Эскадра вытянулась на пять миль. Из многочисленных труб выбрасывались густые черные клубы дыма. И этот дым, отставая, висел над океаном, как грозовая туча.

— Посмотришь — силищу какую представляем мы,— продолжал боцман.

— Да, если не разбираться по существу.

— Через две-три недели некоторым из судов, может быть, удастся достигнуть Владивостока.

— А некоторым придется застрять на дне Японского моря.

Боцман испытующе посмотрел на меня.

— Да, это верно.

Все дальше отодвигались лиловые берега, дававшие нам временный приют. Погода стояла тихая. Лишь слегка зыбилась водная ширь, поблескивая отражением утреннего солнца.

По мостику, оглядывая горизонт из-под козырька пробочного шлема, прохаживался капитан 1-го ранга Юнг. До сих пор я почти ничего не сказал о нем. А между тем за это плавание он определился и как личность и как командир судна.

Это был питомец старой школы парусного флота. Он много плавал на клиперах, корветах и фрегатах. Перед назначением на «Орел», состоявшимся в начале войны, после перевода броненосца в Кронштадт для вооружения, он командовал лучшим парусным крейсером «Генерал-адмирал». На этом судне плавали ученики, готовившиеся на строевых унтер-офицеров, и поэтому порядок там был образцовый. Юнг обладал большим морским опытом, привык к налаженной службе парусников, на которых вся жизнь сосредоточена на верхней палубе.

На новом броненосце он чувствовал себя, как в незнакомых лесных дебрях. Механическая и трюмная части, электротехника, башенная установка крупной артиллерии были для него таинственной областью, в которой он совершенно не разбирался. Поэтому трудно ему было руководить работой всех специалистов, контролировать их и объединять. Постепенно он принужден был всецело положиться на старших судовых специалистов. Он совсем переселился в ходовую рубку, неотлучно находился на мостике и, следя за сигналами флагманского корабля, отдавал распоряжения сигнальщикам и в машину. Эти обязанности с успехом мог бы выполнять вахтенный начальник. Таким образом, от своего корабля, от всего происходившего под спардеком и верхней палубой командир все более отрывался, а жизнь судна вне поля его зрения шла самотеком. Старший офицер тоже не мог его заменить. Тогда объединенная группа специалистов забрала власть в свои руки и начала заправлять всем броненосцем.

Так происходило не только у нас на «Орле», но и на многих других судах. Неподготовленность командиров к переходу на новую техническую базу повела к упадку их авторитета в глазах младших чинов. На каждом судне зарождался коллегиальный орган, нечто вроде совета старших специалистов.

В жизни броненосца «Орел» эти новые взаимоотношения сказались с полной определенностью.

Командир Юнг был вполне порядочный, незлобивый и храбрый человек, с большим опытом морских плаваний. Но он потерялся перед трудностью свалившейся на него задачи — командовать необычайно сложным, еще неналаженным и имевшим много технических недочетов броненосцем. Ему пришлось ограничиться чисто внешней стороной командования, исполняя приказы адмирала и поддерживая общий порядок на судне. Всякое замысловатое положение в действиях судовых устройств и механизмов ставило его в тупик. Даже молодые мичманы скоро заметили такую слабость командира. Над его беспомощностью посмеивались в кают-компании.

Командир знал со слов артиллеристов, что есть такой страшный зверь — «реостат», который обладает свойством гореть в самую нужную минуту, когда от башни требуется ответственная работа — боковой поворот с борта на борт. И вот однажды произошел курьез. Командир стоял на мостике и смотрел, как перед ним медленно поворачивается носовая двенадцатидюймовая башня. Его обеспокоило, что поворот происходил слишком медленно. Он обратился к лейтенанту Павлинову с вопросом:

— Почему это башня идет так медленно?

Тот ответил:

— Башня идет вручную.

Командир подумал и сказал:

— Ах да, вероятно, реостаты горят.

Павлинов удивленно поднял черные брови.

У Юнга выработалась стремительность, свойственная морякам парусного флота. Поэтому он все вопросы решал немедленно, без исследования, по интуиции. Постоянные придирки адмирала издергали его. Он сам начинал терять самообладание и в свою очередь разносил офицеров, не разобрав сущности дела.

На Мадагаскаре, когда мы стояли в бухте Сан-Мари, командующий запретил сношения катеров после шести часов вечера.

К трапу «Орла» подошел катер, отправляющийся в дозор. На нем находился младший доктор Авроров и артиллерийский офицер лейтенант Гирс, перенесший тяжелую болезнь и возвращавшийся обратно на броненосец с госпитального судна. Когда катер хотел пристать

к трапу, командир Юнг начал кричать что-то невразумительное. Он махал руками, захлебывался и бессвязно кричал:

— Адмирал... Шесть часов... Не позволю...

Катер ушел на всю ночь с доктором и больным офицером.

Нервность командира вызывала сомнение у офицеров и команды насчет его поведения в бою, когда необходимо иметь особое хладнокровие. Постоянные «авралы» на мостике из-за каждого сигнала командующего и при каждом маневре заставляли многих думать, что во время сражения он потеряется. Однако под конец командир стал на путь осуждения тактики адмирала, говоря про его штаб:

— Да что они там понимают! Боятся адмирала и ничего не видят. Не стоит обращать на них внимания.

Адмиральские сигналы с выговором он уже получал хладнокровно.

— Ерунда! Пусть себе ругаются. Ведь они там, в штабе, потеряли голову.

Постепенно он пошел за группой старших специалистов, проникся их взглядами и, не дожидаясь распоряжения адмирала, начал проводить на «Орле» ряд подготовительных мер к бою *.

9. МАТРОС БАБУШКИН В ИСТОРИЧЕСКОЙ РОЛИ

На каждом корабле найдутся сослуживцы, земляки или просто знакомые матросы. Были такие у меня и в отряде адмирала Небогатова. Но повидаться с ними и порасспросить, как у них проходили служебные дела, мне удалось значительно позже.

Корабли этого отряда снаряжались в Либаве, в порту Александра III. Несмотря на бюрократическую волокиту, всюду чувствовалась торопливость. И все же ремонты судовых механизмов производились небрежно. Спешно устанавливались вновь приобретенные приборы стрельбы — дальномеры и оптические прицелы, но со свойствами их не были знакомы ни командиры, ни артиллерийские офицеры. Снаряды, доставляемые в Либаву по железной дороге, разгружались из вагонов пря-

мо на снег и, прежде чем попасть на судно, валялись там по целой неделе. Старой, испытанной команды оставалось на кораблях мало. Корабли укомплектовывались личным составом, собранным из разных экипажей, портов и морей. В число пополнения вошло много неподходящих для войны матросов: или новобранцы, не прошедшие даже строевого рекрутского воспитания, или запасные, позабывшие правила военной службы, или штрафные, надоевшие береговому начальству. А высшее военно-морское руководство продолжало нажимать на отряд и торопило его корабли скорее выйти в море, чтобы этим успокоить взволнованное общественное мнение. На жалобы командиров, что суда еще не оборудованы как следует для сражения с противником, начальник порта контр-адмирал Ирецкий говорил:

— Да разве вам придется сражаться? Вы идете только для демонстрации. Вас скоро вернут обратно.

Известия о страшных событиях, происшедших в Петербурге 9 января, когда вся Дворцовая площадь была залита кровью рабочих, докатились и до Либавы. Рабочие заводов и порта всколыхнулись. Начались стачки и забастовки. Это тоже не могло не отразиться на срочности изготовления снаряжаемых кораблей. Квалифицированных рабочих, назначаемых на суда, стали заменять матросами. Но и они заразились духом протеста. Так, на броненосце «Адмирал Сенявин» они то и дело предъявляли начальству претензии на плохое качество пищи. А однажды вечером, во время ужина, команда заволновалась. Вахтенный начальник мичман Вильгельмс начал кричать на нее, угрожая расправиться с бунтовщиками. Но он не учел раскаленности судовой атмосферы и за это жестоко поплатился: один из матросов набросился на него и ударом ножа в живот свалил его насмерть. Был ранен еще один боцман.

При таких обстоятельствах отряд Небогатова 3 февраля рано утром оставил свой последний порт и, преодолевая холодный шторм и крупные волны, двинулся на соединение с нами.

Этот адмирал в противоположность командующему эскадрой был человеком иного склада. Я с ним служил на экипаже и плавал на одном крейсере, когда он

был капитаном 1-го ранга. Хорошо запомнился мне его внешний облик: полнотелый корпус, одутловатое лицо в экземе и коротко подстриженная седая борода, глаза большие, немного навыкате. Во флоте он считался знающим адмиралом. Он умел привлечь к работе своих подчиненных, причем достигал этого без крика, без разноса, без драки. Он не мог считаться стариком, имея от роду всего лишь пятьдесят пять лет, но матросы прозвали его «дедушкой». Только благодаря тому, что он умел по-человечески обходиться с ними, в его отряде во время пути все уладилось, и не было не только бунтов, но и дисциплинарные проступки постепенно сокращались. Этим не могли похвастаться корабли Рожественского.

В штабе Небогатова флагманским артиллеристом оказался уже знакомый нам капитан 2-го ранга Курош. Те матросы, которые служили с ним раньше, никогда о нем не забудут. Вполне естественно, что, услышав о нем, я первым делом поинтересовался, как он теперь относится к команде. Выяснилось, что он по-прежнему не прочь бы увечить матросов, но адмирал не дает ему в этом воли. Иногда только втихомолку его жилистый кулак обрушивался на голову какого-нибудь комендора. Но к алкоголю он в походе пристрастился еще больше, чем это бывало с ним раньше. По приказанию офицеров вестовые не раз откачивали его водой. На почве пьянства у него происходили всякие недоразумения. Одно из них было особенно характерно для Куроша.

Это случилось, когда отряд Небогатова пересекал Средиземное море. Был ясный восход, обещавший хорошую погоду. На броненосце «Николай I» шла обычная утренняя приборка. Вахту стоял долговязый и неуклюжий лейтенант Иван Егорович Тимме, прозванный матросами «дядя Ваня». За вахтенного офицера был прапорщик по морской части Александр Антонович Шамие.

Еще четырнадцатилетним мальчиком Шамие убежал из дому и поступил на коммерческие корабли. Скитания по морям и океанам ему понравились. Он решил кончить мореходные классы. Но после болезни тифом зрение его настолько притупилось, что на испытаниях в правительственной комиссии он не мог сделать отсчета по секстану. Вместо желанного диплома ему удалось получить

лишь свидетельство об окончании мореходных классов по программе штурмана дальнего плавания. Затем он два года отбывал воинскую повинность матросом в Черноморском флоте. В это время у него созрела мысль подготовиться к экзамену на аттестат зрелости и поступить в университет. Через несколько лет тяжелой жизни все преграды были преодолены, и желания его сбылись: он стал юристом. Из него выработался мужественный и решительный человек. Во время войны с Японией его снова призвали на службу и произвели в прапорщики. Любитель приключений, он сам вызвался в отряд Небогатова.

И сейчас, отбывая вахту, Шамие медленно прохаживался по шканцам. Может быть, ему вспоминались юношеские мечты о водных просторах. Изредка он останавливался и задумчиво вглядывался в морскую даль, любуясь игрой солнечных лучей на гребнях небольших волн.

— Александр Антонович, сходите в батарейную палубу и проследите, как там идет приборка,— раздался сверху голос лейтенанта Тимме, перегнувшегося через поручни мостика.

Шамие, выведенный из задумчивости, поднял голову и, взглянув сквозь пенсне на вахтенного начальника, пошутил:

— Я думаю, что там все в порядке. Пушки никто не стащит.

Лейтенант Тимме вскипел:

— Прапорщик Шамие, будьте любезны немедленно исполнить порученное вам приказание!

Шамие, откозырнув, спустился в батарейную палубу. Матросы заканчивали скатывать палубу. Кое-кто чистил медяшку, балагуря между собою.

В полусумрачном закоулке броненосца кто-то схватил прапорщика Шамие за руки и с матерной бранью выкрикнул:

— А, попался, стервец!

Прапорщик от неожиданности вздрогнул. В нос ударило ему перегаром водки. На момент представилось ему, что кто-то из команды напал на него. Потом страх сменился удивлением, когда он узнал в пьяном человеке капитана 2-го ранга Куроша, истерзанного, в матросской рубахе на голом теле.

— Николай Парфеныч, что с вами? — вежливо спросил Шамие.

— Я не Николай Парфеныч, а матрос! Убью тебя на месте!

Матросы, прекратив работу, с недоумением смотрели на эту сцену. Назревал скандал. В наступившей тишине прапорщик возвысил голос:

— А, так, значит, ты матрос? В таком случае садись в карцер! Позвать мне караульного начальника.

Матросы рады были стараться. Немедленно явился караульный начальник. Куроша, продолжавшего играть принятую на себя роль, отвели в его каюту, расположенную тут же в батарейной палубе. К каюте приставили часового.

Это было неслыханное нарушение дисциплины: прапорщик арестовал штаб-офицера, штабного чина. Такому наказанию можно было бы подвергнуть его только с высочайшего повеления, в отдельном же плавании такая прерогатива принадлежит начальнику отряда.

Шамие о случившемся событии доложил вахтенному начальнику. Лейтенант Тимме в испуге ухватился за голову и что-то забормотал, не зная, как выйти из положения. Он настолько растерялся, что даже забыл снять часового, приставленного к каюте Куроша.

Прапорщик решил, вопреки всем правилам, непосредственно обратиться к адмиралу. Небогатов только что встал. Вестовой доложил ему, что с ним хочет повидаться прапорщик Шамие по неотложному делу. Посетитель был немедленно принят в каюте.

— В чем дело? — спросил Небогатов.

— Разрешите, ваше превосходительство, обратиться к вам не как к начальнику отряда, а просто как к Николаю Ивановичу Небогатову.

Опешив, адмирал опустился на стул и заговорил:

— Да садитесь, голубчик. Что-нибудь случилось?

Шамие рассказал весь эпизод с Курошем.

Адмирал заулыбался.

— Так, так, значит, арестовали штаб-офицера. Ну и штафирка... Гм... Прежде всего пойдите и снимите часового, а на вахте доложите, что посадили в каюту Куроша по моему приказанию.

Событие кончилось для всех ничем.

До Индийского океана Небогатов добрался тем же маршрутом, каким шел адмирал Фелькерзам,— через Суэцкий канал и Красное море. А потом, не заходя в Носси-Бэ, направился к Зондским островам. В пути, насколько позволяло время, на его кораблях люди занимались артиллерийским учением, практиковались с дальномерами. Два раза производились боевые стрельбы по щитам, причем первая стрельба дала самые неудовлетворительные результаты, вторая — прошла немного лучше. Ночью всегда шли без огней, чего у нас, к сожалению, не было.

Весь этот длинный путь был проделан в восемьдесят три дня. Нельзя было не восторгаться таким успехом, если принять во внимание, что отряд состоял из двух старых кораблей, «Николая I» и «Владимира Мономаха», и трех броненосцев береговой обороны, совершенно не приспособленных к дальним плаваниям. К чести Небогатова нужно сказать, что он проявил себя неплохим флотоводцем.

Морское министерство не сумело организовать агентуры на пути следования 2-й эскадры. Мы ничего не знали о движении неприятельских кораблей. Правда, Главный морской штаб кое-что сообщал об этом, но все его сведения оказывались ложными и только нервировали личный состав. В таком же неведении находился и адмирал Небогатов. Он ничего не знал ни о стратегической обстановке на морском театре военных действий, ни о месте нахождения 2-й эскадры. А между тем на нем лежала задача соединиться с Рожественским. Но где в это время находился строптивый командующий? На все телеграфные запросы в Петербург Небогатов так и не мог добиться точных сведений. Он рисковал совсем потерять 2-ю эскадру. Перед ним естественно возникал вопрос: как быть в дальнейшем? Он уже хотел самостоятельно пробиваться во Владивосток. Если соединение его отряда и произошло с эскадрой, то это вышло случайно: помог матрос Бабушкин.

Кто он, этот герой, сыгравший такую видную роль?

В период русско-японской войны им было совершено немало выдающихся подвигов. Защитники Порт-Артура, вероятно, помнят его фамилию до сих пор. Еще больше он был известен среди команды крейсера 1-го

ранга «Баян», на котором он прослужил несколько лет, добившись звания машинного квартирмейстера 1-й статьи.

Василий Федорович Бабушкин явился во флот из крестьянской гущи, из глухой провинции Вятской губернии. Высокий ростом, широкоплечий, грудастый, он обладал атлетическим телосложением. Своей необычайной физической силой он однажды удивил французов. Это было в Тулоне, когда там строился крейсер «Баян». В местном городском театре шло представление. Среди разных других номеров какой-то атлет демонстрировал перед публикой свою силу: сажал на стол двенадцать человек, подлезал под него и поднимал на своей спине вместе с людьми. Бабушкин, находясь в это время среди зрителей, не выдержал — вышел на сцену и попросил прибавить еще двух человек. Гром аплодисментов наполнил весь зал, когда он поднял такую тяжесть. Побежденный соперник сейчас же скрылся за кулисами, а русский силач, когда вылез из-под стола, совершенно растерялся. Его смущали бурные восторги публики и цветы, летевшие к ногам. Он не знал, что делать, и несколько минут неподвижно стоял на сцене, глядя в зрительный зал карими глазами, молодой и наивный, с натуженно-покрасневшим лицом.

Потом он признавался своим товарищам:

— Ну до чего неловко было! Не помню даже, как вышел из театра. Навертываю прямо на крейсер, а в голове будто шмели гудят.

После этого вечера он ежедневно получал десятки писем от француженок. Они всячески добивались с ним свидания. Но из этого ему удалось извлечь лишь ту пользу, что он скорее других научился разговаривать по-французски.

С самого начала войны Бабушкин находился на крейсере «Баян» и все время отличался исключительной храбростью. Он участвовал во многих самых рискованных предприятиях. Нужно ли было ночью выслеживать и ловить японских агентов, сигнализировавших своим войскам огнями, он всегда шел впереди всех. Не обходилось без него и в тех случаях, когда сторожевые паровые катеры отправлялись брать на абордаж неприятельские брандеры.

Для 1-й эскадры, блокированной в Порт-Артуре, наступила жестокая пора. Японцы, заняв Высокую гору, начали бомбардировать гавань и корабли. В порту и на судах то и дело возникали пожары. Команды и офицеры «Баяна» скрывались под броневой защитой или в береговых блиндажах. Только несколько человек оставалось на верхней палубе. Среди них всегда находился Бабушкин и первым бросался к месту пожара на судне. Когда вся наша эскадра была потоплена, он и на суше, защищая крепость, проявлял чудеса храбрости. Все боевые задания им выполнялись умело, ибо природа наградила его не только чрезвычайной физической силой, но и редкостной сообразительностью. Обладая избытком энергии, он принадлежал к тому типу людей, которые сами все делают, не дожидаясь распоряжения начальства. Кроме того, он по натуре своей был авантюристом. Поэтому, чем опаснее предстояли приключения, тем сильнее рвался к ним Бабушкин. Так продолжалось до тех пор, пока и над ним не стряслась беда. Однажды, починяя станок на укреплении № 3, он получил сразу восемнадцать ран от разорвавшегося вблизи неприятельского снаряда. И богатырь, награжденный к этому времени всеми четырьмя степенями георгиевского креста, свалился почти замертво. Он долго пролежал в госпитале, прежде чем стал на ноги.

После падения Порт-Артура японские доктора признали Бабушкина инвалидом и отпустили его в Россию. Он отправился на иностранном пароходе и попал в Сингапур. Здесь он встретился с консулом Рудановским и от него случайно узнал, что в ближайшие три дня должна недалеко пройти 3-я эскадра. Консул добавил:

— Нужно обязательно доставить адмиралу Небогатову секретные бумаги и предупредить его, что где-то в Зондских островах скрывается японская эскадра. Но мне мешают это выполнить англичане.

Бабушкин еще не оправился от ран, но в нем снова загорелась прежняя удаль. Захотелось еще раз подраться с японцами. Он напросился выполнить поручение консула и кстати остаться на каком-нибудь корабле приближающейся эскадры. Сейчас же был разработан план действий.

К гостинице, где жил Бабушкин, были приставлены полицейские для наблюдения за ним. Чтобы обмануть их бдительность, он рано утром нарядился в белый китель, на голову надвинул тропический пробковый шлем и, выбравшись на улицу другим выходом, направился к морю, к условленному месту. Там уже стоял наготове паровой катер. На нем были два человека — француз, толстенький и низенький, лет тридцати пяти, с бородкой на румяном лице, и индус в желтой коленкоровой чалме, молодой сухопарый парень. Первый был агентом от русского консульства, а второй исполнял обязанности машиниста. Бабушкин считался командиром судна. Ему строго было наказано в случае какой-нибудь опасности врученный ему пакет сжечь в топке или утопить в море.

Катер, не замеченный англичанами, тронулся с места и, развевая французский флаг, понесся в море. Через несколько часов, когда Сингапур скрылся из виду, он уже находился за указанными островами. Где-то здесь, вблизи этих островов, должна будет пройти если не сегодня, так завтра эскадра Небогатова, но определенного курса ее никто не знал. Она может проскользнуть южнее или севернее.

Никогда Бабушкин не переживал такого мучительного беспокойства, как на этот раз. Чуть только на горизонте показывались дымки, он направлял свой катер на них. Но скоро выяснялось, что это проходили чужие корабли, главным образом коммерческие. Разочарованный, он возвращался на прежнее место, чтобы потом снова бросаться в разные стороны. Иногда он уходил так далеко, что острова едва были видны. Такое метание с одного места на другое происходило почти у самого экватора, там, где солнце, достигнув зенита, совершенно не дает тени. Обжигало нестерпимым зноем.

Бабушкин, управляя рулем, сидел на корме катера и редко отрывался от бинокля, оглядывая пылающий горизонт. Наблюдения продолжались и ночью, поэтому ему не пришлось задремать ни на одну минуту. Эскадры все не было. Не дали никаких результатов и вторые сутки. От напряжения и ярко освещенной морской поверхности, от бессонницы у него разболелись глаза, а от жары вскрылись незажившие раны. Не имея с собой ни ле-

карств, ни перевязочного материала, он лечил их, смачивая забортной водой.

Француз уговаривал его:

— Напрасно мы болтаемся здесь. Ничего хорошего не дождемся. Надо вернуться в Сингапур, пока не напоролись на японские корабли.

Но Бабушкин был не из тех людей, которые отступают перед трудностью или опасностью. Настойчивость его граничила с безумством. Он холодно отвечал французу:

— Ваши речи, мусью, я не желаю слушать. Лучше будет, если вы прикусите язык.

Наступило 22 апреля, пошли третьи сутки с тех пор, как они оставили Сингапур. Дрова оказались на исходе. Их начали беречь на тот случай, когда, может быть, потребуется приблизиться к эскадре или перехватить ее курс, если она действительно появится в этих водах. Теперь катер не носился по морю, как бешеный, а стоял на одном месте, едва поддерживая пар в котле. Консульский агент и машинист-индус, когда отправлялись в путь, не ожидали, что дело примет такой скверный оборот. Для обоих стало ясно, что если даже они взломают палубу и люки, то все равно топлива не хватит вернуться в свою гавань — так далеко до нее было. Без посторонней помощи им не обойтись, но она может не явиться вовремя, и тогда они окажутся перед угрозой гибели. В довершение бедствия вышла вся пресная вода. И Бабушкин видел, как тот и другой слишком часто начали облизывать языком потрескавшиеся губы. Но и сам он, ослабленный раскрывшимися ранами, еще в большей степени переживал мучительную жажду. Лицо его, заросшее черной бородой, осунулось, глаза, воспаленные и мутные, в набухших веках, ввалились.

Консульский агент время от времени о чем-то шептался с индусом. По-видимому, между ними шел какой-то сговор. Наконец, француз, обращаясь к командиру, раздраженно, с шипящим оттенком в голосе спросил:

— Долго мы будем стоять на одном месте?

Бабушкин даже не взглянул на него.

— Ровно столько, сколько мне потребуется.

— А если мы не желаем помирать только потому, что один из нас — сумасшедший человек?

— Это меня не касается.

Француз, жестикулируя руками, раскричался:

— К черту вашу эскадру! Мы не идиоты, чтобы вас слушать! Требуем — сейчас же поворачивайте к берегу!..

К нему присоединился индус и, дергаясь весь, завизжал:

— Назад!.. В Сингапур!..

Это был бунт экипажа, состоявшего из двух человек.

Без кителя, в одной нательной сетке, Бабушкин поднялся на корме, огромный и мрачный, как стопудовый якорь, падающий на дно. Железные бицепсы его напряглись. Несмотря на болезнь, в нем достаточно еще сохранилось сил, чтобы раскидать своих подчиненных, как щенят. Из-под козырька пробкового шлема он посмотрел на обоих кроваво-воспаленными глазами и, подняв увесистые кулаки, прохрипел:

— Замолчите! Или хотите, чтобы у каждого из вас голова треснула, как орех под молотком? Я сам машинист и один справлюсь на катере.

Сразу съежился француз, отступая в носовую часть катера, а индус юркнул под кожух, к машине.

Иногда где-нибудь показывался одинокий дымок, но катер, тихо и плавно покачиваясь на заштилевшей груди моря, не трогался с места. Солнце добралось до самой высокой точки своего пути и скоро начнет скатываться вниз. В полуденном свете горел весь простор. От катера, а в особенности от его железного машинного кожуха отдавало невыносимым жаром. Все было горячее: рубашка, брюки, ботинки. Раскаленное небо испаряло не только воду, но и кровь людей. На юго-востоке возникали дождевые облака.

Молчало разомлевшее море, молчали и трое людей на крохотном суденышке, словно примирились со своим безнадежным положением.

Бабушкин, сидя на корме, с прежней настойчивостью приставлял бинокль к глазам. Вдруг он поднялся с такой быстротой, словно получил болезненный укол в бедро, и устремил взор на запад. Там, в дали, затуманенной зноем, всплывали дымки — один, другой, третий. Через каждые полторы минуты число их увеличивалось. Потом обрисовались мачты. Руки его, державшие бинокль, вздрагивали, колени подгибались. Рваным голосом он оповестил свой экипаж:

— Наши идут!

И распорядился бросить в топку последний остаток дров, чтобы передвинуться на курс эскадры.

Но тут опять запротестовал француз:

— Надо уходить. Это, вероятно, идут японские или английские корабли. Они нас повесят, как шпионов...

Бабушкин положил свою тяжелую руку на привод от кингстона, угрожая открыть днище катера для доступа воды. Два человека, глядя на страшного командира, в ужасе застыли. А он, ошалелый и бесшабашный, рявкнул во всю силу легких:

— Скажите еще хоть одно слово, и я вас обоих пущу на дно!

Потом скомандовал:

— Ход вперед!

Катер рванулся и помчался на сближение с эскадрой.

Прошло еще некоторое время, и уже не было никаких сомнений, что идет русская эскадра. Обозначились андреевские флаги. Теперь беспокоило лишь одно — как остановить корабли? Головным шел броненосец «Николай I» под флагом адмирала. На катере начали кричать, махать руками, приближаясь к головному судну. И вдруг, ко всеобщей радости, увидели, как на нем поднимаются черные шары к фок-рее, давая знать этим, что машины переведены на «стоп». Остановилась вся эскадра.

Катер пристал к броненосцу «Николай I». Бабушкин, поднявшись на палубу, вручил секретный пакет контр-адмиралу Небогатову и тут же в нескольких словах рассказал о себе. В заключение он обратился с просьбой:

— Разрешите, ваше превосходительство, остаться у вас на броненосце. Желаю еще раз подраться с японцами.

Согласие было дано. Бабушкин обрадовался. Но он, истощив свои силы, не мог уже сам ходить, и его повели в лазарет под руки.

Катер, снабженный топливом и водою, через полчаса отправился в Сингапур.

Адмирал, прочитав бумаги, теперь уже точно знал,

где находится 2-я эскадра, и, изменив курс, пошел со своим отрядом дальше по Южно-Китайскому морю.

Ударил тропический ливень. Если бы Небогатов проходил это место часом позже, то Бабушкин из-за дождя не увидал бы его кораблей, и эскадры никогда бы не соединились.

10. ГАДАНИЯ О КУРСЕ

На рассвете 5 мая все суда застопорили машины и приступили к погрузке угля, беря его с транспортов. Корабли окутались облаком черной пыли.

После обеда отпустили в Сайгон транспорты «Меркурий» и «Тамбов».

В этот день с госпитального судна вернулся на наш броненосец «Орел» мой друг и любимец всей команды — инженер Васильев. Вид у него был здоровый и, как всегда, приветливый, но разбитую ногу он не долечил и, не наступая на нее, мог с трудом передвигаться лишь при помощи костылей. Я обрадовался его появлению на броненосце. Теперь наши беседы опять возобновятся.

Я встретился с ним у офицерского трапа, по которому спускался он, поддерживаемый вестовым.

— Что нового? — спросил Васильев, ласково улыбнувшись.

— Были у нас важные события.

— Слышал я, как вы тут бунтовали. Как-нибудь сойдемся и поговорим подробнее.

Вечером эскадра двинулась дальше, держа курс на остров Формоза. В пути происходили небольшие остановки из-за повреждений механизмов на том или другом судне. Но их скоро исправляли, и все уменьшалось число дней до встречи с таинственным врагом. Плохо спали по ночам, ожидая минных атак.

Совсем еще недавно, когда посетил нас адмирал Рожественский, из команды были арестованы восемь человек. Все мы знали, что суд особой комиссии вынесет им беспощадный приговор. Казалось, что это послужит примером для других. Однако на броненосце произошло новое нарушение дисциплины, и опять скопом. Дело в том, что при отправлении судов в заграничное плавание

полагалось на каждого матроса по двадцать копеек на покупку книг. Но половина этих денег, прошедших через руки судового ревизора, бесследно исчезла, а на остальные была приобретена литература лубочного характера. Исключение представляли несколько книжек Л. Толстого, изданные «Посредником», да и те по настоянию священника Паисия были выброшены за борт, как «антихристово учение». Само собой разумеется, что такая духовная пища не могла удовлетворить матросов. Они пытались получить произведения классиков и современных лучших писателей, но каждый раз заведующий библиотекой мичман Воробейчик отвечал на это:

— Рылом не вышли. Нужно читать то, что дают.

Скудная матросская библиотека помещалась вместе с офицерской около кают-компании, против буфета, в больших шкафах. В одну из ночей матросы, пользуясь тем, что в кают-компании, заваленной углем, никого из начальствующих не было, разбили шкафы и растащили офицерские книги. Оставили только «Большую энциклопедию» Брокгауза и Эфрона. Сочинения же Эмиля Золя, Мопассана, Ожешко, Тургенева, Горького, Короленко, Чехова, а также и научные произведения — все пошли по рукам. В другое время за такой поступок вся команда подвергнулась бы поголовному обыску и виновные понесли бы жестокую кару. А теперь матросы открыто читали эти книги, читали запоем, словно наступила неделя литературных занятий. Офицеры старались не замечать читающей публики.

Наша цель была — прорваться во Владивосток. А это означало — с какой стороны ни заходи, но нам не миновать Японского моря. В него вели три главных пути: Корейский пролив с большим островом Цусима посредине его, Сангарский пролив, разделяющий японские острова Иезо и Нипон, и Лаперузов пролив, самый северный, где кончается неприятельская земля и начинается русская — остров Сахалин.

— Каким из этих путей пойдет наша эскадра?

Вот вопрос, который теперь больше всего занимал офицеров и команду.

Понятно, что это дело командующего, куда направить свои корабли. Он не только с нашим, но и с мне-

нием судовых командиров не стал бы считаться по этому вопросу. А нам оставалось только одно — исполнять беспрекословно его волю, хотя бы самую дикую и несуразную. Но в то же время мы, живые и мыслящие люди, не могли безразлично относиться к судьбе эскадры, связанной с нашими жизнями.

Смерть угрожала всем одинаково.

Матросы настораживали свой слух в сторону кормы: что говорят офицеры относительно проливов? К сожалению, вестовые были люди малограмотные и сообщали нам сведения очень скудные.

— Все время наши господа спорят и спорят, куда лучше идти. Говорят, надо вокруг Японии махнуть. Где-то около Сахалина будто бы можно прошмыгнуть во Владивосток.

Некоторые из матросов подходили к раскрытому люку кают-компании и непосредственно подслушивали разговор офицеров.

Меньше всего привлекал Корейский пролив. Прежде всего он был самый отдаленный от Владивостока. А затем — здесь находились главные морские базы. Мы неизбежно должны будем встретиться с наличием всего японского флота, до миноносцев включительно. Разве мы сможем с ним сражаться?

Однажды я обратился за разъяснением к лейтенанту Гирсу.

— Я полагаю, что Рожественский предпочтет либо Лаперузов пролив, либо Сангарский,— начал Гирс.— Правда, последний представляет некоторые затруднения в навигационном отношении, суживаясь местами до десяти миль. Но в прошлом году, седьмого июля, это не помешало владивостокскому крейсерскому отряду под командой контр-адмирала Безобразова проникнуть в Тихий океан именно этим проливом. Он спустился у широты Иокогамы, провел в этих водах, описывая круги, целую неделю и потопил несколько судов с контрабандным грузом. А что всего удивительнее, так это то, что и назад он вернулся тем же путем, ни разу не встретив противника. Значит, считать его безнадежным не приходится. Но надо принять во внимание, что Безобразов провел только три крейсера, а тут предстоит пройти целой эскадре. Да, я упустил еще из виду, что этот пролив ближе

всех расположен к Владивостоку — всего только четыреста пятьдесят миль.

— А что вы скажете насчет Лаперузова пролива? — спросил я.

— Мне он представляется наиболее выгодным для нас. Он такой же ширины, как и восточная половина Корейского пролива, но зато гораздо короче его. И от него ближе, чем от Цусимы, до Владивостока. У нас на вспомогательном крейсере «Урал» имеется мощный беспроволочный телеграф. Воспользовавшись им, можно будет при подходе к этому проливу вызвать для встречи нас владивостокские крейсеры. Суда эти довольно сильные и быстроходные. Такое подкрепление будет очень кстати. Лаперузов пролив разделяет собою два острова: японский — Иезо и наш — Сахалин. У противника там нет поблизости военных портов. Следовательно, он не может переправить туда для сражения весь свой флот, а вынужден будет, если только заранее откроет нас, выделить эскадру из наиболее боевых судов.

— А если у японцев в этом проливе находятся разведочные суда?

— Скорее всего так и будет. Но это еще не значит, что они обязательно откроют нас. Пролив шириною около двадцати четырех миль. Каждый шторм будет только на пользу нам. А в туманы, какие там часто бывают, можно пройти в полумиле от неприятеля, оставаясь незамеченным. Но допустим, что разведочные суда все-таки нас откроют. Ну, и что же из этого? Сражаться со всей эскадрой они не посмеют — это было бы для них гибелью. На них лежит другая обязанность — немедленно донести о своем открытии своему командующему, адмиралу Того. Но пока тот снимется с якоря, пока, пользуясь преимуществом в ходе, переправит свою эскадру из южной части Японского моря в северную, мы будем уже около Владивостока. А это уже в корне меняет положение в нашу пользу. Мы будем у себя дома, где, как говорится, стены помогают. У японцев уменьшается миноносная флотилия, а у нас, наоборот, увеличивается таковая, высланная на подмогу нам из Владивостокского порта. В случае аварии какого-нибудь нашего корабля ему ничего не стоит укрыться в своем порту — близко, тогда как япон-

ские суда, выбитые из строя, не будут иметь такого убежища. Я вполне уверен, что наш командующий выберет для своей эскадры Лаперузов пролив.

Вечером я побывал у инженера Васильева. Небольшая каюта его была ярко освещена электричеством. Иллюминатор, согласно боевой обстановке, был тщательно занавешен, чтобы не проникал свет наружу. На столике лежали чертежи и тетради с записями. Я сидел в привинченном к полу кресле, а Васильев, опираясь спиной на переборку, полулежал на своей койке, давая покой недолеченной ноге. Как всегда, в руках он держал книгу. Поздоровавшись со мною, он заговорил:

— А я только что кончил «Нана» Эмиля Золя и раздумываю. Замечательный роман. Вы не читали?

— Этот — нет. А вообще я знаком со многими произведениями Золя.

— Прочтите непременно. У меня столько работы по своей специальности: нужно привести в порядок все свои чертежи и технические записи относительно наших судов. А я увлекся этой книгой и не мог оторваться, пока не кончил ее. Автор изображает Францию в эпоху Наполеона III. Какое ужасное разложение среди высших кругов Парижа! Можно задохнуться в этой гнилой атмосфере. Ничего не осталось от прежней республики, которую мы знали как провозвестницу свобод для других стран. И вот во что она выродилась! Становится понятным, почему в семьдесят первом году немцы разгромили французов. Я сравниваю современную Россию с той Францией, которой управлял Наполеон III при помощи камарильи. Много общего есть между этими странами, как есть общее между современной Японией и Германией того времени.

— Вы думаете, что и мы так же будем разгромлены? — спросил я, хотя давно уже в этом не сомневался.

Карие проницательные глаза его остановились на мне, словно бросая мне упрек в невежестве.

— Я думаю, что вы несерьезно задали такой вопрос. Разве для вас не достаточно фактов из этой нелепой войны? Одержали ль мы, сражаясь с японцами, хотя одну победу на суше? Нет. А где наша Порт-артурская эскад-

ра, насчитывавшая в своем составе около сорока боевых судов? Несколько легких судов разбежались по нейтральным портам, а большинство давно уже покоится на дне морском. Они погибли без боя, иначе говоря — покончили самоубийством, как обанкротившиеся игроки. Остался у нас последний ресурс — это вторая эскадра. И все. Флота нет. Над нашими портами, не задымленными трубами судов, надолго останется прозрачный воздух.

Мы немного помолчали. Потом начался разговор о проливах. Я изложил ему свою беседу на эту тему с лейтенантом Гирсом. Васильев, слушая меня, поглаживал ладонью со лба на затылок голову с короткими волосами, подстриженными под ежик,— поглаживал тихо и медленно, словно успокаивал свои встревоженные и непокорные мысли. Наконец он без колебания заявил:

— Лейтенант Гирс, как умный человек, сделал правильный вывод. Нам не стоит ломиться через Корейский пролив. Это будет для нас гибелью.

— Да, я слышал то же самое от многих. Но ведь и Лаперузов пролив, как говорят некоторые из офицеров, может принять нас не очень гостеприимно. В эту весеннюю пору там бывают густые туманы. А нам сначала нужно еще проникнуть в Охотское море между Курильскими островами, совершенно нам незнакомыми. Да и хватит ли у нас угля, чтобы обогнуть всю Японию Тихим океаном?..

Васильев перебил меня:

— Я понимаю, что вы хотите сказать: этот путь сам по себе представляет для нас некоторую опасность. Не так ли?

Я кивнул головою.

— Начнем с угля. С нами идут транспорты, и мы таковым вполне обеспечены. А к погрузкам угля в открытом море мы уже привыкли. Второе возражение тоже очень слабое. У нас на эскадре найдутся офицеры, которые по нескольку лет плавали в этих водах. Они знают все Курильские острова, как пять пальцев на руке. Почему бы их не использовать в этом случае? Остается самое главное препятствие — это туман. Но нам нужно помнить одно: движение всей нашей эскадры на Даль-

ний Восток для завоевания Японского моря есть не что иное, как самая бесшабашная авантюра. Мы не можем строить свой расчет на успех на правильном соотношении сил. Для этого мы слишком слабы. Поэтому к черту всякую правильную игру! Что плохо для нормального предприятия, то хорошо для авантюры: густой туман, ночная мгла, шторм. Я хочу сказать, что для нашей эскадры необходимы условия, которые позволили бы ей прошмыгнуть незаметно для противника. Вот по каким причинам Лаперузов пролив с его густыми туманами является для нас более заманчивым.

— Все это так, но едва ли Рожественский станет на такую точку зрения: слишком он самонадеянный.

— Тем хуже будет для нас и для него.

Васильев, поправив руками недолеченную ногу, поморщился от боли. До этого я видел, с каким трудом ему приходилось передвигаться по ровной палубе, опираясь на костыли, а подняться по трапу без посторонней помощи он совсем не мог. Инвалидность его должна была протянуться по крайней мере еще месяца два. На броненосце он стал бесполезным человеком. А мне известно было, что он подавал рапорт на имя нашего командира с просьбой скорее вернуть его на свой корабль.

Я спросил, глядя ему прямо в глаза:

— Зачем вы выписались из госпиталя раньше времени? Разве плохо там жилось?

Васильев грустно улыбнулся.

— Напротив, очень хорошо. Доктора относились ко мне великолепно и настаивали, чтобы я еще остался на госпитальном судне. Там можно было отлеживаться с комфортом. Кормили недурно. Сестры милосердия развлекали. В случае боя флаг Красного Креста охранял бы меня от всякой опасности. И все-таки я не мог оставаться там дольше.

— И вернулись на обреченный корабль. Почему? — допытывался я.

— Совесть не поладила с разумом. Я всячески упрашивал докторов, чтобы перевели меня на броненосец. Разум, как верный сторожевой пес, подсказывал мне, что я делаю неверный шаг — меня может постигнуть гибель. А чувства, как незримые канаты, тянули меня на броне-

носец. Я привык к своему кораблю, к его экипажу, к товарищам. И мне нестерпимо захотелось рискнуть жизнью вместе со своими друзьями. Может, в критический момент я своим советом помогу спасти корабль...

Я ушел от него, захватив с собою том Эмиля Золя.

11. ЧЕРЕЗ КОРЕЙСКИЙ ПРОЛИВ

Эскадра пересекла тропик Рака и вступила в умеренную климатическую полосу. Позади остался остров Формоза, обойденный нами со стороны Тихого океана. Никогда в этих водах не было такого скопления судов.

Заканчивался трудный период нашего перехода через моря и океаны. Мы прошли длинный путь, потратив на это много сил и энергии. Нам предстоит еще пережить самую страшную главу в этой ненужной эпопее.

С раннего утра 10 мая опять приступили к погрузке угля. Погода стояла тихая. Сырые облака неподвижно висели над водной ширью, день наступал серый и пасмурный, без обычных морских красок. Вокруг эскадры, куда ни глянь, было пусто — ни острова, ни одного чужого судна. Это было нам на руку.

Среди команды слышался разговор:

— Это последняя наша остановка.

— Почему последняя?

— Через день-другой встретимся с неприятелем.

— А может быть, пойдем вокруг Японии. Тогда еще разок придется остановиться.

— Это неизвестно, куда командующий направит эскадру.

Более толковые матросы рассуждали:

— Стало быть, известно, раз начали сегодня грузиться. Броненосец наш и без того настолько перегружен, что броневой пояс на нем глубоко ушел в воду. До Корейского пролива осталось пустяки — два дня ходу. За это время мы не успеем сжечь столько угля, чтобы корабль принял нормальное положение. Надо соображать.

На это возражали:

— Будет тебе соображать бешеный адмирал.

Офицеры тоже держались того мнения, что раз начали грузить уголь, то дальнейший путь наш будет вокруг Японии.

Пользуясь остановкой эскадры, суда получили с «Суворова» последние приказы. В них выдвигались задачи уже боевого порядка. Адмирал приказывал:

«Если неприятель покажется, то по сигналу главные силы идут на него для принятия боя, поддерживаемые третьим броненосным отрядом и отрядами крейсерскими и разведочными, которым предоставляется действовать самостоятельно, сообразуясь с условиями момента. Если сигнала не будет, то, следуя флагманскому кораблю, сосредоточивается огонь по возможности на головном или флагманском корабле неприятеля».

Вместо тщательно разработанного плана предстоящего боя были даны лишь какие-то общие и смутные директивы. На какую часть противника должны быть направлены атаки? Каким методом выполнять их? Каковы задачи отдельных отрядов? Как понимать, что крейсерам и разведочным судам «предоставляется действовать самостоятельно»? И как поступить в том случае, если у неприятеля, благодаря тому или иному маневру, головным окажется не флагманский, а какой-нибудь второстепенный корабль?

Напрасно младшие флагманы и командиры судов ломали голову над такими вопросами. Никаких добавочных разъяснений и указаний они не получили. Очевидно, командующий предполагал, что этого вполне достаточно, а об остальном он позаботится сам во время сражения. Добавил только, что если «Суворов» выйдет из строя, то, пока штаб не перейдет с него на другое судно, эскадру ведет следующий корабль по порядку номеров строя, то есть сначала «Александр III», потом, если и следующий будет выбит, «Бородино» и так далее.

Вечером гуще задымили трубы эскадры. Циферблаты лагов аккуратно отмечали число пройденных миль, приближая нас к берегам Японии. Через каждые полчаса на судах отбивали склянки, оглашая море разнотонным перезвоном колоколов.

Прокатился еще один день. А неприятель точно сгинул с лица земли, ничем себя не проявляя. Что это значит? Мы все недоумевали.

Погода начала портиться. Чувствовалась прохлада. Офицеры и матросы оделись в черное платье.

Инстинкт самосохранения подсказывал людям, что

наступила пора, когда нужно всем сплотиться в одно целое для будущего боя. Что мы стали бы делать, не имея у себя в качестве руководителей офицеров? Но если мы без них очутились бы в беспомощном положении, то они без нас совсем превратились бы в ничто. А в морском сражении, в противоположность сухопутной войне, могут быть такие моменты, когда спасение корабля будет зависеть от поведения лишь одного человека, как офицера, так равно и рядового матроса. Вовремя положенный на борт руль не даст судну перевернуться вверх килем. Допустим другой пример: в бомбовом погребе, где хранятся снаряды, начиненные пироксилином, или в крюйт-камере, наполненной картузами бездымного пороха, возникнет пожар. Тогда весь экипаж окажется под угрозой взлететь на воздух. Но от этого может избавить всех какой-нибудь трюмный машинист, если не растеряется сам: поворотами большого ключа он начнет открывать клапаны затопления и орошения погребов, вода искусственным дождем и сильными потоками хлынет в помещение, угрожающее страшным взрывом, и корабль со всеми людьми будет спасен от гибели. Что подобные случаи нам придется пережить, это понимали офицеры и матросы. Поэтому отношения между верхами и низами улучшились. Прекратились зуботычины, ругань. Матросы, проникшись важностью обстановки, забыли на время об издевательствах над ними и стали охотнее относиться к своим обязанностям.

Броненосец «Орел» давно уже был приготовлен к бою. Главным образом уделили внимание устранению горючего материала с верхних частей корабля, чтобы обезопасить себя от пожара. С этой целью было выброшено за борт дерево, выбранное из коечных сеток, из рубок на мостике, из командных помещений. Были очищены также от лишней мебели и отделки каюты батарейной палубы, офицерский буфет и кают-компания. Все, что представляло ценное в них, снесли в нижние помещения, а остальное пошло за борт. И все-таки этих мер было недостаточно. Нужно было бы, как учил инженер Васильев, еще больше ободрать корабль, не оставлять ничего, что может дать пищу огню, но командир судна, капитан 1-го ранга Юнг, не решился рискнуть. А командующий в этом отношении не сделал никаких распоряжений и, насколь-

ко нам было известно, даже у себя на броненосце «Суворов» ничего не предпринимал, оставляя все дерево на своем месте. И на других судах лишь немногие командиры осмелились последовать примеру «Орла». Затем у нас были еще приняты меры для создания искусственной защиты тех судовых механизмов и приборов, которые могут быть повреждены осколками неприятельских снарядов. Для этого употреблялись колосники, стальной трос, мешки с углем, матросские подвесные койки. На случай повреждения в механизмах приготовили запасные их части, чтобы сразу же можно было пустить их в ход.

Внешне люди были спокойны, много шутили, смеялись. Некоторые мечтали вслух, как они будут проводить время во Владивостоке. Запасные уже думали о скором возвращении на родину. Но это была только игра в актеров — игра без сцены и зрителей, друг перед другом. А в глубине души росла мрачная безнадежность. С того времени, как мы оставили свой порт, более двухсот дней ушло назад, породив среди нас горькие раздумья. Много гнетущих страниц перевернулось в книге нашей жизни, и теперь мы приблизились к последней главе — к грозному финалу.

Утро 12 мая было холодное и пасмурное. Дул порядочный ветер, уныло завывая в стальных снастях рангоута. Ползли, низко опускаясь, серые тучи, словно отяжелевшие от сырости. Моросил косой дождь, мелкий, похожий на маковые зерна, покрывая поверхность моря болезненной сыпью. Горизонт будто подернулся частой кисеей, беспрерывно передвигающейся сверху вниз. Из-за бортов броненосца доносились всплески волн.

Никогда в море не чувствуешь такого тоскливого настроения, как в ненастный день. Так было и на этот раз. Но, несмотря на сырость и пронизывающий холод, многие из офицеров и команды находились на верхней палубе и на мостиках броненосца. В судовой колокол только что пробило шесть склянок. Взоры всех людей были устремлены на транспорты, которые отделялись от эскадры, чтобы направиться в Шанхай. Их было шесть штук: «Ярославль», на который перенес свой брейд-вымпел капитан 1-го ранга Радлов, «Владимир», «Курония», «Воронеж», «Ливония» и «Метеор». Они уходили от нас под защитой вспомогательных крейсеров «Рион» и

«Днепр». Транспорты удалялись, посылая нам поднятыми на мачтах флагами прощальный привет. А мы смотрели им вслед с нескрываемой завистью.

На баке среди кучки матросов, вместе с которыми находился и я, послышался говор:

— Вот этим, можно сказать, подвезло.

— До Шанхая, говорят, только сорок миль.

— Часа через четыре будут в нейтральном порту.

— А тут иди с японцами сражаться. Почему? Я их и во сне-то никогда не видел.

— Я бы руку дал отрезать, только бы попасть в нейтральный порт.

В голосах чувствовались обида и раздражение.

Вскоре транспорты скрылись за сетью дождя.

Верхняя палуба на «Орле» сразу очистилась от людей. Все спустились вниз. Только на переднем мостике торчали сигнальщики с вахтенным начальником во главе, оглядывая мутный горизонт и следя за флагманским кораблем, чтобы не прозевать какого-нибудь сигнала.

Эскадра, освободившись от лишней обузы транспортов, только выиграла от этого.

До сих пор все еще не было известно, каким из трех проливов мы пойдем в Японское море. И только в этот день, в девять часов утра, узнали, что наша эскадра легла на курс норд-ост семьдесят градусов, то есть направилась к роковому для нас острову Цусима. Весть об этом встревожила весь экипаж. Среди офицеров замечалась какая-то растерянность, матросы взъерошились, отпуская брань по адресу Рожественского.

— Куда попер, тупоголовый дьявол?

— Ох, братцы, чует мое сердце — плохо будет нам. На погибель ведет нас, дуролом. Что дельного можно ждать от такого человека? Только матюгом умеет крыть своих подчиненных, и больше ничего.

— Не зря называют его «бешеный» адмирал.

Гальванер Алференко изрек:

— Ему бы не командующим быть, а дантистом. Вот бы он показал свой талант.

— Почему дантистом?

— Здорово зубы у матросов вышибает.

— И как это доверили ему целую эскадру? Неужели у нас во флоте нет других начальников, поразумнее?

Кочегар Бакланов пояснил это:

— У нас во флоте перепроизводство адмиралов. Человек семьдесят насчитывают. Должностей не хватает для всех. Поэтому и начали назначать кого заведующим мясным складом в Кронштадте, кого заведующим библиотекой. А один, как говорят, состоит вроде дворника при Главном адмиралтействе. Изо всех-то, конечно, человека три можно бы выбрать поталантливее. Но ведь там, в Петербурге, с высоты как смотрят? Раз злой человек, значит хорош. А уж злее Рожественского — где еще такого найдешь? Разойдется — землю копытом роет. Эх, плюнуть бы на все и растереть!

Я внес поправку:

— Ты ошибаешься, Бакланов. Это в Англии около семидесяти адмиралов. Но какой большой у нее флот в сравнении с нашим. А у нас флот мал, зато адмиралов больше, чем в Англии... сто человек.

Гальванер Голубев мечтал вслух:

— Добраться бы до Владивостока и сговориться бы с армией. Тогда можно будет повернуть руль лево на борт и прямым сообщением на Петербург. Жарко будет многим.

Кто-то вставил:

— Теперь бы повернуть эскадру на шестнадцать румбов.

Голубев возразил:

— Ничего из этого не вышло бы. Армия все свои надежды возлагает на нас. Скажут, подвели мы ее. И народ будет смотреть на нас как на виновников поражения.

После обеда я вышел на передний мостик. Бисерный дождь, по-видимому, зарядил надолго. Временами наползал туман, скрывая в своей сырой мгле некоторые наши суда.

Эскадра к этому времени была построена в новый походный порядок.

Она шла двумя колоннами. Правую из них составляли первый и второй броненосные отряды: «Суворов», «Александр III», «Бородино», «Орел», «Ослябя», «Сисой Великий», «Наварин» и «Адмирал Нахимов»; в левую колонну входил третий броненосный отряд: «Николай I», «Апраксин», «Сенявин», «Ушаков» и крейсеры: «Олег», «Аврора», «Дмитрий Донской» и «Владимир

Мономах». Внутри колонн около первых двух броненосцев с той и другой стороны держались по два миноносца. Остальные пять миноносцев шли под прикрытием правых бортов крейсеров. Немного позади, врезавшись между колонн, следовали друг за другом четыре транспорта: «Анадырь», «Иртыш», «Камчатка», «Корея». Эскадру замыкали два буксирных и водоотливных парохода: «Русь» и «Свирь». И самыми последними, находясь вне линии колонн, как бы расширяя последние, двигались госпитальные суда: «Орел» и «Кострома». По обе стороны эскадры, находясь на траверзе головных броненосцев, шли наши быстроходные дозорные суда: справа — «Жемчуг», слева — «Изумруд». Кроме того, впереди, в строе правильного треугольника, выдвинувшись на расстояние не больше одной мили, находился разведочный отряд, состоявший из трех крейсеров: «Светлана», «Урал» и «Алмаз».

Всего к этому времени у нас осталось тридцать восемь судов.

В такой соединенной массе эскадра наша приближалась к Корейскому проливу. Поведение адмирала Рожественского многих из нас удивляло. С преступным равнодушием он относился к противнику, не проявляя к нему никакого любопытства. В самом деле, три крейсера, выдвинутых вперед, и два крейсера, державшихся по сторонам колонн, не могли считаться за серьезную разведку. Они расширяли круг наших наблюдений только на одну-две мили. Таким образом, наша эскадра шла вперед как бы с завязанными глазами.

Боцман Воеводин, кивнув головою на эскадру, шепнул мне:

— Уродничает наш адмирал.

В этот момент появился на мостике лейтенант Гирс. Я спросил его:

— Говорят, ваше благородие, что мы направились в Корейский пролив?

— К сожалению, да.

— Значит, его превосходительство избрал для эскадры более прямой путь?

Лейтенант Гирс пожал плечами и промолвил разочарованно:

— Ничего не понимаю. Странно все это *.

Я спустился в жилую палубу. Матросы после полуденного отдыха пили на подвесных столах чай. Разговор шел о войне, о деревне, о любовных приключениях.

День этот прошел спокойно. Эскадра шла восьмиузловым ходом, а ночью убавляла ход даже до пяти узлов. Спали повахтенно.

12. КТО СТРАШЕН РОЖЕСТВЕНСКОМУ

Адмирал Рожественский, к великому моему удовольствию, не знал меня и не интересовался мною. Конечно, для него я как личность не существовал. Нас, одетых в матросскую форму, было на эскадре около двенадцати тысяч человек. Мы были только исполнителями его воли и той живой силой, которая необходима для того, чтобы корабли двигались вперед и маневрировали, чтобы пушки и торпеды, когда это понадобится, начали стрелять в противника. Поэтому адмирал, как подобает каждому командующему, расценивал всю эту массу людей неотрывно от общей и единой боевой организации. Но зато я часто думал о нем: как он управлял эскадрой? Что он сделал для нее? Каково было его влияние на корабли? Как он воспитывал своих подчиненных? Какая у него была связь с личным составом? И что это был за человек?

Я задавал себе эти вопросы и в действиях и поступках адмирала пытался найти ответы на них. Три кампании я плавал на крейсере «Минин» вместе с Рожественским и за это время много приглядывался к нему. Это был хороший интендант. Он не присваивал, как другие бюрократы, казенных сумм. Мало того, он преследовал воров, но только тех, кто был ниже его чином. Бороться с ворами высшего ранга ему было невозможно. Казенную копейку он берег иногда даже в ущерб делу. При нем экономно и в полном порядке велось судовое хозяйство в учебно-артиллерийском отряде и на 2-й эскадре. В этом отношении он поступал добросовестно. Его положительным качеством было его трудолюбие: он мог, не жалея себя, работать дни и ночи. Сколько энергии и заботы нужно было проявить, чтобы такую разнотипную и сбродную эскадру провести вокруг Африки и приблизить ее в целости к японским берегам. Правда,

то же сделал и адмирал Небогатов. Под его командованием 3-я эскадра прошла почти такой же длинный путь и при таких же условиях только в три месяца. При этом подчиненные Небогатова не испытывали на себе ни сумасшедших выкриков, ни издевательств со стороны своего начальника. А между тем состав кораблей Небогатова не отличался хорошими качествами: два старых судна и три броненосца береговой обороны. Но все равно — за Рожественским в этом отношении остаются большие заслуги. Словом, это был настоящий служака, строгий и требовательный к другим. Он любил порядок и дисциплину. Но, воспитанный на рутине, он понимал это по-своему и больше обращал внимание на внешние формы службы. А главное — меня поражало в нем его непомерное самомнение и самонадеянность. Если к этому прибавить его раздражительность и деспотический характер, то станет понятным, почему так тяжко было служить под командованием Рожественского.

Попав на 2-ю эскадру, я уже много знал таких характерных черт адмирала, но мне хотелось больше распознать того, кому была дана такая огромная власть во флоте. С какой жадностью я прислушивался ко всему, что говорят офицеры и матросы о начальнике эскадры! У меня, словно у страстного охотника, преследующего по следу зверя, разгоралась надежда, что из обрывков фраз, брошенных случайно по его адресу, из отдельных замечаний, из рассказов о его прошлом я в конце концов составлю о нем полное представление. Я уделял ему много внимания еще и потому, что в Российском императорском флоте он представлял собою размноженный тип. Разница между Рожественским и другими адмиралами заключалась лишь в том, что у него ярче, чем у многих подобных сатрапов, проявлялись черты его самодурства — черты, порожденные деспотическим строем государства.

На эскадре из уст в уста передавалось множество рассказов о действительных случаях из жизни Рожественского. Один из них особенно возмущал офицеров. Здесь был задет адмирал Макаров, который пользовался среди моряков большой любовью как выдающийся флотоводец. В начале войны, когда Макарова назначили командующим 1-й Тихоокеанской эскадрой, он решил

издать свои труды по морской тактике. Такое желание было вполне естественным — ему хотелось скорее познакомить офицеров со своими взглядами на морское сражение. Отправляясь по железной дороге на Дальний Восток, он оставил рукопись в Главном морском штабе и был вполне уверен, что его книга скоро выйдет в свет. Но он не учел, что это учреждение возглавлял Рожественский, который относился к нему с ненавистью, как к своему сопернику во флоте. Будучи уже в пути, адмирал Макаров получил телеграмму с извещением, что на издание его книги требуется пятьсот рублей, а так как это не было предусмотрено общей сметой, то и не может быть она издана. Макаров был возмущен таким отношением. Началась телеграфная перепалка. Наконец, Макаров предложил покрыть расходы на издание его книги из своих собственных средств, а если и это не поможет, то он отказывается от командования 1-й Тихоокеанской эскадрой. Вопрос был поставлен ультимативно. И лишь после этого Главный морской штаб решил издать книгу.

Рожественский, как начальник штаба, должен был бы содействовать этому делу, направленному к морской обороне страны. Но вместо этого он всячески препятствовал выходу в свет книги.

За такой поступок офицеры порицали Рожественского. Он не поднялся до общегосударственных интересов, а проявил себя лукавым царедворцем и мелким завистником к чужой славе. Свои эгоистические цели он ставил выше патриотизма.

Другой эпизод из жизни Рожественского заставил меня призадуматься. Не скрывалась ли под его внешней храбростью душа труса? Из услышанных подробностей передо мной встала такая картина.

Дело было также в начале войны. Рожественский, возглавляя Главный морской штаб, наводил много страху на людей, являвшихся к нему с докладом или просьбами. В его приемной, с волнением ожидая своей очереди, толпились офицеры, молчаливые и подавленные, словно им предстояло пережить страшное несчастье. Среди них, выделяясь своим независимым видом, появился офицер среднего роста, крепко сложенный, с хорошей военной выправкой. Новенький мундир великолепно сидел

на его статной, подобранной фигуре. С первого взгляда он поражал решительностью энергичных манер. Это был лейтенант Э. М. Его все знали во флоте. Он отличался самостоятельностью поведения и необычайной горячностью, а иногда и необузданностью своего характера. Моряки считали, что он происходит из испанцев. По внешности он действительно был типичным южанином: смуглое лицо, яркий блеск темно-вишневых глаз, черные пышные волосы. Дошла, наконец, очередь приема и до него. Лейтенант Э. М. встал со своего места и непринужденным жестом оправил на левом боку свисшую саблю. Без тени робости, он неторопливой походкой вошел в кабинет начальника, держа в левой руке треуголку. На его лице не было и тени какого-либо подобострастия. Поклонившись, он назвал себя и молча подал адмиралу рапорт. Это была просьба о назначении его на Дальний Восток — на действующую 1-ю Тихоокеанскую эскадру.

Рожественский, читая бумагу, мрачнел и, кончив чтение, грубо заявил:

— Штабу лучше знать, когда и куда вас послать.

Лейтенант сделал порывистое движение, но, густо покраснев, замер на месте. Оба немного помолчали, глядя друг на друга. Рожественскому не нравилось, что в фигуре его просителя не было робости подчиненного.

— Ваше превосходительство, я прошу вас не отказать мне... — волнующимся голосом прервал молчание лейтенант Э. М., но Рожественский уже вспылил и, повысив голос, оборвал речь просителя:

— Разговор кончен. Можете идти.

Обескураженный и возбужденный грубостью начальника, лейтенант Э. М. сверкнул черными глазами и начал горячо настаивать на своем:

— Я не на бал и не в отпуск прошусь у вас, ваше превосходительство, а в действующий флот. Вы меня простите, но я надеялся... Думал встретить поощрение патриотическому порыву... Война началась... Еще раз прошу...

Рожественский, никогда не встречая отпора своему безудержному нраву, в бешенстве вскочил и ударил кулаком по столу. Казалось, стены кабинета задрожали и звякнула люстра от дикого рева:

— Молчать! Лейтенант М., не вам учить адмирала патриотизму! Вон!

При последних словах Рожественский театральным жестом вытянул руку, показывая на дверь, но, против обыкновения, это не возымело никакого эффекта. Лейтенант не послушался и продолжал стоять на месте. А в следующую секунду случилось то, чего никак не ожидал Рожественский. Лейтенант М., меняясь в лице, резко выпалил:

— Виноват, ваше превосходительство. Но я не позволю в таком тоне разговаривать со мной — русским офицером. За оскорбление чести...

Не договорив фразы, лейтенант сделал шаг вперед и ухватился за эфес сабли, намереваясь выхватить ее из ножен. Вся его статная фигура гибко изогнулась в стремительном порыве нападения. Но он не перешел к дальнейшему действию. Стиснув зубы и раздувая ноздри, он застыл в напряженной позе ожидания. Чего-то еще не хватало, чтобы горячая натура этого южанина взорвалась, как динамит. Адмирал, как бы отрезвев от запальчивости, понял, с кем он имеет дело: еще одно слово — и сабля моментально могла бы обрушиться на его голову. Он отшатнулся от страшного взгляда черных глаз, угрожающе уставившихся на него, и молча опустился в кресло. На побледневшем лице его изобразились беспомощное замешательство и смущение. Трясущейся левой рукой он взял рапорт, а правой начал писать на нем резолюцию. Лейтенант пристальным взглядом следил за пером, которое прыгало, пороло бумагу, выводя слово «удовлетворить». Сделав привычный росчерк под своей фамилией, сдавшийся начальник, не глядя на просителя, упавшим голосом прохрипел:

— Получите.

На этом закончилось столкновение начальника и подчиненного.

Лейтенант за свое поведение не подвергся никакому взысканию. Вскоре он выехал добровольцем на Дальний Восток. Там, плавая на одном из кораблей владивостокского отряда крейсеров, не раз отличался в боях с японцами, был награжден Георгием и золотым оружием.

13. АДМИРАЛЬСКИЙ ВЕСТОВОЙ

Петра Гавриловича Пучкова я впервые встретил на крейсере «Минин». Он служил вестовым у адмирала Рожественского. На этом крейсере мы плавали вместе три летних кампании. Пучков был тихий и застенчивый парень. Он держался всегда настороженно, был недоверчив к людям. И только после того как мы близко сошлись, он стал со мною откровеннее. Не раз Пучков рассказывал мне о своем грозном барине и жаловался на свою судьбу. Изредка я виделся с ним и во время похода на Дальний Восток.

С новобранчества Пучков мечтал быть машинистом или минером, надеясь, что после службы та или иная специальность ему пригодится. Но желания его не сбылись. Летнее плавание в 1898 году на броненосце береговой обороны «Первенец», стоявшем тогда в Ревеле, приближалось к концу. Фельдфебель Ягнов, присмотревшись к Пучкову, сказал:

— Одевайся в первый срок. Пойдем к командиру Рожественскому.

— Зачем?

— Там узнаешь.

Дрогнуло сердце от страха, но ослушаться было нельзя. Через полчаса пристали на шлюпке к пристани, а потом направились берегом на дачу командира, капитана 1-го ранга Рожественского. По дороге Пучков думал лишь об одном: что от него хотят? Командир позвал фельдфебеля и матроса к себе в кабинет на второй этаж и, поздоровавшись с ними, некоторое время молча рассматривал Пучкова. Пучков стоял вытянувшись, боясь дышать, сухощавый, с тонкими чертами продолговатого лица и с той молодой наивностью деревенского парня, от которой он не успел еще избавиться. Начались подробные расспросы. Из ответов выяснилось, что он родился на Оке, в деревне Клишино, Рязанской губернии, занимался до службы земледелием, не страдал никакими болезнями, холостой, под судом не был, не курит и водки не пьет. С этой стороны Рожественский был удовлетворен. Он приказал матросу повернуться к нему спиной, а потом для чего-то заставил его два раза пройтись по кабинету. «Так делают, когда покупают на базаре

лошадь»,— подумал Пучков, покрываясь мелкими каплями пота.

— Хорошо,— сказал, наконец, командир.— Будешь у меня вестовым. Только смотри, чтобы все было на месте и в порядке. Если провинишься, я из тебя яичницу сделаю. Слышишь?

— Есть, ваше высокоблагородие,— тихо ответил матрос, глядя серыми немигающими глазами на командира.

— Отвечать нужно громче и отчетливее. Повтори еще раз.

Молодой матрос выкрикнул заученную фразу.

Рожественский рассердился:

— Чурбан! Что же ты орешь так? Нужно отвечать средним голосом, но ясно.

С этого дня жизнь Пучкова, по воле начальства, пошла по-иному.

Вместе с Рожественским жили его жена, дочь и два племянника.

Зимой Рожественский был произведен в контр-адмиралы.

Пучков думал пробыть вестовым два-три месяца. Дольше у адмирала ни один вестовой не уживался. Но время шло, а он продолжал исполнять роль прислуги. Чтобы испытать его честность, не раз хозяева оставляли на видном месте деньги как бы по забывчивости, начиная с пятерки и кончая крупными кредитками. Он возвращал их по принадлежности. Уже это одно губило его мечту — вернуться в роту и приобрести более солидную специальность. Кроме того, он принадлежал к той редкой категории людей, которые даже нелюбимое дело выполняют добросовестно. Его расторопность, его точная исполнительность, его постоянная готовность услужить господам — все это учитывалось адмиралом, который, сам того не замечая, начал чувствовать к нему какую-то своеобразную привязанность. Это был идеальный вестовой. Обутый в мягкие туфли, он с раннего утра, когда все еще спали, переходил из одной комнаты в другую так тихо, словно шагал по воздуху. В каждой из них нужно было подмести полы, смахнуть пыль с мебели и картин. Затем начиналась чистка одежды и ботинок. Нужно ли приготовить ванну, сбегать на ры-

нок или в магазин, отнести адмиральский пакет в учреждение, принести дров, истопить печи, вымыть посуду и поставить ее на место, почистить кастрюли — все это делал вестовой.

От Рожественского ушла кухарка. Пучков не только заменил ее, но готовил завтраки, обеды и ужины несравненно лучше, чем она. Это новое дело, плавая на «Минине», он познал от офицерского повара, а еще больше из приобретенной им толстой книги по кулинарии. Ночами, урывая часы отдыха, он с увлечением зубрил ее. Постепенно вестовой превратился в талантливого повара. В помощь ему был взят еще один матрос, который теперь выполнял все грязные работы.

В обычные дни адмирал любил простую, но здоровую пищу: салаты, наваристый борщ, хорошо прожаренные биточки с луком и яблочную слоенку. Но у него нередко собирались гости, в особенности после того, как его назначили начальником Главного морского штаба. Иногда приходилось накрывать стол на сорок персон. Приготовления начинались за трое суток. А в день торжества на белоснежной скатерти появлялись тарелки из дорогого фарфора, хрустальные рюмки, большие, средние и малые бокалы с затейливыми узорами, всевозможные ножи и вилки, начищенные до ослепляющего блеска. Потом ставились закуски: перламутровый балык, пунцовая семга, розовая ветчина с белыми слоями жира; сливочное масло, разделанное в виде распускающихся цветов; паштет из рябчика; агатово-черная паюсная икра и свежая серая зернистая икра; салаты, украшенные букетами из овощей; нежинские соленые огурчики, из которых каждый размером меньше, чем дамский мизинчик, и свежие изумрудно-зеленые огурцы; помидоры, прослоенные испанским луком и немного припудренные египетским перцем; серебристые сардинки, залитые прованским маслом; остендские устрицы на льду; лангусты и омары, сваренные в соленом растворе с лавровым листом; пахучие ревельские кильки. Все стояло на своем месте в строгом порядке, всему старались придать как можно больше пышности. Даже селедка, распластанная на длинном узком лотке и пестреющая гарниром, как будто смеялась, держа во рту пучок зеленой петрушки. Заливной поросенок, разрезанный на порции и снова сложенный, ка-

залось, нежился в прозрачном, играющем огнями желе, среди янтарных ломтиков лимона и коралловых пластинок моркови. Огромнейшее блюдо занимала глухарка; ее краснобровая, с загнутым клювом голова, вытянутая шея и раскинутые крылья оставались в оперении, к прожаренной темно-коричневой тушке был приставлен еще хвост; несмотря на то, что острый нож разрезал ее на части, она как будто находилась в состоянии стремительного полета. Бутылки разных форм, установленные пирамидами на серебряных подставках, чередовались с букетами живых цветов в вазах. Искрились красные, золотистые, белые, розовые вина. От множества закусок, переливавших всеми оттенками красок, рябило в глазах и возбуждался аппетит даже у сытых людей. А весь стол походил на яркую разноцветную клумбу. Вокруг него располагались женщины в шелках, мужчины в черных сюртуках, сверкающие золотом или серебром эполет. К закускам предлагались только крепкие напитки: смирновка, рябиновка, зубровка, английская горькая. Гости насыщались медленно, с достоинством.

Проходил час или два, прежде чем приступали к обеду.

Многолетними традициями была сохранена очередность блюд и вин. Начинали с бульона и слоеных пирожков, при этом опустошали бутылки с мадерой. Рыба, форель с белым голландским соусом, запивалась белыми сухими винами. К филе миньон с трюфелями, сваренными в мадере, шли только красные вина. Спаржа и артишоки в сухарях и в масле уничтожались совсем без вина. Затем приковывала к себе взгляды всех индейка. Облитая собственным рыжим соком, она вкусно блестела. Вокруг, покоясь на греночках, смазанных куриной печенкой, словно цыплята, прильнули к ней жареные перепела. Это блюдо сопровождалось зеленым салатом ромен. Сейчас же бокалы наполнялись шампанским. Желудки у всех уже были переполнены, но нельзя было отказаться от заманчивого сладкого вроде парфе, представляющего собою сбитые сливки с ананасным ликером, украшенного розами из сахара и сияющими фонтанами карамели. В заключение оставались фрукты, сыры — рокфор, бри, швейцарский, черный кофе с ликерами или коньяком.

В такие торжественные дни в распоряжение Пучкова назначали несколько вестовых. Но никто из них не мог так хорошо обслужить гостей, как сам он. В белых перчатках, одетый по форме матросом во все новое, он обходил стол и при помощи других вестовых подавал каждой персоне то или иное блюдо. В это время его нервы особенно были напряжены: как бы не запачкать пищей у какой-нибудь барыни платье, стоящее дороже, чем все его хозяйство на родине. Не легче будет, если свалится с тарелки жирный кусок на сюртук адмирала. И то и другое для вестового было бы так же ужасно, как пожар в деревне.

В кулинарном искусстве Пучков проявил себя одаренным самородком. Рожественский платил ему пять рублей в месяц. К жалованью прибавлялись еще проценты от тех лавочников, у кого он закупал продукты, и чаевые от гостей. В смысле доходов он, бывший крестьянин, имел хорошее место. Но эти доходы доставались ему ценой страшных унижений и оскорблений. Адмирал раздражался из-за каждого пустяка. Случалось, что в бешенстве он ломал собственную мебель, бил посуду. Не щадил он и своей жены, с матерной руганью загонял ее под стол. А с рабом и подавно нечего было ему считаться. Сколько Пучков ни старался угодить своим господам, редкий день проходил для него без побоев. Сегодня не так было снято с адмирала пальто — вестовой получал пощечину. Завтра не тот прибор подал на стол — гудела голова от барского кулака. Иногда летела в вестового тарелка с супом. За Пучкова заступался лишь один человек — дочь Рожественского, Елена Зиновьевна. При ней адмирал не дрался, и его кипящее сердце смягчалось, как буйный морской вал, облитый маслом. Он любил ее самой нежной любовью, выполняя все ее капризы и разрешая ей делать все, что она вздумает. Зато адмиральша, обрюзгшая и ворчливая женщина, была довольна, когда вестовому попадало. Для этого у нее были свои причины. Она подозревала, что муж ей не верен. Она хотела узнать об этом от вестового и обращалась к нему за сведениями то с ласковой улыбкой, то с угрозами. Конечно, он многое знал о любовных похождениях барина, но не выдавал его ни одним словом.

Так прошло пять гнетущих лет.

Пучков находился в постоянном страхе, не зная, что будет с ним завтра. Существовали общества покровительства животным, члены которого могли отдать под суд человека, избивающего свою лошадь или собаку. Но кто мог заступиться за бесправного вестового? Он целиком был отдан во власть сумасбродного барина. Адмирал, если захочет, не постесняется посадить его в тюрьму, сослать на каторгу или просто раздавить, как жалкое насекомое.

Пучков измучился, похудел, с трудом справлялся со своими обязанностями. На почве нервного расстройства его глаза стали слепнуть. Его молодая жизнь, безрадостная и опостылевшая, шла на убыль, а до конца службы оставалось еще два года.

Но бывает, что и у раба, доведенного до отчаяния, неожиданно загорается душа. Так случилось и с Пучковым. Однажды собрались гости. Пучков, сам того не зная, чем-то не угодил своему повелителю. Когда гости разъехались, адмирал сурово позвал его:

— Подойди сюда, негодяй!

У Пучкова похолодело в груди. Не было больше никаких объяснений. От удара по уху он качнулся, но успел ухватиться за край стола и удержался на ногах. В левом ухе что-то треснуло и зашумело. Раньше все обиды вестовой переносил молча, с покорностью обреченного человека. На этот раз что-то прорвалось в душе, все существо его загорелось ненавистью. Бледный, он выпрямился и, сверкая глазами, заявил резко, с хриплым выкриком:

— Ваше превосходительство, вы пробили мне барабанную перепонку!

Для адмирала это прозвучало дерзостью. Но он не затопал ногами и не кинулся драться. Впервые услышанный им протест озадачил его. Это было настолько же неожиданно, как если бы смиренный ягненок вдруг зарычал и оскалил волчьи зубы. Рожественский посмотрел на вестового с таким удивлением, как будто перед ним стоял другой, более решительный человек, и тихо, почти ласково сказал:

— Ничего, пройдет. У артиллеристов это часто бывает.

И, отвернувшись, ушел к себе в спальню.

На следующий день Пучков не вышел из своей каморки. Завтрак за него готовил другой вестовой, а он остался лежать на койке. К нему пришел адмирал и спросил:

— Ну как, Петр, твое здоровье?

— Заболел, ваше превосходительство, не могу встать.

Три дня адмирал навещал его и каждый раз получал один и тот же ответ, а на четвертый, разозлившись, пробурчал:

— Забирай свои вещи и убирайся вон из моей квартиры.

Пучков попал в госпиталь, где пролежал около трех месяцев. Потом, зачисленный в 18-й флотский экипаж, он еще долго не мог поправиться от нервного расстройства. Часто ему снилось, что он опять служит вестовым, и это были самые кошмарные сны.

После Пучкова за один только год у Рожественского по очереди перебывало девятнадцать вестовых. И каждый из них увольнялся от него, унося на себе следы адмиральских кулаков. А некоторые были отданы под суд и попали в тюрьму.

Не удивительно, что ему вспомнился прежний вестовой, и последовало распоряжение немедленно доставить Пучкова на броненосец «Суворов». Это было в Ревеле, когда 2-я эскадра уже готовилась к отплытию на Дальний Восток. В 18-й флотский экипаж полетела телеграмма. Пучков явился на флагманский корабль в сопровождении унтер-офицера, словно арестант. Но адмирал встретил его приветливо:

— Без тебя, Петр, мне плохо было. Все вестовые попадались какие-то идиоты. Я из-за тебя всю эскадру задержал на целые сутки. Поплаваем вместе.

— Есть, ваше превосходительство,— нехотя ответил Пучков и приступил к своим обязанностям.

В этот же день он узнал, что перед его приездом на корабль адмиральским вестовым был матрос Жуков. Этот парень плохо соображал и путал приказания адмирала. От побоев он нисколько не поумнел. Наконец Рожественский настолько рассвирепел, что схватил стул и, размахнувшись, ударил им по спине Жукова. У того отнялась поясница, и его списали на берег, в ревельский госпиталь.

То же самое может случиться и с Пучковым. Но эскадра направлялась в далекое чужое море, откуда он едва ли вернется. И ему стало безразлично, погибать ли от японских снарядов, или от руки адмирала. Он перестал его бояться.

Прошла неделя плавания. Теперь Пучков больше не стряпал, но зато наряду с другими делами ему приходилось стирать для барина белье, крахмалить воротнички и манжеты. Он выполнял это не хуже любой прачки.

Однажды вечером адмирал, купаясь в ванне, расположенной рядом с его каютой, рассердился:

— Где это ты, мерзавец, пропадал? Я кричал тебе, а тебя нет.

Пучков смело ответил:

— Для вас же за чаем ходил, ваше превосходительство. И позвольте доложить вам, ваше превосходительство, мерзавцем я никогда не был и не буду.

— Что такое? Это ты кому возражаешь?

— Вы сами знаете, ваше превосходительство,— я правду говорю. А если я такой плохой, то отдайте меня под суд или прикажите выбросить за борт.

— Вон с моих глаз! — закричал адмирал и так дернулся в ванне, что вода плеснулась за края.

Вестовой выскочил из ванной, но через минуту адмирал позвал его обратно и, словно забыв обо всем, мирно попросил:

— Петр, намыль губку и потри мне спину.

Так продолжалось и дальше. Адмирал был грозою не только для матросов, но и для офицеров всей эскадры. Никто не осмеливался возражать ему, хотя многие и понимали чудовищную несуразность в его словах и поступках. Но Пучков держался с ним иначе. Если адмирал повышал голос, то и вестовой отвечал, словно тот и другой были в равных чинах и занимали одинаковое положение. Может быть, Рожественский сознавал, что он довел своего вестового до такого состояния, когда тот способен его убить. Но получалось впечатление, как будто ему нравилось то, что из всего многочисленного личного состава эскадры нашелся лишь один человек, который перед ним не пресмыкается. Больше он ни разу не ударил Пучкова и не подвергал его никакому наказанию.

И только однажды адмирал забылся. Эскадра стояла у Мадагаскара. В адмиральском салоне готовились к торжественной встрече Нового года. Приглашены были сестры милосердия с плавучего госпиталя «Орел». Рожественский приказал Пучкову заморозить шампанское. Но инженер-механик, заведующий рефрижераторной камерой, проверяя ее, переставил случайно бутылки от холодных труб рефрижератора в теплое место. К двенадцати часам ночи смущенный Пучков принес шампанское незамороженным. Адмирал только сурово покосился на провинившегося, но ничего не сказал. На другой день утром он сдержанно пробурчал:

— Петр, иди к старшему офицеру и передай ему, чтобы он поставил тебя на бак под ружье на два часа.

Пучков расслышал все слова, но переспросил:

— Чего изволите, ваше превосходительство?

И, подставляя правое ухо, повернул лицо влево больше, чем следует, отчего глаза его скосились на адмирала.

Рожественский повторил приказание громче, а потом сердито спросил:

— Ты что морду от меня отворачиваешь?

— Никак нет, ваше превосходительство. А только я ничего не слышу левым ухом. Как вы сами знаете, барабанная перепонка в нем перебита.

Адмирал покраснел и отвернулся.

Пучков знал, за что он наказан, и, не унывая, молодцевато стоял на баке, словно получил одобрение начальства. Сознание подсказывало ему, что адмирал без него, как без няньки, не может обойтись ни минуты и во всяком случае эта кара не доставит удовлетворения его властолюбию. И действительно, не прошло и получаса, как одумавшийся Рожественский через вахтенного начальника уже позвал вестового к себе. Но он не послушался и отстоял точно положенный срок наказания.

— Это еще что за фортели? Мои приказания перестал выполнять? — рассердился адмирал, когда Пучков вернулся к нему с бака.

— Раз я провинился, ваше превосходительство, то должен за это нести взыскание полностью.

— Смотри — доведешь ты до того, что я из тебя вытряхну хамскую душу!

— Воля ваша, ваше превосходительство,— с невозмутимой покорностью ответил вестовой, но в самой этой покорности чувствовался вызов, как будто он что-то надумал.

Против своего обыкновения, Рожественский и на этот раз не вспылил и, отвернувшись, только мрачно нахмурился. Кроткий Пучков остался победителем. Это был беспримерный случай в практике службы многочисленных вестовых у адмирала.

14. ПРИЧУДЫ КОМАНДУЮЩЕГО

Мало кто знает о прошлом Рожественского.

В 1873 году, будучи уже лейтенантом, Рожественский кончил курсы Михайловской артиллерийской академии. Его сейчас же назначили членом комиссии морских артиллерийских опытов. В этой должности он пробыл до начала русско-турецкой войны, когда его командировали в город Николаев. Там он некоторое время находился при главном командире Черноморского флота. А когда начали снаряжать пароход «Веста», превращая его в боевой крейсер, он поступил на него под начальство капитан-лейтенанта Баранова (после был губернатором в Нижнем). Вместе с этим командиром он плавал, вместе с ним участвовал на «Весте» в морском сражении, которое произошло при Кюстендже 11 июля 1877 года. Наши моряки, по описанию газет, проявили тогда небывалую лихость: ничтожная и слабосильная «Веста» подбила турецкий броненосец «Фехти-Буленд» и заставила его обратиться в бегство. За этот подвиг Рожественский, как и его сослуживцы, был награжден орденами Георгия 4-й степени и Владимира 4-й степени с бантом и произведен в следующий чин — капитан-лейтенанта.

С донесением командира судна он был командирован в Петербург, где лично давал объяснения особам императорской фамилии о сражении 11 июля.

А через год он неожиданно выступил в газете «Биржевые ведомости» от 17 июля 1878 года со статьей «Броненосцы и крейсеры-купцы» и разоблачил подвиги «Весты». По его описанию выходило, что не турецкий броне-

носец удирал от нее, а она убегала от него, убегала в течение пяти с половиной часов. И только благодаря тому, что «Фехти-Буленд», перегруженный военными запасами, не мог догнать ее, она спаслась от бедствия. Рассказ автора был чрезвычайно убедительным.

В прессе того времени статья Рожественского вызвала целую бурю. Газеты «Новое время», «Биржевые ведомости», «Петербургские ведомости», журнал «Яхта» и другие периодические органы начали между собой перепалку. Одни нападали на автора, называли его лжецом, другие защищали его и рассматривали его выступление как подвиг гражданского мужества.

Поступок Рожественского действительно был исключительным по своей смелости. Но что толкнуло его на это? Хотел ли он, чтобы восторжествовала правда о «Весте», или какие-либо иные мотивы руководили им? Разоблачая это раздутое сражение, он ведь не щадил и самого себя. Он рисковал всей своей будущей карьерой, на что может решиться только человек прямой и неподкупный, с сильным характером. А с другой стороны, почему он не сделал подобного разоблачения раньше? Почему он не отказался от царских наград? Он никогда не расставался с орденами и с гордостью носил их на груди, вплоть до Цусимы, как боевые заслуги.

С тех пор прошло двадцать шесть лет. Разразилась война на Дальнем Востоке. И вот после того, как на броненосце «Петропавловск» погиб в Порт-Артуре вместе с художником Верещагиным единственный талантливый адмирал Макаров, и после целого ряда других неудач на суше и на море царское правительство начало искать нового спасителя отечества. Он оказался тут же, рядом, в свите его величества,— высокий, мужественный, суровый, с красивой, немного склоненной головой, словно обремененной гениальными идеями. Вся его незаурядная внешность так импонировала другим, что не могло быть сомнения в успехе. И тогда имя этого человека прогремело на всю Россию — имя адмирала Рожественского. Почти вся пресса затрубила о нем, заранее возвеличивая его в герои.

Я продолжал иногда встречаться с моим другом, штабным писарем Устиновым. Так было в Носси-Бэ, в Камранге, в бухте Ван-Фонг и во время остановок эска-

дры для угольной погрузки. То я бывал на «Суворове», то писарь приезжал ко мне на «Орел». Устинов, сидя в штабе за секретной перепиской, знал всякие новости больше, чем командиры судов. От меня у него не было тайн. Поэтому, не плавая на флагманском корабле, я все-таки знал о Рожественском все.

Как я уже раньше сообщал, командующий не бывал на своих кораблях, за исключением тех случаев, когда ему нужно было разнести личный состав. Он и к себе не приглашал ни младших флагманов, ни командиров судов, чтобы посоветоваться с ними или обсудить какой-нибудь вопрос,— это было для него лишним. Энергичный и заботливый, он много времени проводил на мостике «Суворова», день и ночь сидя в специально поставленном для него кресле. С высоты этого мостика он обозревал свои корабли, следил за их равнением в кильватерной колонне и за репетованием сигналов. Но его мало интересовало, что в данный момент творилось в трюмах, в погребах, в башнях, в машинах, в минных отделениях на кораблях эскадры. Как бывший марсофлотец, все это он считал мелочью, о которой не следует знать адмиралу. А между тем в число таких мелочей постепенно перешли тактические качества кораблей: их боевая подготовка, техническое состояние, непотопляемость, организованность. Таким образом, влияние командующего и его штаба на эскадру не простиралось дальше наружного порядка. Если все суда сохраняли свое место в строю, если они шли друг от друга в двух кабельтовых, значит, все было хорошо. Но стоило какому-нибудь судну нарушить строй, как сразу же нарушалось и душевное равновесие адмирала. Он моментально вскакивал с кресла и, беснуясь, начинал кричать. Иногда фуражка его летела под ноги, тогда кто-нибудь из штабных чинов подхватывал ее и, вытянувшись, держал в руках, как святыню. На мостике водворялся ужас, словно наступал момент светопреставления. Судовые и штабные офицеры, сигнальщики, рассыльные, вахтенные, дрожа, бессмысленно таращили глаза на грозного адмирала, как будто он представлял собою двенадцатидюймовый снаряд, готовый взорваться. Сначала по адресу провинившегося корабля слышалась только ругань, самая отборная и фантастичная, а потом уже следовал приказ:

— Поднять Идиоту выговор!

Флаг-офицеры и сигнальщики по одной лишь кличке знали, к какому кораблю это относится, и, сорвавшись с места, бросались к ящику с флагами с такой поспешностью, что расшибали друг другу лбы. И на мачте взвивался сигнал с выговором крейсеру «Адмирал Нахимов».

Командующий, утомившись, брал из рук подчиненного фуражку, накрывал ею разгоряченную голову и потом долго прохаживался по мостику.

Во время маневров случалось, что он, угрожая кулаками, начинал орать во весь голос:

— Куда ты, Проститутка подзаборная, прешь? Куда прешь?

Все понимали, что на этот раз провинилась «Аврора». И хотя она находилась за пять миль, но адмирал продолжал кричать на нее, как будто она могла услышать его ругань.

Изредка без шума, а только сквозь зубы приказывал:

— Передайте семафором, чтобы Инвалидное убежище не оттягивало.

Сигнальщики, размахивая флажками, вызывали броненосец «Сисой Великий» и передавали ему распоряжение адмирала.

Потом снова разражался гневом:

— Опять эта Горничная завиляла, точно ей оса попала под подол.

В результате «Светлана» получала адмиральское неудовольствие.

Когда адмирал, охваченный приступом злобы, выкрикивал брань, то матросы, находившиеся на палубе вдали от непосредственной угрозы, смеялись между собой:

— Тише, ребята! На мостике спектакль начался.

И все слушали, как Рожественский заочно разносил какого-нибудь командира, заменяя его фамилию придуманной кличкой, и все понимали, кого под какой кличкой он подразумевает. Не только командиры судов, но и младшие флагманы не избежали прозвищ, иногда остроумных, иногда похабных. Что представлял собою в его глазах толстый контр-адмирал Фелькерзам? «Мешок с навозом». А недалекий контр-адмирал Энквист? «Пустое

место». Наш всегда щеголеватый и суетливый командир, капитан 1-го ранга Юнг? «Лакированная егоза». Командир «Александра III», гвардеец, капитан 1-го ранга Бухвостов? «Вешалка для гвардейского мундира». Командир «Бородина», капитан 1-го ранга Серебренников, замешанный когда-то в освободительном движении? «Безмозглый нигилист». Командир «Ушакова» Миклуха-Маклай, родственник знаменитого путешественника? «Двойной дурак». Командир «Осляби», капитан 1-го ранга Бэр, любитель поухаживать за женщинами? «Похотливая стерва». Некоторым командирам Рожественский давал прозвища, заимствованные из терминологии венерических болезней *.

Матросы, насмотревшись и наслушавшись, как адмирал расправляется со своими подчиненными, говорили о нем:

— Была у него мать или нет?

— Не кобель же его выбросил из-под хвоста.

— Мать-то у него была, но только, когда она его рожала, то, вероятно, три года дрожала.

Он никого не хотел видеть из своих подчиненных, но и они всячески избегали с ним встречаться, зная необузданный темперамент своего адмирала. Если какой-нибудь глава судна и отправлялся к нему на свидание, то лишь в исключительных случаях. Заранее можно было сказать, что он нарвется на оскорбление.

Когда мы стояли в Носси-Бэ, крейсер «Светлана» настолько был перегружен углем и другими припасами, что его корпус прогнулся. Командир судна, капитан 1-го ранга Шеин, явившись на флагманский корабль, доложил о несчастье адмиралу и стал просить у него разрешения убавить груз. Рожественский рассвирепел и с матерной руганью выгнал командира из своей каюты.

Во время стоянки в бухте Ван-Фонг «Наварину» было приказано принять пресной воды триста тонн. Командир судна, капитан 1-го ранга барон Фитингоф, поехал на «Суворов» объясняться. Он начал доказывать адмиралу, что такое количество воды слишком велико для корабля. Кстати упомянул, что броненосец и без того перегружен углем.. Адмирал, слушая командира, повернулся к нему спиной, а потом задергался весь и заорал:

— Это что же такое? Вы учить меня вздумали? Не хотите исполнять моих приказаний? Принять четыреста тонн воды! Без разговоров!

Он наговорил еще много слов, не передаваемых в печати, и барону Фитингофу ничего не оставалось другого, как только ответить:

— Есть, ваше превосходительство.

Некоторых командиров адмирал громогласно позорил в присутствии офицеров и матросов:

— Вам не кораблем командовать, а только бы служить в портовых складах и отпускать на суда швабры.

Невольно приходилось задумываться над тем, как могли эти почтенные и заслуженные господа терпеть над собою все издевательства командующего эскадрой? Для чего же нужно было иметь чины, носить мундиры и ордена, если все это не спасало людей от самых унизительных оскорблений?

Часто Рожественский кричал на командиров военных кораблей, как фельдфебель на новобранцев *.

Неужели и в иностранных флотах происходит то же самое?

Первое время те, кто мало знал Рожественского, смотрели на него как на человека непреклонной воли и знатока в военно-морском деле. Только с таким командующим можно достигнуть намеченной цели. И поэтому к его самодурству относились снисходительно. Но постепенно, по мере того как эскадра подвигалась вперед, наступало разочарование. Все резкости командующего в приказах, сигналах, в личных объяснениях с командирами и офицерами понемногу разрушали его авторитет. Люди убеждались в том, что за этой грубой формой обращения вовсе не скрывается глубокий и проницательный ум или организаторские способности. Только развившимся у адмирала величайшим самомнением можно было объяснить презрительное его отношение к подчиненным.

Рожественский не щадил и чинов своего штаба и постоянно третировал их. Только двое из них более или менее свободно общались с ним: старший флаг-офицер лейтенант Свенторжецкий и принятый на флагманский корабль в качестве бытописателя капитан 2-го ранга В. Семенов. Но и они были для него не больше чем добавочные органы — две пары глаз и две пары ушей.

На основании сведений, получаемых от этих двух офицеров, адмирал часто составлял свое суждение о кораблях и командирах. Остальные же чины штаба совершенно не пользовались его благосклонностью и доверием. Будучи сам исключительно властной натурой, он на всякие советы со стороны своих помощников смотрел как на посягательство на его прерогативы. И они не решались предостеречь командующего от неизбежных ошибок, свойственных самодовольным и ограниченным натурам. Вообще в штаб подобрались люди безвольные и безличные, но зато преисполненные к адмиралу самой собачьей преданностью. Они создали из поклонения ему особый культ. Штаб превратился в средостение между флотом и командующим, стал его походной канцелярией.

В особенности пришлось унижаться перед ним флаг-капитану, или, выражаясь по-сухопутному, начальнику штаба, капитану 1-го ранга Клапье-де-Колонгу. По смыслу военно-морского устава после командующего он являлся первым лицом на эскадре. На обязанности флаг-капитана лежало проводить в жизнь все идеи своего начальника, а для этого он должен быть знаком с его оперативными планами. Но что сделал с ним Рожественский? Он не признавал в нем своего заместителя, он низвел его до степени раболепствующего лакея. Прежде чем пойти с докладом к своему барину, Клапье-де-Колонг производил через его вестового рекогносцировку о настроении адмирала:

— Ну как, братец, сегодня расположен его превосходительство?

— Вроде как ничего, ваше высокоблагородие.

Только получив такие сведения, Клапье-де-Колонг осмеливался приблизиться к адмиральской каюте, но и то предварительно останавливался перед нею, снимал с головы фуражку и, перекрестившись, шептал слова молитвы: «Помяни, господи, царя Давида и всю кротость его». Потом уже стучал одним лишь ноготком в страшную дверь.

Однажды потребовалось ему спешно о чем-то доложить командующему, который находился у себя в каюте. На этот раз вместо Петра Пучкова, который был отпущен на берег, временно прислуживал адмиралу командирский вестовой. Когда Клапье-де-Колонг взглянул на

его лицо, распухшее от адмиральских кулаков, то сразу упал духом.

— Значит, его превосходительство в плохом настроении?

— Беда, ваше высокоблагородие, расшиб меня совсем.

Клапье-де-Колонг растерянно забормотал:

— Но как же мне теперь быть? Ведь у меня спешное дело к нему.

— Не могу знать, ваше высокоблагородие, а только лучше не показывайтесь на глаза. Весь кипит.

Срочное дело было отложено до более благоприятного времени.

Писарь Устинов не раз заставал флаг-капитана в каюте плачущим *.

Адмирал, очевидно, думал про себя: раз он командующий, то он все, а остальные офицеры и командиры — ничто. Его дело приказывать, разносить, наказывать, иногда хвалить кого-нибудь, а подчиненные должны работать, повиноваться, выкручиваться из разных затруднений и безропотно переносить все его обиды. Этот человек верил только в силу принуждения. Он как командующий 2-й эскадрой видел залог успеха единственно в беспрекословном подчинении всего флота его воле. И в этом ослеплении он подавлял всякую инициативу своего штаба, своих младших флагманов, командиров судов и всего личного состава эскадры. Ему хотелось, чтобы все смотрели на него как на единственного человека, который знает, что надо делать и как надо делать. Он сам себя произвел в гении. В этом была его беда. Постепенно на почве неограниченной власти он фатально шел к тому, что превращал всех в жалкие пешки своей прихоти и самодурства. Он загипнотизировал себя в уверенности, что только в его руках держатся все нити и что эскадра немедленно развалится, если он ослабит вожжи.

Правда, Рожественский обладал железной силой воли, но это хорошее качество при отсутствии военного таланта только вредило делу и причиняло всем лишь одно горе.

— Почему он не казнил ни одного матроса? — как-то спросил я писаря Устинова.

— Подожди, после сражения их десятки будут висеть на реях. Слышал я об этом разговор в штабе.

А ты думаешь, что адмирал подобрел к нашему брату?

— Ничего не было бы удивительного в этом. Вместе умирать идем. А это обстоятельство очень серьезное. Любой начальник может задуматься о своем отношении к матросам.

— Только не Рожественский! — рассердившись, воскликнул Устинов.— У него ненависть в крови. Но я думаю, не придется ему никого казнить. Если он уцелеет от японских снарядов, то его убьют свои же матросы. Однако скажу о нем: раньше разбойников вешали на крестах, а теперь наоборот — разбойникам вешают на грудь кресты.

Писарь, рассказывая о лютости адмирала, привел много примеров, из которых два особенно запомнились мне.

Во время стоянки в Носси-Бэ адмирал, проходя как-то по срезу, увидел матроса, неправильно лопатившего палубу,— не вдоль, а поперек настила. Адмирал подозвал вахтенного начальника и спросил, показывая на матроса:

— Что он делает?

— Палубу лопатит, ваше превосходительство,— не задумываясь, ответил вахтенный начальник.

Адмирал задрожал, а его черные, как антрацит, глаза загорелись злобой. Раздались выкрики:

— Вы, лейтенант Данчич, даете мне идиотский ответ! Кто вы такой? Вахтенный начальник или балерина, прогуливающаяся по судну? Разве не видите, что этот болван лопатит палубу поперек настила?

Адмирал с искаженным лицом бросился к матросу, выхватил у него деревянную лопату и всю ее обломал о его голову.

Приблизительно такой же случай произошел перед нашим приходом в бухту Ван-Фонг. Адмирал, поднимаясь на мостик, услышал, как один комендор, разговаривая со своим товарищем насчет обеда, произнес:

— Пусть начальство подавится этой гнилой солониной, а я даже не притронусь к ней.

Когда он заметил адмирала, было уже поздно. Комендору пришлось предстать перед грозными очами начальника. Загромыхали слова, раздельные, тяжелые, как чугунные гири:

— Ты, стервец, что болтаешь? Тебе ветчины с горошком захотелось или рябчиков в сметане?

Адмирал стоял на трапе, а комендор — на палубе. Ноги первого находились на уровне плеч второго. Виновник, отдавая честь откинул голову назад и застыл в жутком ожидании. Адмирал сказал ему еще несколько слов, а потом своей тяжелой ступней, обутой в блестящий ботинок, ударил его по лицу и, не глядя на свою жертву, поднялся на мостик.

Комендор глухо крякнул и повалился на палубу. Все лицо его моментально превратилось в кровавое мясо. Он встал на колени и замотал головою, разбрызгивая по палубе красные пятна. По распоряжению вахтенного начальника его отвели в операционный пункт. Там уже выяснилось, что у защитника родины были разбиты передние зубы, рассечены губы и раздроблена переносица.

На верхней палубе мокрой шваброй стерли кровавые пятна. Броненосец «Суворов» продолжал свой путь. На мостике, под раскинутым тентом, адмирал сидел в кресле, расстегнув китель и представляя легкому бризу волосатую грудь, мрачный и усталый, как будто совершил тяжелый подвиг.

15. У ВОРОТ ЦУСИМЫ

Днем 13 мая погода значительно улучшилась. Дождя не было, и ветер заметно стихал. Облака поредели, виднелись синие просветы, из которых то и дело выглядывало солнце.

Эскадра наша приближалась к Корейскому проливу. Ход ее был девять узлов. Полагая, что через час или другой встретимся с неприятелем, все приготовились к бою. Но, к нашему удивлению, на горизонте было пусто. Только аппараты беспроволочных телеграфов, получая какие-то незнакомые знаки, говорили о присутствии врага, пока скрывающегося за далью. По-видимому, он переговаривался со своими разведочными судами.

Сигналом командующего было приказано крейсерам иметь пары на пятнадцать, а броненосцам на двенадцать узлов.

До обеда и всю вторую половину дня производили эволюционное учение, которое было первым после того,

как присоединился к нам отряд Небогатова. На «Суворове» то и дело взвивались в разной комбинации флаги. Пестрели разноцветными полотнищами и мачты других судов, репетовавших сигналы флагмана. На мостиках происходила горячка. Все бинокли были направлены в сторону броненосца, на котором находился командующий,— не прозевать бы с выполнением того или другого его приказа. Однако и здесь с жестокой ясностью проявились наши недочеты. Эскадра, представляя сборище самых разнотипных судов, лишь с трудом перестраивалась в боевой порядок. Кильватерная колонна постоянно ломалась, нарушаемая рыскающими в сторону кораблями. Еще более неудовлетворительно обстояло дело с поворотами «все вдруг». Некоторые суда, не поняв сигнала, делали в это время повороты «последовательно», внося в маневр путаницу. А когда по сигналу с «Суворова» эскадра переходила в строй фронта, то получалась полная неразбериха.

Это были зловещие признаки.

Но в данном случае многих из нас интересовала другая сторона. Почему это Рожественскому вдруг понадобилось у берегов Японии, перед самым боем, заняться маневрами? Почему он раньше этого не делал, когда только присоединился к нам отряд Небогатова? Ведь тогда можно было бы потратить на это дело больше времени, и ничего не случилось бы, если бы даже на двое суток мы пришли позднее в Корейский пролив. Неужели командующий забыл об этом? Нет, тут были у него какие-то свои соображения, о которых мы можем только догадываться. Вчера ночью он нарочно замедлил ход эскадры, а сегодня напрасно провел несколько часов, занимаясь эволюционным учением. Создавалось впечатление, что эскадра наша искусственно задерживается на последней стадии ее пути. Не будь этого, мы прошли бы самую узкую часть пролива, где находится остров Цусима, поздно ночью. А больше всего вероятий было, что где-нибудь вблизи этого места сосредоточен японский флот. Возможно, что благодаря мглистой ночи и порядочному волнению, мешавшему противнику раскинуть сеть разведочных судов, мы проскочили бы незамеченными; возможно и другое — нас все равно разбили бы. Во всяком случае, хуже того, что с нами случилось потом,

не могло быть. Но все расчеты Рожественского сводились, очевидно, к тому, чтобы встретиться с противником 14 мая и чтобы сражение произошло обязательно в день коронования «его императорского величества».

Многие матросы, дружившие между собою, давали друг другу свои домашние адреса, наказывая при этом:

— Если что случится со мною, то сообщи, дружок, моим родственникам все подробно.

— Хорошо. Ты тоже. Обо всем напиши.

— Есть такое дело.

В это время лица у них были серьезно-озабоченные. Они разговаривали об ожидаемой смерти так же просто, как разговаривают крестьяне о заготовке дров на зиму или о том, что на таком-то участке земли пора скосить овес. Потом глаза матросов загорались надеждой.

— Может быть, живы останемся. Тогда кутнем.

— Обмоем, браток, душу. Я достану иностранный ром. Забыл только, какой фирмы. Но я по фасону бутылки узнаю. Этот ром такой крепости, что один пьет, семеро пьяны бывают.

К разведочной службе и на этот раз, как и накануне, командующий отнесся с полной пренебрежительностью. Это беспримерное отсутствие какого-либо интереса к тому, что делается у неприятеля, продолжало удивлять многих. Для чего в таком случае находились при эскадре легкие быстроходные крейсеры, боевое значение которых было совсем ничтожно?

Ночь была облачная, темная, с редкими звездами. На море держалась мгла. Дул ветер в три-четыре балла.

Приближались к району, где уже можно было встретиться с японскими разведчиками; эскадра несла только часть огней. Трудно было обойтись совсем без них, так как при такой скученности судов могло бы произойти столкновение. Но были приняты все меры к тому, чтобы не открыть своего присутствия противнику. С этой целью ослабили гакабортные огни, а отличительные фонари были открыты только во внутреннюю сторону строя. Топовые лампочки выключили совсем. Получили запрет пользоваться беспроволочным телеграфом. С этой стороны все обстояло как будто хорошо, разумно. Но вот на клотиках мачт флагманского броненосца, передавая какое-то приказание командующего, замигали световые

вспышки. Такие же вспышки засверкали на клотиках и других кораблей, что означало — данный сигнал принят и понят. Получалось впечатление, как будто на мачтах всех судов находятся невидимые существа и быстро-быстро перемигиваются огненными глазами. Так происходило с небольшими перерывами в течение почти всей ночи. И никто из штаба не подумал, что такая сигнализация скорее и дальше, чем какой-либо другой свет, может обнаружить противнику место эскадры. Помимо того, за эскадрой, держась от нее в нескольких кабельтовых, шли госпитальные суда «Орел» и «Кострома», условные огни которых горели особенно ярко. Таким образом, принимаемые нами меры предосторожности были совершенно бесполезны.

На баке по поводу этого матросы рассуждали:

— Наш командующий окончательно лишился ума.

— И штаб его в детство впал.

— Верно. Так только играют в прятки трехлетние ребятишки. Спрячет иной голову под фартук матери и кричит: «Ищите меня». И с нашими кораблями то же самое происходит.

Около этой кучки матросов показался мичман Воробейчик. Топорщась, он зачирикал:

— Это вы на каком основании подвергаете критике действия самого командующего?

— И не думали даже об этом, ваше благородие.

— Я сам слышал!

— Это вам показалось, ваше благородие. Мы говорили: хорошо бы, мол, перед боем молебен отслужить Николаю-угоднику или Георгию-победоносцу..

— А кого вы сравнивали с детьми?

Кочегар Бакланов начал объяснять:

— Да это я, ваше благородие, рассказывал про своего сынишку. Пятый год ему. Шустряга парень. Он все, бывало, спрашивал меня: «Тятя, а как узнают, когда родился человек, девочка это или мальчик? По штанишкам, что ли?» Смешной парнишка, очень даже смешной.

Мичман возмущенно крикнул:

— Счастье ваше, что время не такое! Я бы вас разделал под красное дерево за такую наглую ложь!

И, удаляясь на корму, скрылся в темноте.

Матросы рассмеялись:

— Молодец Бакланов, ловко вывернулся.

Я обошел все палубы, побывал во многих башнях. Ожидая минных атак, офицеры и комендоры все время дежурили у орудий, зорко всматриваясь в темную даль, не обозначится ли где силуэт неприятельского миноносца. И на других постах были люди. Половина экипажа должна была бодрствовать, готовая при первой тревоге вступить в действие. Остальные пока могли спать не раздеваясь. Но спать никому не хотелось. Мы не столько боялись артиллерийского огня, сколько минных атак. Ночь проходила медленно, и каждая минута давила сознание ужасом ожидания — вот раздастся у борта сокрушительный взрыв неприятельской торпеды. В такой напряженной атмосфере люди не могли молчать долго — не выдерживали нервы. Поэтому в темноте на палубе всюду виднелись кучки матросов, тихо разговаривающих между собою. Тут можно было услышать о чем угодно, но меньше всего о войне. В одной кучке рассуждали о женщинах:

— Это зависит, какая попадется жена. Другая тебя так обкрутит, что ничего ты не можешь с ней поделать. И будешь ты при ней за пристяжного, а она коренником.

Гальванер Козырев по этому поводу рассказал:

— Бывают такие случаи. Вон я читал про Нельсона. Самый знаменитый адмирал был, храбрости непомерной. Сам Наполеон боялся его. И что же вы думаете? Трепетал он перед своею женой, как кролик пред волчицей. Да хоть бы была она, скажем, королева или принцесса. Ничего подобного. Проститутка из Неаполя.

Старший сигнальщик Зефиров добавил:

— Да, женой управлять мудрее, чем целым государством. Вот наши цари: управлять государством они имеют право в шестнадцать, а жениться — не раньше как только в восемнадцать лет.

На баке среди матросов, расположившихся у фитиля, хриповато звучал голос минного машиниста:

— ...Произошло это у нас в селе на самую троицу. Весь народ в церкви. И вся она убрана зеленью: около икон березки стоят, на полу травка разбросана. Благодать! А у нас в церкви водится такой обычай: бабы и девки позади стоят, а мужики и ребята — впереди. От

входа до самого амвона оставляется проход аршина в два шириною, получается вроде коридора из живых людей. Это для того так делается, чтобы можно было свободно пройти вперед: поставить свечку к иконе, поминальник взять или причастие принять. Все шло ладно: здоровенный дьякон ектенью читает и кадилом помахивает, старый седенький поп возгласы подает, на клиросе певчие умасливают душу молящихся, миряне поклоны отвешивают богу. В окна солнышко заглядывает. Жарко и душно...

— Насчет церкви что-то скучно,— перебивает рассказчика кто-то.— Ты что-нибудь другое расскажи.

— Подожди, доберемся и до веселого,— возразил минный машинист и продолжал: — Раскрыл поп царские врата и протянул сладенько так, точно конфета ему в рот попала: «Со страхом божиим и верою приступите». В этот момент кто-то как замычит в церкви. Потом еще сильнее. И кто-то с мычанием несется по свободному проходу прямо на амвон. Весь народ вздрогнул и шарахнулся в стороны. Бабы завизжали. И что же оказалось? Оськи Лямкина, свата моего, телок — месяцев пяти, черный, большой. Разыгрался и в церковь ворвался. Вылетел прямо на амвон. То к одной клиросе метнется, то к другой. А сам ноги задние подкидывает, крутит хвостом и мычит, словно с него шкуру сдирают. Потом в алтаре то же самое начал проделывать. У попа лицо бледное, бороденка дрожит. Первым опомнился он, кричит: «Ловите эту тварь!» А где тут ловить! С народом бог знает что делается. Одни думают, черт ворвался в церковь, другие — светопреставление началось. Мужики глядят, бабы и девки визжат, детишки плачут. А телок от этого шума и народа еще пуще ошалел. Носится по алтарю, как бешеный, и не перестает мычать. Тут уж дьякон бросился за телком, а с ним еще трое: дьячок, староста церковный и сторож. И что же вы думаете? Вчетвером никак не могут поймать его. Долго бегали, пока дьякон не схватил телка за хвост. Телок рванулся, дьякон брякнулся на пол в самых царских вратах, но все-таки хвоста из рук не выпустил. Тут остальные трое подоспели. Народ к этому времени образумился, смех начался. Выволокли телка на божий свет, поддали ему пинком под зад — иди...

С мостика раздался голос вахтенного начальника, лейтенанта Павлинова:

— На баке! Что у вас там за смех? Нельзя ли потише?

— Есть! — ответили разом несколько голосов.

Было далеко за полночь, когда я отправился к Васильеву. Он был только инженером, но от него я мог узнать больше, чем от любого строевого офицера, даже по вопросам, которые не относятся к его специальности. Хотелось в последний раз побеседовать с ним по душам. В офицерском коридоре против его каюты я остановился, прислушиваясь. Кругом было тихо. Только из глубины броненосца доносился гул напряженно работающих машин, отчего под ногами железная палуба, покрытая линолеумом, слегка вибрировала. За переборкой почувствовалась возня. Я тихо постучал в дверь и, получив разрешение, вошел в каюту. Васильев, словно собираясь в поход, сосредоточенно укладывал в чемодан свои вещи, рукописи, чертежи.

— Вот приготовляюсь к бою. Придется чемодан снести в более безопасное от огня место. Главное — хотелось бы сохранить свои заметки и чертежи. Остальное не жаль будет, если и пропадет.

Он был без куртки, в одной ночной рубашке. Каждый раз, когда я не видел на его плечах серебряных погон, он становился мне ближе и роднее. Я рассказал ему, как матросы ругают своего командующего. Васильев, выслушав меня, заговорил возбужденно.

— Это плохо, что он ни у кого не сумел завоевать к себе доверия и среди офицеров не пользуется авторитетом. Сам виноват. Ведь каждый, кто окончательно не обалдел от наших дурацких порядков, не может не видеть всех его промахов. Начать с того, как организована эскадра. Силы наши распределены на отряды неправильно. «Ослябя», имеющий неполную броневую защиту, по существу скорее подходит к типу броненосных крейсеров. Почему бы ему не возглавить отряд из таких крейсеров, как «Олег», «Аврора» и «Светлана»? Все эти суда при наличии хода в восемнадцать-девятнадцать узлов могли бы принести нам больше пользы. А командующий связал их со старыми крейсерами «Дмитрий Донской» и «Владимир Мономах», таким образом обес-

ценив их боевую роль. Между тем последние два, имея броневую защиту, должны бы находиться в одной колонне с тихоходными броненосцами: «Сисой Великий», «Наварин», «Апраксин», «Сенявин», «Ушаков», «Нахимов», с «Николаем I» во главе. Такая колонна могла бы развивать ход по двенадцати-тринадцати узлов.

Разговаривая со мною, Васильев то нервно свертывал в трубку клеенчатую тетрадь, то снова ее развертывал.

— При эскадре осталось, помимо двух буксиров, еще четыре транспорта: «Анадырь», «Иртыш», «Корея» и плавучая мастерская «Камчатка». Присутствие их в эскадре давало основание предполагать, что мы пойдем вокруг Японии. Тогда без них трудно было бы обойтись: может быть, в пути еще раз пришлось бы подгрузиться. А теперь на что они нам нужны, раз мы избрали для себя Корейский пролив? Не думает ли адмирал грузиться во время боя? «Камчатка» — полезное судно в походе, но не в бою. Адмирал тащит ее с собою. Зачем? Очевидно, предполагает при помощи этой мастерской чиниться после сражения. Но для этого нужно быть уверенным, что в нее не попадет ни один снаряд. Она имеет ходу не больше десяти узлов. Еще хуже обстоит дело с «Кореей». На ней имеется груз — уголь и снаряженные мины заграждения. Какой ужас может произойти, если в нее удачно попадет снаряд! Она опасна и для других наших судов. Все эти четыре транспорта обречены на смерть. Во время сражения для их охраны назначены крейсеры. Таким образом мы ослабляем свою эскадру на шестьдесят два орудия — шести- и пятидюймовых! Чем объясняется такое распоряжение командующего — тупоумием или заносчивостью? Ведь слабосильным, в сравнении с противником, нужна каждая боевая единица. Слышал я от штабных, что во Владивостоке нет для нас необходимых материалов и запасов. Все это мы должны привезти с собою. Очень хорошо! Но как это выполнить? Для нас будет величайшим счастьем, если половина эскадры прорвется туда. А тут еще хотят, чтобы мы и транспорты доставили во Владивосток. Да за кого наши принимают японцев? Ведь не с зулусами мы имеем дело. Пора отказаться от того взгляда, что они — макаки. А вот мы действительно оказались кое-каки. Если уж эти

транспорты так необходимы во Владивостоке, то почему бы им не назначить рандеву?

— Не додумался его превосходительство,— ответил я на поставленный вопрос.— Тут с трехкопеечной логикой можно понять, насколько эти транспорты свяжут нашу эскадру. Если бы какой-нибудь боксер перед боем навешал на себя чемоданы с бельем или провизией, то это показалось бы всем самой дикой нелепостью. Ему пришлось бы и свои чемоданы поддерживать и драться. Наверняка можно сказать, что он будет разбит. А мы, захватив с собою транспорты, уподобились именно такому боксеру.

— Адмирал до многого не додумался,— подхватил Васильев.— Вы посмотрите, как построена сейчас наша эскадра. Боевые суда идут двумя кильватерными колоннами. Между ними держатся транспорты и миноносцы. Насчет разведки мы ничего не предпринимаем. На наших кораблях горят огни. Мы находимся почти у самых берегов Японии. Ночь темна. Такой походный порядок — самый благоприятный для неприятельских миноносцев. Вы только представьте себе, что может случиться, если в данный момент японцы поведут против нас минную атаку? Пусть только два миноносца их прорвутся в середину нашей эскадры — и вот вам катастрофа. Они совершенно безнаказанно могут топить наши корабли. А мы даже не будем иметь возможности отражать атаку, ибо нам пришлось бы стрелять друг в друга.

Я сказал:

— Это каждому матросу ясно.

— Но для Рожественского вот не ясно. А всякие советы или мнения со стороны младших флагманов и командиров судов он не признает. Он всех их считает баранами, а самого себя — гением. Ведь за одно лишь то, что наши броненосцы так перегружены углем и запасами, он должен бы пойти под суд. Броненосец «Орел» имеет тысячу семьсот тонн перегрузки. Одной лишней воды нами взято триста пятьдесят тонн. Для чего? Чтобы уменьшить непотопляемость судна, да? Ко многим своим глупостям он прибавил еще одну, направив эскадру через Корейский пролив.

Васильев приподнял правую руку и, потрясая передо мною тетрадью, словно я во всем был виноват, добавил:

— К сожалению, за всю эту преступную авантюру будут расплачиваться не одни только адмиралы, а все мы, весь наш народ. Если только японцы не угробят нас с вами раньше времени, вы увидите, что будет, с какой фатальностью вскроются все недочеты русского флота. Впрочем, к черту все эти рассуждения! В данных условиях мы с вами все равно ничего не можем изменить.

Бросив тетрадь в чемодан, Васильев склонил голову над столиком и задумался. Усталые глаза долго смотрели в угол каюты, лицо приняло выражение досады и боли. Казалось, он забыл о моем присутствии.

Кто-то пробежал по офицерскому коридору, громоздко стуча каблуками сапог.

— Знаете что,— нарушил я молчание,— эта война очень напоминает неудачную Крымскую кампанию. Там с эскадры пришлось снять все оборудование, пушки и, наконец, людей для защиты крепости. Затем опустошенную эскадру вынуждены были потопить у входа в гавань. То же произошло и в Порт-Артуре: так же сняли с эскадры пушки и весь личный состав, так же без боя потопили свои корабли.

Васильев, вскинув голову, вдруг оживился:

— Совершенно верно. Я думаю, что и в общественных настроениях история повторится. Нужна была Крымская кампания, чтобы все поняли — так больше жить нельзя. Россия с ее, по выражению Герцена, крещеной собственностью зашла в тупик. Тогда лучшая часть общества заволновалась. Начались крестьянские восстания. Закончилось это освобождением крестьян от крепостной зависимости. То же произойдет и после этой войны, в особенности после разгрома нашей эскадры, на которую теперь возлагают все надежды. Для всех станет ясно, куда завели нас наши бездарные правители. Революция неизбежна. Она уже началась...

Я распрощался с Васильевым и забрался на задний мостик. По времени давно уже должна была взойти луна, но она где-то скрывалась за черным пологом облаков.

По-прежнему было темно.

Японцы не показывались. Вероятно, они решили встретить нас в узком месте пролива, у самых своих

рубежей. Я смотрел вперед, по курсу, в ночную мглу и думал: что в данный момент делает командующий японским флотом адмирал Того? Какой удар готовит он для нашей эскадры? Наша судьба зависела теперь от его умения распорядиться морскими силами. Кто он такой, этот уже в достаточной степени прославленный человек? Действительно ли он великий флотоводец, или засиял блеском славы только потому, что уж слишком бестолковы были руководители в русском флоте? У нас на корабле очень мало знали о нем. Известно было лишь то, что он кончил высшее военно-морское училище в Англии, плавал на английских кораблях, великолепно перенял все их морские традиции. Однажды мы с Васильевым рассматривали его фотографический портрет, напечатанный в одном английском журнале. На этой фотографии он был снят в полной парадной форме, с орденами на груди, с лентой через плечо, с вензелем на фуражке. Наряд на нем был такой же, какой носят во флотах европейских стран. И в пожилом лице его с мелкими морщинами, с толстой верхней губой, с острой седеющей бородкой мало было японских черт, если не считать характерного разреза глаз. В этом журнале была напечатана статья о нем. Из нее мы вычитали, что он выше обычного роста японцев, хорошо сложен, но немного сгорблен. Дальше сообщалось, что у него большая голова правильной формы и что он никогда не расстается с трубкой. Автор статьи ничего не рассказал об адмирале Того по существу, но много рассыпал восторгов, называя его добродушнейшим и благороднейшим человеком и гениальным военачальником. Совсем по-иному отнесся к нему французский журнал, который, отдавая дань таланту адмирала Того, охарактеризовал его как человека хитрого, коварного и жестокого.

Неугомонный ветер свежел, становился более упругим и не только тормошил море, заставляя его угрюмо ворчать, но и разрывал, взлетая, черные, как сажа, облака. В глубине неба показался кривой обрезок ущербленной луны. Тусклым сиянием заблестели круто изогнутые спины волн, яснее обозначились контуры кораблей. На минуту мое внимание привлек обрезок луны. Он был похож на золотой козырек. Из-под него, внося в сознание какое-то смутное беспокойство, смотрела на нас зве-

зда, словно сверкающий зрачок в дрожащих паутинно-тонких ресницах.

Мои мысли вернулись к эскадре. Перегруженная углем и запасами, измученная походом и дезорганизованная духом безверия, она медленно двигалась к пропасти. Это понимали все, начиная с любого командира и кончая последним гальюнщиком. И все-таки мы не повернули обратно. Почему? Потому что младшие флагманы не противодействовали командующему, а судовые командиры не осмеливались возражать младшим флагманам, а офицеры не могли ослушаться командиров, а кондукторы, боцманы, капралы и матросы просто были не в счет. Казалось, никто уже не мог предотвратить приговора истории. Все люди находились на своих местах, все исполняли свои обязанности. Из труб вываливал дым, под кормой вращались винты, бурля незнакомые воды. И корабли, черные и молчаливые, с видом бесстрастного покоя шли вперед, чтобы похоронить в пучине чужого моря славу Российской империи и последнюю надежду нашей маньчжурской армии.

Мы прошли более восемнадцати тысяч морских миль. Осталось каких-нибудь трое суток ходу — и мы будем во Владивостоке. Но до него никогда еще не было так далеко, как теперь. Чтобы попасть на родную землю, мы должны пройти через страшные ворота смерти, какими являлся для нас Цусимский пролив.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

Стр. 24. В. П. Костенко, с которым я плавал на броненосце «Орел», оказался как герой настолько необходим для моей книги, что если бы его не существовало в природе, то пришлось бы такого выдумать. Поэтому я уделяю ему в данном произведении так много места. Он фигурирует у меня под псевдонимом инженера Васильева. В целях конспирации так называли его на судне в узком кругу посвященных матросов-революционеров. Но теперь мне кажется, что я напрасно своевременно не опубликовал его под настоящей фамилией. Кстати, отвечу на многочисленные запросы моих читателей о дальнейшей судьбе этого героя: в настоящее время он работает в СССР по своей специальности и как исключительно талантливый инженер занимает крупный пост в советском кораблестроительстве.

Попутно вскрою псевдоним еще одного героя: действующий в моей книге капитан 2-го ранга Сидоров есть старший офицер броненосца «Орел» К. Л. Шведе. В 1933 году, дожив до семидесятилетнего возраста, он умер в Ленинграде.

Стр. 76. После Цусимы Курош командовал миноносцем «Бодрый» на Дальнем Востоке. 17 октября 1907 года на его корабле произошло восстание. Матросы убили своего командира и выкинули за борт.

Стр. 92. Впоследствии некоторые офицеры, а больше всего сам адмирал Рожественский в своем рапорте на имя морского министра и капитан 2-го ранга В. Семенов в своей трилогии «Расплата» старались доказать, что на Доггер-Банке вместе с рыболовными судами были и японские миноносцы. Для разбора «гулльского инцидента» была создана международная комиссия. В ней от России участвовал в качестве комиссара адмирал Дубасов. Несмотря на свой крайний шовинизм, он, однако, вынужден был признаться в докладе своему правительству: «В присутствие миноносцев я сам в конце концов потерял всякую веру, а отстаивать эту версию при таких условиях было, разумеется, невоз-

можно. Необходимо было ограничиться тезисом, что суда, принятые русскими офицерами за миноносцы, занимали относительно эскадры такое положение, что ввиду совокупности обстоятельств, заставивших вице-адмирала Рожественского ожидать в эту ночь нападения, суда эти нельзя было не признать подозрительными и не принять решительных мер против их нападения. Этот тезис я и решил сделать своею главною точкою, тем более что единственный надежный союзник, на которого я мог рассчитывать, адмирал Фурнье (комиссар Франции), держался того же взгляда на дело...» (Архив войны, шкаф № 4, дело № 849.)

О «гулльском инциденте» теперь имеется подробиое исследование Н. В. Новикова, опубликованное в № 6 «Морского сборника», 1935 г. Оказывается, в этом деле виноватым был не один Рожественский. Морское министерство, боясь покушений на 2-ю эскадру со стороны японцев, решило организовать охрану ее в пути. Как ни странно, такая ответственная задача была поручена известному в истории русского революционного движения провокатору Гартингу-Ландезену, агенту царской охранки за границей. На это был отпущен специальный кредит в полмиллиона рублей. Под фамилией Арнольда провокатор поселился в Копенгагене и оттуда руководил агентурной сетью. Чтобы оправдать расходы, он изобретал фантастические сенсации о подозрительных силуэтах и огнях таинственных кораблей и заваливал фальшивками морской штаб. Именно он заставил верить в мнимые миноносцы, которые чудились эскадре.

Стр. 205. Статьи Кладо произвели сильное впечатление и на других судах эскадры. По поводу их вот что писал в письмах своему отцу младший минный офицер броненосца «Суворов», лейтенант Вырубов: «Каков наш Кладо? Давно бы пора так пробрать наше министерство: подумайте, ведь в статьях Кладо нет и сотой доли тех мерзостей и того непроходимого идиотства, которые делало и продолжает делать это милое учреждение, так основательно погубившее несчастный флот. Если, даст бог, мне удастся еще с вами увидеться, я вам порасскажу миого такого, чего вы, вероятно, даже при самой пылкой фантазии себе представить не можете...» (Архив войны, шкаф № 4, дело № 305.)

Стр. 246. Все это надламывало боевой дух самых пылких патриотов. Об этих упадочных настроениях на эскадре любопытно отзывался в письме на имя своей жены от 1 марта 1905 года лейтенант барон Косинский (старший флаг-офицер штаба адмирала Фелькерзама на броненосце «Ослябя»): «Сегодня вдруг сигнал: «Быть готовым сняться с якоря через 24 часа после приказа»... Опять игрушки или поход? И куда? Неверие в смысл нашего плавания растет у всех. Дольше всех крепился Фелькерзам, но и тот начал сомневаться. «Авантюра!» Ну, посмотрим, что будет дальше и чем эта эпопея кончится...»

Стр. 251. Этот факт отмечен в дневнике командира крейсера «Аврора» капитана 1-го ранга Егорьева: «Отвратная солонина 2-й эскадры была заготовки Морского госпиталя в Кронштадте. 12 бочек за борт, 13-я более или менее годная». («Морской сборник» №№ 8—9 за 1915 год.)

Стр. 263. Впоследствии выяснилось, что консул зря наболтал: никакого японского флота на рейде Сингапура не было.

Стр. 273. На следствии старший офицер показал, что он не успел доложить о претензии машиниста. (См. «Действие флота», отдел IV, книга 3-я, стр. 146.)

Стр. 281. Носси-Бэ 20 января 1905 года.

Дорогой Петя!

. . . . Растлевающим образом действует на всех офицеров эскадры сильное влечение сердечное нашего адмирала к старшей сестре милосердия Сиверс; почти каждый день она и племянница адмирала, Павловская, обедают у адмирала наверху, причем с племянницей адмирал совсем не разговаривает, а сидит все время с Сиверс. Вчера был день рождения Сиверс. Так адмирал послал флаг-офицера с огромным букетом на «Орел» к ней; она и Павловская приехали к нам на «Суворов» и обедали у адмирала; музыка гремит туш и т. д., поздравления, шампанское и т. д. Переписка ведется оживленная ежедневно; мне несколько раз приходилось отвозить письма, когда бывал дежурным офицером. Для этого обыкновенно посылается специальный дежурный катер с дежурным офицером. Обмен цветами происходит тоже довольно часто. Как-то раз губернатор (в Носси-Бэ) прислал адмиралу огромное какое-то растение в кадке. Адмирал сейчас же отрядил вахтенного флаг-офицера перегрузить это растение на дежурный катер и отправить на «Орел». Во время перегрузки сломалась одна ветка, так адмирал так разнес несчастного Свербеева, который и был как раз вахтенным флаг-офицером. Вообще все это сильно действует в отрицательную сторону на офицеров; его странная недоверчивость к другим; что никто ничего не знает и не понимает, кроме него, и т. д. ...целую твой брат Д. Головнин.

(Центральный Государственный Военно-Морской Архив. Фонд 763, дело 316, 1904—1905 гг., письма мичмана Д. Головнина с флагманского броненосца «Суворов».)

Стр. 302. В одном из писем своему отцу младший минный офицер броненосца «Суворов», лейтенант Вырубов, сообщил следующее о нашем бунте: «На «Орле» на пасхе был небольшой беспорядок, адмирал поехал туда и навел на них порядочного страху, орал он, как никогда, и наговорил таких вещей и в таких образных выражениях, что доставил нам развлечение по крайней мере на сутки. Ю. и Ш. страшно влетело, попало и офицерам». (Архив войны, шкаф № 4, дело № 305.)

Стр. 303. О своем разговоре с командующим эскадрой адмирал Небогатов в показании перед следственной комиссией написал следующее:

«26 апреля в море, у берегов Аннама, мой отряд присоединился к эскадре Рожественского; тотчас же сигналом я был приглашен к адмиралу, который, встретив меня на верхней палубе, провел в адмиральскую столовую, где мы и беседовали в присутствии чинов его штаба; беседа эта имела вид общего частного разговора, так как предметом ее были вопросы совершенно постороннего содержания, ничего общего не имеющие с предстоящим делом.

Сначала я полагал, что адмирал не желает в присутствии чинов своего штаба говорить со мною о предстоящих действиях и что он пригласит меня к себе отдельно для деловых разговоров, но этого не случилось, так как через полчаса такой частной беседы адмирал отпустил меня...

Во время разговора с адмиралом Рожественским, между прочим, я ему сказал, что имел намерение, в случае не состоявшегося свидания с ним, идти во Владивосток самостоятельно Лаперузовым проливом, но эти мои слова он пропустил мимо ушей и не поинтересовался никакими деталями. Это был единственный раз, когда я виделся с адмиралом Рожественским, так как с тех пор он ни разу не приглашал меня к себе и не был ни разу на моих судах. Ни о каком плане, ни о каком деле мы с ним никогда не говорили: никаких инструкций или наставлений он мне не давал». («Русско-японская война», книга 3-я, выпуск 4, стр. 49—50.)

Стр. 310. Если командир Юнг, как бывший марсофлотец, плохо разбирался в сложной технике новейшего броненосца, то это еще не значит, что он не понимал и глупой затеи овладеть Японским морем. Он заранее предвидел печальный конец 2-й эскадры. Но об этом, будучи человеком замкнутым, он никому из своих офицеров не говорил и в одиночестве переживал трагедию. В моем распоряжении имеются его письма, которые он посылал с пути своей родной сестре, Софии Викторовне Востросаблиной.

Вот что им было написано с Мадагаскара от 28 декабря 1904 года:

«Что с нами будет дальше — пока ничего неизвестно. Мое личное мнение, что как было безумно отправлять нашу сравнительно слабую силу из Кронштадта, так и теперь безумно посылать дальше, когда весь наш флот на Востоке уничтожен и мы ничего сделать не можем с нашими старыми судами, которые взяты для счета, за исключением пяти новых броненосцев. Это слишком мало, чтобы иметь перевес над японцами и их отрезать. Вот к чему привела наша гнилая система — флота нет, а армия тоже ничего не может сделать...»

Из письма от 2 января 1905 года:

«Вот действительно будет истинное счастье для бедной России, когда закончится война, так бессмысленно начатая благодаря слабоумию и недальновидной политике. Как было больно и жалко смотреть и слушать нашего принципала, провожавшего нас в Ревеле и говорившего, что мы идем сломить упорство врага и отомстить за «Варяга» и «Корейца». Сколько в этих словах и детского, и наивного и какое глубокое непонимание серьезности положения России...»

Из письма от 2 марта:

«Надо признать, что кампания проиграна и бесполезно продолжать ее. Это не простая победа японцев, а победа грамоты над безграмотностью: в Японии нет ни одного человека неграмотного, тогда как Россия одна из самых неграмотных стран. Наши верхи всегда думали, что в этом вся сила России, ну а дело-то теперь показало другое...»

Стр. 335. Впоследствии выяснилось, что не только командиры судов, но даже младшие флагманы не знали, каким проливом поведет Рожественский эскадру. Это держалось в величайшем секрете от непосредственных участников похода на Дальний Восток. Но зато точно знали путь нашей эскадры в Петербурге, знали за несколько месяцев до сражения. Старший флаг-офицер, лейтенант Свенторжецкий, в частном письме, адресованном Павлу Михайловичу Вавилову, штабс-капитану по адмиралтейству, младшему делопроизводителю Главного морского штаба, писал из Носси-Бэ: «В этом сражении из-за недостатка тактической подготовки мы понесем немало потерь, которые еще увеличатся при прорыве мимо Цусимы, базы японского минного флота». Это письмо не полностью, без указания адресата, напечатано в шестой книге «Русско-японская война», а затем целиком опубликовано в томе шестьдесят седьмом исторического журнала «Красный архив», 1934 г.

Стр. 354. В своем показании в следственной комиссии контрадмирал Небогатов написал о Рожественском: «Многие командиры на языке адмирала имели прозвища, граничащие с площадной бранью, и адмирал нисколько не стеснялся употреблять эти прозвища громко на верхней палубе в присутствии судовых офицеров и команды». (См. «Действия флота», документы, отдел IV, книга 3-я, стр. 51.)

Стр. 355. В книге «Путь к Цусиме» профессора П. К. Худякова приведены письма нестроевых офицеров. Беру из них выдержки. Вот мнение инженера-механика А. Н. Михайлова, плававшего на броненосце «Наварин»: «Озлобление Рожественского было неописуемо. Когда это с ним бывает, он выскакивает на палубу, и сперва из груди его, как у зверя, вырываются дикие звуки: «у-у-у-у...» или «о-о-о-о». Присутствующим кажется, что этот

рев должен быть слышен на всей эскадре. А затем начинается отборная ругань» (стр. 211).

Мнение инженера-механика П. С. Федюшина, плававшего на «Суворове»: «Это очень суровый и свирепый господин. Что ни день, то новый арест для кого-нибудь из офицеров, и за самые ничтожные поступки. Его зовут здесь... (нехорошо)» (стр. 198).

Самые любопытные сведения о Рожественском встречаются в частной переписке моряков со своими родственниками. Здесь авторы не стесняются говорить всю правду.

Вот как отзывается о нем лейтенант П. П. Шмидт в письме к жене своей от 17 октября 1904 года:

«Случай с Рожественским («гулльский инцидент») внушает большие опасения и подозрения. Я лично мало верю в то, что были миноносцы. Рожественский ушел отсюда со всеми признаками буйного помешательства и полной неистовой ненормальности, и, может быть, его выходка с рыбаками и была припадком его неистового бешенства. Ведь он на Ревельском рейде стрелял из револьвера в своего судового доктора, крича часовому «целься в башку», за то, что доктор не громко кричал пароль, хотя отлично видел, что это его ждет доктор; нечто в этом роде могло быть и с рыбаками».

Лейтенант барон Косинский (старший флаг-офицер штаба адмирала Фелькерзама на «Ослябе») в письме на имя своей жены от 17 марта 1905 года говорит: «Ничего... Погрузка угля отменена утром. «Суворов» не делает никаких сигналов, ни телеграммы, ни выговоров, ни брани... Что такое случилось с Рожественским? Он не болен, так как его видели сегодня сидящим на юте в кресле. Может быть, нездоровится и поэтому эскадра идет... без брани».

Это казалось ему удивительным потому, что пятью днями раньше — 12 марта, проходя Индийским океаном, лейтенант барон Косинский писал жене совсем о другом: «...невидимое для нас бешенство Рожественского делается ощутительным, ибо и день и ночь работают телеграф и семафоры беспрерывно. Редко мачты «Суворова», хотя на несколько минут, остаются без сигналов флагами — и почти исключительно выговоры и угрозы, выговоры и угрозы».

Еще более резко отзывается о Рожественском младший минный офицер броненосца «Князь Суворов», лейтенант Вырубов, в письмах к отцу:

«На других кораблях адмирал не бывал с ухода из России... Командиров и офицеров считает поголовно прохвостами и мошенниками.

Адмирал продолжает самодурствовать и делать грубые ошибки. Мы все давно уже разочаровались в нем и путного ничего от него не ждем. Это продукт современного режима, да еще сильно

раздутый рекламой. Карьера его чисто случайного характера. Может быть, он хороший придворный, но как флотоводец — грош ему цена». (Архив войны, шкаф № 4, дело № 305.)

Старший артиллерист флагманского броненосца «Князь Суворов», лейтенант П. Е. Владимирский, в письмах к своей жене, Софии Петровне, пишет:

От 3 ноября 1904 года.— «Рожественский продолжает разделывать всех под орех...»

От 20 сентября.— «Наш адмирал, видимо, никуда не собирается уезжать (я думал, что он снова уедет в Петербург), кричит вовсю и очертовел всем изрядно».

От 4 октября.— «Адмирал продолжает ругаться и довел своими фитилями Базиля (прозвище старшего офицера, капитана 2-го ранга Македонского 2-го) до того, что и тот стал бросаться на всех, как собака».

От 13 декабря.— «Ведет себя (адмирал) весьма неприлично и, чтобы передать что-нибудь на передний мостик командиру, орет своим флаг-офицерам: «передайте в кабак то-то» или «передайте этому дурачью на передний мостик», и все в этом роде».

От 8 января 1905 года.— «Адмирал, кажется, скоро совсем спятит: по ночам ему все чудятся ракеты, т. е. что атакуют миноносцы, а в обращении с подчиненными дошел до того, что одного командира миноносца, капитана 2-го ранга, схватил за шиворот. Вероятно, скоро начнет кусаться».

Для характеристики Рожественского автор этой книги должен прибавить еще один штрих. На «Суворове» перед отправлением в плавание имелся большой запас биноклей и подзорных труб. Но при каждой вспышке гнева адмирал разбивал их то о матросские головы, то о палубу, а иногда просто выбрасывал за борт. А так как это происходило почти ежедневно, то ко времени стоянки у острова Мадагаскар судно осталось без биноклей и подзорных труб. Рожественский послал на имя управляющего морским министерством телеграмму от 3 февраля 1905 года № 45 с требованием:

«Прошу разрешения вашего превосходительства о высылке Главным гидрографическим управлением для надобности эскадры: труб зрительных 50, биноклей — 100». (Архив войны, шкаф № 4, дело № 10, стр. 131.)

Если бы адмирал захотел выразиться точнее, то пришлось бы написать, что эти бинокли и подзорные трубы нужны ему для личных надобностей. Это было бы вернее.

Стр. 357. Адмирал Рожественский в письме из Носси-Бэ от 31 марта признался своей жене: «Колонга я извел вконец, случается, плачет». (Журнал «Море» за 1911 год, № 6, стр. 54.)

ПРИМЕЧАНИЯ

Работа А. С. Новикова-Прибоя над «Цусимой» делится на три этапа: первый — с 1905 по 1914 год, когда на основе записей, произведенных в японском плену, были написаны первые фрагменты будущей эпопеи; второй — с 1928 по 1934 год, когда был создан первый вариант произведения, и, наконец, третий — 1934—1941 годы: в этот период в результате включения многих дополнительных глав и тщательной стилистической переработки был установлен окончательный текст книги.

Первым фрагментом «Цусимы» является очерк «Гибель эскадренного броненосца «Бородино» 14 мая 1905 года», опубликованный в газете «Новое время» (№ 10793 от 1(14) апреля 1906 года). Он был написан матросом А. Новиковым в 1905 году в лагере военнопленных. В начале очерка автор рассказывает: «Как только я узнал, что с броненосца «Бородино» спасся один человек, я сейчас же поспешил отправиться к нему, горя желанием узнать подробности о катастрофе судна и об участи бывших на нем людей. То было еще в японском городе Майдзуру. Нас только еще ссадили на берег. Человек, на долю которого выпало такое счастье, что из стольких жертв только ему суждено остаться живым... был марсовой Семен Ющенко[1]». Далее шло обстоятельное изложение рассказа Семена Ющенко о гибели броненосца «Бородино». Все было передано настолько точно, что, как впоследствии вспоминает А. Новиков, Ющенко, прослушав очерк, сказал ему: «Все правильно! Выходит так, словно ты сам был у нас на судне. Перепиши, браток, мне на память». Читатели «Цусимы» помнят, что эта копия очерка, врученная автором Семену Ющенко, оказалась первым опубликованным в печати произведением А. Новикова-Прибоя; Ющенко по прибытии в Петербург передал ее жене командира «Бородино» Серебренникова, а та переслала в газету «Новое время».

Очерк «Гибель эскадренного броненосца «Бородино» 14 мая 1905 года» редакция газеты «Новое время» снабдила следующим примечанием: «Показание матроса Семена Ющенко, с броненосца «Бородино», присланное нам Главным морским штабом (см.

[1] В «Цусиме» — Ющин.

№ 10785 от 24 марта), составлено было со слов Ющенко здесь, в Петербурге, почти 10 месяцев спустя после боя. Благодаря осведомленности составителя, оно дает довольно связную реляцию об участии «Бородино» в бою 14 мая, которой недоставало за гибелью всех, кроме одного Ющенко. Сегодня мы печатаем запись баталера Алексея Новикова с «Орла», внесенную в записную книжку тоже со слов Ющенко через несколько дней после боя, когда они оба очутились в плену в городе Майдзуру. Эта запись Новикова имеет за собой не только первенство во времени, но и представляет особый интерес по некоторым новым данным, личным впечатлениям и рассуждениям Новикова, знакомя с миросозерцанием матроса и непосредственными впечатлениями, оставленными в нем боем 14 мая».

Газета имела полное право говорить об «особом» значении первого фрагмента «Цусимы», так как начинающий автор стремился показать в нем трагическую судьбу броненосца «Бородино» на общем фоне цусимского сражения.

Следующими фрагментами «Цусимы» были два очерка — «Гибель эскадренного броненосца «Ослябя» и «Гибель крейсера первого ранга «Адмирал Нахимов» — и рассказ «Безумцы и бесплодные жертвы» (о броненосце «Орел»). Следует предполагать, что эти произведения, вчерне написанные А. С. Новиковым еще в японском плену, были обработаны уже по возвращении из плена, в селе Матвеевском, где он прожил с апреля по август 1906 года. Первое из этих произведений — очерк «О гибели эскадренного броненосца «Ослябя» и его экипажа 14 мая 1905 года»—было напечатано в газете «Мысль» № 6 от 25 июня 1906 года (С.-Петербург). В начале 1907 года в Петербурге, отдельным изданием, без указания издательства, вышел рассказ «Безумцы и бесплодные жертвы». Он был подписан псевдонимом — «Бывший матрос А. Затертый». Одновременно в московском книгоиздательстве «Оса» вышла под таким же псевдонимом книга «За чужие грехи», состоявшая из двух очерков — «Гибель крейсера первого ранга «Адмирал Нахимов» и «Гибель эскадренного броненосца «Ослябя».

Примечательно, что часть того, что читатель теперь знает из «Цусимы», уже отмечалось в этих ее первых фрагментах. Например, в рассказе «Безумцы и бесплодные жертвы» матросы броненосца «Орел» резко критиковали Рожественского за его решение «ломиться вперед прямым путем», то есть вести эскадру Корейским проливом; они удивлялись, почему адмирал не воспользовался возможностью обстрелять японский крейсер «Идзуми», задолго до боя шедший более часа одним курсом с русскими кораблями и сигнализировавший адмиралу Того о составе эскадры. Автор рассказа «Безумцы и бесплодные жертвы» отметил общее недоумение, с которым был встречен приказ Рожественского вспомогательному крейсеру «Урал»: «не мешать японцам телеграфировать».

С особым негодованием изобразил А. Затертый корыстность и продажность многих офицеров и адмиралов царского флота. В рассказе показан один из представителей той части офицерства, которая занималась грабежом матросов,— ревизор броненосца

«Орел» лейтенант Бурнашев. А. Затертый писал о нем, как о человеке «с душой Иуды, поглощенном жаждой наживы и отравлявшем команду гадкой провизией во все время похода. При одном только виде золота он, как ворона с жару, раскрывал пасть, точно собирался глотать его, а глаза его загорались огнем эфиопа». Я сознательно привел последнюю цитату, она хорошо передает и меру страстности авторского разоблачення и степень неопытности молодого писателя.

В 1909 году, когда А. Новиков был уже за границей, в газете «За народ» были напечатаны еще два фрагмента «Цусимы»: «Возвращение из плена» (в № 15) и «Встреча пасхи» (в № 20). Очерки были подписаны новым псевдонимом — «Матрос Кожуколка»,— очевидно, потому, что автор находился тогда в эмиграции. В этот же период А. Новиков перерабатывает очерк «Гибель эскадренного броненосца «Бородино» 14 мая 1905 года» в рассказ «Между жизнью и смертью» и пишет новый рассказ — «Побежденные». Впервые рассказ «Между жизнью и смертью» был напечатан в журнале «Бодрое слово» № 13 за 1909 год, а затем вошел в сборник «Морских рассказов», который был подготовлен к изданию в 1914 году, но вышел в свет лишь в 1917 году.

Хотя разоблачительная тенденция является основной во всех указанных произведениях этого пернода, в трех из них — рассказах «Между жизнью н смертью», «Встреча пасхи» и «Побежденные» — она соединяется со стремлением нарисовать образы русских моряков — героев цусимского сражения. В некоторых эпизодах это было сделано с такой художественной выразительностью, что автор «Цусимы» имел право перенести отдельные детали из ранних своих рассказов в произведение, написанное через 20 с лишннм лет.

Пятую годовщину цусимского сражения Новиков-Прибой встречал в эмиграцни. Записи, вывезенные из японского плена, оставались в селе Матвеевском. Однако им была написана статья «Печальная годовщина», опубликованная в газете «Речь» (№ 132 от 15 мая 1910 года). Следует отметить, что на характере этой статьи сказались условия подцензурной печатн. И все же много горьких обвинений сумел направить в адрес правящих кругов и «высоких лиц» матрос А. Затертый.

Автор статьи отмечал техническую отсталость большинства судов эскадры Рожественского, указывал, что никто толком не обучал матросов управлять приборами и это снижало боеспособность кораблей. «Жертвами безумной авантюры» назвал матрос А. Затертый своих товарищей, погибших в цусимском сражении. Последний ранний фрагмент «Цусимы» — рассказ «Живая история» — был опубликован Новиковым-Прибоем в журнале «Живое слово» № 11—12 за 1914 год. Рассказ представлял капитальнейшую переработку очерка «Гибель крейсера первого ранга «Адмирал Нахимов».

В 1928 году А. С. Новиков-Прибой, получив материалы, собраиные им в японском плену, приступил к работе над «Цусимой». В 1931 году писатель выпустил книги «Бунт на корабле» и «Бегство» (Государственное издательство художественной литературы). В них он рассказывал о сдаче в плен адмирала Рожест-

венского («Бегство») и о матросском бунте на броненосце «Орел» в первый день пасхи («Бунт на корабле»). В 1932 году в издательстве «Федерация» вышла в свет первая книга «Цусимы» под названием «Поход», а в 1934 году — вторая книга, озаглавленная «Бой». Таким образом, для создания первого варианта «Цусимы» понадобилось более пяти лет напряженной работы. Этот труд может быть оценен в должной мере лишь при учете характера записей, возвращенных писателю в 1928 году. Как помнит читатель, эти записи были вторичные и далеко не полные, ибо первые материалы, собранные А. Новиковым и его товарищами матросами в японском лагере, были уничтожены спровоцированной толпой, и восстановить их полностью уже не удалось. То, что было собрано вновь, относилось главным образом к кораблям, судьба которых была непосредственно связана с адмиралом Рожественским (броненосец «Суворов», миноносцы «Бедовый» и «Буйный», крейсер «Дмитрий Донской» и другие). Кроме того, среди этих записей сохранились «Беглые заметки» матроса Новикова о причинах поражения русской эскадры. Но этих материалов было, конечно, недостаточно для создания такой книги, какую задумал А. С. Новиков-Прибой. О своем творческом замысле автор «Цусимы» рассказывает в предисловии к книге «Бегство» (изд. «Московское товарищество писателей», 1932). Так как позднее оно не перепечатывалось, приводим его полностью:

«В книге «Бегство», предлагаемой вниманию читателя, я коснулся лишь некоторых кораблей, принимавших участие в цусимском бою. Здесь нет описания похода 2-й Тихоокеанской эскадры на Дальний Восток с ее приключениями, нет полной картины морского сражения, ничего не говорится о сдаче в плен адмирала Небогатова с четырьмя броненосцами и о моем пребывании на первоклассном японском корабле «Асахи». Но все это будет в следующих моих работах, готовящихся к печати под общим названием: «Цусима». Только тогда, когда все это читатель прочтет, перед ним вскроются причины гибели царского флота. Станет понятным и то, почему после Цусимы прокатились бунты среди моряков в Севастополе и Кронштадте, на крейсере «Очаков» и броненосце «Потемкин» и почему вся Россия, узнав о катастрофе в дальневосточных водах, содрогнулась и ответила на это революцией 1905 года».

Об этом же замысле свидетельствует и выбор эпиграфа к «Бегству», затем повторенного во второй книге «Цусимы» — «Бой» — во всех ее переизданиях. В этом эпиграфе приведены слова В. И. Ленина о цусимском сражении, как «беспощадном разгроме» и «полном военном крахе самодержавия».

Создавая первый вариант книги, А. С. Новиков-Прибой изучил все, что было написано о Цусиме русскими и иностранными авторами. Он ознакомился также с показаниями, данными перед следственными комиссиями адмиралами, офицерами и матросами, и с судебными процессами о сдаче в плен некоторых кораблей. Изучение всех этих материалов было сугубо критическим. По признанию писателя, «нужно было разобраться во всем этом ворохе книг, документов и частных записей, сличить один материал с другим, чтобы выбрать зерно правды и отбросить всякую шелу-

ху и выдумки, скопившиеся вокруг всего дела». Особенно много таких «выдумок» принадлежало перу ярого защитника Рожественского, капитана 2-го ранга Семенова, автора книг «Расплата» и «Цена крови».

Несмотря на то, что в первом варианте «Цусимы» не оказалось ни одной значительной сцены и ни одного эпизода, которые пришлось бы снять в последующих редакциях, автор не был удовлетворен результатами своей работы. Об очень многом, интересном и важном, ему пришлось сказать слишком кратко, ограничившись пересказом официальных документов. Например, миноносцу «Блестящий» в первой редакции «Цусимы» были уделены всего четыре фразы: «Миноносец «Блестящий» получил в бою несколько пробоин. Вечером он встретился с миноносцем «Бодрый» и не отставал от него. На второй день утром «Блестящий» начал тонуть. «Бодрый» снял с него людей и, дождавшись, когда тот пошел ко дну, направился в Шанхай». В редакции же 1935 года «Блестящему» посвящена специальная глава, впоследствии названная «Блестящий» медленно погружается».

История миноносца «Бодрого» в первой редакции заняла всего полстранички, а в редакции 1935 года — 16 страниц. Для воссоздания истории «Осколков эскадры» — нескольких миноносцев, двух крейсеров («Изумруд» и «Светлана»), броненосца «Адмирал Ушаков» — не хватало материалов, и автор тягостно ощущал этот пробел. Ободренный горячим сочувствием и поддержкой В. П. Костенко, В. П. Зефирова, Л. В. Ларионова, М. И. Воеводина и других цусимцев, помогших созданию первого варианта книги, Новиков-Прибой напечатал в газетах следующее обращение:

«Для пополнения моей книги «Цусима» новыми героическими эпизодами я разыскиваю, и частью уже нашел, живых участников цусимского боя — старых моряков 2-й Тихоокеанской эскадры. По свидетельствам этих очевидцев мне нужно подробнее выяснить некоторые обстоятельства боя и героические действия русских моряков на других кораблях, кроме броненосца «Орел», на котором присутствовал сам.

В связи с этим я прошу государственные, профсоюзные и общественные организации, а также редакции центральных, краевых, областных и районных газет помочь мне в этой работе, сообщив известные им адреса старых моряков — живых цусимцев, участвовавших в боях 14 и 15 мая 1905 года на следующих кораблях: броненосец «Адмирал Ушаков», крейсер «Светлана», миноносец «Громкий». Кроме того, среди живых моряков я ищу еще тех, кто из японского плена возвращался в Россию вместе с адмиралом Рожественским на пароходе «Воронеж» и был свидетелем или активным участником революционного выступления в море против Рожественского и офицеров, которых тогда под свою защиту взяли японцы.

Самих старых моряков — моих боевых товарищей с указанных кораблей — я очень прошу лично отозваться на это мое обращение, чтобы я мог немедленно списаться с ними по интересующим меня вопросам».

В архиве А. С. Новикова-Прибоя хранятся сотни писем цусимцев и их родственников, присланные в ответ на обращение писателя.

Хотя каждое прижизненное издание «Цусимы» в той или иной степени отличается от предыдущего, можно говорить о четырех основных редакциях этого произведения. Первая редакция была представлена изданиями «Федерации» 1932—1934 годов, вторая редакция—«исправленным и дополненным» изданием Гослитиздата в 1935 году; третья редакция—изданием Гослитиздата в 1937 году. И, наконец, четвертая редакция—изданием Военмориздата в 1940 году. Однако даже и в нее для предполагавшегося в Гослитиздате в 1941 году нового переиздания автор внес серьезные исправления (особенно их много во второй книге). Насколько различаются редакции, видно хотя бы из того, что в издание 1935 года А. С. Новиковым-Прибоем было внесено 25 дополнений, причем два из них представляют собой три новые главы объемом в 33 страницы. В этом же издании сделано до 140 стилистических поправок, главным образом во второй книге «Цусимы». В издании 1937 года можно насчитать более 50 исправлений, в том числе 25 вставок, из которых четыре образуют небольшие новые главы общим объемом в 20 страниц. В четвертой редакции книга была дополнена десятью новыми главами, составившими сто двадцать страниц текста.

Различна целеустремленность дополнений-вставок в «Цусиму»: одни из них должны были помочь созданию подлинно исчерпывающей картины похода и сражения, другие—шире осветить события русско-японской войны и жизнь страны в 1904—1905 годах и, наконец, третьи — содействовать более полному раскрытию характеров участников цусимского боя.

Чему же подчинялись, чем были вызваны дополнительные главы «Цусимы»? Они должны были, по замыслу автора, подчеркнуть основное: в войне с Японией потерпело поражение самодержавие, а не героический русский народ. Писатель приводил все новые и новые примеры беззаветной отваги, проявленной матросами в цусимском сражении. Так, например, в издание 1935 года введен эпизод с сигнальщиком Визулем, раненным осколками снаряда. Визуль хотел было сделать перевязку, но кто-то из офицеров приказал ему сообщить сигналом о смерти командира. И молчаливый Визуль, зная, что никто, кроме него, не может этого выполнить, бросился к ящику с флагами и начал их набирать. «В ноге у него глубоко засел горячий осколок, на одной руке недоставало пальца, на другой была пробита ладонь. Боль заставила его стиснуть зубы, искривила лицо, на фалах, при помощи которых он поднял флаги к рее мачты, остались следы крови. Однако задание им было выполнено, и лишь после этого он, бледный, шатаясь и хромая, направился к фельдшеру».

В издании 1937 года Новиковым-Прибоем впервые подробно рассказано о судьбе команды крейсера «Изумруд».

Своей самоотверженной работой матросы обеспечили спасение красавца крейсера. Но если команда действовала героически до конца, командир судна барон Ферзен очень скоро превратился в жалкого неврастеника, которому повсюду мерещились неприятельские корабли. И когда крейсер подошел к бухте Владимира, барон Ферзен без всякой нужды взорвал его, панически боясь преследования японцев.

Пафосом героической борьбы русских моряков против врага проникнуты все дополнительные главы и эпизоды, введенные в четвертую редакцию «Цусимы» (издание 1940 года). Приводим один из этих эпизодов.

«Чем это они стреляют?» — спрашивал матросов старший офицер миноносца «Громкий» Паскин, зная, что оба патронных погреба затоплены. «И то, что он там увидел, превзошло все его ожидания. Люди по очереди спускались в затопленный погреб, как в плавательный бассейн, и выныривали с патронами. Никто не давал такого распоряжения, и вообще это было неслыханное дело, едва ли когда-либо практиковавшееся в истории морских сражений... Эта подача патронов из воды по инициативе самих матросов продлила огонь артиллерии и препятствовала неприятелю подойти ближе к «Громкому».

Из вставок, призванных шире зарисовать события русско-японской войны, наиболее существенной является характеристика общего положения на Дальнем Востоке, содержащаяся в рассказе артурского моряка (введено в издание 1937 года). Рассказ этот разоблачает ту мнимую «готовность» царского правительства к войне, при которой японские шпионы могли безнаказанно собирать ценнейшие сведения о составе русской эскадры, о расположении судов и т. д. Образ адмирала-«старьевщика» Старка, заставлявшего матросов собирать всякую дрянь, валявшуюся в порту, и не сумевшего обеспечить суда вторым комплектом снарядов,— один из самых сильных сатирических обобщений эпопеи.

Такими же необходимыми, как вставки первого и второго типа, являются дополнительные сцены, содействующие раскрытию характеров. Во второй и третьей редакциях большая часть их касалась адмирала Рожественского. В издании 1940 года А. С. Новиков-Прибой обогатил галерею портретов героев Цусимы яркими образами Керна, Миклухи-Маклая, минера Галкина и других моряков.

На основании каких материалов вносил А. С. Новиков-Прибой дополнительные главы и эпизоды в свою эпопею? В некоторых случаях он и сам в специальных примечаниях указал на источники. Основные сведения автор почерпнул из писем и рассказов участников цусимского сражения. Например, глава об адмирале Рожественском и его вестовом выросла из рассказа Петра Пучкова, которого писатель отыскал среди оставшихся в живых цусимцев. История с цыпленком, вылупившимся на броненосце «Орел», была рассказана автору сигнальщиком Зефировым.

Для того, чтобы дать представление о сложности работы А. С. Новикова-Прибоя над дневниками и воспоминаниями цусимцев, легшими в основу дополнительных глав, я остановлюсь на характернейшем примере — истории крейсера «Изумруд». Вот опись тех материалов, на основании которых эта глава была создана: 1) записная книжка прапорщика Шандренко Александра Никифоровича, клеенчатый блокнот — 100 страниц, дневник с 1 марта по 10 июня 1905 года; 2) Туляев, воспоминания, 14 страниц; 3) письмо Смирнова, 4 страницы; 4) его же воспоминания на 10 страницах; 5) Собешкин, воспоминания, 7 страниц; 6) Иванов, воспоминания, 7 страниц; 7) Горбунов, письмо, 3 страницы;

8) Кабелецкий, тетрадь воспоминаний, 85 страниц. История крейсера «Изумруд» со слов Кабелецкого была записана Буреминым-Ломанчуком. Записи эти велись в течение четырех месяцев — с 20 декабря 1936 по 20 марта 1937 года. Работа Кабелецкого и Буремина-Ломанчука является замечательным примером той искренней готовности помочь автору «Цусимы» в собирании материалов, какую проявили советские люди во всех уголках нашей родины.

Как же были использованы эти 230 страниц для создания главы об «Изумруде»? Записная книжка Шандренко, из которой Новиков-Прибой привел в «Цусиме» три небольшие цитаты, дала возможность автору воссоздать атмосферу, царившую на этом крейсере. Опираясь на высказывания Шандренко, дополненные воспоминаниями Туляева, Кабелецкого и других цусимцев, Новиков-Прибой создал образы офицеров крейсера «Изумруд», показал их взаимоотношения с матросами.

Ключом к изображению барона Ферзена для Новикова-Прибоя послужили четыре строчки из воспоминаний Кабелецкого: «Ферзен шел на войну с большим нежеланием,— казалось, что она, словно пресс, придавила ему плечи, он еще больше сгорбился. Ходил по каюте, заложив руки за спину, думая, как бы избежать явной гибели где-то в холодных водах Дальнего Востока». Помогла писателю и следующая запись Шандренко от 15 мая 1905 года: «Я встретил на палубе командира, он что-то спросил у меня,—кажется, надолго ли хватит угля, и при этом дрожал, как осиновый лист, и такая у него была жалкая фигура, что противно было смотреть». Основываясь на приведенных высказываниях, художник дал психологически верное объяснение поведению этого «героя на час». Скрывшись благодаря быстроходности крейсера от преследовавших «Изумруд» японских кораблей, Ферзен утратил веру в силу русской эскадры. Он поверил лишь в спасительность бегства.

В архиве писателя хранятся материалы о каждом корабле 2-й и 3-й Тихоокеанских эскадр. До 1941 года они периодически пополнялись. Подготовляя к печати очередное переиздание книги, А. С. Новиков-Прибой просматривал их и после тщательной сверки использовал или отклонял вновь присланное. Заметим, что последнее делалось довольно часто.

Примечательно большое дополнение, которое автор впервые ввел в издание 1938 года («Советский писатель») и затем оставил во всех последующих переизданиях. Тема этого дополнения— противопоставление славных традиций и побед русских моряков под командованием Ушакова, Сенявина и Нахимова бездарности Рожественского, Энквиста и прочих высоких чинов, виновных в поражении при Цусиме.

В работе над языком эпопеи Новиков-Прибой проявил не меньшее упорство, чем в собирании материала и в творческой его переработке. От издания к изданию он провел огромную очистительную работу.

До 140 различных исправлений текста имеется в издании 1935 года, в издании же 1937-го их прибавилось еще 19. Одни из них сделаны в целях большей исторической точности, другие носят характер стилистических поправок.

Именно потому, что творческий замысел «Цусимы» вынашивался десятилетиями, эпопея уже в первой редакции представляла стройное, гармонически развивающееся повествование. При всех своих многочисленных возвращениях к тексту произведения автор оставлял композицию его неизменной. Деление «Цусимы» на две книги — «Поход» и «Бой» — было подсказано самой историей 2-й и 3-й Тихоокеанских эскадр. События похода и сражения также обусловили, в свою очередь, деление книг на четыре части каждая. Книге «Поход» предшествует пролог, во всех редакциях названный «Вместо предисловия». Вторую книгу — «Бой» — замыкает эпилог.

Тексты пролога и эпилога не оставались неизменными. В редакции 1937 года автор ввел в пролог рассказ «Мой первый гонорар», впервые опубликованный в 1930 году в двенадцатой книжке журнала «30 дней», и закончил пролог благодарностью цусимцам, помогавшим автору в работе над эпопеей. Эпилог «Цусимы» в издании 1940 года дополнен эпизодом столкновения адмирала Рожественского с русскими солдатами и матросами, возвращавшимися на пароходе «Воронеж» из японского плена,— столкновения, закончившегося просьбой адмирала к японским властям о защите его от «своих» нижних чинов. Новиков-Прибой придавал большое значение выяснению такого беспримерного в истории обращения командующего эскадрой к врагам, тем более что капитан 2-го ранга Семенов в книге «Цена крови» рассказал об этой же истории с явным извращением фактов.

В последнем прижизненном издании «Цусимы» (Военмориздат, 1940 год) А. С. Новиков-Прибой разбил текст эпопеи на 87 глав, оставив неизменным пролог. Так как книгам и частям книг уже в первой редакции были даны названия, автор счел нужным применить этот принцип и в отношении глав.

В 1950 году (собр. соч. Новикова-Прибоя в 5 томах) в роман была включена новая дополнительная глава о судьбе русской команды, посаженной на английское судно «Олдгамия», захваченное Рожественским с контрабандным грузом. Глава эта была написана А. С. Новиковым-Прибоем в конце 1940 или в начале 1941 года и должна была войти в предполагавшееся переиздание «Цусимы» в 1941 году. Под названием «У дальних берегов» глава о команде с «Олдгамии» была напечатана в сборнике «Морских рассказов» («Библиотека краснофлотца», Военмориздат, 1942 год).

В настоящем издании роман печатается по тексту, подготовленному автором в 1941 году и опубликованному в 1955 году (Гослитиздат).

В. Красильников

СОДЕРЖАНИЕ

ЦУСИМА

Книга первая

ПОХОД

Часть первая

ПОД АНДРЕЕВСКИМ ФЛАГОМ

Часть вторая

ВОКРУГ МЫСА ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ

Часть третья

МАДАГАСКАР

Часть четвертая

ЭСКАДРА ИДЕТ ДАЛЬШЕ

А. С. Новиков-Прибой.
Собрание сочинений в 5 томах.
Том III.

Иллюстрации художника
И. Ушакова.

Оформление художника
Р. Алеева.

Технический редактор
А. Шагарина.

Подп. к печ. 24/I 1963 г. Тираж 350 000 экз. Изд. № 192. Зак. 3150.
Форм. бум. 84×108[1]/32. Бум. л. 6,06. Печ. л. 20,89 +4 вкл. (0,41 печ. л.).
Уч.-изд. л. 21,55. Цена 90 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, улица «Правды», 24.